A black and white portrait of T.K. Holmatov, an elderly man with a serious expression, resting his chin on his hand. He is wearing a dark suit jacket, a white shirt, and a dark tie. The background is dark and textured, possibly a wall or a bookshelf. The text is overlaid on the right side of the image.

Т.К. Холматов

Степан Борисович
ВЕСЕЛОВСКИЙ:
ОПЫТ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
БИОГРАФИИ

Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО-XXI

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гэфтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	ПЭН-Москва
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Т.К. Холматов

Степан Борисович
ВЕСЕЛОВСКИЙ:
опыт интеллектуальной
биографии

Послесловие М.Ф. Румянцевой

Москва
2025

УДК 929
ББК 63.3 (2)
Х72

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Х72 Холматов, Темурмалик Комилджонович

Степан Борисович Веселовский: опыт интеллектуальной биографии /
Послесловие М.Ф. Румянцевой. – М. : Пробел-2000, 2025. – 392 с. –
(Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

ISBN 978-5-98604-993-9

Данная книга посвящена реконструкции интеллектуальной биографии Степана Борисовича Веселовского, одного из крупнейших отечественных историков первой половины XX в. С опорой на источниковедение историографии как метод исследования в книге проанализированы исследовательские принципы ученого, показаны особенности презентации результатов научной деятельности С.Б. Веселовского и то, как они вписывались в историческую культуру его времени. Для более глубокого понимания исследовательских установок С.Б. Веселовского, выбора конкретного пути в изучении прошлой социальной реальности, были также эксплицированы его этические принципы как ученого. Данный вопрос был рассмотрен как в период кризиса классической модели исторической науки рубежа XIX–XX вв., на который приходилось его становление как историка, так и в советскую эпоху, когда он находился во внутренней эмиграции. Особое внимание уделено анализу «посмертной» истории научного наследия ученого как части его интеллектуальной биографии.

УДК 929
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-98604-993-9

© Холматов Т.К., 2025
© АИРО-XXI, 2025
© «Пробел-2000», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
---------------	---

Глава I

НАЧАЛО ПУТИ ИСТОРИКА: С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ.....	42
1.1. Юность, студенческие годы и первые публикации	42
1.2. От истории косвенных налогов к истории прямых: государственное хозяйство России XV–XVII вв.	47
1.3. Историко-юридические исследования.....	92
1.4. Археография	97

Глава II

ИСТОРИК ВО ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ: С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ	133
2.1. Этические принципы С.Б. Веселовского во внутренней эмиграции.....	134
2.2. История землевладения в России XIV–XVI вв.	144
2.3. Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение как проявление позитивистского регламента ученого	169
2.3.1. Археография.....	170
2.3.2. Генеалогия	178
2.3.3. Ономастика.....	187
2.3.4. Историческая картография и историческая география.....	192
2.3.5. Источниковедение	206
2.3.6. Преподавание методики исторических исследований в МГИАИ	210
2.4. Историография.....	213
2.5. Политическая история России XVI в.....	216

Глава III

КАК НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО СТАЛИ КЛАССИЧЕСКИМИ.....	225
3.1. Комиссия по изданию трудов С.Б. Веселовского в 1950–1960 е годы: причины создания, планы и их реализация.....	228
3.2. Рецензии как механизм классикализации	234
3.3. Влияние научного наследия С.Б. Веселовского на советскую историографию.....	242
3.4. Память историков о личности и научном наследии С.Б. Веселовского.....	261
3.5. Научное наследие С.Б. Веселовского в образовательной сфере.....	265
3.6. Восприятие научного наследия С.Б. Веселовского в конце XX – первые десятилетия XXI в.....	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	276
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	283
ПРИЛОЖЕНИЯ	288
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	323
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	380
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	381

ВВЕДЕНИЕ

Если вы хотите понять, что представляет собой та или иная наука, вам прежде всего следует смотреть не на ее теоретическую основу, не на ее открытия, и, разумеется, не на то, что говорят о ней апологеты; в первую очередь вам следует посмотреть на то, чем занимаются практикующие ученые.

*К. Гирц*¹

Историю исторической науки трудно представить без исследований о взаимодействии профессиональной работы историка и социокультурной среды. Во многом интерес к творческой лаборатории историка вызван переоценкой с конца XX в. теоретических и эпистемологических основ исторической науки, связанных с возросшим интересом к проблемам производства, трансформации и трансляции исторического знания, конкуренцией между исторической наукой и памятью отдельных социальных групп, а также рядом других тесно переплетенных между собой факторов². В этих условиях возрастает интерес к историографии как способу самопознания историков. При этом, для более глубокого понимания основ своего ремесла и идентичности, исследователи проявляют все больший интерес к истории исторической науки в индивидуальном измерении, к конкретным ученым и их интеллектуальному наследию.

Особый интерес вызывает профессиональная деятельность историка в кризисные периоды – периоды стремительных социо-

¹ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 11.

² Чеканцева З.А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке. Текст: электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, № 8(72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002438-0-1/> (дата обращения: 01.04.2024).

культурных трансформаций. В научном творчестве историков такие изменения сопровождались как признанием новых веяний, так и неприятием их, стремлением сохранить ранее сформированные исследовательские принципы. В таких условиях особую роль играют не только эпистемологические ориентиры ученого, но также этические, как минимум по той причине, что выбор определенного пути познания – ответственность, которую исследователь несет перед обществом. С этой точки зрения представляется актуальным изучение интеллектуальной биографии историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952). Его становление как историка приходилось на рубеж веков, в период кризиса классической модели исторической науки, когда складывалось новое представление об историческом познании, его месте и значении в жизни общества³. Вместе с тем его интеллектуальная биография приходится на значительный период советской эпохи – 1920–1950-е гг. По этой причине изучение интеллектуальной биографии Веселовского представляет интерес для понимания способов и механизмов адаптации ученого, профессионально сложившегося в дореволюционные годы, к новым социокультурным обстоятельствам.

Историография

Историография по теме исследования условно поделена на две части. К первой отнесены работы о жизни и научной деятельности Веселовского. Вместе с тем, как показывают исследования в области интеллектуальной истории, с конца 1980-х – начала 1990-х гг. наибольшую ценность для нее представляют труды,

³ О кризисе исторической науки рубежа XIX–XX вв.: *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии XX века: в 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы; Ч. 2: Методологические искания послеоктябрьской исторической науки; *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: дис... д-ра ист. наук. Омск, 2002; *Леонтьева О.Б.* Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 3. С. 68–75.

которые погружены в социокультурный, интеллектуальный исторический контекст⁴. По этой причине для понимания того, как научное творчество Веселовского вписывалось в историческую культуру⁵ его времени, были также привлечены труды, посвященные российской (дореволюционной) и советской исторической науке.

Научное творчество и личность С.Б. Веселовского⁶

Существенный интерес к творчеству Веселовского историки проявили в 1920–1950-е гг. В этот период его труды часто осуждались коллегами по цеху. Это проявлялось в виде рецензий⁷, значительная часть которых выполняла задачу идеологической критики⁸. Как видно из рецензий, основная причина критики –

⁴ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 325–366.

⁵ Подробнее о понятии «историческая культура»: *Rüsen J.* Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination. Geschichtskultur heute.* Köln; Wien, 1994. S. 3–26; *Репина Л.П.* Историческая наука. С. 470–493; *Кутыкова И.В.* О соотношении понятий «историческая культура» и «историческое сознание» // *Обсерватория культуры.* 2015. № 2. С. 64–69; *Теория и методология исторической науки: термин. словарь.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 165–167.

⁶ Анализ историографии о жизни и научном творчестве Веселовского выстроен по хронологическому принципу, т.к. специфика исследований зависела не только от изменений идеологического климата в стране (например, в период десталинизации в середине 1950–1960-х гг.), но также публикации научного наследия историка и источников личного происхождения, связанных с ним.

⁷ Подробнее о функциях рецензий в исторической периодике сталинской эпохи: *Матвеев С.Р.* «Ученый-большевик призван оценивать объективно»: рецензии в советской исторической периодике 1930–1950-х годов // *Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: жанр, исследования, тексты.* М., 2020. С. 113–124. В данном исследовании рецензии на труды Веселовского рассматриваются в качестве исторических источников. В историографическом анализе они приведены для реконструкции контекста, более глубокого понимания того, как формировался интерес к научному творчеству ученого.

⁸ *Юшков С.В.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М., 1936] // *Историк-марксист.* 1938. Кн. 1(65). С. 134–137; *Смирнов И.И.* С позиций буржуазной историографии [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.,

несоответствие работ Веселовского базовым принципам марксистской методологии исторического исследования. Рецензии, которые вышли на более ранние труды Веселовского (прежде всего, дореволюционные), имели другие функции – информационную⁹ и аналитическую¹⁰. Отличался сам характер критики (если она была) – авторы критиковали исследования в рамках той логики, которая была предложена Веселовским, а не отвергали предложенную концепцию, как это часто бывало в сталинскую эпоху, особенно в период идеологических кампаний. На общем фоне выделялась рецензия М.М. Богословского (1867–1929) на оба тома «Сошного письма: исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства»¹¹ (далее – «Сошное письмо...»), в которой основная критика была направлена на неприемлемую структуру работы, отсутствие четкой разработки понятия

1947] // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113–124; *Солнцева В.Г.* [Рец. на: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947] // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 73–78. При этом рецензия на книгу «Феодальное землевладение...» вышедшая за рубежом была лишена идеологических нападок и представляла собой краткий анализ работы (наряду с анализом двух книг других авторов): *Vernadsky G.* [Review: Veselovsky S.B. Feodalnoe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi. M., 1947] // *Speculum. A Journal of Mediaeval Studies.* 1948. Vol. XXIII. P. 691–696.

⁹ Здесь и в следующей сноске приведены лишь некоторые примеры: [*Кудряшов К.В.*] [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1] // Исторический вестник. 1915. Т. 141. С. 938–939; *Львов Л.И.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. 2] // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1–2. С. 8–9.

¹⁰ *Дьяконов М.А.* Посильность обложения [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1–2] // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 46–60; *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима») // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии. За 1926 г. 1927. Вып. 1. С. 174–192. В данном контексте следует отдельно выделить пространную рецензию Б.А. Романова (1889–1957) на книги Н.Н. Воронина (1904–1976) и Веселовского, которая была написана в 1936 г., но опубликована лишь посмертно: *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Труды ЛОИИ. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. Вып. 2. С. 327–476.

¹¹ *Богословский М.М.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1–2] // Исторические известия. 1916. Кн. 2. С. 68–85.

«сошное письмо» и т.д. По предположению Л.В. Черепнина (1905–1977), написание негативной рецензии было связано с разными представлениями двух историков о задачах исторических исследований. Как отмечал Л.В. Черепнин, «Богословскому были присущи строгая логичность мышления, стремление к четкости построений, причем в сочетании с изяществом изложения. Веселовский же стремился прежде всего обогатить науку новыми первоисточниками и наглядно показать, какую работу он производит над ними»¹².

Ряд трудов Веселовского, преимущественно по генеалогии и эпохе Ивана Грозного, был опубликован лишь после смерти ученого – в 1960-е гг. Рецензии на эти труды, по сравнению с вышедшими во второй половине 1940-х гг., выполняли преимущественно информационную функцию¹³. Как и советские рецензии, зарубежные знакомили научное сообщество с новой публикацией трудов ученого¹⁴.

После смерти Веселовского была сформирована Комиссия по изданию его трудов¹⁵. Помимо генеалогических исследований и трудов об эпохе Ивана Грозного стали публиковаться справочники, сборники актов и приказного делопроизводства, которые

¹² Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 14. Подробнее полемика между Веселовским и М.М. Богословским рассмотрена в первой главе исследования.

¹³ Бочков В.Н. Личность в истории и личность историка [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969] // Новый мир. 1970. № 7. С. 271–274; *Его же*. [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974] // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 158–161; Демидова Н.Ф. [Рец. на: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: [справочник]. М., 1975] // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 166–168.

¹⁴ Dewey H.W. [Review: Veseloskij S.B. Issledovanija po istorii opričniny [Researches on the history of opričnina]. М., 1963] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1965. Bd. 13, H. 1. P. 121–125; Matossian M.K. [Review: Issledovanija po istorii klassa sluzhilykh zemlevadel'tseev. М., 1969] // *The American Historical Review*. 1971. Vol. 76, № 2. P. 525–526; Uroff B. [Review: Veseloskij S.B. Issledovanija po istorii klassa sluzhilykh zemlevadel'cev [Studies in the History of the Class of Landowning Servitors] М., 1969] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1972. Bd. 20, H. 1. P. 115–116; Miller D.B. [Review: Veseloskii S.B. D'jaki i pod'iachie XV–XVII vv. М., 1975] // *The American Historical Review*. 1977. Vol. 82, № 5. P. 1293.

¹⁵ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 14–15. Подробнее о Комиссии по изданию трудов ученого в третьей главе данного исследования.

Веселовский собирал и структурировал¹⁶. На фоне возросшего интереса в советской историографии к вспомогательным историческим дисциплинам и, в частности, к генеалогии в 1977 г. вышел сборник «История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований»¹⁷. В сборнике опубликована статья М.Е. Бычковой (1936–2014) о генеалогических изысканиях Веселовского, затронувшая вопросы об истоках его исследований в этой дисциплине, развитии интереса к истории родов и методике работы с источниками, но его теоретические взгляды на дисциплину почти не затрагивались исследовательницей¹⁸. По сути, статья обобщила результаты генеалогических трудов Веселовского. В ней учтены не только опубликованные к тому времени труды ученого, но также материалы из его личного фонда в Архиве Российской академии наук (РАН)¹⁹. В более ранней обзорной статье «Генеалогия в советской исторической литературе»²⁰ М.Е. Бычкова оценивала значимость генеалогиче-

¹⁶ Фрагменты материалов Комиссии приведены в фотолетописи Н.М. Осиповой и А.А. Чернобаева: *Осипова Н.М., Чернобаев А.А.* Мастера российской историографии: Степан Борисович Веселовский (1876–1952) // Исторический архив. 2019. № 3. С. 48–63.

¹⁷ История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.

¹⁸ *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 42–56.

¹⁹ В дальнейшем по теме генеалогии в научном творчестве Веселовского выйдет лишь небольшая статья: *Климов В.А.* Социальные аспекты генеалогического исследования: (По работам С.Б. Веселовского) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, №. 4. С. 16–20. Частично о научном творчестве Веселовского по генеалогии написано в коллективном исследовании 2021 г. (автор главы, в которой идет речь о Веселовском и его научном творчестве в этой области – Е.В. Пчелов): *Всё о генеалогии: «В семье Наук, своих сестер державных, Генеалогия не знает равных!»: коллективная монография.* Петрозаводск, 2021. С. 16–20.

²⁰ Статья была опубликована в 1976 г. в седьмом выпуске «Вспомогательных исторических дисциплин». В 2012 г. была переиздана: *Бычкова М.Е.* Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика: сборник / сост.: О.И. Хоруженко, Р.Б. Казаков. М., 2012. С. 8–20. Переиздавая эту статью, М.Е. Бычкова отмечала, что при публикации ее отредактировал С.Н. Валк (1887–1975).

ских исследований Веселовского так: «Можно с полной уверенностью сказать, что возрождение генеалогического исследования в советской исторической науке связано с его именем»²¹. Для характеристики вклада Веселовского в развитие генеалогии она обращалась к его неопубликованным работам, найдя в них высказывания о значении генеалогии в исторических исследованиях, наиболее точно отвечавшие идеологическим нормам советской исторической науки: «Генеалогия занимается не только историей родовитых людей, но вообще проблемами родственных отношений лиц. С.Б. Веселовский первый признал необходимость генеалогии при исследовании истории “крестьянского населения какого-нибудь района”»²².

В вышеупомянутом сборнике 1977 г. опубликована обзорная статья Л.В. Черепнина о жизни и творчестве Веселовского²³. Обращение не только к научному творчеству историка, но и его жизненному пути связано с близкими отношениями Л.В. Черепнина со старшим коллегой, с которым он во второй половине 1920-х гг. работал над материалами архива Троице-Сергиева монастыря²⁴. Скрупулезный анализ опубликованных к тому времени основных трудов Веселовского позволил Л.В. Черепнину не только определить их значение для исторической науки, но и понять, насколько важное место научное творчество занимало в жизни старшего коллеги. Многие вопросы статьи Л.В. Черепниным рассмотрены с опорой на собственную память, поэтому они требуют более тщательный историографический анализ.

В 1978 г. вышла в свет обстоятельная статья В.Д. Назарова о проблемах, с которыми Веселовский сталкивался при изучении феодального землевладения в России XIV–XVII вв.²⁵ В.Д. Назаров проанализировал задачи, которые Веселовский ставил в своем

²¹ Бычкова М.Е. Русско-литовская знать. С. 16.

²² Там же. С. 9.

²³ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский. С. 9–41.

²⁴ В своих воспоминаниях Л.В. Черепнин подробно рассказывает об этом этапе своего творчества: Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М., 2015. С. 89–91.

²⁵ Назаров В.Д. Проблемы феодального землевладения в трудах акад. С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР. Кишинев, 1978. С. 212–230.

научном творчестве в конце 1920-х гг. Эти задачи были связаны с особенностями формирования источниковой базы исследования, подходом в работе с историческими источниками (в особенности, с актами и писцовыми книгами) и принципами работы с топонимическими данными. Без внимания В.Д. Назарова не остались и недочеты в работах Веселовского. В частности, было отмечено редкое присутствие в них анализа предшествующей литературы, из-за чего было трудно определить историографическое значение трудов Веселовского. Несмотря на ряд преимуществ статьи В.Д. Назарова, почти без внимания остался вопрос о привлечении Веселовским результатов генеалогических исследований в топонимике и напротив – топонимических в генеалогии.

С большим пиететом к ученому относился А.А. Зимин (1920–1980)²⁶, который изначально рассматривался как член Комиссии по изданию трудов Веселовского²⁷. После А.А. Зимина и Л.В. Черепнина не осталось исследователей, настолько близко знакомых с Веселовским, и коллективная память научно-исторического общества о нем формировалась преимущественно по его исследованиям и историографии о его жизни и творчестве вплоть до конца 1990-х гг.

Следующее исследование, вышедшее еще до публикации первых источников личного происхождения, связанных с Веселов-

²⁶ В его воспоминаниях («Храм науки») Веселовский был один из немногих историков, не подвергшихся суровой критике: *Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 147–156.*

²⁷ А.А. Зимин высоко оценивал историографическое значение работ Веселовского, его исследовательские принципы, что также прослеживается в небольшом вступительном очерке, который сопровождал публикацию отзыва Веселовского о трилогии В.И. Костылева (1884–1950): *Зимин А.А. Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 1973. С. 351–353. Издание самого отзыва: Веселовский С.Б. По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей к ней полемики // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 1973. С. 354–376. Отзыв Веселовского (и предисловие к нему) на другое художественное произведение по эпохе Ивана Грозного см.: *Веселовский С.Б. О драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 305–313; Шмидт С.О. Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 296–304.**

ским, в большей степени акцентировало внимание на Веселовском-ученом, а Веселовский-личность отодвигался на второй план. К концу 1980-х гг. еще велось активное издание его трудов, но все же к этому времени было накоплено значительное количество посмертно изданных изысканий, которые следовало осмыслить. В 1989 г. вышел биобиблиографический указатель Веселовского, подготовленный В.Б. Кобриным (1930–1990) и К.А. Аверьяновым²⁸. Во вступительной очерке («Страницы биографии») авторы в краткой форме представили научные взгляды и интересы Веселовского. Важнейшим вкладом этой работы в изучение жизни и творчества ученого является учет трудов, которые были опубликованы как при жизни, так и тех, что были опубликованы вплоть до 1989 г. В работе кратко рассмотрены как прижизненные, так и посмертно изданные труды Веселовского, оценка которых в совокупности позволила глубже понять «лабораторию историка»: его подходы, специфику и принципы работы с источником, необходимость обращения к вспомогательным историческим дисциплинам (в том числе к генеалогии) и различным темам российской истории XIV–XVII вв. В «Страницах биографии» основной упор был сделан на труды Веселовского, из-за чего творческая деятельность историка проанализирована без пристального внимания к контексту жизненных обстоятельств.

С публикацией первых источников личного происхождения, связанных с Веселовским, усилилось внимание к его личности. В 2000-х гг. все чаще выходят исследования, в которых авторы стремятся раскрыть, прежде всего, Веселовского-личность: условия его научной работы, политические взгляды, взаимоотношение с другими историками, повседневную жизнь в годы революции и гражданской войны.

Многие из вышеотмеченных вопросов удалось раскрыть благодаря дневникам Веселовского, которые вышли из печати в 2000–2001 гг.²⁹ С опорой на эти источники в 2001 г. была опубли-

²⁸ Аверьянов К.А., Кобрин В.Б. С.Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.

²⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89–117; № 3. С. 84–110; № 6. С. 93–111; № 8. С. 86–109; № 9. С. 114–133; № 10. С. 113–140; 2001. № 2. С. 69–83.

ликована статья А.Л. Юрганова (подготовившего к печати эти дневники) о жизни Веселовского в годы Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и период гражданской войны³⁰. С учетом широкого охвата тем как из личной жизни, так и жизни всей страны, А.Л. Юрганов ограничился лишь краткой характеристикой дневников и передачей внутреннего душевного состояния ученого в тот период.

Важной вехой в изучении истории советской исторической науки стала публикация в 2005 г. фундаментального труда А.М. Дубровского, в центре внимания которого были проблемы взаимоотношения историков с советской властью в 1930–1950-е гг.³¹ Шестая глава книги была посвящена изучению идеологического вмешательства в профессиональную деятельность историков в 1940-е гг., в том числе в период послевоенных идеологических кампаний. Одной из главных жертв кампаний был Веселовский, которому уделено отдельное внимание в главе. Были проанализированы основные труды ученого по истории землевладения, вышедшие из печати к концу 1940-х гг., которые не вписывались в советскую историографию того времени³². Вместе с тем в заключительной главе книги заметное место уделено анализу трудов по истории эпохи Ивана Грозного, которые также шли вразрез с идеологическими принципами советской исторической науки³³.

В советский период Веселовский остался верен тем теоретико-методологическим принципам, которые сформировались у него в дореволюционные годы. Изучению того, как Веселовский смог сохранить исследовательский профессионализм в тот период, посвящена статья Д.Б. Спорова и С.Ю. Шокарева 2006 г.³⁴ В отличие от вышеотмеченных трудов, в этой статье авторы в равной

³⁰ Юрганов А.Л. «Все это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского // Интеллектуальный форум. М., 2001. № 7. С. 84–113.

³¹ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

³² Там же. С. 554–568.

³³ Там же. С. 760–778.

³⁴ Споров Д.Б., Шокарев С.Ю. Историк Московского государства в Сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 125–146.

степени раскрывают черты характера Веселовского не только как ученого, но и личности³⁵. Всестороннее изучение его жизни и творчества стало возможно благодаря публикации к первым годам XXI в. не только не опубликованных при жизни исследований Веселовского, но также источников личного происхождения. Сопоставление научных трудов с дневниками и перепиской Веселовского позволило исследователям глубже представить как научное творчество ученого, так и его уникальную судьбу как личности и историка в советскую эпоху.

В дневниках Веселовский зафиксировал события и процессы не только своей личной жизни, но и жизни всей страны³⁶. Особенно это проявилось в годы революции и гражданской войны, когда он не просто описывал происходящие вокруг него изменения, выступая в качестве «летописца», но также проанализировал и объяснил их смысл. Его дневники представляют собой систематизированный взгляд на множество событий и процессов того периода. В 2008 г. Т.А. Булыгина опубликовала статью, в которой, она сконцентрировалась на взглядах Веселовского на интеллигенцию в те годы³⁷.

Дальнейший анализ дневников Веселовского был проведен Л.А. Сидоровой³⁸. В отличие от Т.А. Булыгиной, она проанализи-

³⁵ На личности Веселовского был сконцентрирован также доклад А.А. Меньшиковой: *Меньшикова А.А.* Русская саратовская «глубинка» в жизни советского историка С.Б. Веселовского // «Град Китеж» русской культуры: от забвения к возрождению: сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 16 апр. 2014 г. Саратов, 2014. С. 69–74.

³⁶ По этой причине дневники Веселовского также привлекаются в исследованиях, выходящих за рамки истории исторической науки: *Федоров А.Н.* Россия в годы «Военного коммунизма» по дневниковым записям доктора истории русского права, профессора С.Б. Веселовского // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. Вып. 3. С. 299–303; *Его же.* Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах на материалах Центрального Промышленного района // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 81.

³⁷ *Булыгина Т.А.* Гуманитарий в эпоху потрясений (по дневникам С.Б. Веселовского) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Пятигорск, 2008. Вып. 10. С. 177–185.

³⁸ *Сидорова Л.А.* Общественные идеалы историка: академик С.Б. Веселовский // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Т. 2. М., 2013. С. 291–297.

ровала более широкий круг вопросов: оценка революционных событий 1917 г. Веселовским, их причин, а также взгляды на царскую власть. Следующая статья Л.А. Сидоровой, вышедшая к столетию революции, посвящена изучению литературных предпочтений историков в 1917 г., в том числе Веселовского³⁹. Обращение исследовательницы к этой теме связано с тем, что размышления историков над содержанием художественных литературных произведений может рассматриваться как отражение их нравственных и общественных ценностей. Так, неприязнь Веселовского к литературным произведениям российских писателей, поддерживавших революцию, Л.А. Сидорова связала с тем, что в них он видел «распад гражданских и нравственных основ жизни России»⁴⁰.

В 2010-е – начале 2020-х гг. было опубликовано несколько работ, направленных на анализ принципов работы Веселовского с историческими источниками. Небольшая статья С.Н. Кистерева посвящена рассмотрению взглядов Веселовского на таможенные книги, зафиксированных в исследовании о семи сборах пятинных денег⁴¹. В статье А.Л. Корзинина дана характеристика наиболее важных с точки зрения генеалогии материалов в архивных фондах Веселовского в Санкт-Петербурге и Москве, уточнен ряд наблюдений М.Е. Бычковой из ранее упомянутой статьи 1977 года, уделено внимание анализу эвристического потенциала этих материалов в изучении истории феодального сословия России в эпоху Средневековья⁴². Более узкой теме посвящен доклад С.Ю. Шокарева, в котором рассмотрены принципы работы Веселовского с синодиками, а также их

³⁹ Сидорова Л.А. Историк, художественная литература и революция 1917 года (По материалам дневников С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, М.В. Нечкиной) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М., 2017. С. 276–285.

⁴⁰ Там же. С. 277.

⁴¹ Кистерев С.Н. Суждения С.Б. Веселовского о таможенных книгах как документе и историческом источнике. Текст: электронный // Вестник «Альянс-Архео». 2013. Вып. 2. С. 10–16. URL: https://aarheo.ru/files/Vestnik_Alyans-Arkeo. Vur_02.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

⁴² Корзинин А.Л. Материалы по истории феодального сословия России XIV–XVII вв. в архивных фондах С.Б. Веселовского // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2: История. 2014. № 4. С. 133–142.

роль в генеалогических исследованиях ученого и работах по социально-политической истории⁴³.

Заметное место занимает изучение научного творчества Веселовского в серии работ В.В. Тихонова. Исследование 2012 г. посвящено четырем представителям «младшего поколения» московской исторической школы, научное творчество которых формировалось под влиянием идей В.О. Ключевского и его учеников⁴⁴. В отличие от других исследований, сконцентрированных на научном творчестве Веселовского, работа В.В. Тихонова более подробно в характеристике дореволюционного творчества ученого, особенно в ряде вопросов о «Сошном письме...»: раскрытии методологии Веселовского, истории работы над томами исследования, реакции российского научно-исторического сообщества на эту работу через переписку историков и рецензии⁴⁵. Однако советский этап творчества Веселовского проанализирован в общих чертах: рассмотрены его работы по проблеме феодализма в российской истории, а исследования в целом по вспомогательным историческим дисциплинам и истории внутренней политики Ивана Грозного не получили специального рассмотрения.

В дальнейшем В.В. Тихонов перешел от изучения жизни и творчества историков к теме, которая связывала многих историков в сталинскую эпоху, – идеологическим кампаниям. По этой причине он не мог оставить без внимания проблемы, связанные с публикацией книги Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси»⁴⁶ (далее – «Феодальное землевладение...»),

⁴³ Шокарев С.Ю. Синодики в научном творчестве С.Б. Веселовского // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А.А. Зими́на. М., 2020. С. 187–195.

⁴⁴ Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012.

⁴⁵ Уделено внимание и связи «Сошного письма...» с археографическими работами Веселовского. Эти наблюдения были также отмечены в статье 2023 г.: Тихонов В.В. Археография в научном наследии младшего поколения московской исторической школы: С.Б. Веселовский и А.И. Яковлев // Южный Урал: история, историография, источники: межвуз. сб. науч. ст. Уфа, 2023. Вып. 10. С. 74–90.

⁴⁶ Тихонов В.В. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Ученые труды Уральского государственного университета. М., 2013. С. 10–15.

вызвавшей крайне негативные отклики со стороны научно-исторической корпорации в конце 1940-х гг. В монографии В.В. Тихонова об идеологических кампаниях случай Веселовского рассматривался, в силу поставленных цели и задач, в качестве примера, который вписан в более широкий контекст⁴⁷. Более детально этот вопрос проанализирован в статье 2013 г.⁴⁸ В отличие от А.М. Дубровского, которого, как было ранее отмечено, также интересовало восприятие результатов научной работы Веселовского в контексте идеологических кампаний, В.В. Тихонов для изучения данного вопроса привлек не только опубликованные источники, но также неопубликованные (в частности, делопроизводственные материалы из АРАН, Научного архива Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН) и Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ), которые существенно дополнили известные к тому времени сведения).

По тематике существенно выделяется на фоне всех вышеперечисленных работ статья И.А. Полякова⁴⁹. В ней автор проанализировал не изыскания или обстоятельства научной деятельности Веселовского, а историческую память об историке и изменения, которым она подверглась как в научной среде, так и в более широкой общественной во второй половине XX – начале XXI в. Изучив историю публикации трудов Веселовского, источников личного происхождения, связанных с ним, а также историографию о жизни и творчестве историка, можно согласиться с выводами И.А. Полякова о том, что с каждым новым десятилетием знание о жизни и творчестве Веселовского обогащалось, в результате чего постепенно происходил процесс утверждения статуса ученого как классика в историографии. Тем не менее, вопрос

ро-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 104–113. Веселовский как одна из жертв идеологических кампаний рассматривался и в работе Л.А. Сидоровой: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 34–37.

⁴⁷ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М., 2016. С. 139–140, 157, 162, 165.

⁴⁸ Тихонов В.В. Борьба с «буржуазным объективизмом». С. 104–113.

⁴⁹ Поляков И.А. С.Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества // Клио. 2013. № 12. С. 153–157.

об изучении научного наследия Веселовского рассмотрен лишь в общих чертах: история публикаций приведена сжато, без пояснения контекста, обстоятельств публикации.

Наконец, одни из последних к настоящему времени работ о жизни и творчестве Веселовского были написаны А.М. Дубровским. В 2018 г. публикуются сразу две работы, связанные с Веселовским: учебное пособие, посвященное научному творчеству Веселовского⁵⁰, и исследование, в котором одна из глав посвящена рассмотрению духовного состояния и мировосприятия Веселовского в 1930-е гг.⁵¹ В целом, относительно проанализированной ранее историографии эти публикации А.М. Дубровского представляют собой преимущественно аккумуляцию ранее имеющихся сведений о жизни и научном творчестве Веселовского.

Как можно убедиться, в проанализированных выше работах научное творчество Веселовского было объектом пристального внимания исследователей как при жизни историка, так и после смерти. Веселовского, в отличие от других видных советских историков, не привлекала ни преподавательская деятельность, ни научно-административная. Именно концентрация на научной деятельности и преданность своему делу интересовала исследователей в Веселовском. Их привлекал исследовательский материал, основанный на обильной источниковой базе, а также широта научных взглядов ученого. Но все же почти все проанализированные выше исследования концентрировались в большей степени либо на изучении его жизни, либо творчества. Исключение – статья Л.В. Черепнина 1977 года, в которой историк опирался, в том числе, на личные воспоминания, что является весьма зыбкой основой для историографического исследования. Другое исключение – обстоятельная статья Д.Б. Спорова и С.Ю. Шокарева 2006 г., но в ней авторы сконцентрировались лишь на советском этапе жизни и творчества Веселовского.

⁵⁰ Дубровский А.М. Степан Борисович Веселовский. Интеллектуальная биография (1876–1952 гг.): учебное пособие. Брянск, 2018.

⁵¹ Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М., 2018.

Тематика исследований сильно зависела от публикации наследия Веселовского. В советскую эпоху и вплоть до конца 1990-х гг. публиковались преимущественно научные труды Веселовского, чем объясняется наличие работ о его научном творчестве. Публикация же источников личного происхождения в конце 1990 – начале 2000-х гг. позволила исследователям раскрыть в большей степени Веселовского как личность, что, в свою очередь, дало возможность глубже понять его как ученого.

Замечу также, что концентрация исследовательской литературы преимущественно на крупных трудах Веселовского (до революции таковым *opus magnum* было двухтомное исследование «Сошное письмо...», в советскую эпоху – «Феодальное землевладение...») приводила к тому, что ряд трудов Веселовского, оставались на периферии рассмотрения. В трудах биографического характера общая логика исследования нередко выстраивается по принципу движения от одной крупной работы к другой. Это позволяет понять наиболее весомый вклад ученого в историографию, однако такой ракурс упускает из внимания сравнительно небольшие по объему работы (статьи, очерки и, особенно, рецензии), которые, во-первых, представляют собой самостоятельный научный интерес, во-вторых, позволяют более детально проследить направление его мысли и профессиональных взглядов (связь между наиболее крупными работами), эволюцию научных принципов. В итоге, переход «от книги к книге» порой приводит к игнорированию «малых жанров». Ряд статей, очерков, рецензий и других трудов Веселовского были лишь отмечены в историографии, но почти не анализировались⁵². Их изучение наряду с «крупными жанрами» позволит представить научное творчество ученого во всем многообразии, уточнить особенности практики выстраивания исследований, понять, как они вписывались в историческую культуру его времени.

⁵² Например, тяготение к «крупным жанрам» в творческой деятельности Веселовского прослеживается в исследовании В.В. Тихонова и учебном пособии А.М. Дубровского: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 64–70, 115–141, 246–251, 268–271, 298–303; *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 6–102.

История российской и советской исторической науки⁵³

Важную роль в данном исследовании играет группа историографии, в которую, прежде всего, включены работы по истории российской (дореволюционной) и советской исторической науки. Эта литература условно сгруппирована в несколько частей⁵⁴. К первой отнесены труды, посвященные проблемам взаимодействия научной деятельности историка и социокультурной среды. Эти работы необходимы, прежде всего, для понимания того, каковы были тенденции в российской и советской исторической науке, как вписывалось научное творчество Веселовского в советскую эпоху, соотносилось с исследовательской деятельностью историков-современников, требованиями к научной работе в новых социокультурных обстоятельствах, а также как оценивалось его научное наследие в дальнейшем⁵⁵. Для понимания того, каковы были обстоятельства научной деятельности и условия работы

⁵³ Труды, посвященные интеллектуальной биографии, источниковедению историографии, а также исторической культуре рассмотрены в разделе «Теоретико-методологические принципы исследования».

⁵⁴ С учетом большого объема литературы в ссылках данного раздела историографического анализа будут представлены лишь некоторые (преимущественно обобщающие) труды по выделенным проблемам / темам.

⁵⁵ Советская историография. М., 1996; *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; *Ее же.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008; *Ее же.* Советские историки. Духовный и научный облик. М., 2017; *Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография.* Омск, 2005; *Дубровский А.М.* Историк и власть. В 2017 г. вышло новое издание книги (*Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.) М., 2017), однако для данного исследования бóльший интерес представляет издание 2005 г., в который вошли разделы о научном творчестве Веселовского. *Юрзанов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 17–54, 343–478; *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014; *Его же.* Идеологические кампании «позднего сталинизма»; *Крих С.Б.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М., 2020; *Киселев М.А.* «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени СПб., 2020.

Веселовского, учтены исследования по истории учреждений (а также их подразделений), с которыми были связаны «труды и дни» историка⁵⁶.

Неотъемлемая часть профессиональной деятельности историка (как и любого ученого) – коммуникация с другими исследователями. Изучение межличностных неформальных связей представляет интерес для более глубокого понимания способов вхождения ученого в научную корпорацию, ценностных ориентиров, профессиональных взглядов, научных интересов, а также конфликтов и соперничества в академической среде⁵⁷. Чтобы глубже представить особенности взаимоотношений Веселовского с «колегами по цеху», в работе были также изучены биографические исследования, посвященные жизни и творческой деятельности его современников, историков разных поколений: В.О. Ключевского (1841–1911)⁵⁸, В.Г. Дружинина (1859–1936)⁵⁹, С.Ф. Платонова

⁵⁶ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. М., 1990; *Калистратова Т.И.* Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997; *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999; *Хартанович М.Ф.* Археографическая комиссия в начале XX в. // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: исторические очерки. СПб., 2013. С. 309–322; *Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-х – 1930-х гг. Омск, 2018; *Метель О.В.* Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920–1960-е годы // Научный диалог. 2020. № 12. С. 271–289; *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020. 2-е изд. доп. М., 2020; Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. Очерк истории. Биобиблиогр. словарь. М., 2021. С. 9–78.

⁵⁷ *Корзун В.П.* Межличностные коммуникации историков как отражение интеллектуальной напряженности (к характеристике познавательной ситуации на рубеже XIX–XX вв.) // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и Центр). XX век: мат. IV Всерос. науч. конф. Омск, 2000. Т. II: Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. С. 12–17; *Ретина Л.П., Мяжков Г.П.* Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 3. С. 137–142.

⁵⁸ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; *Ростовцев Е.А.* В.О. Ключевский и историки «петербургской школы»

(1860–1933)⁶⁰, М.К. Любавского (1860–1936)⁶¹, А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919)⁶², М.М. Богословского⁶³, А.Е. Преснякова

(С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.). М., 2005. Кн. I. С. 340–370.

⁵⁹ Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936). СПб., 2010. N.b. В заголовке сборника годы жизни В.Г. Дружинина указаны неверно.

⁶⁰ *Брачев В.С.* Русский ученый С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997; *Мамонтова М.А.* С.Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования: дис... канд. ист. наук. Омск, 2002; *Митрофанов В.В.* Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции: монография. Челябинск, 2011; *Его же.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: монография. Челябинск, 2011; Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследование и материалы. СПб., 2011.

⁶¹ *Дестярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В.* Академик М.К. Любавский и его наследие // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 8–72; *Карев Д.В.* Неопубликованные историко-географические труды М.К. Любавского // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 278–284; *Фешкин В.Н.* Жизнь и научная деятельность М.К. Любавского в г. Уфе (1931–1936 гг.): дис... канд. ист. наук. Уфа, 2009; *Мандрик М.В.* На службе Клио: академики М.К. Любавский и Ю.В. Готье // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 46–65; *Топычканов А.В.* Формирование историко-географических представлений М.К. Любавского в контексте развития исторической географии в России // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 291–302.

⁶² *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. 1999. № 2(120). С. 100–136; *Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138–146; *Ее же.* «Чужое Я» в историческом познании: И.И. Лапшин и А.С. Лаппо-Данилевский // История и историки. 2001. Историкографический вестник. М., 2001. С. 161–175; *Ее же.* Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 7–16; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; *Ее же.* А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 17–40; *Трапи Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006; *Алеврас Н.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в. // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 165–173; *Вальц М.П.* Рецепция идей немецких ученых в работе

(1870–1929)⁶⁴, Ю.В. Готье (1873–1943)⁶⁵, А.И. Яковлева (1878–1951)⁶⁶, С.В. Бахрушина (1882–1950)⁶⁷, Б.Д. Грекова (1882–1953)⁶⁸, М.Н. Тихомирова (1893–1965)⁶⁹, Н.В. Устюгова (1896/1897–1963)⁷⁰, Л.В. Черепнина⁷¹, А.А. Зимина⁷².

А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис... канд. ист. наук. М., 2015; Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. СПб., 2019.

⁶³ *Швейковская Е.Н.* М.М. Богословский – историк русского Севера // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 180–191; *Пивоварова О.Г.* Русская история в трудах М.М. Богословского: дис... канд. ист. наук. М., 2006; *Мельников А.В.* Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929): реконструкция и научное использование: дис... канд. ист. наук. М., 2006.

⁶⁴ *Брачев В.С.* Русский историк А.Е. Пресняков (1870–1929). СПб., 2002; *Его же.* А.Е. Пресняков и Петербургская историческая школа. СПб., 2011.

⁶⁵ *Мандрик М.В.* Юрий Владимирович Готье, 1873–1943 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Ее же.* Библиотекарь Ю.В. Готье и проверка кадрового состава Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в 1928 и 1930 гг. // Судьбы ученых в эпоху перемен: очерки и документы. СПб., 2021. С. 108–145.

⁶⁶ *Тихонов В.В.* «В истории так мало незыблемых истин...» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки: Историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 289–317; *Кривошеев Ю.В.* Историк А.И. Яковлев и революционер В.И. Ульянов-Ленин (по материалам Архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 410–423; *Селиванова О.В., Цыпкина А.Г.* Эпистолярное наследие А.И. Яковлева: материалы к биографии (по документам личного фонда в Архиве РАН): сборник трудов конференции // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.). Чебоксары, 2019. С. 38–43; *Гришина Н.В., Алеврас Н.Н.* Алексей Иванович Яковлев и его диссертационные диспуты // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары, 2019. С. 44–51.

⁶⁷ *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

⁶⁸ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

⁶⁹ *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012; *Ковеля В.В.* М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора: дис... канд. ист. наук. Брянск, 2016.

⁷⁰ *Емельянов Е.П.* Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки: дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016.

⁷¹ *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905–1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения М., 2015. Т. 1. С. 357–384.

Становление Веселовского как историка приходилось на период активного развития научных школ в российской исторической науке. Для понимания теоретико-методологических установок, специфики взаимоотношений и научной преемственности историков разных поколений (особенно в период кризиса классической модели исторической науки) в исследовании также учтена историография по схолярной проблематике, которая существенно дополняет литературу о жизни и научном творчестве историков⁷³.

В данном исследовании интеллектуальная биография ученого также рассматривается в контексте профессиональной и академической этики⁷⁴. В целом, вопросы этики в научном творчестве и коммуникации историков редко анализируются в российской историографии. Специальные исследования в большей степени сконцентрированы преимущественно на девиации, конфликтах, отклонениях от научных норм и ценностей⁷⁵. Не менее важным

⁷² *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

⁷³ *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Корзун В.П.* Образы исторической науки; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа; *Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Миллюков и Московская школа. СПб., 2005; *Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. статей. Челябинск, 2006. С. 117–126; *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; *Серых А.А.* «Связь/разрыв» поколений и межпоколенческие коммуникации в научном сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX веков // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 278–291; *Скворцов А.М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. *Свейников А.В.* Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Т. 5, № 1. С. 121–158; *Его же.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М., СПб., 2016; *Леонтьева О.Б.* Научная преемственность как историографическая проблема // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022. С. 149–184.

⁷⁴ Подробнее об особенностях академической и профессиональной этики: *Davis M.* Ethics and the University. New York, London, 1999. P. 22–41.

⁷⁵ *Свейников А.В.* «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: исто-

представляется изучение тех аспектов, которые организуют научную деятельность, способствуют ее поддержанию, тесно переплетаются с эпистемологией ученого.

В данном исследовании вопросы этического характера представляют особый интерес для понимания принципов, на которых основывалась исследовательская практика Веселовского. С этой точки зрения в российской историографии выделяются труды челябинских историографов по диссертационной культуре историков⁷⁶. Одно из центральных мест в их исследованиях занимает диссертация как научное произведение особого жанра, которое воплощает научные нормы и ценностные ориентации историко-научного сообщества, представляет собой *«некий образец (эталон) научного исследования»*⁷⁷. Учет ритуалов и традиций, принятых в профессиональной среде и направленных на создание диссертации как научного продукта, позволяет глубже понять нормативные основания исследовательской деятельности, ценностные векторы ученых.

риографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 228–259; *Его же*. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 2(96). С. 42–72; *Гришина Н.В.* «Слово “плагиат” было сказано...»: научная экспертиза, общественные оценки и дань традиции (на примере диспута Е.Д. Сташевского) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск, 2015. С. 455–458; *Киселев М.А.* Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 124–133; *Его же*. «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В.Я. Кривоногова и Н.М. Дружинина. Текст: электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4(114). URL: <https://history.jes-su/s207987840020704-3-1/> (дата обращения: 06.08.2024); *Груздинская В.С., Ковалев М.В.* «Издание книги на немецком языке могло бы нанести за границей серьезный ущерб доброму имени советской науки»: советские и чехословацкие антиковеды в споре о плагиате (1950-е гг.) // Россия XXI. 2021. № 2. С. 94–111; *Холматов Т.К.* Плагиат в советской исторической науке второй половины 1940 – 1950-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 134–143; *Его же*. «Дело пострадало из-за личных отношений»: конфликт между уральскими историками при подготовке «Очерков истории Урала» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Исторический курьер. 2024. № 5(37). С. 217–226.

⁷⁶ Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография. М., СПб., 2022.

⁷⁷ Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. С. 12.

Эвристически продуктивным представляется анализ этических принципов исследователей не только через научный продукт. В данном контексте следует выделить исследования В.П. Корзун о классиках в исторической науке⁷⁸. В ее трудах акцент делался на тесной связи признания / закрепления / отторжения нормативных и ценностных векторов исследовательской деятельности с (де)классикализацией историков. Именно классики рассматривались как образцовые представители профессии, выступали как носители ценностных установок, добродетелей, которые были частью их исследовательской деятельности и способствовали дальнейшему плодотворному развитию научного знания.

Для решения проблемы о связи научного творчества ученого и его презентации в социокультурной среде большую ценность также представляет инструментарий, который дает возможность сконцентрироваться на различных формах интеллектуальной деятельности ученого, понять, как она реализовывались, а также как соотносилась с исторической культурой. С этой целью в исследовании было привлечено *источниковедение историографии*⁷⁹ как метод исследования.

Следует подчеркнуть, что источниковедение историографии позволяет проследить два ключевых вопроса относительно историографического источника: *что* и *как* создано. С точки зрения современных исследований интеллектуальной истории, наряду с созданием идей, не меньший интерес вызывает также их распространение⁸⁰. Учет обстоятельств, связанных с *восприятием трудов*

⁷⁸ Корзун В.П. Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти // Преподаватель XXI век. 2016. № 4–2. С. 459–470; *Ее же*. Пантеон классиков в советской историографии: меняющийся этос науки (1920-е – начало 1930-х гг.) // Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII – начала XXI вв. Омск, 2020. С. 55–78; *Ее же*. Назначение в кумиры: практики классикализации в научном сообществе историков (1920 – середина 1930-х годов) // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова. М., 2022. С. 337–364.

⁷⁹ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск, 2017. С. 77–99.

⁸⁰ Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. № 25–1. С. 10.

ученых в научной сфере (и, в целом, в общественной), открывает возможность понять механизмы функционирования историографического источника в исторической культуре, в случае ряда работ Веселовского – при новых социокультурных обстоятельствах. По этой причине в исследовании изучение издания (в том числе посмертного) и последующего восприятия научного наследия Веселовского рассматривается как часть его интеллектуальной биографии.

Для того чтобы читатель лучше понимал замысел данного исследования необходимо пояснить как будут привлекаться такие понятия как *интеллектуальная биография* и *историческая культура* (которые составляют теоретико-методологическое ядро проведенного исследования), а также показать их связь с *источниковедением историографии*.

Теоретико-методологические принципы исследования

В научной литературе приведено немало характерных черт интеллектуальной биографии⁸¹. М.А. Базанов с опорой на анализ трудов, посвященных данному жанру биографических исследований, предложил в качестве объекта интеллектуальной биографии рассматривать «динамически развивающуюся систему когнитивных взаимодействий индивида с окружающей его социально-ин-

⁸¹ Подробнее об определениях и характеристиках интеллектуальной биографии: *Ващенко В.В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Киев, 2009. С. 475–486; *Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. М., 2011. С. 7–20; *Репина Л.П.* Историческая наука. С. 295–313; *Попова Т.Н.* Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 30–53; *Базанов М.А.* Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 221–234; *Настусевич С.В.* Развитие «интеллектуальной биографии» в современной российской историографии // Гуманітарна-эканамічны вестнік. 2019. № 3–4. С. 154–158; *Его же.* Дисциплинарное становление исторической биографики в российской исторической науке (конец 1980-х гг. – первая четверть XXI в.): дис... канд. ист. наук. Минск, 2022. С. 97–109.

теллектуальной средой»⁸². В целом, данный ракурс не вызывает возражений, однако с учетом привлечения метода источниковедения для анализа историографических источников как *результатов интеллектуальной деятельности личности*, на мой взгляд, целесообразно внести корректировку в имеющуюся характеристику. В настоящем исследовании под интеллектуальной биографией понимается *экспликация в динамике форм интеллектуальной деятельности личности, принятых в интеллектуальной культуре ее времени*.

Биографии в рамках интеллектуальной истории позволяют объяснить, почему те или иные научные идеи или теории привлекали внимание ученых, в чем причины следования определенной научной стратегии, какие факторы и почему влияют на научную деятельность (например, политические, философские, религиозные или этические) и т.д.⁸³

Как и любое другое биографическое исследование⁸⁴, интеллектуальная биография пристальное внимание уделяет контексту. Лишь посредством погружения личности в социокультурную ат-

⁸² Базанов М.А. Интеллектуальная биография. С. 230.

⁸³ Richards J.R. The Role of Biography in Intellectual History // Know: A Journal on the Formation of Knowledge. 2017. V. 1, №. 2. P. 295–296.

⁸⁴ Ретина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 344–360; *Ее же*. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 287–324; Banner L.W. Biography as History // The American Historical Review. 2009. Vol. 114, №. 3. P. 579–586; Rotberg R.I. Biography and Historiography: Mutual Evidentiary and Interdisciplinary Considerations // The Journal of Interdisciplinary History. 2010. Vol. 40, №. 3. P. 305–324; Петровская И.Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010; Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 167–176; Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing. Lewiston, New York, 2013; Теория и методология исторической науки. С. 33–35, 324–325 (статьи «Биографика», «Биографистика», «Новая биографика»); The Biographical Turn: Lives in History. New York, 2017; *Passing B.* Understanding Biographies. On Biographies in History and Stories in Biography. Odense, 2017; Дубина В.С. Биография // Всё в прошлом: теория и практика публичной истории. М., 2021. С. 83–96.

мосферу эпохи, в которой она жила, достигается более глубокое понимание, с одной стороны, самой личности и ее деятельности, а с другой – ее интеллектуальной / научной среды. Взаимовлияние личности и среды обусловлено во многом тем, что первая придавала смысл социальным и дискурсивным порядкам, частью которых она была⁸⁵.

При вышеприведенном определении интеллектуальной биографии встает методологическая проблема: как эксплицировать формы интеллектуальной деятельности личности? Решение данной проблемы предпринято через источниковедение историографии. Источниковедческая оптика позволяет сконцентрироваться на целеполагании автора, понять, что побуждает его ставить и решать конкретные проблемы исследования, как он выстраивает нарратив, какие формирует объяснительные модели, какие источники / исследования привлекает и как конструирует теоретико-методологическую базу, что в совокупности дает возможность глубже понять способ(ы) презентации результатов научного творчества, взаимосвязь между отдельными трудами ученого.

Ключевым понятием источниковедения историографии является «историографический источник», часто вызывающее дискуссии в исследовательской литературе⁸⁶. В данном исследовании как историографические источники рассматриваются «произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания»⁸⁷. С учетом того, что на-

⁸⁵ Nasaw D. *Historians and Biography* // *The American Historical Review*. 2009. Vol. 114, № 3. P. 577.

⁸⁶ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие. Омск, 2001. С. 38–39; *Инполитов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. Т. 15, № 1. С. 184–195; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии. С. 77–99; *Алеврас Н.Н.* Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 11. Омск, 2017. С. 100–121; *Исаев Д.П.* «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 98–114.

⁸⁷ *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии. С. 89.

учное творчество Веселовского проявлялось преимущественно в его трудах, необходимо понимать какими типами и видами (как историографические источники) они были представлены⁸⁸. Это позволит прояснить выбор ученого в презентации результатов работы, что опять же дает возможность детально реконструировать его интеллектуальную биографию.

Одно из ключевых мест в данном исследовании занимает концепт историческая культура, существенно дополняющий инструментарий источниковедения историографии. Его использование обусловлено тем, что труды историка как результат его интеллектуальной деятельности представляли собой осознанное обращение к изучению прошлого. По этой причине следует понимать, какие факторы способствуют этому обращению и, особенно важно, как избранный способ исследования соотносился с другими, которые существовали в годы творческой деятельности историка.

Несмотря на заметное место работ по исторической культуре в российской историографии начиная с 2000-х гг., этот концепт редко рассматривался на отечественном материале. Первый крупный опыт изучения исторической культуры в России был сделан в 2012 г. в сборнике трудов, который был подготовлен к юбилею И.М. Савельевой⁸⁹. Иные труды в российской историографии по проблематике исторической культуры до сих пор затрагивают в основном зарубежную тематику и хронологически тяготеют к периоду до начала Нового времени⁹⁰, во многом продолжая и расширяя более ранние исследования в этой области⁹¹.

⁸⁸ Подробнее о классификации историографических источников: *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36–44; *Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2014. С. 421–430.

⁸⁹ Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой. М., 2012.

⁹⁰ История и память: историческая культура Европы до Начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010; Локальные исторические культуры и традиции историописания / отв. ред. А.И. Сидоров. М.,

Концепт *историческая культура* привлечен для изучения способов презентации результатов исследований профессионального историка, чье научное творчество приходится на первую половину XX в. С учетом того, что основной результат творческой деятельности историка выражался в конкретных работах, акцент сделан на анализе их видовой природы. Поэтому с точки зрения источниковедения историографии историческая культура рассматривается как система производства и представления исторического знания, транслируемая через систему видов историографических источников⁹². Такое понимание исторической культуры предполагает тесную связь эпистемологических установок ученого с этическими. В случае анализа интеллектуальной деятельности Веселовского необходимо также учитывать, что значительная часть его научного наследия была опубликована посмертно. По этой причине следует проанализировать особенности трансляции научного наследия ученого при новых социокультурных обстоятельствах.

Источники

Основной корпус привлеченных источников – *историографические источники*⁹³. Сюда отнесены научные исследования Веселовского, монографии, доклады, статьи, рецензии, отзывы, очерки, публикации исторических источников, исторические карты и т.д.

2011; Сидоров А.И. Историописание и историческая культура у франков при Каролингах // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники. СПб., 2019. С. 22–35. В качестве исключения можно выделить коллективный труд 2018 г.: Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / под ред. Л.П. Репиной. М., 2018.

⁹¹ Гене Б. История и историческая культура Средневекового Запада. М., 2002. (первое издание на французском языке в 1980 году); Woolf D. The Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003.

⁹² Румянцева М.Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 56–57.

⁹³ Подробнее о классификации историографических источников: Источниковедение: учеб. пособие. М., 2019. С. 525–559.

В совокупности эти труды позволяют проследить эволюцию не только научных взглядов и интересов историка, но также исследовательских принципов, эпистемологических установок, особенно в трудах «крупных жанров», в вводной части которых, как правило, содержится авторская рефлексия о полученном результате научной деятельности. Корпус источников также представлен черновиками, набросками, рабочими заметками, выписками из источников, которые хранятся в личных фондах Веселовского (а также в фонде Института истории Академии наук СССР) в АРАН⁹⁴ и Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН)⁹⁵. Эти материалы позволяют проследить научные планы, ход работы, эволюцию взглядов ученого и его научные принципы, а также трудности, которые он испытывал в процессе исследовательской деятельности.

Рассмотрение трудов Веселовского в контексте исторической культуры его времени предполагает включение в источниковую базу историографических источников других историков. Кроме того, работы других исследователей также привлечены для анализа одного из уровней историографической деконструкции, а именно для понимания того, на какие работы Веселовский ориентировался в своей научной деятельности. Исходя из этих соображений были также привлечены работы В.И. Сергеевича (1832–1910), В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Н.П. Лихачева (1862–1936), М.М. Богословского, Ю.В. Готье и др. С учетом отдельного внимания к научному наследию Веселовского в эту группу также включены работы историков, чье научное творчество развивалось в том числе под влиянием трудов старшего коллеги: Л.В. Черепнина, А.И. Копанева (1915–1990), А.А. Зимины, Ю.Г. Алексеева (1926–2017), Л.В. Милова (1929–2007) В.Б. Кобрина, Р.Г. Скрынникова (1931–2009), М.Е. Бычковой и др.

Источниковая база также представлена *источниками личного происхождения*. В повседневной жизни, точно так же, как и в профессиональной деятельности, личность делает выбор между

⁹⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 63; Там же. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 404.

⁹⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 3.

спектром решений. Как подчеркнул Ж. Ревель, «спектр этих возможных решений не является произвольным; он социально детерминирован, т.е. зависит от представлений о социальном пространстве, <...> и, с одной стороны, доставляет средства достижения цели, а с другой – порождает несвободу, принуждение, которые, в свою очередь, субъективно преломляются в сознании индивидов и групп»⁹⁶. В стремлении репрезентировать этот выбор исследователю помогают источники личного происхождения, прежде всего, биографируемой личности. Необходимо также учитывать творческую специфику профессии историка, зависящей не только от научных взглядов и компетентности, но и ценностных установок. Для того, чтобы глубже понять «лабораторию историка», творческий процесс ученого, повседневный научный труд, исследовательские поиски, следует также сконцентрироваться на жизненном пути, целях, мотивах, переживаниях, идеалах, а также других составляющих внутреннего мира. Изучение всех этих вопросов трудно представить без источников личного происхождения⁹⁷: дневников⁹⁸, переписки⁹⁹ и воспоминаний¹⁰⁰.

⁹⁶ Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. М., 2002. С. 22.

⁹⁷ Подробнее об видовой характеристике, а также информационном потенциале источников личного происхождения историков XIX–XX вв. в историографических и биографических исследованиях: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков). Омск, 2003. С. 3–36; Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.

⁹⁸ Веселовский С.Б. Дневники; С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: Сборник статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 221–223, 225–228, 230–232, 235–236.

⁹⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001; Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929 – декабрь 1930 г.) // Археологический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 420–444; Письма С.Б. и О.А. Веселовских А.И. Андрееву (1938–1943 гг.) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, Вып. 4. С. 112–123; Приложение 1; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 934. Оп. 5. Д. 98.

Дневники и воспоминания других исследователей стали подспорьем для изучения восприятия личности и трудов Веселовского в научной среде, его взаимоотношений с другими учеными, а также для анализа интеллектуальной атмосферы в период его исследовательской деятельности и публикации научного наследия. В частности, были изучены дневники М.М. Богословского¹⁰¹, Ю.В. Готье¹⁰², А.Н. Савина (1873–1923)¹⁰³, С.А. Пионтковского (1891–1937)¹⁰⁴, М.Н. Тихомирова¹⁰⁵; воспоминания П.Н. Милюкова (1859–1943)¹⁰⁶, Л.В. Черепнина¹⁰⁷, Е.В. Гутновой (1914–1992)¹⁰⁸, Н.И. Павленко (1916–2016)¹⁰⁹, А.А. Зиминой¹¹⁰, А.Я. Гуревича (1924–2006)¹¹¹; книга В.Б. Кобрин с элементами мемуарных записей¹¹².

Для реконструкции повседневной научной деятельности Веселовского и изучения судьбы его научного наследия привлечены также источники личного происхождения семьи ученого: дневниковые записи его супруги во втором браке Ольги Александровны Веселовской (до брака – Бессарабова, 1896–1967)¹¹³, воспоминания и дневниковые записи сына Степана Борисовича – Всеволода (1900–1977) об отце и его окружении, его переписка с отцом и матерью (Е.Е. Сифферлен, 1876–1941, – супруга Веселовского в первом браке), а также переписка с близкими родст-

¹⁰⁰ *Веселовский С.Б.* Первые воспоминания детства // Московский журнал. 1997. № 3. С. 48–53; № 4. С. 49–52; № 5. С. 54–58; АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 85а.

¹⁰¹ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.

¹⁰² *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997.

¹⁰³ *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917. М., СПб., 2015.

¹⁰⁴ *Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934).* Казань, 2009.

¹⁰⁵ *Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками.* М.; СПб., 2022.

¹⁰⁶ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.

¹⁰⁷ *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания.

¹⁰⁸ *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001.

¹⁰⁹ *Павленко Н.И.* Воспоминания историка. М., 2016.

¹¹⁰ *Зимин А.А.* Храм науки. С. 35–384.

¹¹¹ *Гуревич А.Я.* История историка. М., СПб., 2012.

¹¹² *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.

¹¹³ *Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой.* М., 2010.

венниками, их дневниковые записи¹¹⁴. В исследовании также привлечены воспоминания Всеволода Степановича – «Проблемы нашей жизни. Воспоминания»¹¹⁵. В них также содержатся записи (преимущественно, переписка и дневники) Веселовского-старшего и его близких (его супруг, детей и других родственников), которые, вероятно, были помещены в текст Всеволодом Степановичем¹¹⁶.

Для достижения поставленной цели и задач значительную роль также сыграли *делопроизводственные материалы*. Этот вид источников привлечен, прежде всего, для реконструкции контекста и изучения обстоятельств научной деятельности Веселовского. В отличие от других ранее выделенных видов исторических источников, эти материалы в основном не были опубликованы и хранятся в различных архивах: АРАН, Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), НА ИРИ РАН, Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), ЦГАМ. Сюда отнесены различные справки, выдававшиеся Веселовскому научно-образовательными / научно-исследовательскими учреждениями, в которых он работал¹¹⁷, отчеты по научной работе¹¹⁸, автобиографии¹¹⁹, личные дела¹²⁰, отзывы о научной деятельности и характеристики¹²¹, письма от различных учреждений и издательств¹²², планы научных трудов¹²³ и т.д.

¹¹⁴ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 215–241.

¹¹⁵ *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Воспоминания: в 2 т. М., 2018–2019. Т. 1: 1900–1945; 2019. Т. 2: 1946–1977.

¹¹⁶ Подробнее об этом издании: *Холматов Т.К.* Из этого можно сделать книгу...»: воспоминания В.С. Веселовского «Проблемы нашей жизни» // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 292–298.

¹¹⁷ АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 28.

¹¹⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1а (1944). Д. 19а; Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340–341; ГАРФ. Ф. А4655. Оп. 2. Д. 230.

¹¹⁹ АРАН. Ф. 636. Оп. 5. Д. 1; ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 1–5об.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 16. Д. 12.

¹²¹ АРАН. Ф. 636. Оп. 3. Д. 9; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 91208; Ф. 532. Оп. 12. Д. 809.

¹²² АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 133, 137, 138, 141, 193.

¹²³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191, 220.

Для понимания того, как складывались обстоятельства научной деятельности Веселовского, были привлечены стенографические отчеты, протоколы заседаний и постановления учреждений, к работе которых он был причастен. Были также проанализированы протоколы заседаний Археографической комиссии¹²⁴, стенографические отчеты и протоколы Института истории АН СССР, преимущественно связанные с обсуждением планов коллективных трудов конца 1930-х – начала 1940-х гг.¹²⁵, а также идеологическими кампаниями в послевоенные годы¹²⁶.

Отдельное внимание уделено изучению публикации научного наследия Веселовского. По этой причине к работе привлекались материалы Комиссии по изданию трудов Веселовского и связанная с ней документация. Например, постановление Президиума АН СССР о рассмотрении вопроса об издании трудов Веселовского и организации комиссии, выписки из протоколов заседаний бюро Отделения исторических наук, планы комиссии и т.д.¹²⁷

Структура исследования

С опорой на ранее представленные исследования и источники я стремился реконструировать интеллектуальную биографию Веселовского. В первых двух главах представлен репрезентативный

¹²⁴ ЛЗАК: за 1905 год. СПб., 1907. Вып. 18; ЛЗАК: за 1912 год. СПб., 1913. Вып. 25; ЛЗАК: за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26.

¹²⁵ Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016; АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1939). Д. 321; Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10; Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 25, 79.

¹²⁶ Выступление Б.Д. Грекова на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР 15 октября 1948 г. [«О недостатках и задачах научно-исследовательской работы Института истории АН СССР»] // Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / Б.Д. Греков; сост. В.Г. Бухерт. М., 2019. С. 385–398; АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192–193; ЦГАМ. П-211. Оп. 2. Д. 8–9, 11. В контексте идеологических кампаний учтены также делопроизводственные материалы Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ): ЦГАМ. П-2412. Оп. 1. Д. 23, 28.

¹²⁷ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156; Там же. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 266; Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1953–1959). Д. 24; Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 418.

корпус работ Веселовского, проведена их классификация, выявлено их целеполагание, определены их тип и вид как историографических источников. В первой главе проанализированы дореволюционные историко-юридические и археографические труды Веселовского, а также работы по социально-экономической истории России в контексте исторической культуры.

Во второй главе, которая хронологически охватывает советский этап работы Веселовского, проанализированы труды по истории землевладения, эпохе Ивана Грозного, а также вспомогательным историческим дисциплинам (археографии, генеалогии, исторической картографии, исторической географии и ономастике). В первых двух главах реконструированы социокультурный и интеллектуальный контексты формирования и развития историка, выявлено развитие его исследовательских принципов, проанализированы теоретико-методологические построения в трудах, а также эксплицированы его этические принципы как ученого. Во второй главе акцент сделан на анализе состояния внутренней эмиграции ученого.

В данном исследовании способы презентации и трансляции результатов научной деятельности рассматриваются как основы интеллектуальной биографии ученого, что включает изучение не только создания интеллектуального продукта, но и его введения в научный оборот. По этой причине отдельное внимание уделено анализу посмертного издания трудов ученого как части его интеллектуальной биографии. Этой проблеме посвящена третья, заключительная глава, в которой также рассмотрено восприятие личности и научного творчества Веселовского в новых социокультурных обстоятельствах. С учетом значительного влияния трудов историка на последующую историографию и образовательную сферу эта проблема рассматривается как классикализация его научного наследия.

* * *

Как бы банально это не звучало, но написание книги – это долгий и порой не самый простой путь. Мне бы хотелось поблагодарить тех, кто помог мне его пройти. Пожалуй, наиболее важные шаги в любом пути – первые. Я особенно признателен Марине

Федоровне Румянцевой за поддержку во всех моих исследовательских начинаниях, терпение и отзывчивость.

Значительная часть данного исследования была написана в период работы в Институте гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ). Я благодарен коллегам (прежде всего Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой и Б.Е. Степанову) за замечания и комментарии при обсуждении предварительных результатов работы, поддержку, а также вдохновение на новые научные поиски.

Я также благодарен Н.Н. Алеврас, Р.Б. Казакову, А.Б. Каменскому, М.А. Киселеву, В.П. Корзун, Г.А. Орловой и В.В. Тихонову, чьи советы, комментарии, замечания помогли мне на разных этапах данного пути.

С благодарностью вспоминаю сотрудников архивов и библиотек, которые помогли мне в процессе работы над книгой. Особенно я признателен О.Б. Бокаревой и И.Ю. Бровченко (Архив РАН), а также К.С. Дроздову (НА ИРИ РАН).

За безграничное терпение и веру в мои силы я благодарю свою супругу Катю.

Глава I

Начало пути историка: С.Б. Веселовский в дореволюционные годы

Для того чтобы заниматься критикой документа, надо уже быть историком, так как, по существу, критика документа означает сопоставление его со всем тем, что уже известно о рассматриваемом в нем предмете, о месте и времени, о которых он рассказывает. В каком-то смысле критика и есть сама история, и она становится все более утонченной по мере того, как история углубляется и расширяется.

*А. Про*¹

1.1. Юность, студенческие годы и первые публикации

Родился Степан Борисович 4 сентября (16 сентября) 1876 г. в дворянской семье. Отец – Борис Степанович (1829–1911) родился в Могилевской губернии, был выпускником Горы-Горецкого земледельческого института, после окончания которого работал агрономом, мать – Леонида Степановна (1845–1933) имела польское происхождение (урожд. Любич-Ермолович-Лозино-Лозинская)². Согласно мемуарам Леониды Степановны,

¹ *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 61.

² Воспоминания родителей Степана Борисовича: С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни / подг. и сост. А.Г. Макаров. М., 2010. С. 19–22; О его семье также в издании мемуаров В.С. Веселовского: *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Т. 1: 1900–1945. С. 17–24.

она жила в Каменец-Подольском, где и познакомилась с Борисом Степановичем (он приехал туда для покупки польского имения)³. По-видимому, немалую роль в формировании мотивации к дальнейшей научной деятельности и исследовательских интересов Веселовского сыграло окружение и родственные связи. Среди старших родственников были известные представители российской науки второй половины XIX – начала XX в.: экономист и статистик академик К.С. Веселовский (1819–1901) был дядей Степана Борисовича, историк литературы академик А.Н. Веселовский (1838–1906) – троюродный дядя, а археолог и востоковед Н.И. Веселовский (1848–1918), впоследствии член-корреспондент Академии наук, – двоюродный брат⁴. Среди младшего поколения «научной династии» Веселовских помимо Степана Борисовича следует выделить его родного брата – Б.Б. Веселовского (1880–1954), ставшего известным историком-аграрником, экономистом, автором четырёхтомного труда «История земства за сорок лет» (1909–1911)⁵.

Достоверных сведений о ранних годах Степана Борисовича, которые позволили бы обстоятельно проанализировать его мотивы вхождения в науку, крайне мало. Из его воспоминаний известно, что рос он в Москве. Дом располагался на Арбате, в Малом Власьевском переулке. Благодаря наличию богатой семейной библиотеки, чтение, как и для многих других будущих историков второй половины XIX – начала XX в., было одним из главных увлечений в детстве и юности⁶. Основу библиотеки составляла русская классическая литература XIX в. (упоминались такие авторы как А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, В.А. Соллогуб), «толстые» журналы, такие как «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и другие периодические и серийные издания. О главном увлечении детства Степан Борисович отметил следующее: «Я по целым дням из любопытства сидел на полу и рылся в грудах

³ С.Б. Веселовский. Семейная хроника. С. 25–26.

⁴ Аверьянов К.А., Кобрин В.Б. С.Б. Веселовский. С. 7; Дубровский А.М. Степан Борисович Веселовский. С. 6.

⁵ О научных трудах Б.Б. Веселовского: Колякова И.В. Общественная и научная деятельность Б.Б. Веселовского: дис... канд. ист. наук. Самара, 2003.

⁶ Гришина Н.В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX вв. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 159–161.

книг, читал заглавия и, найдя книгу с картинками, по целым часам сидел над ней смиренно или приставал к старшим с просьбой прочесть объяснения к картинке. Думаю, что это участие в разборе библиотеки подвинуло мою грамотность вперед более, чем уроки Александры Тимофеевны. Как сейчас помню первое издание “Тарантаса” Соллогуба с иллюстрациями, которые мне очень понравились. Все мы, дети, обратили внимание на эту книгу и с большим интересом читали ее. Путешествие на перекладных, остановки на постоянных дворах и т.д. – все это было нам знакомо, конечно, за более позднее время, которое мы сравнивали с рассказами Соллогуба»⁷.

Судя по автобиографиям Веселовского (1928, 1946), до 5-го класса он учился в московской гимназии, затем перешел в Тамбовскую губернскую классическую гимназию, в которой завершил обучение в 1896 г.⁸ После гимназии Веселовский поступил на юридический факультет Московского университета. Перспектива стать именно юристом не привлекала Веселовского, как видно из копии его университетского диплома и мемуаров⁹. Весной 1902 г., когда завершалось обучение в университете, он имел оценки «удовлетворительно» (аналог современной оценки «хорошо») по всем дисциплинам («Римскому праву», «Гражданскому праву», «Уголовному праву», «Уголовному процессу», «Торговому праву и процессу», «Международному праву») ¹⁰. Среди преподавателей Веселовского были такие историки права и правоведы как Д.Я. Самоквасов (1843–1911), П.Н. Мрочек-Дроздовский (1848 – не ранее 1919), Н.А. Зверев (1850–1917), П.Е. Соколовский (1860–1934), П.И. Числов (1862–1920), И.Х. Озеров (1869–1942)¹¹.

⁷ *Веселовский С.Б.* Первые воспоминания детства. № 3. С. 50.

⁸ АРАН. Ф. 636. Оп. 5. Д. 1. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 91208. Л. 4.

⁹ В мемуарных записях Веселовского (от 21 июля 1944 года, сделанных супругой Веселовского Ольгой Александровной) отмечено следующее: «Об университете у меня осталось очень мало воспоминаний, а еще меньше того хороших воспоминаний. Насколько помню, на первом курсе не было ни одного интересного талантливого профессора». – С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 216–217.

¹⁰ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 923. Л. 9.

¹¹ Большинство преподавателей из приведенного списка упоминалось в воспоминаниях Веселовского: С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 217–218.

После окончания университета Веселовский приступил к архивной работе, изучению истории косвенных налогов. Уже в первых работах молодого ученого прослеживается тяготение к вопросам, которыми он будет заниматься в последующие годы. Первой из таких работ¹² была небольшая статья «О Земском соборе»¹³, вышедшая 18 февраля (3 марта) 1905 г. в газете «Русь»¹⁴. Как отметил Л.В. Черепнин, в начале XX в. наблюдался рост количества публицистических текстов, посвященных земским соборам, особенно в 1905–1907 гг., в связи с созывом «нового собора для выработки конституции»¹⁵. Хотя статья Веселовского носит публицистический характер (в начале XX в. «Русь» рассматривалась как либеральная газета кадетского толка), она позволяет увидеть одни из дальнейших научных интересов историка: с одной стороны, правовые взаимоотношения, а с другой – финансовые вопросы в российской истории. Так, подготовив

¹² По всей видимости, авторству Веселовского также принадлежат небольшие критические обзоры печатных трудов, опубликованные в 1902 г. в литературно-политическом журнале «Русская мысль». В частности, обзоры работ Н.М. Катаева «Сельский кредит и крестьянское хозяйство в России», J. Merchant «Le Développement économique de la Russie». – Русская мысль. 1902. Кн. 12. С. 423–426. Автор обзоров не указан. Однако на авторство Веселовского указывают, во-первых, наличие текстов обзоров в личном фонде ученого, во-вторых, тематика (обе работы посвящены вопросам финансов / экономики, которыми будущий историк занимался еще в студенческие годы) и, в-третьих, язык публикации (вторая книга написана на французском языке, которым к тому времени владел Веселовский, о чем могут свидетельствовать его заграничные поездки в 1902–1903 гг. во Францию и Швейцарию: АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 91208. Л. 15). Несколько выбивается на общем фоне обзор работы французского химика и биолога П.Э. Дюкло (1840–1904) о социальной гигиене. На авторство указывает подпись: «С. В-ий». – АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 4. Л. 2. На осведомленность Веселовского о работах П.Э. Дюкло указывает также отсылка к французскому ученому на лекции от 13 мая 1939 г. – *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 243–244.

¹³ *Веселовский С.Б.* О Земском соборе // Русь. 3 марта 1905. С. 2.

¹⁴ С учетом большого количества газет с одноименным названием, уточню: газета публиковалась (с перерывами) с 1903 по 1908 гг., ранее имела название «Гласность».

¹⁵ *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 29.

к публикации документы об участии населения в Земском соборе, Веселовский сконцентрировался на вопросе о характере вовлечения людей: участие в Земском соборе рассматривалось им не как право, а обязанность сословных представителей. Кроме того, кратко проанализированы финансовые привилегии участников Земского собора 1649 г.

Следующая по хронологии публикация Веселовского – рецензия на первое издание на русском языке «Богословско-политического трактата» Б. Спинозы¹⁶. В целом, эта рецензия связана с университетскими интересами Веселовского, когда он занимался изучением философии права, в частности изысканий нидерландского философа¹⁷. Этот текст не вписывается в его дальнейшее научное творчество, однако, как и другие рецензии молодого ученого, позволяет глубже понять формирование научных принципов, норм и ценностей. Львиная доля замечаний была связана с неуместно выбранными вариантами перевода не только отдельных слов и словосочетаний, но и фрагментов, соответствующих по размеру многосложным предложениям, которые, как отметил автор рецензии, связаны со стремлением переводчика (трактат был переведен с латинского языка М.М. Лопаткиным¹⁸) чуть ли не дословно перевести текст. Цель переводчика представлялась исследователю гораздо более сложной: «наибольшая трудность для переводчика представляет не дословный перевод, а золотая середина, т.е. соединение точности перевода с изяществом слога»¹⁹.

Веселовский считал, что перевод должен не только соединять точность с изяществом слога, но и максимально упростить работу читателя с текстом. Ввиду того, что перевод текста и его оригинал к тому времени разделяли более 230 лет (трактат был написан Б. Спинозой в 1670 г.), необходимо было передать слова так, чтобы читатель мог беспрепятственно воспринять идеи философа, что, по мнению Веселовского, не всегда удавалось переводчику:

¹⁶ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Казань: тип-лит. имп. ун-та, 1906] // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 85. С. 482–487.

¹⁷ АРАН. Ф. 636. Оп. 5. Д. 1. Л. 1; ГАРФ. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 2.

¹⁸ Годы жизни не удалось обнаружить.

¹⁹ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Спиноза Б.], С. 483.

«Таким образом, переводчик неловкое выражение Спинозы передал из рук на руки читателю, предоставляя ему самому разбираться, в чем тут дело»²⁰. Внимание к языку, учет изменения / трансформации значения(й) слов / терминов со временем – неотъемлемая особенность археографического и источниковедческого подходов Веселовского, которая проявится в его дальнейшем научном творчестве.

Внимание к языку прослеживается и в небольшом критическом обзоре трудов, которые посвящены вопросам ревизии в местных учреждениях, бюджетного контроля и системы государственной отчетности²¹. Так, Веселовский отметил отсутствие различий в значении слов «контроль» и «ревизия» в первой работе²², что представляет важность ввиду зависимости используемой автором терминологии от поставленных в работе задач.

1.2. От истории косвенных налогов к истории прямых: государственное хозяйство России XV–XVII вв.

Ко времени первых публикаций Веселовского уже несколько лет велась активная архивная работа, вызванная интересом к истории государственного хозяйства в Московском государстве. Для понимания обстоятельств работы молодого ученого над этой темой необходимо выделить преобразования в архивном деле, которые существенно изменили исследовательскую деятельность историков к началу XX в. С середины XIX в. в Российской империи был облегчен доступ к работе с архивными материалами, были решены проблемы классификации и хранения дел, в частности, были

²⁰ Там же. С. 484.

²¹ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: *Василевский И.Р.* Государственный контроль, как охранитель народных интересов, за границей и в России. СПб., 1907; *Евзлин З.* Бюджетный контроль и система государственной отчетности при конституционном образе правления. СПб., 1907] // *Критическое обозрение.* 1907. Вып. 3. С. 58–60.

²² Там же. С. 59.

объединены фонды, находившиеся под опекой Министерства юстиции Российской империи, и в 1852 г. был создан Московский архив Министерства юстиции (далее – МАМЮ), что в совокупности позволило ученым привлечь широкий корпус источников, активно заняться археографической деятельностью²³. В этот же период стали наблюдаться изменения эпистемологических ориентиров российских историков – переход от повествовательных источников к документальным, что выразилось в развитии тем, основанных на архивных материалах, таких как история землевладения, экономического быта, местного управления, областных делений, службы отдельных групп населения и т.д., которыми занимались в том числе ученики В.О. Ключевского²⁴. В воспоминаниях П.Н. Милюкова содержится рефлексия о новых веяниях в российской исторической науке с конца XIX в., в том числе нараставшем интересе к экономической проблематике российской истории: «Наше поколение отбрасывало а limine представление об истории как повествовании о фактах. Гимназическое преподавание нас достаточно отучило считать генеалогии государей, даты их царствований, побед и поражений в войнах и так далее за настоящую историю. Отвергая всякое научное значение истории повествовательной, как бы красиво она ни была изложена, мы ждали от истории чего-то другого, что приближало бы ее к экспериментальной науке. Это требование, как мы уже знали относительно заграницы, удовлетворялось до известной степени переходом от истории событий к истории быта. Какого именно? Прежде всего, наиболее доступного наблюдению и учету. Таким был быт экономический»²⁵. В этих условиях была написана магистерская диссертация Ю.В. Готье о Замосковном крае в XVII в., основанная на обильной источниковой базе из архивохранилищ²⁶.

²³ Akelev E.V., Joukovskaia A.V. L'historien entre aux archives: Comment l'historiographie russe d'avant 1917 a découvert l'État moscovite // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2019. Vol. 74, №. 3–4. P. 603–605.

²⁴ Ibid. P. 607–608.

²⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 75–76.

²⁶ Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Развернутую рецензию на исследование Ю.В. Готье написал Веселовский²⁷. Основная часть критики сконцентрирована на источниковой базе работы²⁸. Согласно Веселовскому, построенное на основе лишь писцовых книг исследование о Замосковном крае выглядело так же, выражаясь метафорично, как «дом, построенный исключительно из дерева»: «Что сказали бы про архитектора, который задумал бы построить дом из какого-нибудь одного материала, например, исключительно из дерева, не задумываясь над тем, что крышу практичнее и красивее сделать из железа, фундамент и печи из камня и т.д.? Мы сказали бы, что это – любопытный, но не практичный, *tour de force* архитектурного искусства. Это – интересно, вызывает некоторое удивление, но не больше. В таком доме жить никто не станет по той простой причине, что жить в нем нельзя. То же самое с полным правом мы можем сказать про работу Ю. Готье. Здесь все построено из одного материала – из данных писцовых книг»²⁹.

При этом привлечение других источников (в рецензии выделяются приходные книги и особенно приказное делопроизводство) рассматривалось *не как дополнение* к источниковой базе исследования Ю.В. Готье, а *как необходимость* в достижении поставленной цели изучения экономического быта XVII в.³⁰: «Если

²⁷ Веселовский С.Б. [Рец. на кн.: Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1906] // ЖМНП. 1908. № 2. С. 413–431.

²⁸ В частности, к писцовым книгам, которые, в свою очередь составят источниковую базу исследования Веселовского о сошном письме.

²⁹ Веселовский С.Б. [Рец. на кн.: Готье Ю.В.]. С. 413.

³⁰ В самом начале рецензии Веселовский отметил, что некорректно выглядит само название исследования из-за внимания Ю.В. Готье исключительно к писцовым книгам: «книгу было бы правильнее озаглавить приблизительно так: что могут дать писцовые книги для изучения экономического быта Московского государства, или: опыт исследования некоторых сторон экономического быта по писцовым книгам». – Там же. С. 413. Схожие замечания об источниковой базе исследования Ю.В. Готье высказал Н.Н. Оглоблин (1852 – не ранее 1918) в письме С.А. Белокурову (1862–1918): «Он устроил себе там маленький загончик и топчется в нем, как шустрый жеребенок. Он игнорирует все, что находится за пределами его загончика, а именно там и “зарыта собака”... Был бы совсем иной разговор, если бы он скромно взял такую тему: “Писцовые и переписные книги как материал для изучения экономического быта Московской Руси”. Это было бы дело!». – Цит. по: Шохин Л.И. Московский архив. С. 205.

эти писцовые книги попадут в руки историка, который будет ими пользоваться, *не проверяя при помощи других документов* [курсив мой – Т.Х.], например, приходных книг и сметных списков, то не сделает ли он вывода, что благосостояние описанных городов значительно возросло к 133 году?»³¹.

Оценка труда Ю.В. Готье исходила из формировавшихся научных принципов молодого ученого. Рецензия была для Веселовского одним из способов научной коммуникации и организации исследовательской деятельности. Это, в частности, видно по первым строкам «Сошного письма...», в которых перечислены труды по истории народного хозяйства, в русло которых вписан фундаментальный труд Веселовского. В данном контексте рецензия рассматривалась как результат исследовательской деятельности, который, как и другие научные тексты, способствует постановке новых проблем, попытке выработать решение устоявшихся вопросов: «В этих работах и в рецензиях, вызванных ими [курсив мой – Т.Х.], некоторые вопросы были разрешены, а ряд других поставлен на очередь»³². В восприятии Веселовского выход рецензии негативно сказался на его взаимоотношении с Ю.В. Готье. Так, в контексте рассуждений о перспективах получения ученой степени за «Сошное письмо...» в дневниковых записях за 8 сентября 1916 г. он отметил, что может встретить препятствие со стороны М.М. Богословского и Ю.В. Готье. Веселовский намекнул, что препятствие со стороны последнего могло быть вызвано в том числе из-за оценки «Замосковского края...»³³.

³¹ Веселовский С.Б. [Рец. на кн.: Готье Ю.В.]. С. 422.

³² Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. I. С. III. О том, что рецензии Веселовского выходили за рамки разбора отдельной работы, подчеркивал Л.В. Черепнин. – *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский. С. 18. Следует также отметить, что на лекциях аспирантам в 1939 г. Веселовский неоднократно ссылался на дореволюционные рецензии и рекомендовал читать их с точки зрения поставленных в них вопросов и приведенных фактов. – *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 250–251, 286–287.

³³ Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 2. С. 111. Примечательно, что в дневниках Ю.В. Готье (с 1917 г.) уделено немного внимания Веселовскому, особенно на фоне записей о других историках московской исторической школы (М.М. Богословском, А.И. Яковлеве, С.В. Бахрушине). – *Готье Ю.В.* Мои заметки.

Как признался Веселовский в вводной части «Сошного письма...», труд Ю.В. Готье внес существенные корректировки в его первоначальные планы³⁴. Плодотворное изучение истории косвенных налогов было затруднено незнанием, во-первых, истории торговли и промышленности, во-вторых, специфики прямого обложения в Московском государстве. Труд Ю.В. Готье внес корректировку и в эти задачи. Согласно Веселовскому, полученные результаты не позволили перейти к решению двух задач. Иными словами, требовалось «сделать шаг назад», выявить условия, которые способствовали посошному обложению.

Ко времени издания рецензии предварительные результаты, полученные при изучении истории косвенных налогов, были изложены в исследовании «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича»³⁵ (далее – «Семь сборов...»), вышедшем из печати в 1908 г. В «Семи сборах...» отсутствует обоснование репрезентативности источниковой базы, что не позволяет причислить данный труд к монографиям³⁶. Отрывочность сведений из источников, отсутствие прочной источниковой базы отмечено и в предисловии: «Исследование этого интересного периода русской истории представляет большие трудности, вследствие гибели огромной части приказных доку-

³⁴ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. IV–V.

³⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. Одноименный доклад был прочитан Веселовским 25 января 1908 г. на 534-м заседании Общества истории и древностей российских. Тогда же состоялось и личное знакомство молодого ученого с В.О. Ключевским. – *Шокарев С.Ю.* Воспоминания С.Б. Веселовского о В.О. Ключевском и Д.Я. Самоквасове // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. I. С. 443.

³⁶ О монографии в контексте позитивистской парадигмы см. у Р. Дж. Коллингвуда (1889–1943): «С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только можно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников <...> Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала. Цель построения всеобщей истории была отброшена как пустая мечта, и идеалом в исторической литературе стала монография». – *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 122–123.

ментов в московском пожаре 1626 года. Приходится с большим трудом разыскивать соответствующие материалы и довольствоваться поневоле отрывочными данными»³⁷. Тем не менее ряд промежуточных результатов и выдвинутых гипотез Веселовского по истории налоговой системы Московского государства позволяют рассматривать данный труд как *научное исследование немонографического характера*³⁸. Данный вид историографических источников довольно часто встречался в российской исторической науке именно в конце XIX – начале XX в. На фоне кризиса классической модели исторической науки историки переосмысливали способ(ы) презентации результатов своих исследований. Так, все чаще появлялись работы, которые отличались от идеалов монографического исследования как не вполне систематизированные и обоснованные (применительно к источниковой базе), и все же вполне достаточные для выдвижения научных гипотез, их обоснования, а также обращения к новой исследовательской проблеме³⁹. Таким образом, *научное исследование немонографического характера* представляет собой результат глубокого анализа выбранной историком темы, но, в отличие от монографии, характеризуется стремлением предложить новый путь решения устоявшегося вопроса, обозначить постановку новой проблемы на основе имеющегося корпуса исторических источников⁴⁰.

В качестве примера подобных работ в начале XX в. можно привести исследование А.Е. Преснякова «Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий»⁴¹. Присутствие

³⁷ Здесь и далее цитаты из дореволюционных трудов историков приведены в соответствии с современными нормами русского языка: *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 3.

³⁸ Здесь и далее (во избежание путаницы) *научное исследование немонографического характера* (или в качестве синонимов *исследование / научный труд немонографического типа / характера*) как вид историографических источников выделяется курсивом.

³⁹ *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // *Профессия – историк* (к юбилею Л.П. Репиной). М., 2017. С. 350–351.

⁴⁰ Там же. С. 350–354.

⁴¹ *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909.

слова «очерки» в названии работы вызвано отходом от принятых к тому времени способов изложения результатов, идеалом которых была монография⁴². Полученные результаты он решил изложить в виде двух тесно связанных между собой «очерков»: «Выдвигая это понятие [княжое право] в заголовок книги, пытаюсь подчеркнуть, с одной стороны, тесную связь между обоими очерками, а с другой, крупное историческое значение, какое следует признать за изучаемыми в них явлениями, которые развиваясь в сфере междукняжеских владельческих отношений и в области, охваченной действием особой власти князя над группами населения, состоящими под специальной княжеской защитой, постепенно разрастаются в новый – удельно-вотчинный – уклад всего социально-политического строя русского»⁴³. Невозможность рассмотрения полученных результатов в виде монографии, по видимому, связано с рядом проблем, обозначенных в самом начале текста: отрывочность сведений из источников и вместе с тем необходимость решить другие вопросы, тесно связанные с темой исследования. Схожие трудности, например, подчеркивались и в труде А.С. Лаппо-Данилевского «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России»⁴⁴. В предисловии автор подчеркнул, что поставленная цель исследования не может быть достигнута в полной мере из-за состояния источников и литературы по теме⁴⁵. Аналогичную проблему отметил и М.А. Дьяконов (1855/56–1919) в «Очерках из истории

⁴² В определениях монографии в энциклопедиях и словарях конца XIX – начала XX в. делался акцент на объекте исследования. Например, в «Энциклопедическом словаре» монография – это «название сочинения, в котором единичный предмет или эпизод из какой-либо науки обработан как отдельное целое; реже – обозначение изложения целой научной дисциплины *одним* лицом». – Монография // Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. XIXа. С. 781. В схожем ключе дано определение монографии в других энциклопедиях. – Монография // Настольный энциклопедический словарь. М., 1897. Т. V. С. 3258; Монография // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1903. Т. XIII. С. 359.

⁴³ Пресняков А.Е. Княжое право. С. VI–VII.

⁴⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905.

⁴⁵ Там же. С. 1–2.

сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв.»⁴⁶, труде, впоследствии защищенном в качестве докторской диссертации. Проблема репрезентативности источниковой базы подчеркнута, как было отмечено выше, и в «Семи сборах...» Веселовского.

Следует отметить, что репрезентативность источниковой базы была скорее признаком (по крайней мере для исторической культуры конца XIX – начала XX в.), чем причиной перехода к новому способу изложения результатов научной работы. Данный способ был одним из результатов перехода от классической модели науки к неклассической. Для историков это выражалось в тенденции поделиться своими взглядами, идеями, способами изучения той или иной темы. Иными словами, все больше внимания придавалось роли историка в производстве научного знания. По этой причине решение исследователей изложить полученные результаты в виде «очерков» (которые, на мой взгляд, все же соответствовали *научному труду немонографического типа*) не всегда было связано с нехваткой исторических источников. В данном контексте интересный пример – труд знаменитого медиевиста и философа Л.П. Карсавина (1882–1952) «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков»⁴⁷. Автор «очерков», напротив, отметил большое количество источников по теме, их разнообразие, что также затрудняло работу. Автор поставил цель исследовать *наиболее значительные черты* религиозной жизни XII–XIII вв. В то же время Л.П. Карсавин в процессе работы над темой пришел к ряду важных наблюдений, которые, имели косвенное (с точки зрения темы) значение. Включение этих наблюдений, а также общая направленность исследования, по-видимому, и побудили назвать данный труд «очерками», которые, как отметил Л.П. Карсавин, имели «внутреннее единство»⁴⁸.

В случае «Семи сборов...» необходимо также учитывать, что это исследование было предварительным итогом работы ученого.

⁴⁶ Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1898. С. I–II.

⁴⁷ Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков. СПб., 1912.

⁴⁸ Там же. С. XVII–XX.

Помимо степени репрезентативности источниковой базы, другой маркер, позволяющий рассматривать этот труд как *научное исследование немонографического характера*, – наличие приложения в виде исторических источников, вошедших в основу работы. Роль, которую отводил им Веселовский, зафиксирована в предисловии «Семи сборов...»: «В приложении автор напечатал важнейшие документы, положенные в основу настоящей работы. Такого же приема он намерен придерживаться и в будущем, чтобы всякий читающий мог воспользоваться первоисточниками, *проверить выводы автора и сделать, быть может, более важные выводы, чем это удалось автору* [курсив мой. – Т.Х.]»⁴⁹. Веселовский, таким образом, не претендовал на объективное описание прошлой социальной реальности, а, осознавая возможную уязвимость своего построения, попытался объяснить (на основе полученных сведений) причины обращения правительства Михаила Федоровича к долевым налогам.

Основные выводы «Семи сборов...» уже рассматривались в историографии⁵⁰, поэтому я в большей степени сконцентрируюсь на вопросах историографической деконструкции. Изучение судьбы запросных и пятинных денег являлось первым шагом в исследовании истории финансов Московского государства XVII в. Для того, чтобы понять эволюцию этих сборов от пожертвования к прямому налогу, потребовалось воссоздать контекст – общее состояние доходов Московского государства в начале XVII в., когда появилась необходимость в запросных и пятинных деньгах. В работе прослеживается тяготение к тем видам источников, которые послужили основой и для дальнейших исследований историка: *акты* (в основном, указы и грамоты, привлеченные для анализа финансово-правовой терминологии, вопросов о чеканке монет, сопоставления данных о налоговых сборах, источниковедческого анализа: например, чтобы восстановить сведения из наказа пятинщикам или Соборного приговора⁵¹), *материалы государственного*

⁴⁹ Веселовский С.Б. Семь сборов. С. 3.

⁵⁰ Тихонов В.В. Московская историческая школа. С. 120–121; Дубровский А.М. Степан Борисович Веселовский. С. 19–21.

⁵¹ Веселовский С.Б. Семь сборов. С. 27.

и вотчинного учета (приходные и расходные книги, необходимые также для анализа вопроса о чеканке монет, и, главным образом, для учета сведений о размерах и сборах налогов)⁵².

Если для достижения поставленной цели привлечение указанных видов источников не вызывало сомнений, то все же, как отмечено в рецензии Е.Д. Сташевского (1884–1938), без учета ряда отдельных приходо-расходных книг (например, из дворцового архива за 1613–1618 гг. и актов из археографической экспедиции)⁵³ результаты исследования Веселовского оказались недостаточно точными. Так, согласно Е.Д. Сташевскому, в работе не учтено несколько чрезвычайных налогов (налог на наем крымских и немецких людей, шубный сбор, а также сбор на содержание служилых людей)⁵⁴, что было одним из главных недостатков исследования в связи с отмеченной автором рецензии одной из ключевых задач Веселовского – «рассмотреть судьбу запросных и пятинных денег в связи со всеми остальными финансовыми мерами московского правительства и, следовательно, в связи с условиями народного хозяйства того времени»⁵⁵. В целом, рецензия Е.Д. Сташевского содержит немало критических замечаний, которые преимущественно связаны со степенью принуждения первых запросных сборов⁵⁶, происхождением первой пятины⁵⁷, объектом налога⁵⁸, изменением в структуре налогов по инициативе правительства / населения⁵⁹. Среди откликов на исследование Веселовского были

⁵² В письме от 21 сентября 1908 г. М.А. Дьяконову Веселовский отметил широкий круг источников, который позволил ученому проследить состояние фискального механизма в годы Смуты и начала правления Михаила Федоровича. – Переписка С.Б. Веселовского. С. 75–81.

⁵³ *Сташевский Е.Д.* [Рец. на: *Веселовский С.Б. Семь сборов*] // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. XXIII. С. 191, 169–170.

⁵⁴ Там же. С. 169–172.

⁵⁵ Там же. С. 166.

⁵⁶ Е.Д. Сташевский считал утверждение Веселовского о первых сборах запроса как добровольных пожертвованиях слишком категоричным. В итоге, были приведены примеры из источников, которые, согласно Е.Д. Сташевскому, свидетельствуют о некоторой степени принудительности сборов. – *Сташевский Е.Д.* [Рец. на: *Веселовский С.Б. Семь сборов*]. С. 172–174.

⁵⁷ *Сташевский Е.Д.* [Рец. на: *Веселовский С.Б. Семь сборов*]. С. 176–178.

⁵⁸ Там же. С. 180–182.

⁵⁹ Там же. С. 185–188.

еще два небольших обзора: в «Историческом вестнике»⁶⁰ и «Русском богатстве»⁶¹, которые имели реферативный характер.

Ряд вопросов фискальной политики Московского государства Веселовский проанализировал, обращаясь к аналогичному опыту в Европе. На мой взгляд, это обращение было связано не столько с иллюстрацией того, что схожие процессы происходили и в других частях Европы, сколько с поиском объяснительной модели, интерпретации анализируемых вопросов. Так, чтобы ответить на вопрос о причине установления налога, размер которого являлся кратным пяти, автор исследования проанализировал схожий принцип обложения в Англии и Франции с XII в. и до конца XVIII-го. Тем не менее, как рассуждал Веселовский, налоговая система Московского государства XVII в. имела принципиальные отличия: «Ведь на Западе нельзя было почерпнуть идею пятой деньги из законного роста, так как там в средние века отдача денег в рост была строго запрещена законами, а когда запретительные законы были отменены, то законный процент был совершенно иной, чем в Московском государстве начала 17-го века. Приходится искать другого объяснения этому интересному факту»⁶². В итоге, по предположению Веселовского, причина этого факта связана с удобством и привычкой счета: «Чем это объясняется? Нам кажется, что причина здесь та же, которая побудила современные культурные народы принять десятиричную систему счисления, т.е. такую, при которой каждые 10 единиц низшего порядка образуют 1 единицу следующего высшего порядка. Число 10 лежит в основе всей системы. По предположению математиков эта система произошла от привычки людей считать по пальцам»⁶³.

Другой пример – анализ механизма как репартиционных, так и квотативных налогов в Англии XIV в. и Франции XV в. чтобы прояснить их устройство в Московском государстве начала

⁶⁰ [Рец. на: Веселовский С.Б. Семь сборов] // Исторический вестник. 1909. Т. 118. С. 1137.

⁶¹ [Мякотин В.А.] [Рец. на: Веселовский С.Б. Семь сборов] // Русское богатство. 1910. № 8. С. 109–111.

⁶² Веселовский С.Б. Семь сборов. С. 53.

⁶³ Там же. С. 54.

XVII в.⁶⁴ Веселовский подчеркивал, что эффективность сбора квотативных налогов зависела от «зрелости» финансовой системы государства, т.к. одна из главных трудностей этих налогов – установка справедливых и равномерных размеров для конкретных групп плательщиков. В случае произвола в обложении квотативными налогами они неизбежно становятся репартиционными. Веселовский обратился к опыту других европейских стран, преследуя задачу показать общую логику развития данного процесса.

Как видно из приведенных примеров, автор для интерпретации исторических процессов / фактов обращался к европейскому опыту разных периодов. Следование принципу аналогии было необходимо, чтобы прояснить малоизвестный / спорный вопрос в историографии через более известные случаи, стараясь лучше понять суть того или иного исторического процесса / факта.

Заслуживают внимание также особенности обращения Веселовского к историографии. В «Семи сборах...» выделяются две группы работ. К первой отнесены труды, обращение к которым связано с типичной *историографической практикой – изложением предшествующего опыта*⁶⁵. Так, обращение к магистерской диссертации П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»⁶⁶ было необходимо для изучения вопроса о практике употребления слова «запрос» в источниках не только XVII в., но и XVIII-го, а также в связи с анализом того, какие слои населения были освобождены от пятины и рассмотрением степени тяжести сбора⁶⁷. Для исследования вопроса о чеканке монет⁶⁸ привлекались, помимо диссертации П.Н. Милюкова, труды М.П. Заблоцкого-Десятовского⁶⁹ (1816–1858), С.М. Соловьева⁷⁰ (1820–1879), Д.И. Про-

⁶⁴ Там же. С. 72.

⁶⁵ Подробнее о способах освоения интеллектуального наследия в историографии: Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых. С. 58–87.

⁶⁶ Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

⁶⁷ Веселовский С.Б. Семь сборов. С. 9, 31, 83.

⁶⁸ Там же. С. 14–15.

⁶⁹ Заблоцкий-Десятовский М.П. О ценностях в Древней Руси: историческое исследование. СПб., 1854.

зоровского⁷¹ (1820–1894). Обращение к ранее упомянутой магистерской диссертации Ю.В. Готье о Замосковном крае в XVII в. было необходимо для анализа причин о необходимости сбора пятины⁷².

Один из наиболее часто упоминаемых трудов в «Семи сборах...» был «Курс русской истории»⁷³ В.О. Ключевского (наряду с упомянутым трудом П.Н. Милюкова). На фоне трудов других российских исследователей «Курс русской истории» выделялся тем, что принцип обращения к нему был связан не с типичной историографической практикой⁷⁴, как в случае с трудами других российских исследователей, а скорее *рецепцией*. Анализируя вопрос о субъектах пятинного сбора, Веселовский отталкивался от мысли В.О. Ключевского о различных толкованиях циркуляра дьяками. Веселовский дополнил ее и предположил, что именно разное восприятие циркуляра привело к беспорядочности в сборе пятины: если изначально сбор был рассчитан на торговцев и промышленников, то затем это было перенесено и на другие слои населения⁷⁵.

Наиболее отчетливо практика рецепции в «Семи сборах...» прослеживалась при обращении к трудам зарубежных исследователей (в том числе представителей неисторических областей научного знания). В начале второй главы Веселовский пришел к выводу, что не во всех обнаруженных им случаях первая пятинна

⁷⁰ Предположительно, Веселовский пользовался изданием «Истории России с древнейших времен» 1895–1896 гг.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 6–10. СПб., 1896.

⁷¹ *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в древней России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

⁷² Одной из причин было разорение, связанное со смутой, которое привело к расстройству сошного письма. Веселовский не видел необходимости подробно описывать это разорение. В историографии этот вопрос, согласно Веселовскому, был подробно изучен. Одной из последних к тому времени работ, в которой этот вопрос рассматривался, была написана Ю.В. Готье, вышедшая за два года до «Семи сборов...»: *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 19.

⁷³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 3-е изд. М., 1908. Ч. 1.

⁷⁴ Кроме ранее упомянутых случаев обращения, можно также выделить приведенные Веселовским точки зрения историков на объект пятинного сбора. – *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 49–50.

⁷⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 30–31.

имела характер налога. Для некоторых лиц она имела характер принудительного займа. Чтобы показать различия между ними с точки зрения фискальной политики правительства, историк обратился к опыту займов во Флоренции XIV–XV вв., ссылаясь на курс лекций Ж.-Б. Леона Сэя (1826–1896) по политической экономике⁷⁶. Если первые три лекции французского экономиста были посвящены анализу теоретических вопросов взаимодействия демократических принципов и фискальной системы, то четвертая представляла собой анализ устройства демократической финансовой системы во Флоренции. Фрагмент из четвертой заключительной лекции и процитирован в «Семи сборах...»⁷⁷.

Заимствование примеров из трудов коллег для объяснения особенностей схожих процессов / явлений в собственном исследовании прослеживается и в заключительной части третьей главы «Семи сборов...», в которой процитирована работа «Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века»⁷⁸ английского специалиста по экономической истории У. Каннингема (1849–1919). С иллюстрации анализа отношения англичан к квотативным налогам в труде английского историка и начинался абзац, в котором показана логика перехода квотативных налогов к репартиционным⁷⁹. В данном вопросе схожий принцип обращения был и к трудам французских экономистов⁸⁰, с которыми молодой ученый мог быть знаком еще со времен работы над дипломным исследованием о финансах дореволюционной Франции⁸¹.

Труды, обращение к которым связано с практикой рецепции, во многом были теоретико-методологическим ориентиром для Веселовского. В «Семи сборах...» отразились эвристические поиски молодого исследователя. Опора на работы зарубежных ученых

⁷⁶ *Say L.* Les Solutions Démocratiques de La Question Des Impôts: Conférences Faites A L'Ecole Des Sciences Politiques. Paris, 1886. Т. 1.

⁷⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 30.

⁷⁸ *Каннингем У.* Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. М., 1904.

⁷⁹ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 72.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ГАРФ. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 2.

была попыткой компенсировать возможные «пробелы», связанные с отсутствием исторического образования, что, в частности, признавал сам Веселовский в воспоминаниях в 1940-е годы: «Однажды я выразил В.О. [Ключевскому] сожаление, что занятия юридическими и экономическими дисциплинами не дали мне возможности хорошо ознакомиться с исторической литературой, что в этом отношении у меня большие пробелы в подготовке к самостоятельной работе. На это В.О. [Ключевский] живо сказал: “Ваше счастье, что Вы этого не знаете! Знание так называемой литературы вопросов дает очень мало. А Вы обладаете бóльшим и гораздо более ценным: Вы знаете источники, любите их и умеете с ними обращаться. А литературные мнения, часто высказываемые походя, без знания источников, засоряют голову и мешают непосредственному подходу к источникам”»⁸².

В 1909 г. учениками и коллегами В.О. Ключевского был издан сборник трудов, приуроченный ко «дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете»⁸³. В этом сборнике опубликована статья Веселовского об азартных / закладных играх в Московском государстве⁸⁴, которая была написана на основе доклада «Азартные игры – чернь, карты, шахматы и яичный бой – как источник дохода Московского государства в XVII веке» в закрытом заседании Императорского Общества истории и древностей российских (ОИДР) в декабре 1908 г.⁸⁵ К тому времени Веселовский уже сконцентрировался на истории прямых налогов, но, по-видимому, имевшиеся ко времени подготовки сборника результаты работы по истории косвенных налогов (в частности, по азартным играм как источнику косвенных налогов) он решил изложить в виде статьи.

⁸² АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 85а. Л. 1–2. Воспоминания Веселовского о В.О. Ключевском частично опубликованы. Некоторые фрагменты (в том числе вышеприведенный) отсутствуют в изданной версии (в качестве приложения): *Шокарев С.Ю.* Воспоминания С.Б. Веселовского. С. 441–445.

⁸³ Цитата приведена из титульного листа сборника: Сборник статей, посв. В.О. Ключевскому. М., 1909.

⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в. // Сборник статей, посв. В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 291–316.

⁸⁵ Азартные игры в XVII веке // Русское слово. 1908. 13 декабря (30 ноября). № 278. С. 6.

В статье прослеживается свойственный Веселовскому экономико-юридический подход. Проблема существования «зерни и карт», а также других азартных игр в XVII в. рассматривалась с законодательной точки зрения: через Соборное Уложение 1649 г. (Глава XXI. О розбойных и о татинных делех), воеводские наказания, документы приказного делопроизводства. Несмотря на законодательный запрет (например, по указу от 27 июня 1639 г.), на практике азартные игры были широкого распространены. На основе делопроизводственных материалов и законодательных источников Веселовский объяснил такое противоречие фискальной политикой в Московском государстве: государственная казна пополнялась за счет монополий (на содержание кабака, в котором проводились азартные игры), которые приобретал откупщик. Веселовский пришел к выводу, что система монополий просуществовала, по-видимому, до 1649 г., однако практика азартных игр не была полностью прекращена во второй половине XVII в. В итоге, достижение относительно узкой цели потребовало от исследователя решение более широкой задачи – изучение роли мелких монополий (хотя и в общем виде) в фискальной политике Московского государства XVII в.

Еще одна статья, написанная по следам «Семи сборов...», – «Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском»⁸⁶. Статья выстроена в полемическом ключе. Причина ее написания – труд И.И. Кауфмана (1848–1915/1916) о серебряном рубле⁸⁷. Это исследование, опубликованное в 1910 г., ставило под сомнение наблюдения из «Семи сборов...» о начале чеканки более легкой монеты при Василии Шуйском. Согласно И.И. Кауфману, этот процесс приходился на 1613 г., когда к власти пришел Михаил Федорович. Веселовский решил снова обратиться к этому сюжету, который в «Семи сборах...» имел второстепенное значение. В «Семи сборах...» вопрос о чеканке монет был поднят для иллюстрации положения казны в период после Смуты.

⁸⁶ *Веселовский С.Б.* Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском. М., 1912. В следующем году статья была опубликована в «Нумизматическом сборнике».

⁸⁷ *Кауфман И.И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века: опыт исследования. СПб., 1910.

В статье выделяются три части. Первая – контекстная: Веселовский кратко изложил положения аргументации из «Семи сборов...», против которых возражал И.И. Кауфман, чтобы перейти к анализу точки зрения своего оппонента. После анализа аргументации И.И. Кауфмана Веселовский снова возвратился к изложению своей аргументации для уточнения ряда вопросов, которые не были отмечены в первой части статьи. Аргументация И.И. Кауфмана была подвергнута сомнению с источниковедческой точки зрения. Веселовский не согласился ни с одним из ключевых аргументов своего оппонента. Согласно Веселовскому, они не подкреплялись точными сведениями и были основаны на допущениях / предположениях. Так, Веселовский не мог принять аргумент об альмарковой поверке, т.к. он полностью зависел от вопроса о неизменности стопы монеты во вторую половину царствования Василия Шуйского. Точными сведениями И.И. Кауфман, согласно Веселовскому, не располагал. Не мог принять и данные, привлеченные из Торговой книги, ввиду отсутствия сведений о происхождении различных редакций и времени создания. В схожем ключе были отвергнуты данные из книги Денежного двора. Этот источник, как отметил Веселовский, относится не к Московскому денежному двору, а к Новгородскому. Таким образом, аргументы И.И. Кауфмана были не просто неточными, а принципиально неверными с точки зрения Веселовского, что и побудило его написать статью, вместе с тем уточнить свою точку зрения в отдельной работе⁸⁸.

Если «Семь сборов...» было первым исследованием Веселовского по истории фискальной политики Московского государства, то статья 1910 г. «Посадская соха в первой половине XVII века»⁸⁹ стала следующим этапом в этом направлении и, по сути,

⁸⁸ В дальнейшей дискуссии (в дореволюционные годы) о понижении веса монеты участвовал нумизмат С.И. Чижов (1870–1921). Подробнее: *Зверев С.В.* Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг. История атрибуции // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7 (50). С. 156–157.

⁸⁹ Статья была опубликована в двух частях: *Веселовский С.Б.* Посадская соха в первой половине XVII века // ЖМНП. Новая серия. 1910. Ч. XXVII. С. 1–42; Ч. XXVIII. С. 1–48.

первым промежуточным результатом в изучении сошного письма⁹⁰. Изначально, содержание статьи рассматривалось как часть будущего двухтомника о сошном письме⁹¹. Веселовского убедил поделиться предварительными результатами исследования М.А. Дьяконов и поспособствовал публикации именно в «Журнале Министерства народного просвещения»⁹².

Статья не вписана автором в историографический контекст. Тем не менее при постановке проблемы изучения сошного письма и прямого налогообложения через писцовые книги присутствует скрытая дискуссия – обозначены недостатки источниковедческого изучения данного вида источников, но не названы конкретные авторы: «К сожалению, работа начата не с того конца, с которого следует. Целый ряд исследователей посвятили свои силы разработке содержания писцовых книг, не зная еще доподлинно, как и для чего он составлялись. Неумеренное пользование знакомством с четырьмя действиями арифметики, или, выражаясь более почтительно, “статистическая обработка” писцовых книг, в значительной степени способствовали поднятию престижа работ этого рода в глазах читателя»⁹³. В этом же фрагменте отмечен принцип источниковедческого анализа Веселовского: скептическое отношение к статистическому анализу вызван, с учетом его направленности,

⁹⁰ В письме от 24 февраля 1908 г. М.А. Дьяконову Веселовский отметил следующее: «Надеюсь за лето окончить свой этюд о сошном письме. Буду его печатать наскоро, на свой счет». – Переписка С.Б. Веселовского. С. 74. В комментариях к переписке указано, что речь идет об издании двухтомника о сошном письме. На мой взгляд, в данном случае Веселовский, скорее всего, писал про будущую статью 1910 г. о посадской сохе, т.к. на это указывает готовность опубликовать предварительные результаты исследования в ближайшее время.

⁹¹ Статья была переработана в главу (с одноименным названием) и в дополненном виде была включена в двухтомник: *Веселовский С.Б. Сошное письмо*. Т. II. С. 263–337.

⁹² Об этом попросил М.А. Дьяконова сам Веселовский (в письме от 17 октября 1909 г.) и хотел опубликовать статью как можно раньше (в первой половине 1910 г.), особенно с учетом того, что Веселовский был не вполне удовлетворен предыдущим опытом взаимодействия с журналом из-за затягивания публикации его рецензии на книгу Ю.В. Готье. Как видно из их переписки, М.А. Дьяконов порекомендовал статью Веселовского редактору журнала – Э.Л. Радлову (1854–1928). – Переписка С.Б. Веселовского. С. 105–110.

⁹³ *Веселовский С.Б. Посадская соха*. С. 1.

сразу на анализ содержания источника. Минуя анализ происхождения, который позволил бы исследователю приблизиться к пониманию видовой особенности источника, анализ содержания мог бы привести к некорректным выводам.

Что касается скрытой дискуссии, то Веселовским подразумевались, по всей видимости, труды Н.А. Рожкова (1868–1927) и Ю.В. Готье, тесно связанные с писцовыми книгами⁹⁴. На это, как минимум, указывает письмо Веселовского М.А. Дьяконову от 3 апреля 1909 г., в котором также выражены сомнения в статистическом анализе писцовых книг: «Вы как-то высказывали удивление, как он [Ю.В. Готье] не нашел ничего, просмотрев массу писцовых книг, по истории сошного письма. Это объясняется тем, что он брал писцовую книгу и “обрабатывал” ее статистически по-рожковски. Нужно направить все силы к тому, чтобы устранить это вредное направление среди начинающих историков»⁹⁵.

Скрытая историографическая дискуссия также прослеживается и в основной части статьи⁹⁶. Приводить результаты историографического анализа в собственных работах – нехарактерная черта в трудах Веселовского, по крайней мере в дореволюционные годы. К работам предшественников он обращался либо из теоретико-методологических соображений, как это было в «Семи сборах...», либо в контексте отдельных вопросов исследования⁹⁷. По мысли Веселовского, исследователь должен учитывать пред-

⁹⁴ О подходах работы Н.А. Рожкова и Ю.В. Готье с писцовыми книгами: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 100–115; *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5, № 8(31). URL: <https://history.jes.su/s207987840000934-6-1/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁹⁵ Переписка С.Б. Веселовского. С. 101.

⁹⁶ *Веселовский С.Б.* Посадская соха. № 5. С. 29–30.

⁹⁷ Такой характер обращения, хотя и с оговоркой, можно заметить в «Сошном письме». В первых строках «Сошного письма» лишь перечислены предшественники Веселовского, однако в основной части текста нередко отдельные вопросы рассматривались в контексте историографических дискуссий. Например, прежде чем приступить к анализу того, что представляла собой четь, Веселовский привел мнения предшественников по данному вопросу: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. 5–7.

шествующую историографию, но в тексте ему следует сконцентрироваться на результатах собственного труда. Этот принцип можно рассматривать как маркер неклассической модели исторической науки, т.к. полемика прослеживается в тех случаях, где, с точки зрения Веселовского, была неубедительная / ошибочная интерпретация предшественников.

Необходимо также учитывать, что этот «историографический принцип» неоднократно подчеркивался в рецензиях и отзывах историка⁹⁸. В случае же статьи о посадской сохе необходимо также учитывать, что она, как уже было отмечено, изначально рассматривалась как часть «Сошного письма...». Ряд вопросов, которые было бы желательно изложить, как оговорено Веселовским в вводной части, будут рассматриваться в дальнейшем более детально⁹⁹, в том числе, по-видимому, относительно историографических дискуссий.

В статье о посадской сохе объяснительные конструкции построены исключительно на исторических источниках, в то время как в предыдущем исследовании «Семь сборов...» была также активно вовлечена историография, ставшая теоретико-методологическим ориентиром для историка. На рубеже 1900-х – 1910-х гг. Веселовским уже был накоплен достаточный материал для выдвижения ряда гипотез о структуре налоговой системы Московского государства, места в ней сошного письма, а также о причинах и условиях упадка посошного обложения. В статье изучение сошного письма предпринято непосредственно через изучение деятельности писцов. Данный подход был вызван состоянием сошного письма еще в начале XVII в. Согласно Веселовскому, государство нуждалось в выработке общегосударственной окладной единицы для более эффективного налогового сбора. Достижение этой цели требовало решения задачи изменения в описании податных сил населения. Однако для осуществления этой задачи у правительства не было достаточно средств, тем не менее решение данной проблемы было возложено на писцов.

⁹⁸ Например, *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: *Островская М.А.* *Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII вв.* СПб., 1913] // *Голос минувшего.* 1914. № 5. С. 268; *Его же.* *Труды по источниковедению.* С. 160.

⁹⁹ *Веселовский С.Б.* *Посадская соха.* № 5. С. 2.

Изучение писцового делопроизводства сопровождалось многолетней, к началу 1910-х гг., работой в архивах, в ходе которой складывались наблюдения, в том числе и по смежным темам. Одни из таких наблюдений Веселовский решил оформить в небольшом тексте в сборнике работ 1911 г., который посвящен С.Ф. Платонову¹⁰⁰. Публикация в сборнике именно этого текста была вызвана сжатым сроком до отправки. Как видно из письма от 23 марта 1910 г. В.Г. Дружинину, Веселовский предположил, что при наличии большего времени мог бы отправить статью о Белозерском крае¹⁰¹. В письмах В.Г. Дружинину Веселовский определил свое произведение как статью¹⁰², по-видимому, по формальным критериям: из-за краткости изложения и типа издания, в котором она вышла. Обращает на себя внимание структура и содержание работы: текст поделен на две части и в нем рассмотрены *две различные проблемы*, связанные темой Боярской думы¹⁰³.

В первой части текста рассмотрены вопросы формулировок приговоров Боярской думы¹⁰⁴. Обращение к данной теме вызвано пристальным вниманием Веселовского к вопросам писцовой практики: в материалах Поместного приказа за период правления Михаила Федоровича были обнаружены доклады, в которых присутствовали выражения «*бояре приговорили*» и «*бояре поговорили*», которые, по предположению Веселовского, имели принципиально разное значение. Эта, на первый взгляд, незначительная деталь была релевантна для точного определения принятия решения по определенному вопросу. Так, «*бояре приговорили*» означало принятие решения Боярской думой, а использование выражения «*бояре поговорили*» свидетельствовало о неразрешенности вопроса. Эта тема получила развитие в работе В.И. Саввы

¹⁰⁰ Веселовский С.Б. Две заметки о Боярской думе // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб., 1911. С. 299–310. Переписка Веселовского с В.Г. Дружининым в 1910 г. о включении статьи первого в сборник: Переписка С.Б. Веселовского. С. 38–42.

¹⁰¹ Приложение 1. Письмо № 4.

¹⁰² Там же. Письма № 7–9.

¹⁰³ Замечу, что на страницах сборника текст Веселовского разбит разделительной линией. – Веселовский С.Б. Две заметки. С. 305.

¹⁰⁴ Веселовский С.Б. Две заметки. С. 299–305.

(1865–1920), в которой проанализированы те же выражения в источниках второй половины XVI в.¹⁰⁵

Во второй части рассмотрены функции Разрядного приказа, характер его взаимодействий с боярской думой и государем в XVII в.¹⁰⁶ Отправной точкой для размышлений послужило высказывание В.О. Ключевского из работы «Боярская дума Древней Руси»¹⁰⁷, в которой отмечена не только военно-административная функция Разрядного приказа, но также канцелярская, в качестве посредника между высшим правительством и другими приказами. С точки зрения Веселовского, это утверждение может быть верно лишь для конца XVII в., а в более ранний период эту функцию мог выполнять любой приказ по воле государя¹⁰⁸. Эта гипотеза была рассмотрена на основе хорошо знакомых Веселовскому материалов управления кабацких доходов как одной из отраслей правительственной деятельности. Как видно в исследовании «Семь сборов...», к вопросам кабацких доходов, наряду с таможенными, он неоднократно обращался для анализа косвенных налогов в социально-экономической системе Московского государства¹⁰⁹.

Таким образом, «заметки» представляли собой две статьи: прослеживалась постановка двух лишь формально связанных проблем, выделены гипотезы по разным вопросам, что в итоге выразилось и в нестрогом соблюдении структуры текста. По-видимому, публикация именно в таком виде была вызвана условиями работы над текстом (как было ранее отмечено, работа велась в сжатые сроки) и требованиями редакции. В письме В.Г. Дружинину от 7 сентября 1910 г., в котором речь шла, судя по всему, о публикации в сборнике, Веселовский сожалел о полученном результате: «Не могу удержаться, чтобы не выразить еще раз сожаление о незначительности статьи. Это Вы виноваты.

¹⁰⁵ *Савва В.И.* Заметки о Боярской думе в XVI веке // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Петроград, 1917. С. 55–72.

¹⁰⁶ Там же. С. 305–310.

¹⁰⁷ Веселовский привлек 3-е издание работы: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902.

¹⁰⁸ *Веселовский С.Б.* Две заметки. С. 306.

¹⁰⁹ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 81–88.

Если бы Вы мне дали место, то я написал бы что-нибудь получше»¹¹⁰.

Другая работа Веселовского по теме смутного времени – «Белозерский край в первые годы после Смуты»¹¹¹, вышедшая из печати посмертно. Согласно Л.Г. Дубинской и А.М. Дубровскому, которые подготовили текст к публикации, работа датируется между 17 октября 1908 г. (Веселовский в письме М.А. Дьяконову упомянул источник, который войдет в основу исследовательского текста) и 7 мая 1917 г. (в рукописи также содержалось небольшое эссе, под которым стояла именно эта дата)¹¹². По-видимому, работа была написана ближе к верхней хронологической границе. Доклад Веселовского со схожим названием («Белозерский край в первые годы царствования Михаила Федоровича») был упомянут в письмах-приглашениях от ОИДР и был запланирован на 18 марта 1913 г.¹¹³ О том, что текст про Белозерский край вряд ли был написан раньше свидетельствует прежде упомянутое письмо Веселовского В.Г. Дружинину от 23 марта 1910 г., в котором он выразил сожаление, что не успеет подготовить статью «о послесмутных настроениях или о состоянии Белозерского края»¹¹⁴ для сборника работ, посвященного С.Ф. Платонову¹¹⁵.

Во вступительном тексте Л.Г. Дубинской и А.М. Дубровского работа о Белозерском крае указана как статья. Однако по видовым характеристикам эта посмертно изданная работа относится скорее к *историческим очеркам*. В тексте Веселовского отсутствует четко установленная цель работы, рефлексия о проблеме исследования, обоснование репрезентативности источниковой базы.

¹¹⁰ Приложение 1. Письмо № 7.

¹¹¹ *Веселовский С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. Сборник РГАДА. М., 2002. Вып. 7. С. 276–296.

¹¹² Там же. С. 276–277. Эссе (имело публицистический характер и посвящено теме интеллигенции) расположено сразу после текста о Белозерском крае. – АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 73. Л. 46–48.

¹¹³ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 141. Л. 9. Воспоминание об этом докладе Веселовский зафиксировал в дневниках: *Веселовский С.Б.* Дневники. 2000. №. 2. С. 105.

¹¹⁴ Приложение 1. Письмо № 4.

¹¹⁵ Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб., 1911.

Был затронут широкий круг вопросов, изложенных в кратком виде: историко-географическая характеристика края, его основные ремесла, фискальное положение, специфика землевладения и другие социально-экономические вопросы, затем повествование сконцентрировано на вопросах разорения края, отношения к этому местного населения. Отмечу также свободный стиль изложения, близкий к популярному, что прослеживается в ряде нижеприведенных примеров: «Взятие Новгорода шведами, а Москвы поляками повергало белозерцов в уныние и безнадежность», «Во всем этом, по-видимому, много преувеличений и неправды, но говорит пословица – нет дыма без огня», «Было бы очень интересно описать последовательно все набеги литвы и русских воров на Белозерский уезд, но это заняло бы много времени», «Чтобы несколько смягчить впечатление от этих мрачных фактов, отметим проявления, иногда совершенно неожиданные, лучших сторон человеческой природы», «Эти факты очень трудно доказать, быть может, даже невозможно, но они чувствуются в массе документов этого времени»¹¹⁶.

При этом данный текст как очерк ближе к *научному типу исторического знания*, чем социально ориентированному историописанию. На это указывает аргументация, основанная на исторических источниках (преимущественно акты материалы), в том числе из архивохранилищ, что свидетельствует о стремлении автора привнести новые (хотя и не строго систематизированные) сведения. В рефлексии Веселовского над этой работой (в дневниковых записях от 19 февраля 1916 г.) было подчеркнuto, что она представляет собой «яркую бытовую картину», но все же не имеет четкого тезиса, основной мысли¹¹⁷. Сомнениями относительно ключевой идеи, по-видимому, и объясняется то, что Веселовский не успел подготовить текст к публикации.

В 1912 г. вышел из печати III-й том «Русской истории в очерках и статьях»¹¹⁸ (далее – «Русская история...»). Серия сборников

¹¹⁶ Веселовский С.Б. Белозерский край. С. 280, 281, 288, 291, 294.

¹¹⁷ Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 2. С. 105.

¹¹⁸ Русская история в очерках и статьях / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. III. «Русская история...» позиционировалась как переиздание «Книги для чтения по русской истории» (1904).

выстроена по проблемно-хронологическому принципу. III-й том охватывал российскую историю преимущественно XV–XVII вв. Текст Веселовского, опубликованный в этом томе, посвящен приказной системе Московского государства¹¹⁹. Как вид историографических источников этот текст ближе всего соответствует *историческому очерку*¹²⁰ и относился скорее к социально ориентированному историописанию, чем научной истории. На это указывает, во-первых, первая же ссылка в тексте. В ней указана предшествующая литература по теме приказов, а также отмечено, что «вполне удовлетворительного общего обзора истории приказной системы нет, так как история большинства отдельных приказов не исследована»¹²¹. Как видно из дальнейшего содержания, Веселовский намеревался сделать именно обзор истории приказной системы. Вышеупомянутая сноска помещена исходя из особенности издания: ее расположение в самом начале текста (в конце названия работы) с указанием в ней предыдущих трудов по теме – характерная черта этих томов¹²². Во-вторых, в тексте отсутствует обоснование репрезентативности источниковой базы. Текст выстроен на основе предшествующей литературы (не являясь при этом историографическим исследованием), в том числе собственных изысканий Веселовского о налоговой системе Московского государства¹²³. Обращает на себя внимание также роль ссылок / сносок. В монографиях, статьях и иных видах историографических источников, которые направлены на получение нового знания, ссылки / сноски часто служат для подкрепления авторского утверждения (и, соответственно, возможности проверки этого утверждения через приведенную ссылку / сноску). В данном случае они использованы из иных соображений: для уточнения, отсылки к труду по упомянутой теме, комментария / заметки по определенному вопросу (всего пять ссылок / сносок, с учетом

¹¹⁹ *Веселовский С.Б.* Приказной строй управления Московского государства // *Русская история в очерках и статьях.* Киев, 1912. Т. III. С. 164–198.

¹²⁰ В самом тексте упоминается в качестве статьи. – *Веселовский С.Б.* Приказной строй. С. 179.

¹²¹ Там же. С. 164.

¹²² *Русская история.* М., 1909. Т. I; 1910. Т. II; Киев, 1912. Т. III.

¹²³ *Веселовский С.Б.* Приказной строй. С. 165, 174, 180–181, 194.

вышеупомянутой «историографической»). При этом не приведены ссылки (которые, как правило, редко используются в очерках) на упомянутую литературу. Например, в тексте отмечен труд И.Я. Гурлянда (1868–1921)¹²⁴ в контексте приказа Великого государя Тайных дел, однако отсутствует ссылка на нее¹²⁵. В-третьих, в этой работе стиль изложения гораздо более свободный, чем в большинстве дореволюционных работ Веселовского. В нарративе редко присутствовали уточнения и примеры, аргументация выстраивалась на основе общих сведений, известных к тому времени в историографии (в том числе, из первой ссылки текста).

«Русская история...», как видно из содержания и оформления всех трех томов, относится к социально ориентированному типу исторического знания. В III-м томе, в котором опубликован очерк Веселовского, отсутствует предисловие¹²⁶ (как и во II-м). Как отмечено в самом начале предисловия в I-м томе, перед редакцией стояла задача «развернуть перед читателем общую картину русской исторической жизни, фиксировать внимание их на наиболее существенных звеньях исторического процесса. <...> Не все вопросы достаточно выяснены наукой, есть весьма спорные, и в таких случаях авторы старались ввести читателя в круг спорных вопросов»¹²⁷. Перед составителями издания стояла задача представить результат уже имеющегося научного знания, лишь обозначить (а не попытаться решить) некоторые проблемы российской истории. «Русская история...» рассматривалось как *хрестоматия* (как приемница предыдущего издания 1904 г.)¹²⁸. Об учебной направленности издания также свидетельствует большое количество иллюстративного материала (в I и III томах), издание первых двух томов в «Московском учебном книгоиздательстве», а также

¹²⁴ Очевидно, речь шла об этой работе (также упомянутой в первой ссылке): Гурлянд И.Я. Приказ Великого Государя тайных дел. Ярославль, 1902.

¹²⁵ Веселовский С.Б. Приказной строй. С. 177–178.

¹²⁶ Однако отмечен небольшой вступительный текст «От редакции», в котором присутствуют краткие сведения об исследователях-редакторах тома, рисунке для обложки, а также информация о том, что из-за большого объема текста не была включена в текст работа историка Н.П. Василенко (1866–1935). – Русская история. Т. III. С. I.

¹²⁷ Русская история. Т. I. С. I.

¹²⁸ Там же.

наличие в первых двух томах информации о допущении I-го тома первого издания Ученой комиссией Министерства народного просвещения «в библиотеки средних учебных заведения, бесплатные народные читальни и библиотеки»¹²⁹. Таким образом, текст Веселовского, с учетом содержания самой работы и особенностей издания, имел также учебную направленность. В очерке Веселовского поэтапно излагались вопросы происхождения приказов, их отличительные черты, преимущества и недостатки как органов управления. Рассмотрена также деятельность дьяков и подьячих, дана характеристика наиболее важным приказам в Московском государстве.

Другая работа Веселовского, которая в большей степени относится к социально ориентированной практике историописания, посвящена кабацкой реформе 1652 г.¹³⁰ По всем характеристикам она также относится к *историческому очерку*. На это указывает издание, в котором вышел текст. «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» – литературно-художественный журнал, в котором также публиковались научно-популярные тексты, в том числе по истории. Как и в очерке о приказном строе, текст написан в свободном стиле. Автор избегал сложной терминологии, а при необходимости пояснял отдельные моменты, которые вряд ли в этом нуждались для специалистов. Например, Веселовский, описывая процесс подготовки кабацкой реформы 1652 г. неоднократно подчеркивал, что «год тогда начинался 1 сентября»¹³¹. Обращает на себя внимание отсутствие ссылок (даже в случае приведении цитат или точных данных о размерах пени). Отсутствует упоминание предыдущих работ по теме. Характерная черта научных трудов Веселовского – указание годов в соответствии с принятым ко времени происхождения источника летоисчислением. В очерке про кабацкую реформу даты указаны в соответствии с юлианским календарем: 1652, 1653, 1659 и т.д. Автором не эксплицировано целеполагание текста, но, судя по содержанию, перед ним поставлена цель дать лаконичный

¹²⁹ На титульном листе: Русская история. 1909. Т. I; 1910. Т. II.

¹³⁰ *Веселовский С.Б.* Кабацкая реформа 1652 г. // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914. № 4. С. 59–66.

¹³¹ Там же. С. 61.

обзор этой реформы. В тексте выделяются две части. В первой был выстроен контекст: она очерчивала в общем виде устройство кабацкого дела накануне реформы. Вторая сконцентрирована на самой реформе: ее цели, ходе и трудностях, с которыми столкнулось московское правительство при реализации.

Особую роль в дореволюционном научном творчестве ученого играли рецензии. В 1913 г. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» была опубликована рецензия Веселовского на исследование Е.Д. Сташевского¹³². Рецензия была несомненно разгромной, судя по характеру критики и эмоциональной окраске. Возмущение Веселовского было вызвано наличием в работе Е.Д. Сташевского не только существенных недостатков, но также серьезных нарушений с точки зрения академической и профессиональной этики. В числе главных нарушений выделялась небрежность и неточность в цитировании и оформлении ссылок. В данном случае речь шла не о невнимательности / недосмотре автора (особенно с учетом большого объема текста), а об *осознанном* приеме работы. Например, это выразилось в цитировании одного и того же источника по подлиннику (из архива) и опубликованному варианту¹³³, недобросовестном заимствовании идей и текста из работ предшественников¹³⁴ (самого Веселовского, В.Н. Седашева, 1879–1912, Н.К. Никольского, 1863–1936)¹³⁵.

Среди «академических грехов» была также выделена компиляция. Как отметил Веселовский, некритическое отношение к ис-

¹³² *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913] // ЖМНП. Новая серия. 1913. Ч. XLVII. С. 358–380.

¹³³ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Сташевский Е.Д.]. С. 361.

¹³⁴ Как видно из письма В.Е. Данилевича (1872–1936) Веселовскому от 19 ноября 1913 г. недобросовестные заимствования (с точки зрения первого) были также из работ других историков: «В дополнение к Вашим “перлам” я подобрал еще кучу того же типа. Например, на с. 22 – квалифицированный плагиат из Вашей “Посадской сохи”, а на с. 305 – то же из Вашей статьи о жалованных грамотах. Передержек набрал целую навозную кучу; так, из Ваших “Семи сборов” (с. 81), из Платонова (с. 194), из Ключевского (с. 53 (2 раза), 54, 58, 67, 89), из Дьяконова (с. 77), из А.И. Яковлева (с. 89) и т.д.». – Переписка С.Б. Веселовского. С. 359.

¹³⁵ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Сташевский Е.Д.]. С. 373–378.

точникам приводила автора к неверным противоречивым выводам, искажению фактов¹³⁶. Источники привлекались, выражаясь словами Р. Дж. Коллингвуда, по принципу «ножниц и клея»: «В связи с этой неразборчивостью автора к приемам подтверждения своих мыслей находится не критическое отношение к источникам – словно автор смотрит на них исключительно, как на материал для цитат [курсив мой – Т.Х.]»¹³⁷.

Веселовским также была затронута проблема эпистемических добродетелей, т.е. личных качеств ученого, которые непосредственно реализуются в научной практике¹³⁸. В начале рецензии подчеркивалась поспешность автора в полученных данных: «Найдя в архивах по какому-нибудь вопросу 2–3 новых факта, автор спешит сообщить об этом читателю и берется перерешать сложнейшие вопросы русской истории, над которыми десятки лет работали многие крупнейшие ученые»¹³⁹. Веселовским охарактеризована такая добродетель как *терпение*, которая занимала особое место в его научном творчестве, что видно, например, в ходе и продолжительности работы над исследованием сошного письма. Об устойчивости этой черты характера ученого свидетельствует и его научное творчество в советскую эпоху. Так, по-

¹³⁶ Там же. С. 366–369.

¹³⁷ Там же. С. 368.

¹³⁸ Подробнее об эпистемических добродетелях, а также связи этики и эпистемологии в научной практике: *Paul H. What is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires // History and Theory. 2014. No 53. P. 348–371; Ibid. Historians' Virtues: From Antiquity to the Twenty-First Century. Cambridge, 2022; Румянцева М.Ф. Этика и эпистемология: «четвертый постулат практического разума» А.И. Введенского // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії: досвід переживання. Дніпро, 2017. С. 58–83; Плешков А.А., Сурман Я.Я. За границами Объективности: исследовательские практики, эпистемические добродетели и личность ученого (беседа с Л. Дастан и П. Галисоном) // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. С. 375–389.*

¹³⁹ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Сташевский Е.Д.]. С. 360. Та же проблема была подчеркнута В.А. Чаговцом (1877–1950), литературным и театральным критиком, выпускником историко-филологического факультета Киевского университета, в небольшой заметке о диспуте Е.Д. Сташевского в газете «Киевская мысль». Примечательно название заметки – «Герой спешности». В 2015 г. заметка была опубликована Н.В. Гришиной: Герой спешности / публ. Н.В. Гришиной // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск, 2015. С. 458–462.

сле публикации двухтомника о сошном письме менялся вектор исследований ученого и первые публикации при советской власти выходили лишь во второй половине 1920-х гг.¹⁴⁰ Важность этой добродетели в ремесле историка была подчеркнута в докладе о владениях Троицкого монастыря в первой половине XV в., прочитанном в 1928 г. Веселовский подчеркивал следующее: «Конечно, всякому историку, который копается в мелочах, хочется как можно скорее перейти к обобщениям, но мне кажется, что *одна из главных добродетелей ученого – это терпение* [курсив мой – Т.Х.], и надо сначала разработать весь материал, а тогда уже можно и даже может быть должно его осветить более широко»¹⁴¹.

Публикация рецензии вызвала резонанс в научной среде¹⁴², особенно на фоне диссертационного диспута Е.Д. Сташевского, на котором защищалась рецензируемая Веселовским работа¹⁴³. Как видно из переписки Веселовского с историками, высоко оценили значение рецензии М.А. Дьяконов, Д.М. Петрушевский (1863–1942), В.И. Савва, А.И. Заозерский (1874–1941)¹⁴⁴. Отклики

¹⁴⁰ В данном случае нужно также учитывать материальные возможности для публикаций научных сотрудников, в том числе РАНИОНа, в котором вышла одна из первых работ Веселовского при советской власти. В то же время отмечу особенности исторической культуры, которая предполагала в 1920-е гг. относительную свободу исследовательской деятельности. Подробнее о РАНИОНе: *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х – вторая половина 1930-х гг.): учебное пособие. Омск, 2018. С. 58–65.

¹⁴¹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

¹⁴² Это видно, в частности, по письмам Веселовскому от историков. П.П. Смирнов (1882–1947) отметил в письме из Киева от 21 октября 1913 г. следующее: «Из соображений, так сказать, тактических я не спешу узнавать о шуме, который вы у нас наделали своей рецензией, а шум вышел густой». – Переписка С.Б. Веселовского. С. 316. В письме от 30 мая 1914 г. И.И. Лаппо (1869–1944) оценил реакцию в Киеве в схожем ключе. – НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–40об.

¹⁴³ Подробнее о диссертационном диспуте Е.Д. Сташевского и дальнейшей судьбе историка: *Михальченко С.И.* Дело профессора Е.Д. Сташевского // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 122–128; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 68–70; *Гришина Н.В.* «Слово “плагиат” было сказано...». С. 455–458.

¹⁴⁴ Переписка С.Б. Веселовского. С. 130–131, 251, 366–367, 412. О восприятии в научной среде книги Е.Д. Сташевского и рецензии Веселовского в переписке

нередко сопровождалась ярко выраженными моральными эмоциями (прежде всего возмущением)¹⁴⁵. Последние выступали как реакция на отступление от норм и ценностей научной деятельности, выражение не просто несогласия, а категорического протеста против осуществленных нарушений.

Ранее подчеркивалось, что Веселовский рассматривал рецензию как способ коммуникации в ученой среде, организации научной деятельности. Вместе с тем другой неотъемлемой характеристикой рецензии была оценка предыдущего опыта в исследовательской среде. Появление таких работ, как у Е.Д. Сташевского, по предположению Веселовского, связано с отсутствием специального периодического издания, которое было бы посвящено научной экспертизе. Недостаток систематического анализа новых работ приводил, с одной стороны, к тому, что «ценные работы иногда остаются незамеченными и подолгу не находят справедливой оценки, а с другой стороны нередко появляются безнаказанно такие работы, авторы которых совершенно не имеют научных приемов»¹⁴⁶.

В целом, рецензия Веселовского на работу Е.Д. Сташевского логично вписывалась в историческую культуру начала XX в. К этому времени завершился институционализационный этап профессионализации труда историков¹⁴⁷, в том числе в России (появились исторические академические журналы¹⁴⁸, исторические

С.Ф. Платонова с В.С. Иконниковым (1841–1923) и Н.М. Бубновым (1858–1943): Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 185–187, 189, 341; «...мы с Вами прощаемся “навек”...»: переписка Н.М. Бубнова и С.Ф. Платонова (1901–1917) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2023. Т. 4, № 1. С. 69–89.

¹⁴⁵ Подробнее о моральных эмоциях: *Haidt J. The Moral Emotions // Handbook of Affective Sciences. New York, 2003. P. 852–870; Turner J.H., Stets J.E. Moral Emotions // Handbooks of the Sociology of Emotions. New York, 2006. P. 544–566.*

¹⁴⁶ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Сташевский Е.Д.]. С. 380.

¹⁴⁷ О профессионализации труда историка: *Мазур Л.Н.* Между ремеслом и профессией: предпосылки и особенности профессионализации научного труда историка в XX в. // Стены и мосты – VIII: Исследователь в междисциплинарном коллективе. М., 2021. С. 73–85.

¹⁴⁸ Следует отметить, что к началу XX в. таких изданий все же было немного, что неоднократно подчеркивалось исследователями. Например, известный историк-медиевист И.М. Гревс (1860–1941) в 1917 г. в газете «Речь» отметил

факультеты и отделения, научные школы, вместе с тем формировалась предметно-тематическая специализация). Неотъемлемым элементом становления профессии историка (как и любой другой) были профессиональное самосознание и культура, которые выражались в том числе через этику. Этика включала в себя нормы и ценности присущие конкретной профессиональной деятельности¹⁴⁹. В этом процессе немаловажную роль играли рецензии / отзывы как инструменты защиты профессии, отстаивания норм

следующее: «До последнего времени у нас отсутствовали руководящие научно-исторические журналы. У нас не было периодических обзоров совершающегося исторического труда, центров сосредоточения единичных начинаний, очагов зажигания энергии, передачи традиций, обновления идей. Без таких объединяющих органов стесняется дыхание науки, гложут в разрозненности голоса отдельных ее представителей. Насущная надобность научных журналов создана давно нашими историками; но в образованном обществе, среди которого они трудятся, очевидно, не созрело еще понимание такой необходимости. По крайней мере, мало видно готовности создать около такого органа, если бы он был основан, сочувственную атмосферу “живого окружения”, без которой не может расцвести инициатива ученых». – *Гревс И.М.* Новые научные периодические органы по истории России // Речь. 1917. № 6. С. 3. К этому времени из-за нехватки исторических академических журналов российские историки были вынуждены публиковать свои работы в историко-литературной периодике, в которой помимо исследователей других специальностей, публиковались также публицисты и журналисты. И.М. Гревс в той же статье дал неудовлетворительную оценку этим журналам: «Другие представляют популярные журналы со включением в программу часто и беллетристики. Таков, особенно пестрый по характеру, безыдейный и бессистемный, давнишний (с 1880 г.) “Исторический вестник”. Новый московский “Голос Минувшего” совсем иной по физиономии и направлению, принципиальный и выдержанный по окраске, стремящийся к живости и свежести, все же не преследует строго научной цели и глядит в интересы больших кругов. К тому же, он захватывает еще обширную сферу вопросов истории литературы». – Там же.

¹⁴⁹ С точки зрения закрепления норм и ценностей российских историков представляют важность изменения в профессиональной подготовке на историко-филологических факультетах во второй половине XIX – начала XX в. В частности, постепенно вводились семинарии, которые интенсифицировали процесс формирования идентичности профессионального историка. Подробнее о становлении и закреплении семинариев в историко-филологических факультетах в российских университетах во второй половине XIX – начала XX в.: *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138–160.

и ценностей, добродетелей в научной сфере¹⁵⁰. С этим побуждением во многом и была написана рецензия Веселовского, как он признавался в письме С.Ф. Платонову (написано не ранее 8 октября 1913 г.). Это было подчеркнуто в контексте описания разногласий между Веселовским и редакцией «Журнала Министерства народного просвещения», которая просила смягчить некоторые выражения в рецензии: «Другой [Э.Л. Радлов – Т.Х.] писал, что редакции совершенно безразлична личность рецензируемого автора, как будто возможно отделить эту личность, когда вся работа ее проникнута с первой до последней страницы научным цинизмом, и цель моей рецензии – доказать и наказать автора за это»¹⁵¹.

В следующем году вышла еще одна рецензия Веселовского, на этот раз на изыскание М.А. Островской (1884–?)¹⁵². По всей видимости, работа над рецензией была вызвана выходом в свет журнала «Голос минувшего», редактор которой С.П. Мельгунов (1879/1880–1956) обратился к Веселовскому с просьбой предложить материалы для будущих выпусков. Веселовский, как видно из писем С.П. Мельгунова, обещал прислать рецензию именно на работу М.А. Островской¹⁵³. Редакция особенно поощряла публикацию небольших полемических рецензий как один из способов продвижения журнала на издательском рынке¹⁵⁴. С этой точки зрения рецензия Веселовского вполне вписывалась в редакционную политику журнала.

¹⁵⁰ Подробнее о практике рецензирования в российской гуманитарной периодике конца XIX – начала XX в.: Морозов О.В. Критерии оценивания научных текстов в рецензиях второй половины XIX века: «Журнал Министерства народного просвещения» // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 129–138; Лихацкий А.А. Редакционная политика и процесс рецензирования в журнале «Голос минувшего» (начало XX века) // Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 108–115; *Его же*. Рецензия в академических исторических изданиях конца XIX – начала XX века // Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: жанр, исследования, тексты. М., 2020. С. 90–110. О практике рецензирования в контексте методологических поисков российских историков в конце XIX – начале XX в.: Корзун В.П. Образы исторической науки. С. 102–106.

¹⁵¹ Переписка С.Б. Веселовского. С. 176.

¹⁵² *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Островская М.А.]. С. 264–268.

¹⁵³ Переписка С.Б. Веселовского. С. 402–403.

¹⁵⁴ *Лихацкий А.А.* Редакционная политика. С. 108–115.

Судя по затронутым вопросам и специфике критических замечаний, эта рецензия была отрицательной. Характерен заключительный абзац, в котором труд хотя и рассматривался как «добросовестный», однако научный вклад рассмотрен в очень узком практическом применении: «В общем, несмотря на все указанные недостатки, добросовестный труд М.А. Островской, собравшей и приведшей в известность огромный материал, несомненно будет полезен последующим исследователям *для справок и поисков архивного материала* [курсив мой – Т.Х.]»¹⁵⁵. Замечу, что труд М.А. Островской был защищен в качестве магистерской диссертации¹⁵⁶. Этот историографический источник (диссертация) близок к монографии по основным видовым характеристикам и, помимо обоснования репрезентативности источниковой базы, должен также содержать новое научное знание, которое в итоге позволяет соотнести выводы, полученные автором исследования, с ранее известными положениями¹⁵⁷. С учетом приведенной характеристики рассмотрение Веселовским основного личного научного вклада М.А. Островской лишь «для справок и поисков архивного материала» представляется скорее незначительным.

Оценка работы М.А. Островской исходила из рассуждений о степени соответствия научным требованиям. Веселовским поэтапно рассмотрены ключевые аспекты исторического исследования: обоснование хронологических и географических рамок, корректность цели, задач и структуры исследования, уровень анализа, репрезентативность источниковой базы. Перечисленные аспекты, с точки зрения Веселовского, остались недоработанными.

¹⁵⁵ Веселовский С.Б. [Рец. на кн.: Островская М.А.]. С. 268.

¹⁵⁶ В опубликованном тексте 1913 г. работа как вида историографического источника не отрефлексирована М.А. Островской. В тексте были обнаружены лишь упоминания о работе как «книге». – *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. VII–VIII. Труд был защищен как магистерская диссертация 16 марта 1914 г. Подробнее о М.А. Островской и ее магистерском диспуте: *Востриков А.В., Панченко Е.З.* Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 191–209; Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. С. 222–225.

¹⁵⁷ Подробнее о диссертации как виде историографических источников научной истории: *Источниковедение: учеб. пособие.* С. 533–534.

ми или не соответствовали нормам научного труда. Отклонения были существенными, но не столь радикальными по сравнению с теми, которые были отмечены в книге Е.Д. Сташевского. Среди главных недостатков исследования М.А. Островской также выделены степень ясности и точности языка: «Вообще определения, а юридические в особенности, представляют едва ли не самую слабую сторону исследования г. Островской. Неточность, неясность, а иногда неправильность определений, конечно, не могла не отразиться на выводах автора. Иногда с ними нельзя согласиться, но почти всегда их очень трудно уяснить себе сразу. Понимание выводов автора затрудняется постоянным смешением исследования юридических, хозяйственных явлений»¹⁵⁸. В числе слабых сторон исследования, по Веселовскому, была также недостаточная проработка источников. В частности, это выразилось в подходе М.А. Островской, заключавшемся «в расчленении документов и в соединении и сопоставлении разрозненных частей»¹⁵⁹, а также излишнем тяготении к исследовательской литературе¹⁶⁰.

«Сошному письму...» Веселовского уделено немало внимания в историографии: обстоятельно проанализированы вопросы о концептуальном замысле исследования, принципах работы с источниками (прежде всего, с писцовыми книгами), послуживших основой для работы, реакции научного сообщества на этот фундаментальный труд (через рецензии и переписку с автором), а также об историографическом значении работы – тому как она соотносилась с дореволюционной, а затем и советской историографией¹⁶¹. Поэтому я сконцентрируюсь на видовых особенностях исследования, его соотношении с исторической культурой начала XX в.

Трудно четко определить «Сошное письмо...» как вид историографических источников. Точное определение его видовой природы

¹⁵⁸ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Островская М.А.]. С. 267.

¹⁵⁹ Там же. С. 267.

¹⁶⁰ Там же. С. 268.

¹⁶¹ *Милов Л.В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского) // *История СССР.* 1978. № 2. С. 127–142; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 115–141; *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов; *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 25–31.

необходимо для понимания теоретико-методологических установок ученого, особенно в контексте кризиса классической модели исторической науки. В двухтомном труде привлечен внушительный объем источников, который, на первый взгляд, соответствует ключевому видовому признаку монографии (репрезентативность источниковой базы), хотя в основном тексте (прежде всего, в вводной части) не было обнаружено четкого обоснования репрезентативности комплекса привлеченных источников¹⁶². Помимо хорошо известных в историографии пессимистических взглядов на информационный потенциал писцовых книг¹⁶³, следует отметить обоснование Веселовским привлечения ранее опубликованных актов писцового дела в качестве приложения. Подчеркнуто, что издание актов является «не группой “оправдательных документов”, прилагаемых иногда к исследованиям по первоисточникам, а *систематической сводкой большей части наличных источников* [курсив мой – Т.Х.]»¹⁶⁴. Данный вопрос, на мой взгляд, тесно связан с одним из главных принципов развития исторической науки по Веселовскому, который был зафиксирован в вводных страницах актов: «Нет сомнения, что издание материалов в виде приложения к исследованию сильно замедляет работу, но польза от этого для науки едва ли подлежит сомнению. Редактор глубоко убежден, что главным тормозом развития науки в настоящее время является не столько малочисленность монографий, сколько не вполне удовлетворительное выполнение некоторых из них. Равномерное, хотя бы и медлительное, *движение вперед будет обеспечено тогда, когда монографисты*¹⁶⁵ *будут стремиться и прилагать все усилия к тому, чтобы их работы оставалось дополнять и исправлять, а не переделывать наново* [курсив мой – Т.Х.]. Издание первоисточников в виде приложения

¹⁶² Следует отметить, что также отсутствует анализ предшествующей литературы по теме исследования.

¹⁶³ В предисловии Веселовский обратился к этому вопросу в контексте рефлексии о смене исследовательского ракурса, а не целенаправленного анализа писцовых книг. – *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. IV–V.

¹⁶⁴ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. XII.

¹⁶⁵ Подробнее о монографистах (а также их взаимодействии с концептуалистами) в заключительном разделе данной главы.

казалось редактору главным средством к достижению этой цели»¹⁶⁶. Таким образом, систематическая сводка источников была направлена, с одной стороны, на собственное исследование путем расширения возможностей в дополнении и исправлении полученных результатов, а с другой, – как видно из заключительных слов в предисловии, – на будущие изыскания по теме прямых налогов, в том числе сошного письма¹⁶⁷. Эти интенции в очередной раз свидетельствуют об осознании Веселовским роли историка в изучении прошлой социальной реальности, тяготении к неклассической модели исторической науки. В данном контексте представляет особый интерес письмо Веселовского А.Е. Преснякову от 18 августа 1916 г., в котором содержится рефлексия над результатами «Сошного письма...»: «Сверх этого я предлагаю известную схему истории сошн[ого] письма, но *это не действительность, а мой образ понимания прошлой действительности* [курсив мой – Т.Х.]»¹⁶⁸. В данном фрагменте прослеживается четкое осознание Веселовским роли историка в познании прошлой социальной реальности. По-видимому, именно частная переписка с коллегой позволила зафиксировать в более свободной форме рефлексии над полученным результатом исследовательской работы.

Проблема репрезентативности источниковой базы тесно переплетена с другими теоретическими вопросами работы: целью, структурой, объектом / предметом исследования и т.д. С этой точки зрения представляет интерес дискуссия между Веселовским и М.М. Богословским в 1916 г. на страницах журнала «Исторические известия»¹⁶⁹. Согласно Л.В. Черепнину, как уже было

¹⁶⁶ Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. / собр. и ред. С.Б. Веселовский. С. VI.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Переписка С.Б. Веселовского. С. 225. На этот фрагмент с точки зрения анализа теоретических установок Веселовского обратил внимание также В.В. Тихонов: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 136.

¹⁶⁹ *Богословский М.М.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]; *Веселовский С.Б.* Ответ профессору М.М. Богословскому // Исторические известия. 1916. Кн. 3–4. С. 158–175; *Богословский М.М.* По поводу ответа С.Б. Веселовского // Исторические известия. 1916. Кн. 3–4. С. 175–181.

отмечено, разногласия между учеными были связаны с различием «творческой манеры», исследовательских принципов¹⁷⁰. В.В. Тихонов в схожем ключе рассматривал причины полемики, но внес уточнение, связанное со схолярными особенностями: М.М. Богословскому как представителю «старшего поколения Московской школы свойственно стремление к построению концептуальных исследований»¹⁷¹, в то время как Веселовский стремился, будучи представителем нового поколения, обогатить науку, прежде всего, фактическим материалом¹⁷². На мой взгляд, для более глубокого понимания разногласий между учеными необходимо также учитывать, в историографических источниках каких видов эти «творческие манеры», научные стремления и принципы (концептуальность и фактическая наполненность исследовательским материалом) выражались.

С точки зрения М.М. Богословского, в числе главных недостатков «Сошного письма...» было отсутствие *строгой структуры работы*: «Составление книги требует некоторого искусства архитектоники – и вот этим искусством автор не в достаточной мере владеет. Его “поневоле” сделанное “разбивание темы” не только не уясняет и не облегчает изложения, но в значительной степени затрудняет усвоение того, что хотел сказать автор»¹⁷³. Выделено также несоблюдение *целостности содержания*: «Его книга – не произведение, проникнутое единством, а ряд довольно случайно сцепленных между собою частей»¹⁷⁴. Требование к целостности содержания нередко подчеркивалось исследователями в последней трети XIX – начале XX в., когда нередко выходили из печати труды, не вполне систематизированные, не имевшие репрезентативной источниковой базы, и часто назывались «очерками». Например, В.П. Корзун отмечала, что схожую критику можно встретить в отзыве А.С. Лаппо-Данилевского на труд Н.Д. Чечулина (1863–1927) «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II» (1906). Так, труд, согласно А.С. Лаппо-Да-

¹⁷⁰ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский. С. 14.

¹⁷¹ Тихонов В.В. Московская историческая школа. С. 132.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Богословский М.М. [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]. С. 69.

¹⁷⁴ Там же. С. 70.

нилевскому, распадался «на ряд отдельных очерков, не связанных между собой»¹⁷⁵.

Не менее важное замечание связано со стремлением автора охватить слишком широкий круг вопросов, из-за чего растворялся предмет исследования¹⁷⁶. В итоге, М.М. Богословский рассматривал «Сошное письмо...» не как целостный логически связанный труд, а скорее как совокупность текстов, более-менее связанных одной темой. Взгляд рецензента на видовую особенность «Сошного письма...» прослеживается в заключительном абзаце: «В том виде, какой она имеет теперь, это не цельное рассуждение о сошном письме, а отдельные только внешней связью связанные между собой исследования или “замечания” [курсив мой – Т.Х.], как любит называть их автор»¹⁷⁷.

Критерии, с которыми соотносилось «Сошное письмо...», наиболее близки монографии. В данном случае приходится говорить лишь о близости из-за отсутствия анализа вопроса репрезентативности источниковой базы, он почти не получил подробного анализа¹⁷⁸. По-видимому, М.М. Богословский не уделил внимания этому вопросу, в том числе исходя из предложенной экспликации видовой природы «Сошного письма...»: если труд представлял собой не цельное исследование, а лишь совокупность отдельно взятых работ, то этот вопрос требовал анализа в рамках каждой отдельно взятой части.

Приблизиться к пониманию критики М.М. Богословского также позволяет анализ видовой природы его трудов. Крупные дореволюционные работы М.М. Богословского выражались в монографиях. Это относится и к работе об областной реформе Петра I (1902)¹⁷⁹, и двухтомнику о земском самоуправлении (1909,

¹⁷⁵ Корзун В.П. Образы исторической науки. С. 105.

¹⁷⁶ Богословский М.М. [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]. С. 73, 85.

¹⁷⁷ Там же. С. 85. Схожий взгляд на «Сошное письмо...» зафиксирован в мемуарах А.А. Зимина. В целом, мемуарист высоко оценивал этот труд, но все же посчитал его «сумбурным». – Зимин А.А. Храм науки. С. 148.

¹⁷⁸ Затронут вопрос о писцовых книгах, однако в рамках отдельной главы: Богословский М.М. [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]. С. 77–78.

¹⁷⁹ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.

1912)¹⁸⁰. Введение к этим работам выстроено в классическом ключе: сформулирована проблема исследования (с опорой на историографический анализ) и проанализирована источниковая база, которая направлена на достижение ранее поставленной цели работы. Цель первой монографии – изучение областной реформы с точки зрения ее реализации (а не идей и планов, что, согласно М.М. Богословскому, уже было достигнуто в предшествующей литературе). Изучение данного вопроса предпринято через две группы источников: 1) делопроизводство областных учреждений и 2) документы кабинета Петра I. В предисловии М.М. Богословский кратко изложил вопросы внутренней и внешней критики источников: их происхождение, обстоятельства создания, степень достоверности и т.д., т.е. вопросы источниковедческого характера, которые позволяют обосновать репрезентативность источниковой базы исследования. В той же логике выстроено предисловие в первом томе «Земского самоуправления...». Цель этой монографии – восполнение другого «пробела» в историографии: «исследователи подходили к вопросу преимущественно с одной только стороны, с которой, впрочем, по изданным источникам это и можно было сделать, именно рассматривали лишь законодательство о земских учреждениях. Фактическая сторона вопроса: жизнь и деятельность земских учреждений – осталась в тени благодаря недостатку материалов. Были тщательно изучены губные и земские грамоты XVI века; но каким образом стремления общества и воля законодателя, результатом сочетания которых и являлись эти грамоты, были осуществлены в действительности и насколько они вошли в жизнь – это было выяснено недостаточно»¹⁸¹. В свою очередь необходимость обращения к анализу источников четко отрефлексирована М.М. Богословским: «Не будут лишними несколько слов об этих источниках, о тех средствах, которыми автор располагал для достижения намеченной цели»¹⁸².

¹⁸⁰ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. В 2-х т. М., 1909–1912. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления; Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство.

¹⁸¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление. Т. 1. С. III.

¹⁸² Там же. С. V.

Примечательно также, что обе работы М.М. Богословского были защищены как диссертации («Областная реформа...» – магистерская, «Земское самоуправление...» – докторская), т.е. как историографические источники наиболее близкие монографии.

Вернувшись к полемике между учеными, следует рассмотреть отношение Веселовского к замечаниям М.М. Богословского. Прежде всего, обращает на себя внимание рефлексия Веселовского над видовыми особенностями рецензии старшего коллеги. В тексте рецензия М.М. Богословского многократно именовалась *статьей*. С точки зрения Веселовского, текст М.М. Богословского, исходя из содержания, не позволял идентифицировать его в качестве рецензии. После краткого изложения основных замечаний диспутанта Веселовский пояснил причину рассмотрения текста в качестве статьи: «Таким образом, в статье г. Богословского мы не найдем обычного содержания ученых рецензий: ни критики и оценки содержания и выводов моей книги, ни оценки моих методов и приемов исследования, ни указаний на научную ценность многочисленных и разнородных источников, в значительной степени новых, которые положены в основу моей работы»¹⁸³. С учетом того, что одно из основных направлений критики М.М. Богословского было связано с неясностью общего плана работы и основных выводов, ответ Веселовского был во многом направлен на прояснение этих вопросов. Вместе с тем Веселовский стремился оспорить требования, которые были предъявлены к «Сошному письму...» как результату научной работы. Он настаивал на том, что исследователю необходимо учитывать специфику изучаемой проблемы, всю сложность тесно связанных с ней неразрешенных вопросов, которые, по-видимому, не позволяли стройно выстроить работу. Тем не менее, полученные результаты несомненно заслуживали того чтобы передать их коллегам, которые в будущем смогли бы их уточнить и/или расширить: «Некоторые вопросы моей книги столь мало изучены и сложны, как, напр[имер], вопрос о влиянии служилого землевладения на тяглую волюсть и порядки тягла, что излагать их стройно и аподиктически преждевременно: здесь все – в напряженном искании

¹⁸³ Веселовский С.Б. Ответ профессору. С. 159.

источников для исследования проявлений и причин этого интересного предмета. В таких вопросах прежде и больше всего от исследователя следует требовать чистоты работы, ясности мысли и точности языка, при воздержании от поспешных выводов и необоснованных гипотез, которые засоряют путь последующим работникам»¹⁸⁴. Эта интенция также была подчеркнута и в «Сошном письме...». Веселовский, обосновывая проблему исследования и хронологические рамки, писал о приблизительном ракурсе работы, ее «центре тяжести». Хронологическая концентрация на конце XVI в. – 30–40-х годах XVII в. была вызвана условиями имевшейся источниковой базы. Вместе с тем в этот же период происходил упадок сошного письма. Изучение этого вопроса не сформулировано Веселовским в качестве цели, а лишь основного направления работы: «Исследование всех этих причин и условий составило основное содержание настоящей работы, *настолько существенную часть ее* [здесь и далее курсив мой – Т.Х.], что всю работу *можно* назвать исследованием причин и условий разрушения сошного письма и упадка посошного обложения»¹⁸⁵.

Тем не менее, М.М. Богословский «не услышал» своего коллегу и настаивал на том, что дело не в сложности изучаемой проблемы и исследователю все равно необходимо четче формулировать внутреннюю связь в работе¹⁸⁶. Не исключено, что на оценку М.М. Богословского могла повлиять неприязнь к личности младшего коллеги. В рецензии на ранее упомянутый двухтомный труд М.М. Богословского «Земское самоуправление...» С.Ф. Платонов отметил, что местами автор словно избегал упоминания Веселовского и его работ: «Равным образом для внимательного читателя совершенно неизбежно произвести сличение первых страниц шестой главы М.М. Богословского с тем, что сделано С.Б. Веселовским в его известных этюдах “Семь сборов запросных и пятинных денег” и “Посадская соха в первой половине XVII века”. Наш автор предоставляет это всецело энергии читателя и просто “отсылает” его “к научной литературе”, не называя имени С.Б. Веселовского даже и тогда, когда говорит о “пятинных день-

¹⁸⁴ Там же. С. 169.

¹⁸⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. VII.

¹⁸⁶ *Богословский М.М.* По поводу ответа. С. 179.

гах”. При таком равнодушии автора к литературным ссылкам совсем неожиданная и ненужная ссылка его на “Градовского” (стр. 265) невольно бросается в глаза: она свидетельствует, что и М.М. Богословский может быть не всегда постоянен в своем постоянстве»¹⁸⁷. Имплицитно неприязнь М.М. Богословского к Веселовскому прослеживалась в дневниках последнего¹⁸⁸, а также прямо об это указано в письме Веселовского Н.А. Пушешникову (1882–1939)¹⁸⁹. В дневниках же М.М. Богословского зафиксирована неоднозначная оценка личности и трудов Веселовского. М.М. Богословский не принимал общественные взгляды ученого, его личные качества, особенно это отмечено в записях за 1915–1916 гг. при обсуждении событий Первой мировой войны: «Веселовский в пять минут наговорил, по крайней мере, пять известий о войне, одно мрачнее другого <...> Вот тип унылого “слякотника”, как называют таких в газетах»¹⁹⁰. В то же время М.М. Богословский с симпатией относился к научным интересам Веселовского¹⁹¹, однако не принимал способ изложения в научных трудах, что относилось не только к «Сошному письму...», но и, например, к «Семи сборам...»¹⁹². Схожая оценка Богословского (о неспособности Веселовского к изложению большого объема материала) отмечена и в дневнике А.Н. Савина¹⁹³.

В итоге, полемика между М.М. Богословским и Веселовским позволяет сделать следующее предположение. Для Веселовского было важно поделиться своими взглядами не только на причины и условия упадка сошного письма, но также на эвристические возможности решения ряда затронутых проблем (которые, вероятно, будут иметь более прочные основания для решения в последующей историографии)¹⁹⁴, уязвимые места в предшествующих трудах¹⁹⁵.

¹⁸⁷ Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. М., 2017. Т. 5. С. 114.

¹⁸⁸ Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 3. С. 85.

¹⁸⁹ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 228.

¹⁹⁰ Богословский М.М. Дневники (1913–1919). С. 117. Пессимистические оценки Веселовского относительно военных событий отмечены и в других частях дневника: Там же. С. 84, 85, 118, 175.

¹⁹¹ Там же. С. 120, 181.

¹⁹² Там же. С. 356, 366.

¹⁹³ Савин А.Н. Университетские дела. С. 422, 423–424.

¹⁹⁴ Как подчеркивал Веселовский, решению ряда проблем по истории обложения препятствовал свойства и объем имевшихся в его распоряжении источ-

В 1917 г. был опубликован сборник трудов в честь 30-летней научной и педагогической деятельности М.К. Любавского¹⁹⁶. В редколлегию этого сборника входил и Веселовский, который занимался организацией издания, вел активную переписку с потенциальными авторами и «Товариществом издательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой», а также братом Борисом, который контактировал с сотрудниками издательства и информировал Веселовского о состоянии работы над печатанием сборника¹⁹⁷. Юбилей состоялся в 1914 г., однако, судя по письмам Веселовскому 1913–1916 гг., публикация сборника затянулась из-за того, что многие авторы не успели сдать в заранее установленный срок итоговые варианты работ или затягивалась корректура текстов¹⁹⁸.

Статья Веселовского, опубликованная в сборнике, посвящена вопросу классификации доходов в Московском государстве XVII в.¹⁹⁹ Она, в отличие от многих дореволюционных трудов Веселовского, встроена в историографический контекст. В качестве основных доходов выделены окладные и неокладные, принцип деления которых, согласно автору, получил в предшествующей

ников. Например, в контексте анализа особенностей посадского обложения им отмечено следующее: «Свойства источников еще более затрудняют исследование. В самом деле, большая часть материалов, которые мы можем привлечь к исследованию, относится к XVII в., и по этим фактам мы делаем заключения о XVI в. Прием, несомненно, столь же рискованный, сколь неизбежный. Гениальный французский натуралист определял строение и образ жизни вымерших животных по отдельным костям; и ему приходилось ошибаться, хотя строение живых организмов подчинено строгим законам природы. Кости же вымерших животных, т.е. факты XVI в. документах XVII, дошли до нас не только не в полном и разрозненном виде, но и сильно попорченными. Между тем финансовые системы не подчинены такой строгой закономерности, как строение живых организмов; местные особенности и случайности затемняют и искажают ту долю житейской логики, которая действует в развитии финансовых систем, и исследованию трудно при таких условиях не впасть в ошибку». — *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. 145.

¹⁹⁵ Например, относительно взглядов П.Н. Милюкова и А.С. Лаппо-Данилевского: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 130.

¹⁹⁶ Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Петроград, 1917.

¹⁹⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1.

¹⁹⁸ Там же. Л. 21–22об, 89, 92об, 93об, 95об, 118–118об.

¹⁹⁹ *Веселовский С.Б.* Заметка по истории бюджета Московского государства XVII века // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. С. 181–190.

научной литературе противоречивую интерпретацию. Согласно Веселовскому, ни мнение А.С. Лаппо-Данилевского о включении прямых и косвенных налогов в окладные, а пошлин и пени в неокладные, ни П.Н. Милюкова о рассмотрении стрелецкой подати или чрезвычайных сборов как неокладных доходов, в начале XVIII в. имевших репартиционный характер, не были верными. Проблема заключалась в самом принципе классификации, из-за чего возникала путаница включения того или иного сбора / налога в группу окладных или неокладных²⁰⁰. На основе анализа актовых источников и приходных книг Веселовский пришел к выводу о том, что главным принципом приказных в разработке классификации, имевшей сугубо практическое значение, была степень надежности дохода²⁰¹ и, следовательно, он мог быть причислен к регулярным. В таком случае налог считался окладным.

Структура статьи выглядит следующим образом. Сначала были выявлены и проанализированы конкретные случаи рассмотрения приказными людьми того или иного дохода в качестве окладного или неокладного. Затем разбирались обстоятельства подобных рассмотрений, а сами случаи встраивались в более широкий контекст. Такой подход позволил Веселовскому проследить возможный механизм и эволюцию перехода неокладного дохода в окладной: «Очень часто новые доходы (а не увеличение старых), пока не выяснилась надежность их поступления, были записываемы в неокладном приходе»²⁰². Этим же объяснялась путаница в определении одного и того же дохода в качестве окладного и неокладного.

²⁰⁰ Там же. С. 182–183.

²⁰¹ Следует подчеркнуть, что в статье Веселовский в контексте вопроса о формировании бюджета Московского государства избегал употребления слова «налог», предпочитая «доход». Это было вызвано стремлением отразить точность использования языковых норм в обиходе Московского государства XVII века: «Прежде всего следует заметить, что выражения: окладной налог или окладная подать в XVII в. не употреблялись. Источники говорят об окладных и неокладных расходах и доходах, сборах, дачах и т.п., но не об налогах. Самое слово налог употреблялось не в современном значении слова, а в смысле притеснения, незаконно наложенного бремени». – *Веселовский С.Б.* Заметка по истории бюджета. С. 183.

²⁰² *Веселовский С.Б.* Заметка по истории бюджета. С. 185.

1.3. Историко-юридические исследования

Историко-юридические исследования были тесно переплетены с центральной темой в научном творчестве Веселовского в дореволюционную эпоху. Первая историко-юридическая работа Веселовского была посвящена жалованным грамотам в Сыскных приказах²⁰³. Она тесно связана с археографическими интересами Веселовского. Всецело эту работу трудно назвать археографическим исследованием, несмотря на публикацию жалованных грамот, которые сопровождалась вводной частью, написанной Веселовским. Обычно археографическое введение к публикациям исторических источников направлено на предоставление читателю источниковедческих и/или текстологических сведений. Эти сведения, как правило, направлены на всесторонний и в то же время краткий анализ публикуемых источников, т.е. на раскрытие их информационного потенциала. В данном случае речь идет скорее о таком виде историографических источников как *статья*²⁰⁴, которая сопровождалась большим приложением²⁰⁵. В самом начале текста эта работа упоминается в качестве *заметки*²⁰⁶. В этой «заметке» в краткой форме излагается не результат научного исследования, а лишь обращение к научной проблеме на основе отдельных наблюдений Веселовского. Относительно этой статьи Л.В. Черепнин отметил, что «знание приказного делопроизводства позволило Веселовскому *наметить пути* [курсив мой –

²⁰³ Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620–1630 гг. в Сыскных приказах // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. С. 17–47.

²⁰⁴ Замечу, что этот вид источников был назван статьей в ссылке одной из более поздних работ: Веселовский С.Б. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея // Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества. 1913. Т. 3. С. 190.

²⁰⁵ Опубликовано 9 грамот: Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре. С. 26–47.

²⁰⁶ Там же. С. 18. Публикация подобных «заметок» на страницах ЧОИДР встречалась часто в разделе «Смесь». Здесь, как правило, публиковались тексты, которые не вписывались в другие разделы: статьи, небольшие (как правило) публикации источников, отчеты, отзывы и т.д.

Т.Х.], по которому шла в царствование Михаила переработка формуляра жалованных грамот»²⁰⁷.

Рассмотрение статьи о пересмотре значения жалованных грамот в русле историко-юридических исследований связано с экспликацией Веселовским перспектив исследования. В тексте отсутствует четкая постановка проблемы. В качестве «завязки» привлечены наблюдения автора о частных случаях подтверждения грамот, после чего он перешел к вопросу их пересмотра правительством. Веселовский связывал отдельные случаи о пересмотре с личной заинтересованностью отдельных лиц, т.к. грамоты предоставляли им определенные права и привилегии²⁰⁸. Более отчетливо этот вопрос рассмотрен в заключительной части статьи. Веселовский подчеркнул перспективы изучения проблемы пересмотра жалованных грамот в контексте изменения прав и привилегий частных лиц в XVII в., формирования новых источников права: «Этот массовый пересмотр жалованных грамот, который предстоит детально исследовать, представляет чрезвычайно занимательный факт в истории Московского государства. Он показывает, что в развитии государства наступил момент, когда оказалось необходимым пересмотреть права и привилегии частных лиц, созданные отдельными жалованными грамотами, изменить и объединить их и привести в согласие с общим правом и новыми условиями жизни страны. Что было изменено в жалованных грамотах и какие принципы легли в основу “нового уложения”, все это очень интересные вопросы, на которые можно будет ответить только тогда, когда будет собран и опубликован достаточный материал»²⁰⁹.

В дальнейшем Веселовский коснулся темы о пересмотре жалованных грамот в одной из дореволюционных работ историко-юридического характера. Он обратил внимание на объем и содержание сохранившихся указов 132–133 гг. в Печатном приказе, что привело его к мысли не о регулярной делопроизводственной практике в то время, а скорее о пересмотре «всего, или почти всего,

²⁰⁷ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский. С. 21.

²⁰⁸ Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре. С. 17–18.

²⁰⁹ Там же. С. 25.

порядка взимания печатных и подписных пошлин»²¹⁰. Это наблюдение Веселовский связывал с другими правовыми преобразованиями примерно в те же годы: пересмотром вотчинного и поместного права, таможенных и уставных грамот, а также жалованных грамот в Сыскных приказах.

Историко-юридическая работа, в которой Веселовский рассмотрел вопрос о пересмотре жалованных грамот, представляла собой статью об источниковой структуре XVIII-й главы Соборного уложения 1649 г.²¹¹ Статья была посвящена М.К. Любавскому²¹². Для определения и анализа источников, вошедших в главу, Веселовский провел текстологический анализ. В статье сделан вывод, что XVIII-я глава была сформирована в результате указной практики Печатного приказа. Веселовский проанализировал не только содержание указов Печатного приказа с XVIII-й главы²¹³, но также композицию, последовательность расположения статей в сравниваемых источниках, что позволило ему только укрепиться в своем мнении.

Статья логично вписывалась в устоявшиеся к тому времени интересы Веселовского по социально-экономической истории Московского государства. В начале 1910-х гг. Веселовский продолжал активную архивную работу, в том числе в МАМЮ, в котором он обнаружил дела Печатного приказа, непосредственно связанные с источниками дохода Московского государства²¹⁴

²¹⁰ *Веселовский С.Б.* Источники XVIII главы. С. 190.

²¹¹ Там же. С. 167–192. Как видно из письма-приглашения от ОИДР одноименный доклад должен быть прочитан 14 октября 1911 г. – АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 141. Л. 6.

²¹² Хотя статья была опубликована в 1913 г., работа над ней была закончена 21 октября 1911 г., как видно по последней строке текста: *Веселовский С.Б.* Источники XVIII главы. С. 192. По-видимому, посвящение связано с поддержкой М.К. Любавского как ректора Московского университета (избран в апреле 1911 г.) в результате событий по «делу Кассо». Подробнее о М.К. Любавском как ректоре Московского университета: *Дестярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В.* Академик М.К. Любавский. С. 18–20. О задержке публикации статьи Веселовский также писал М.А. Дьяконову в письме от 12 мая 1913 г. – Переписка С.Б. Веселовского. С. 128.

²¹³ Для наглядности в тексте также приведены отдельные статьи докладов и XVIII-й главы: *Веселовский С.Б.* Источники XVIII главы. С. 171–174, 174–176, 177–182.

²¹⁴ Собранные Веселовским дела опубликованы посмертно: *Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.)* / сост. С.Б. Веселовский. М., 1994.

и легшие в основу статьи²¹⁵. Тем не менее эту статью, с учетом ее целеполагания, корректнее рассматривать в русле историко-юридических исследований. Интерес к истории государственного хозяйства – контекст работы над статьей, а ее главная цель – изучение источников, вошедших в основу главы Соборного уложения.

Изучение источников Соборного уложения 1649 г. получило продолжение в исследованиях Веселовского. Так, в ОИДР 24 апреля 1916 г. был прочитан схожий доклад, но по XXV-й главе²¹⁶. Доклад о XXV-й главе был переработан и в дальнейшем опубликован в виде статьи²¹⁷. Судя по переписке с М.А. Дьяконовым за 1916 г., Веселовский предложил статью «Русскому историческому журналу». М.А. Дьяконов, будучи редактором этого журнала, попросил Веселовского как можно быстрее прислать статью, чтобы включить ее в первый же выпуск (вышел в 1917 г.)²¹⁸. XXV-я глава Соборного уложения посвящена нарушениям и наказаниям, связанным с корчмами, питейным делом, табаком – темами, тесно переплетенными с интересом Веселовского к косвенным налогам, в частности в контексте кабацкого дела²¹⁹. В статье о XXV-й главе Веселовским применен иной, по сравнению со статьей о XVIII-й главе, подход. Если в более ранней статье Веселовский тяготел к текстологическому анализу путем наглядного сличения различных источников для изучения их происхождения, то в последней аналогичная цель была достигнута через подробный анализ деятельности различных приказов, что и позволило сделать вывод о связи XXV-й главы с указной практикой Новой чети.

²¹⁵ Не исключено также, что на наблюдения Веселовского могли повлиять указания коллег. В частности, о перспективах изучения происхождения статей Соборного уложения через анализ приказного делопроизводства (в МАМЮ), писал В.Н. Сторожев (1866–1924), ученик В.О. Ключевского: *Сторожев В.Н.* К вопросу об источниках Уложения (по поводу статьи г. Верховского) // Юридический вестник. 1889. Том III. Вып. 12. С. 664.

²¹⁶ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 141. Л. 15. Исследование XXV-й главы Соборного уложения также выделено в отзыве М.М. Богословского (для представления Веселовского в чл.-корр. АН СССР): АРАН. Ф. 636. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

²¹⁷ *Веселовский С.Б.* К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения царя Алексея Михайловича // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 27–45.

²¹⁸ Переписка С.Б. Веселовского. С. 143–149.

²¹⁹ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 83–86; *Его же.* Кабацкая реформа. С. 59–66.

Изучением источников XVIII-й и XXV-й глав Соборного уложения, по-видимому, не ограничилось. В дневнике М.М. Богословского отмечен «реферат Веселовского об источниках XIX главы Уложения»²²⁰ на заседании ОИДР 28 февраля 1917 г.²²¹ Эта глава («О посадских людях») охватывает вопросы ликвидации частновладельческих слобод, перевода различных групп населения в тягло, которые связаны с научными интересами Веселовского как в дореволюционную эпоху (история налогообложения, тягла), так и в советскую (история землевладения). В дневниковых записях Веселовского за 19 февраля 1916 г. отмечен также ход работы над XXI-й главой (перед этим Веселовским сделано предположение о связи делопроизводственной практики Новой чети с XXV-й главой Уложения, «Указ о корчмах»): «Менее продумана работа о XXI главе [“О розбойных и о татиных делах” – Т.Х.]. Не хватает материала. Следует поискать его в делах Сыскных приказов»²²².

Таким образом, в дореволюционных историко-юридических исследованиях Веселовского прослеживается тяготение к источниковедческому анализу законодательных источников, в целом присущее историкам права в конце XIX – начале XX в. Например, источниковедческий и археографический интерес к памятникам законодательства присутствовал в научном творчестве В.И. Сергеевича²²³, М.Ф. Владимирского-Буданова²²⁴ (1838–1916), П.Н. Мрочек-Дроздовского²²⁵, М.А. Дьяконова²²⁶, Н.И. Тиктина²²⁷

²²⁰ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919). С. 315.

²²¹ Полное название доклада: «О составе и источниках 19-й главы “Уложения” царя Алексея»: *Бухерт В.Г.* Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 161.

²²² *Веселовский С.Б.* Дневники. 2000. № 2. С. 105.

²²³ *Сергеевич В.И.* Русская Правда и ее списки // ЖМНП. 1899. № 1. С. 1–41; Русская правда в четырех редакциях: по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского: с дополнениями и вариантами из других списков / изд. В. Сергеевич. СПб., 1904.

²²⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Новые открытия по истории Уложения царя Алексея Михайловича // Университетские известия. 1880. № 2. С. 7–28; *Его же.* Судебник 1589 года: его значение и источники. Киев, 1902.

²²⁵ *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской Правде. М., 1881. Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды; 1885. Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов; *Его же.*

(1874-?). Обращение же Веселовского к анализу источников, легших в основу глав Соборного уложения (прежде всего, XVIII-й и XXV-й), по-видимому, было вызвано стремлением углубить представление о практическом применении закона, в данном случае преимущественно в налоговой сфере.

1.4. Археография

После революции 1917 г. наблюдался постепенный рост интереса Веселовского к вспомогательным историческим дисциплинам, таким как генеалогия, ономастика, историческая география и историческая картография, тесно переплетенным в его трудах. Особняком стояла археография, которая, в отличие от перечисленных дисциплин, привлекала ученого на протяжении всего научного творчества, еще с первых лет его становления как историка.

В конце XIX – начале XX в. вспомогательные исторические дисциплины переживали принципиально важный этап развития. В это период был кризис классической модели исторической науки, в связи с чем происходил активный поиск ее новых основ. Крупнейшие европейские исследователи стремились познать ее теорию и методологию, связь с другими сферами научного знания, например, в России это были А.С. Лаппо-Данилевский («Методология истории») и Н.И. Кареев (1850–1931) («Теория исторического знания»), в Германии – Э. Бернгейм (1850–1942) («Учебник методологии и философии истории»), во Франции – Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) («Введение в изучение истории»). Как отметил Р. Тоштендаль, в тот период наблюдалось формирование новой фазы исторического

Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской правде. М., 1917.

²²⁶ Согласно письму В.Н. Бенешевича от 2 декабря 1903 г. М.А. Дьяконов предложил ему сотрудничество в подготовке издания Уложения. – АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–2.

²²⁷ *Тиктин Н.И.* Византийское право как источник Уложения 1648 года и но-воуказных статей: опыт историко-сравнительного исследования. Одесса, 1898.

профессионализма, основанной на представлении о достижении историками прочного научного знания²²⁸.

Схожие процессы переосмысления теории и метода происходили и во вспомогательных исторических дисциплинах в конце XIX – начале XX в.²²⁹ В связи с разработкой исследователями различных классификаций исторических источников расширялся инструментарий историка путем разработки методики работы с ними, так как, как отметил Н.И. Кареев, «пользование некоторыми категориями источников требует известных специальных сведений и технических навыков»²³⁰, которые достигались привлечением к исследованию вспомогательных исторических дисциплин. Именно этим объясняется потребность исследователей в разработке вспомогательных исторических дисциплин, в том числе в России. Например, в этот период в Петербургском и Московском археологических институтах стали разрабатываться учебные курсы по палеографии, нумизматике, генеалогии и исторической географии²³¹. О значительном интересе к вспомогательным историческим дисциплинам свидетельствуют также диссертационные исследования российских историков. Так, к началу XX в. магистерские и докторские диссертации по вспомогательным историческим дисциплинам были по тематике одними из наиболее распространенных (шли следом за трудами по политической истории)²³². Кроме того, как отметила Е.И. Каменцева (1920–2004), именно на рубеже XIX–XX вв. появился термин «вспомогатель-

²²⁸ Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014. С. 181.

²²⁹ Например, вопросы теории и методологии вспомогательных исторических дисциплин, а также их связь с исторической наукой – одна из главных тем международного конгресса историков в Берлине в 1908 г. – Кулаковский Ю. Из Берлина (Международный конгресс историков) // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. XVII. С. 44.

²³⁰ Кареев Н.И. Теория исторического знания. 2-е изд. М., 2010. С. 90.

²³¹ Чирков С.В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005. С. 9; Паиков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 41–185.

²³² Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. С. 120–122, 124.

ные исторические дисциплины», в результате внедрения в научный оборот новых исторических источников и необходимости разработать методику работы с ними²³³.

В период расцвета вспомогательных исторических дисциплин и, в частности, археографии, в России Веселовский делал первые шаги в исторической науке. Как видно из ранее приведенного фрагмента воспоминаний Веселовского о Ключевском, из-за отсутствия исторического образования первый, будучи молодым исследователем, испытывал нехватку профессиональных знаний и навыков²³⁴. Постигание технологии исторического исследования молодым Веселовским происходило в окружении крупных и перспективных историков того времени. Помимо Ключевского, это были М.А. Дьяконов, В.Г. Дружинин, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, а также более молодые видные историки: М.М. Богословский, А.Е. Пресняков, Ю.В. Готье, П.Г. Васенко (1874–1942) и, делавший в дореволюционные годы первые шаги в науке, А.И. Яковлев. У многих из них научное творчество было тесно связано с археографией²³⁵. Заметное место, как было ранее отмечено, археография занимала и в исследовательской деятельности историков права в конце XIX – начале XX в.

Интерес Веселовского к археографии формировался из архивных разысканий. Издание источников – ключевой, но все же лишь один из этапов археографической работы. Прежде чем опубликовать материалы, требуется их *атрибутировать* и *систематизировать*. Эти процедуры тесно переплетены с источниковедением, однако к началу XX в. оно еще не оформилось в виде

²³³ Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979. С 17–18.

²³⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 85а. Л. 1–2.

²³⁵ Чирков С.В. Археография в творчестве русских ученых; Смирнова Т.Г. В.Г. Дружинин и Археографическая комиссия // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936). СПб., 2010; С. 27–40; Тихонов В.В. Археография в научном наследии А.И. Яковлева // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: мат. XXII междунар. науч. конф. М., 2010. С. 370–373; Хартанович М.Ф. Археографическая комиссия. С. 309–322; О работе многих из отмеченных историков в Археографической комиссии в конце XIX – начале XX вв. см. также: Брачев В.С. Русская археография XIX – начала XX вв. СПб., 2023. С. 82–128.

строгой гуманитарной дисциплины. Веселовский, постепенно осваивая огромный комплекс источников, анализируя состояние архивохранилищ и общее положение российской исторической науки, пришел к убеждению о необходимости систематического издания источников. Интенция Веселовского воплотилась и на институциональном уровне на ранних этапах научного творчества: в 1907 г. он стал членом ОИДР, вскоре, с 1908 г., стал активно сотрудничать и с Археографической комиссией²³⁶.

Участие в работе Археографической комиссии было вызвано стремлением найти единомышленников и поддержку в систематическом издании источников, как видно из письма Веселовского М.А. Дьяконову от 11 ноября 1908 г.: «Дело было так. Мы были у Яковлева, зашла речь о моих занятиях, и я не удержался, чтобы не пожаловаться Ключевскому на равнодушие московских издателей-историков к моей работе. Между прочим, я сказал, что уже 3 года назад нашел несколько новых соборных приговоров и докладывал об этом С.А. Белокурову, но что он не обратил на это никакого внимания. После этого Ключевский начал меня расспрашивать, и когда я ему назвал еще ряд ценных документов (таможенные уставные грамоты XVI и XVII вв.), он воскликнул:

²³⁶ Членом Археографической комиссии Веселовский станет лишь в 1924 г. Столь долгий период между началом сотрудничества и избранием Веселовского членом Археографической комиссии вызвано тем, что первые крупные работы Веселовского, которые могли бы зарекомендовать его в качестве члена этого учреждения, вышли лишь в конце 1900-х – первой половине 1910-х гг. Так, согласно протоколу заседаний Археографической комиссии в 1894 г., в избрании Н.П. Лихачева, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского действующие члены опирались преимущественно на научный вклад исследователей в российскую историческую науку, археографию, что могло наглядно свидетельствовать о потенциальной пользе, которую они могли бы принести Археографической комиссии в дальнейшем. – ЛЗАК. Вып. 11. СПб., 1903. С. 177, 180–183. Следует также учитывать, что в первые послереволюционные годы происходили структурные изменения, затронувшие Археографическую комиссию, существенно сократилась издательская деятельность. По-видимому, только после относительной стабилизации положения Археографической комиссии как научного учреждения и вместе с тем появившейся потребностью в расширении личного состава и был поднят вопрос об избрании новых членов. Об избрании новых членов Археографической комиссии в 1920-е гг.: *Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых. С. 233–235.

“Почему же Вы их не печатаете?” Я на это ответил, что никто не хочет печатать. Тогда Василий Осипович сказал Сергею Федоровичу – это его подлинные слова: “Не упускайте его, Сергей Федорович, беритесь обеими руками”. На это С.Ф. ответил, как я помню, так: “На нынешний год уже установлен бюджет изданий, но с будущего года я Вам ручаюсь за то, что он будет в Вашем распоряжении”²³⁷.

Одна из самых ранних работ, в которой прослеживаются археографические принципы Веселовского – рецензия на изданный в 1903 г. сборник актов «Тюмень в XVII столетии...»²³⁸. Рецензия была разгромной, что отражено и в менторском тоне названия: «Как не следует издавать архивных документов»²³⁹. Рецензия была написана для журнала «Русская мысль» и, согласно записям Веселовского, одобрена редактором В.А. Гольцевым (1850–1906), но в итоге не была опубликована²⁴⁰. Причиной тому мог быть именно разгромный характер текста и его публикация могла негативно сказаться на взаимоотношении редакции «Русской мысли» и П.М. Головачева (1862–1913)²⁴¹, публикатора этого сборника, который сотрудничал с журналом. На возможное ухудшение взаимоотношений между ними из-за публикации рецензии в том числе намекал Веселовский в комментариях к тексту²⁴².

Основное направление критики рецензента – неточность передачи текста. В частности, замечания были связаны с нецелесообразностью и необоснованностью пропусков в тексте. Веселовский не исключал возможности пропусков, но лишь с учетом ряда обстоятельств: «Практически пропуски допустимы и в неко-

²³⁷ Переписка С.Б. Веселовского. С. 87–88.

²³⁸ Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004.

²³⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 60–64. Трудно установить точную дату завершения работы над рецензией. Судя по выпускам журнала «Русская мысль», рецензии редко публиковались на труды, вышедшие больше двух лет назад (чаще публиковались за текущий год и предыдущий). С учетом года издания сборника (1903), рецензия на него вряд ли была написана после 1905 года.

²⁴⁰ Там же. Л. 1.

²⁴¹ П.М. Головачев был публикатором данного сборника, автором введения и заключительного очерка. В начале XX в. был специалистом по истории Сибири, ученик В.О. Ключевского. Подробнее о нем: Тюмень в XVII столетии. С. 4–14.

²⁴² АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

торых наших изданиях применяется эта система. Она терпима, если пропуски сделаны умело и пропущены безусловно неважные места, напр[имер] повторения и т.п. Само собой разумеется, что эта система требует большой осмотрительности, опытности и знаний. Но, если редактор взял на свою душу ответственность и сделал пропуск, то во всяком случае, он должен точно указать, что в данном месте сделан пропуск и какой именно. Последнее необходимо, чтобы читатель мог всегда проверить целесообразность пропуска и в случае надобности отыскать в подлинниках пропущенные места»²⁴³. Однако сборник П.М. Головачева, с точки зрения Веселовского, к таковым исключениям не относился. Категоричное отношение Веселовского к данному вопросу связано с нарушением принципа целостности источника: «Документ должен быть представлен во всей его, *если можно так выразиться, объективности* [курсив мой – Т.Х.]. Всякие пропуски вносят в него элемент субъективности»²⁴⁴.

Весомые замечания Веселовского были также связаны с наличием грубых опечаток, причем в большом количестве, искажавших отдельные фрагменты или суть текста в принципе. Веселовский подчеркивал, что он не имел цели проверять все издание в архивных фондах, однако привел несколько примеров в качестве иллюстрации качества издания. В целом, для конца XIX – начала XX в. вопрос о степени вмешательства исследователя в текст публикуемого источника был несомненно актуальным для археографии. Например, тот же вопрос ставился в известной полемике между Н.П. Лихачевым и А.И. Юшковым (1866–1932), в которой оба историка крайне несдержанно упрекали друг друга в неточности воспроизведения текста актов²⁴⁵.

Менее категоричным был рецензент в вопросе отбора актов для публикации. Согласно Веселовскому, «этот вопрос допускает субъективное решение и зависит от вкусов и целей редактора»²⁴⁶.

²⁴³ Там же. Л. 60.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Лихачев Н.П. По поводу сборника А.И. Юшкова: «Акты XIII–XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898.

²⁴⁶ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 60.

Однако он подчеркнул, что редактор напрасно не привлек к работе более богатые по материалу столбцы, хотя извлекать материалы из них сложнее, чем из книг. Изложение подобных вопросов на страницах издания, согласно Веселовскому, позволяло раскрыть работу археографа. Тому же вопросу работы со столбцами, но из Поместного приказа, было уделено внимание в «Актах писцового дела...» (1913)²⁴⁷. В предисловии к ним Веселовский лаконично описал состояние приказных столбцов в МАМЮ и как оно препятствовало сплошному просмотру²⁴⁸.

В итоге, заключительные слова рецензента были неутешительными: «Так нельзя издавать архивных документов. Произвольные выпуски и вставки отдельных слов, масса мелких и грубых ошибок, делающие подчас совершенно неузнаваемым подлинный текст, не говоря о системе “пропусков”, принятой редактором, и большое количество опечаток делают настоящее издание бесполезным для науки. Можно бы было горячо поблагодарить редактора за издание таможенных книг, если бы они были напечатаны хоть немного лучше. Но именно в них мы нашли наибольшее количество ошибок и они подверглись самому безжалостному кромсанию. Таможенные книги очень важный и совершенно не разработанный наукой материал для истории экономического быта и для торговли в особенности»²⁴⁹. Таким образом, рецензия отражала не только формировавшиеся археографические принципы ученого, но также этические. Она, ввиду принципиального несоответствия нормам научного издания, связана с моральным реагированием и логично вписывается в ряд последующих рецензий ученого (прежде всего, на работу Е.Д. Сташевского) как попытка отстоять научные ценности.

В числе первых археографических опытов Веселовского был небольшой сборник документов XVII в.²⁵⁰ В нем отсутствует

²⁴⁷ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг.

²⁴⁸ Там же. С. VIII–X.

²⁴⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 64.

²⁵⁰ *Веселовский С.Б.* Несколько документов Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1907. Краткий обзор содержания опубликованных документов содержится в 113 томе «Исторического вестника»: *Бирюков Я.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Несколько документов Московского глав-

предисловие, однако присутствуют комментарии к документам, которые упрощают задачу в определении принципа подборки. Данную публикацию можно рассматривать как промежуточный этап архивных разысканий Веселовского по теме истории финансов Московского государства. Так, среди документов были те, что тесно связаны с проблемой пьянства и положением кабаков накануне кабацкой реформы 1652 г.²⁵¹ Данной теме в дальнейшем будет посвящен отдельный очерк, о котором уже шла речь выше²⁵². Кроме того, с темой посошного обложения связана уставная земская грамота Усольского уезда²⁵³. Эти же документы были опубликованы в ЧОИДР в 1907 г., однако в выпуск также вошли еще два небольших документа²⁵⁴.

По способу передачи текста и археографическому оформлению (как в ЧОИДР, так и в отдельном издании) эти работы близки к последующим более крупным археографическим трудам Веселовского: все источники пронумерованы, в заголовке каждого документа указаны описание документа и дата создания, редакторские пометки внутри основного текста выделены курсивом или в случае указания места хранения (в конце текста) в круглых скобках (обычным шрифтом). Однако не везде редакторский текст четко отделен от текста документа. Например, перед несколькими документами были вступительные редакторские комментарии, которые по оформлению не отличались от основного текста (за исключением отступа между ними)²⁵⁵.

ного архива Министерства иностранных дел. М., 1907] // Исторический вестник. 1908. Т. 113. С. 311–312.

²⁵¹ Там же. С. 3–5, 9–12.

²⁵² *Веселовский С.Б.* Кабацкая реформа. С. 59–66.

²⁵³ *Веселовский С.Б.* Несколько документов. С. 12–18.

²⁵⁴ 2. – 1612 г. 18 ноября. Грамота на Белоозеро от боярина Д. Трубецкого и стольника Д. Пожарского о назначении Ст. Чепчугова Белоозерским осадным воеводой, а Гр. Образцова – ратным // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1907 год. Кн. I. С. 30; 3. – 1646 г. 20 декабря. Грамота из Новгородской чети в Нижний Новгород о том, чтобы в торговых банях мужики с женами вместе не парились // Там же. С. 30–31. Следующие документы в книге (№ 4–8) опубликованы в сборнике: *Веселовский С.Б.* Несколько документов. С. 3–18.

²⁵⁵ *Веселовский С.Б.* Несколько документов. С. 3, 6.

В 1910 г. опубликован сборник нижегородских платежниц, подготовленный Веселовским²⁵⁶. Сборник вышел как один из выпусков проекта ОИДР, который посвящен приближавшемуся 300-летию юбилею окончания Смутного времени (всего выпусков девять, три из которых вышли под редакцией Веселовского). Целеполагание публикации этих источников тесно связано не только с работой в рамках коллективного проекта, но также с личными исследовательскими принципами и интересами молодого ученого. Уже в самом начале научного пути он вырабатывал профессиональные принципы как историка и археографа. Он считал, что *научное издание исторических источников*²⁵⁷ позволяет существенно упростить представление результатов исторического исследования.

Изучение социально-экономической истории России XVII в. без писцовых документов представляло для Веселовского одну из главных трудностей. Поэтому обращение к платежницам было вполне логичным решением, т.к. эти источники, также относящиеся к материалам государственного и вотчинного учета, во многом приводили те же сведения, что и писцовые или приходные книги. В предисловии издания Веселовский выделил два вида платежниц: 1) *основанные на писцовых / дозорных книгах*, в них содержались «рописи лиц физических и юридических, с указанием сошных, вытных и обежных окладов, с которых они должны были платить во всякие посошные подати, и с указанием оброков, платимых сверх сошного письма»²⁵⁸; 2) *основанные на приходных окладных книгах*, которые «содержали в себе список лиц с указанием причитающихся с них налогов, но служили не для развода и оклада податей, а для записи прихода»²⁵⁹. Опубли-

²⁵⁶ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1910–1918. Вып. 7: Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. / подг. С.Б. Веселовский. 1910.

²⁵⁷ Под *научным изданием* понимается совокупность процедур, направленных на введение исторических источников в научных оборот и упрощение работы исследователя с ними путем составления сопровождающего научного аппарата.

²⁵⁸ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Вып. 7: Нижегородские платежницы. С. III.

²⁵⁹ Там же. С. IV.

кованные Веселовским платежницы из Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) относились ко второму виду.

Предисловие к нижегородским платежницам очень краткое, тем не менее в тексте содержатся сведения как о происхождении (датировка, особенности и условия их создания), так и содержания (установление степени полноты) опубликованных источников²⁶⁰. Веселовский рассматривал информационный потенциал опубликованных платежниц через сопоставление с другими материалами государственного и вотчинного учета. Так, он подчеркнул перспективность изучения перехода дворцовых земель в руки помещиков и вотчинников через сопоставление данных из этих платежниц с более поздними²⁶¹. Отдельно следует отметить рефлексию Веселовского о степени достоверности платежниц за 7120 г. Он предположил, что платежницы за 7118, 7119 и 7121, вероятно, не были составлены в виде отдельных книг. Предположение основано на том, что данные за эти годы были включены в платежницы за 7120 г.²⁶²

Веселовский стремился учесть не только степень сохранности публикуемых материалов, но также их палеографические особенности. Так, в предисловии отмечены внешние особенности бумаги, степень сохранности платежниц, а также приведено описание водяных знаков, которые встретились ему²⁶³. Для описания он использовал альбом снимков водяных знаков, изданных в 1899 г. Н.П. Лихачевым²⁶⁴. В комментариях также отмечены те внешние особенности текста, которые могли непосредственно влиять на его восприятие, например, если листы были оторваны²⁶⁵.

В данной работе прослеживаются одни из главных археографических принципов ученого: с одной стороны, максимально точная

²⁶⁰ Там же. С. III–V.

²⁶¹ Там же. С. III.

²⁶² Там же. С. IV.

²⁶³ Там же. С. IV–V.

²⁶⁴ *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть 3: Альбом снимков. СПб., 1899. С. Т. ССССXXXVII (№ 3310), Т. ССССXXXVIII (№ 3318–3322), Т. DCXIV (№ 4125, 4127).

²⁶⁵ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 7: Нижегородские платежницы. С. 242.

передача текста источника, т.е. правки / изменения вносились лишь в исключительных случаях и оговаривались в тексте, а с другой – стремление максимально упростить работу читателя с источником, поэтому при передаче текста не были использованы вышедшие из употребления буквы, а применено принятое к XX-му столетию письмо. Это относилось к явным опискам писцов²⁶⁶. «Вмешательства» в основной текст источника отмечались в круглых скобках²⁶⁷. Как и во многих других выпусках «Смутного времени Московского государства. 1604–1613 гг.» (в том числе изданиях арзамасских актов, а также актов подмосковного ополчения и Земского собора, редактором которых был Веселовский) в издании нижегородских платежниц содержались два указателя: географический и именной.

Через год, в 1911 г., в рамках того же проекта, посвященного 300-летию юбилею окончания Смутного времени, вышли из печати акты подмосковного ополчения и Земского собора²⁶⁸, которые также были собраны и отредактированы Веселовским.

В сборнике актов предисловие чуть более подробно, чем в сборнике нижегородских платежниц, но по содержанию охватывает тот же круг вопросов. Принцип отбора материалов – тематический, включены материалы из разных архивов и фондов. Основу сборника составили дела Владимирской, Галицкой и Костромских четей (а также материалы Казенного Двора) из Московского отделения архива Императорского Двора, а также акты Дворцового архива (например, акты из архива Белозерского уездного суда, которые ко времени издания хранились в МАМЮ). В предисловии Веселовский отметил степень сохранности этих дел, кратко охарактеризовал внешние черты материалов, а также специфику ведения записей дьяками и подьячими.

Значительная часть опубликованных материалов также связана с основным научным интересом Веселовского в дореволюционные

²⁶⁶ Так, если в подлиннике написано было «в тред», то исправлено (и написано об этом) на «в трет», вместо «Аядцкого» – «Аяцкого». – Там же. С. 51, 161.

²⁶⁷ В том числе указания листов, на которых зафиксирован тот или иной фрагмент: «л.» и «об.».

²⁶⁸ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 5: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.).

годы – социально-экономической историей России XVII в., что отражено в самом начале перехода Веселовского к вопросу о содержании опубликованных источников: «Вопрос о материальных средствах стал самым важным вопросом всех временных правительств и долго после избрания на царство Михаила Федоровича был самым большим местом государственного управления. Наш сборник дает материал, главным образом, для освещения этой важной стороны государственной жизни»²⁶⁹. Так, с точки зрения Веселовского, информационный потенциал источников позволял подробнее изучить вопросы о беспорядке в хозяйственной жизни после падения центральной власти и ослабления местной, стратегии ведения хозяйственной жизни отдельных административно-территориальных единиц страны в последние годы Смуты, доходах правительства в условиях ополчения (в том числе вопросы о хозяйственной жизни, затронутые в приговоре Земского собора в июне 1611 г. и несоблюдение его требований воеводами), налоговых сборах (например, сбор шуб для ратных людей), добровольных пожертвованиях, организации ополчения (особенно материалы, связанные с Ярославлем и Белоозером), расхищении царской казны.

В сборнике актов, изданном в 1911 г., по сравнению со сборником нижегородских платежниц, присутствуют важные изменения с точки зрения археографии. Если в сборнике нижегородских платежниц справочные сведения приведены лишь в предисловии, то в сборнике 1911 г. они присутствуют после каждого источника (легенды). Это позволило сконцентрироваться на источниковедческих, текстологических особенностях каждого отдельно взятого источника, их степени сохранности и внешней характеристике, а не только их совокупности. Легенды выделены курсивом, в них указано место хранения, оригинал или черновик, количество листов и т.д. Для восстановления утраченных мест использовался обычный шрифт (тот же, что и для передачи основного текста источника), при этом текст все же заключался в круглые скобки.

В сборнике опубликованы черновики актов, в которых присутствовали зачеркивания. Зачеркнутый текст включен в основ-

²⁶⁹ Там же. С. V.

ной в квадратные скобки, текст комментатора приведен так же, как и в предыдущем сборнике, в круглых. Некоторые комментарии приведены внутри основного текста источника (также курсивом, в том числе в круглых скобках) – по характеру это те, которые не направлены на дополнение недостающих слов или букв в источнике (например, место хранения другой части источника или отметка о том, что отсутствует фрагмент текста). Комментарии отдельных фрагментов источников приведены также через ссылку (текст в ссылке редко приводился курсивом). Все материалы сборника пронумерованы (всего № 123, с учетом приложений: № 118–123), расположены в хронологическом порядке (№ 1 от 29 июня 1611 г. до № 117 от 7 апреля 1615 г.).

Результаты архивных поисков, связанных с социально-экономической историей, также проявились в публикации сборника материалов о смете военных сил Московского государства в 1661–1663 гг.²⁷⁰ Принцип отбора вызван архивоведческими причинами. Веселовский обнаружил эти материалы в восьмом столбце Денежного стола в отделе Разрядного приказа МАМЮ²⁷¹. Хотя для изучения налоговой системы Московского государства они не представляли значительного интереса²⁷², видимо, решение о публикации было принято исходя из научных принципов ученого. Согласно Веселовскому, описания архивных фондов в дореволюционные годы находились в неудовлетворительном состоянии, что затрудняло привлечение неопубликованных источников. В этой связи издание источников как результат археографической работы – один из способов решения данной проблемы.

²⁷⁰ *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. М., 1911.

²⁷¹ В те годы материалы из этого архива были привлечены в исследовании о запросных и пятинных деньгах: *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 23, 96–97. Кроме того, в период публикации «Семи сборов...» Веселовский работал над изучением арзамасских актов, которые также хранились в МАМЮ.

²⁷² В сборник вошли девятнадцать документов. Для темы Веселовского представляли интерес, пожалуй, царский указ о составлении сметы прихода и расхода серебряных денег, а также выписка из Поместного приказа о подворном сборе. – *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил. С. 4–5.

В издании присутствует предисловие, но оно не выделено в соответствующий раздел – тексты документов расположены сразу после редакторских заметок. В предисловии в сжатом виде рассмотрены вопросы о месте хранения документов, авторстве, а также приведен перечень опубликованных документов (с указанием нумерации)²⁷³, анализ содержания источников отсутствовал²⁷⁴. В документах отмечены листы хранения источников – выделены в круглые скобки, как и другие (более редкие) указания на редакторские вставки в основном тексте²⁷⁵. Некоторые редакторские пометки, которые не выделены скобками оформлялись курсивом – для обозначения редакторского текста вне основного (например, «на обороте»)²⁷⁶. Весь текст в ссылках был оформлен обычным шрифтом, что в будущих археографических трудах Веселовского подвергнется изменениям: для более четкого разделения принадлежности текста редакторские вставки стали выделяться курсивом. Для данного издания также составлен указатель, который, судя по содержанию, включал в себя как географические названия, так и антропонимы.

В 1912 г. был опубликован сборник приходо-расходных книг²⁷⁷, работа над изданием которого шла как минимум с 1908 г.²⁷⁸

²⁷³ Веселовский С.Б. Сметы военных сил. С. 3–4.

²⁷⁴ Незадолго до выхода издания Веселовского в 1910 году были опубликованы Е.Д. Сташевским аналогичные материалы о сметах военных сил накануне Смоленской войны (1632–1634). В отличие от публикации Веселовского, в тексте Е.Д. Сташевского приведен гораздо более подробный источниковедческий анализ, в том числе с точки зрения внутренней критики: рассмотрены вопросы о численности и составе армии, учреждениях, которые занимались управлением армии, денежном содержании за службу. – *Сташевский Е.Д.* Смета военных сил Московского государства на 1632 год // Военно-исторический вестник. 1910. № 9–10. С. 49–86.

²⁷⁵ Например, «(п. т.)» (т.е. «полный титул», использовалось для сокращения повторения титула в источниках). – *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил. С. 4–5.

²⁷⁶ *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил. С. 22, 53.

²⁷⁷ Русская историческая библиотека. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги Московских приказов.

²⁷⁸ Решение об издании приходо-расходных книг было принято 16 декабря 1908 г. на заседании Археографической комиссии. В письме от 21 декабря 1908 г. Веселовский делился своими соображениями с В.Г. Дружининым о пра-

Мотив, побудивший Веселовского к изданию сборника, как и для многих других дореволюционных археографических трудах ученого, был вызван внутренними (личными) научными обстоятельствами. Еще в рецензии на книгу Ю.В. Готье о Замосковном крае Веселовский подчеркивал, что для получения цельной картины экономического быта XVII столетия необходимо обратиться к систематическому изучению приказных книг, прежде всего, приходо-расходных²⁷⁹. Таким образом, публикацию этих источников можно рассматривать как первый шаг к решению проблемы, поставленной Веселовским в рецензии.

Предисловие к приходо-расходным книгам написано чуть подробнее, чем к нижегородским платежницам, но менее подробно, чем к актам, изданным в 1911 г. В данном случае это, по видимому, было связано с требованием к изданию томов «Русской исторической библиотеки, издаваемой Археографической комиссией», в один из которых в итоге вошел сборник приходо-расходных книг. Так, в письме от 9 февраля 1912 г. В.Г. Дружинин, бывший с 1899 г. секретарем Археографической комиссии, написал Веселовскому следующее: «Чтобы облегчить Вам вопрос о предисловии, напомним Вам только, что оно не должно носить характер исследования, а лишь быть описанием актов, помещенных в издании»²⁸⁰.

Таким и получилось предисловие: как и в предыдущих археографических трудах, приведены краткие источниковедческие сведения о публикуемых источниках. Но по сравнению с изданием «Актов подмосковного ополчения и Земского собора...» в приходо-расходных книгах источниковедческие вопросы проанализированы преимущественно с точки зрения анализа происхождения: кратко дана общая характеристика книг, вошедших в том (опубликованы в хронологическом порядке: «Владимирской чети 122 г. [1614], Нижегородской – 123 г. [1615], Разрядного приказа 123 и 125 гг. [1615 и 1617], расходная книга Устюжской чети 127 г. [1619] и приходо-расходная книга золотых и золоченных денег

вилах издания источников XVI–XVII вв. и вместе с тем написал о трудностях издания приходо-расходных книг: Переписка С.Б. Веселовского. С. 31.

²⁷⁹ Веселовский С.Б. [Рец. на кн.: Готье Ю.В.]. С. 415, 425.

²⁸⁰ Переписка С.Б. Веселовского. С. 46.

в Разряде за 121–127 годы [1613–1619]»²⁸¹), проанализированы условия и обстоятельства создания этих книг (в тексте кратко описаны цель и процесс создания, а также роль дьяков и подьячих в этом процессе). Затем Веселовский сконцентрировался на источниковедческих и текстологических особенностях каждой из опубликованных книг.

Как и в сборнике нижегородских платежниц, в сборнике приходо-расходных книг текст источника сопровождался указанием листов (и оборотов) подлинника. Текст приходо-расходных книг распределен на две колонки на каждом листе, вероятно, для удобства работы читателя с опубликованными материалами²⁸², а также в целях экономии. Редакторские вставки также оформлены в круглые скобки внутри основного текста (в основном дописаны недостающие буквы в словах, предлоги). Однако в скобки заключено гораздо меньше текста по сравнению с предыдущими археографическими работами Веселовского, особенно относительно актов, изданных в 1911 г.²⁸³ Комментарии отдельных фрагментов также приведены через ссылку (чаще всего об указании слова, которое зафиксировано в подлиннике или внешней характеристике источника, например, если был оторван фрагмент листа). В квадратные скобки чаще всего помещены приписки, редакторский текст дан курсивом (например, «*на полях написано: доим(ка)*»²⁸⁴). Если приписка вместе с редакторским комментарием была больше трех-четырёх слов, то для нее оформлялась ссылка²⁸⁵.

Помимо географического и именного указателей, присутствует также предметный. Предметные указатели встречались гораздо

²⁸¹ РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 1.

²⁸² По всей видимости, в оригинале размер текста был большой, так в каждой колонке помещалось по несколько листов (с оборотами).

²⁸³ Однако не все редакторские корректировки сопровождалось указанием на это. Например, при повторении слов, которые подверглись в публикации изменениям. Так, уже на первой странице на слово «дьяком» поставлена ссылка со следующим текстом: «Почти везде эти слова написаны так: передьяком». – РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 1.

²⁸⁴ РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 29.

²⁸⁵ Например, «Против этих строк в подлиннике написано: отдана в поместье думному дьяку Петру Третьякову». – РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 174.

реже, чем именные и географические. Согласно правилам Археографической комиссии 1905 г., предметный указатель прилагается в особых случаях и с одобрения комиссии²⁸⁶. Предположу, что составление указателя было необходимо по меньшей мере по двум причинам: 1) большой объем отдельно взятого источника, который усложняет поиск определенной темы; 2) наличие тем, которые встречаются в разных приходо-расходных книгах.

В 1913 г. вышел из печати первый том актов писцового дела²⁸⁷. Предисловие к изданию комплекса документов существенно отличается по содержанию в сравнении с другими археографическими трудами Веселовского, опубликованными к тому времени. Если в других трудах он сконцентрировался в большей степени на источниковедческих особенностях публикуемых материалов, то в издании актов 1913 г. он также выразил свои археографические и исторические принципы, которые стремился реализовать в данном и последующих трудах. Сама по себе попытка зафиксировать эти принципы, по-видимому, вызвана тем, что остальные крупные археографические работы Веселовского до 1913 г. были частью *коллективных* проектов²⁸⁸. Издание актов писцового дела формально не было связано с серийными сборниками источников, в которых фиксация научных принципов одного редактора могла идти в разрез с принципами других. Публикация актов писцового дела как труда в рамках *индивидуального* проекта (как приложение к «Сошному письму...»), по всей видимости, и позволила их выразить.

²⁸⁶ ЛЗАК: за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 14.

²⁸⁷ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. Первая часть второго тома была опубликована в 1917 году (вторая часть опубликована посмертно в 1977 году). По способу передачи текста, принципу отбора источников для издания, научно-справочному аппарату, характеру редакторских комментариев, первая часть второго тома принципиально не отличалась от первого. Исключением можно считать отсутствие указателей в первой части, что оговаривалось в предисловии (планировалось сделать единый указатель для двух частей в издании второй части, что, по всей видимости, было связано с повышением стоимости бумаги и типографских услуг в годы Первой мировой войны). – Акты писцового дела. М., 1917. Т. 2. Вып. 1: Акты 1627–1649 гг. С. I.

²⁸⁸ Речь идет о ранее упомянутых изданиях платежниц (1910), актов подмосковного ополчения и Земского собора (1911), а также в приходо-расходных книгах (1912).

Предисловие начиналось с размышлений о взаимодействии историков-монографистов и историков-концептуалистов: первые – эмпирики, практикующие историки, которые кропотливо работают с историческими источниками; вторые – теоретики, которые стремятся обобщить исследования первых. Как отметил Веселовский, среди условий для их консолидации и плодотворного сотрудничества следует выделить *прозрачность* (как главное условие) и *планомерность* (скорее как факультативное) научной деятельности монографистов²⁸⁹.

Замечу также, что сама по себе попытка осмыслить принципы производства научного исторического знания через *взаимодействие двух групп историков* в очередной раз демонстрирует тяготение Веселовского к неклассической модели исторической науки. Монографисты, с точки зрения Веселовского, отличались от концептуалистов тем, что первые занимались изучением определенной сферы прошлого, при этом порой не осознавая связь своей темы с темой другого монографиста. Обобщением, поиском связи между работами монографистов, занимались концептуалисты²⁹⁰.

Под «прозрачностью» он понимал раскрытие «лаборатории историка», принципов, на которых выстроено исследование. Согласно Веселовскому, «выбор тем частью зависит от личных вкусов исследователей, частью объясняется чисто случайными причинами»²⁹¹. Для более глубокого понимания концептуалистами идей монографистов от последних требовалась обстоятельная рефлексия о релевантности и причинах выбора темы, целеполагании, а также о методах исследования. Только после четкого понимания того *что* историк стремился сделать, ему следовало перейти к анализу того *как* это сделать. По этой причине следующий вопрос, ко-

²⁸⁹ Подробнее об историках-монографистах и историках-концептуалистах с точки зрения Веселовского: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 116–117.

²⁹⁰ Особенно четко это видно в следующем фрагменте: «Монографисты-эрудиты с своей стороны очень заинтересованы в том, чтобы их труды были пригодны и полезны для обобщающих историков, так как только связь с общим движением науки придает цену их трудам». – Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. III–IV.

²⁹¹ Там же. С. IV.

торый поднимал Веселовский, был связан с историческими источниками. Он подчеркнул следующее: «Большой вред науке приносит то обстоятельство, что большая часть наших архивов не описана и недоступна для исследователей, что вообще первоисточники в надлежащей степени не приведены в известность. Вследствие этого большинство исследователей выбирают темы для своих работ без достаточно определенного представления о качестве и количестве сохранившихся первоисточников вообще и тех в частности, которые необходимы для их тем»²⁹². Таким образом, подчеркивается другой важнейший научный принцип историка – стремление привлечь к работе репрезентативную источниковую базу. Мотив публикации актов обусловлен как внутренними, так и внешними профессиональными обстоятельствами: это связано со стремлением, с одной стороны, представить акты в качестве приложения к исследованию о социально-экономической истории Московского государства (как и в случае других дореволюционных археографических трудов Веселовского)²⁹³, а с другой – внести вклад в решение проблемы степени доступности и неудовлетворительного описания архивов, расширить источниковую базу не только для собственных изысканий²⁹⁴. Последний мотив, таким образом, был проявлением *коллективизма*, императива, согласно которому исследователю следует свободно делиться научными находками, которые образуют общее достояние²⁹⁵.

²⁹² Там же. С. IV.

²⁹³ Согласно Веселовскому, публикация исторических источников в качестве приложения вызвана потребностью в прозрачности, но также и в упрощении работы автора научного исторического исследования: «необходимость вводить в текст исследования большие выдержки из архивных первоисточников и делать многочисленные и объемистые примечания сильно осложняют задачу исследователя. Этот громоздкий ученый аппарат одновременно затрудняет чтение и усвоение исследования». – Там же. С. VI. Подробнее о связи принципа прозрачности с археографической работой в научном творчестве Веселовского: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 122–123.

²⁹⁴ Данный мотив связан со взглядами Веселовского на исторический источник как краеугольного камня любого исторического исследования: «Исследование устаревает и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные первоисточники будут для науки прочным приобретением». – Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VI.

²⁹⁵ Подробнее о коллективизме и других императивах этоса науки: *Merton R.K.* *The Sociology of Science*. Chicago, 1973. P. 267–278.

По-видимому, согласно Веселовскому, раскрытие «лаборатории историка» важно не только для концептуалистов, но и для монографистов, которые также привлекали результаты исследований «коллег по цеху». Так, в нижеприведенном фрагменте он подчеркивал необходимость раскрытия исследовательских принципов, хода работы историка, не разделяя их на две группы: «*Ни один научно-мыслящий и осторожный историк* [курсив мой – Т.Х.] не станет пользоваться для своих обобщений чужим исследованием, если ему неизвестны или неясны приемы и материал, при помощи которых монографист пришел к своим выводам»²⁹⁶. В целом, прозрачность – краеугольный камень не только в системе взаимоотношения монографиста и концептуалиста, но и в научной деятельности в принципе. По Веселовскому, прозрачность являлось неотъемлемым компонентом *самокритики*²⁹⁷. Ученый, раскрывающий те принципы и путь, которые привели к полученным выводам, ставит себя в гораздо большую зависимость от читателя. Осознание данного обстоятельства становится для ученого стимулом для улучшения качества интеллектуального продукта: рефлексия о научных принципах и пути исследования повышает вероятность найти уязвимые места в работе, понять степень прочности выдвигаемых положений.

В восприятии Веселовского планомерность – стратегия выстраивания научной деятельности в связи с выбранной темой исследования. Осознание цели исследования позволит выделить основные задачи, решение которых позволит постепенно приблизиться к ней. Планомерность – важное, но в отличие от прозрачности, все же необязательное условие научной деятельности. Причина кроется в трудности соблюдения данного условия: исследователю сложно заранее выстроить четкий путь без отступлений (или даже заблуждений), в дальнейшем работа над темой может потребовать больших усилий, привлечь те источники и решить те задачи, о которых он не мог предполагать в самом начале. Веселовский видел выход из данной проблемы в институтах, которые рассматривались им как условие для эффективной

²⁹⁶ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. IV.

²⁹⁷ Там же. С. V.

организации научной деятельности: «Инициативы в этом деле, конечно, следует ожидать от университетов и других крупных ученых учреждений; отдельные исследователи, вне этих учреждений, едва ли могут рассчитывать на значительные успехи»²⁹⁸.

Таким образом, фиксация научных принципов была необходима для пояснения роли издания исторических источников для дальнейшего развития исторической науки и в то же время для пояснения читателю мотивации Веселовского в занятиях археографической работой.

В следующей части предисловия актов Веселовский перешел от общеисторических научных принципов к археографическим. Как и в случае с другими археографическими трудами, в этом сборнике актов Веселовский стремился привлечь максимально широкий корпус материалов по теме, в данном случае по истории писцового дела. В этом вопросе Веселовский исходил из основных положений Археографической комиссии в правилах издания источников 1905 г., в которых отмечено, что степень полноты публикуемых материалов – важный, но не решающий критерий: «Комиссия издает группы актов, представляющих однородное целое в научном отношении, бумаги касающиеся делопроизводства отдельных старинных учреждений или отдельных архивов, по возможности [курсив мой – Т.Х.], полностью»²⁹⁹.

С точки зрения Веселовского, данный вопрос требовал прояснения. Одна из основных проблем при подготовке сборника – неудовлетворительная степень их описания в архиве, осложняющая эвристические возможности исследователя. Из-за чего даже в результате добросовестной кропотливой работы остается возможность упустить из внимания другие релевантные материалы и детали. Тем не менее, по мысли Веселовского, эти обстоятельства не должны вынуждать исследователя отказаться от археографической деятельности. Напротив, он должен приложить все усилия, чтобы минимизировать вероятную случайность подбора источников и по мере возможности систематизировать их³⁰⁰. К тому же

²⁹⁸ Там же. С. IV.

²⁹⁹ ЛЗАК: за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 10.

³⁰⁰ М.А. Дьяконов в письме от 6 ноября 1908 г. написал Веселовскому, что А.С. Лаппо-Данилевский подчеркнул «случайность» источников, подготовлен-

необходимо учитывать и степень сохранности источников. Например, как отметил Веселовский, материалы приказов / четей, связанных с писцовых делом, попросту не сохранились и публикация, по сути, выстроена по остаточному принципу³⁰¹. Таким образом, ученым был предложен компромисс между соблюдением принципа *систематизации корпуса источников*, что играет ключевую роль в мотивировке издания, и *потребностью в публикации* для дальнейшего развития научно-исторического знания.

Среди ключевых археографических принципов Веселовского выделялся неоднократный пересмотр материалов в процессе их подготовки к изданию. Это было необходимо для перепроверки первоначальных редакторских установок, а также устранения возможных неточностей при передаче текста³⁰². По-видимому, этот же принцип был тесно переплетен с другим – стремлением зафиксировать мельчайшие детали источников. Например, в публикацию комплекса источников также вошли акты, которые, на первый взгляд, не представляют интерес с точки зрения писцового дела и посощного обложения. Веселовский обосновал включение этих актов тем, что их информационный потенциал не исчерпывался лишь отмеченными выше вопросами (согласно Веселовскому, эти акты могли представлять интерес с точки зрения особенности письменности XVII в.³⁰³, деятельности дьяков, а

ных к печати (судя по дальнейшему ответу Веселовского речь шла в том числе и об актах, которые в итоге были изданы в 1913 г.). Веселовский в ответном письме М.А. Дьяконову от 11 ноября 1908 г. подчеркнул тот же принцип, отмеченный в предисловии к актам: стремление привлечь *все* доступные ему источники (в данном случае из московских архивов, т.к. петербургские материалы были ему недоступны). – Переписка С.Б. Веселовского. С. 83–92.

³⁰¹ Согласно Веселовскому, таковыми были Поместный приказ и четыре чети: Галицкая, Владимирская, Устюжская и Новгородская. – Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VI.

³⁰² Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VII–VIII.

³⁰³ Этот вопрос был поднят в контексте однообразия некоторых актов. С точки зрения Веселовского, в источнике необходимо учитывать не только зафиксированную в нем информацию, но также и сам способ передачи, что позволяет исследователю проанализировать более широкий круг вопросов: Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VIII. Вероятно, данное пояснение Веселовского было связано с комментариями М.А. Дьяконова в письме от 10 февраля 1912 г.: «Ваши акты очень интересны. Если я упомянул о некоторых по-

также внутреннего устройства приказов)³⁰⁴. Более того, публикация актов в качестве приложения также была вызвана стремлением соблюсти не только принципы прозрачности и планомерности, но и вероятностью, что другие исследователи смогли бы сделать более точные выводы, обращая внимание на те фрагменты источника, которые ранее не получили должного внимания³⁰⁵.

С точки зрения источниковедения в предисловии проанализированы вопросы как *анализа происхождения* источников (о времени их создания, авторстве, условиях создания, месте происхождения и хранения, степени сохранности)³⁰⁶, так и *анализа содержания* (информационный потенциал, степень достоверности)³⁰⁷. В рефлексии Веселовского об источниковедческих особенностях опубликованных актов также прослеживаются черты неклассической модели исторической науки. Так, Веселовского интересовал не только исторический источник, но также *жизненный мир его создателя*: «Чтобы перейти от отдельного текста, как отражения в представлении его автора современных ему фактов [курсив мой – Т.Х.], к познанию самих фактов, необходима сложная работа сопоставления текстов и фактов»³⁰⁸. Таким образом, источник рассматривался как результат творческой деятельности индивидуума, чем и вызвана необходимость отдельного изучения автора исторического источника. Эта интенция особенно ярко проявится в многолетней работе Веселовского о дьяках и подьячих, к которой он приступил еще до 1910-х гг.³⁰⁹

вторениях, то с лишь с археографической точки зрения, а не по существу. *Дословное* повторение в актах уже сказанного возможно и не воспроизводить. Но я, может быть, и здесь не прав, так как точно не слыхал текста». – Переписка С.Б. Веселовского. С. 122. Слова М.А. Дьяконова относились к актам подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. (1911). Веселовский, следуя тому же принципу в другой археографической работе, по всей видимости, стремился учесть эти комментарии.

³⁰⁴ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VII–IX.

³⁰⁵ Там же. С. IV–V.

³⁰⁶ Там же. С. VIII–X.

³⁰⁷ Там же. С. VII–IX.

³⁰⁸ Там же. С. VIII.

³⁰⁹ Например, о многолетней работе над послужным списком дьяков подчеркивалось в письме И.И. Кауфману, в котором Веселовский разбирал аргументы

Веселовский уделил внимание и принципам передачи текста источника. Эти рассуждения были тесно переплетены с вопросом о *целесолагании* комплекса опубликованных источников, который был составлен исключительно для историков³¹⁰. Публикатору, с одной стороны, необходимо соблюдать *точность передачи текста*: любое подновление исторического источника нежелательно. С другой стороны, по мысли Веселовского, необходимо учитывать и другую задачу – *упрощение работы* будущих читателей с комплексом источников. По этой причине необходимо было пойти на компромисс, чтобы соблюсти обе задачи. Это выразилось, например, в замене букв, вышедших из употребления³¹¹. Как считал Веселовский, без необходимости исследователю не следует вмешиваться в текст источника и нужно учитывать его специфику. Если в тексте присутствовали дефектные фрагменты, то восполнение утраченных фрагментов должно быть строго выделено. К примеру, в этом сборнике, как и в предыдущих археографических трудах, Веселовский выделил исправления в круглых скобках, но, как он подчеркивал, делалось это не всегда: в тех местах, где риск допущения неточности / ошибки был высок, он ставил отточие³¹².

В подготовке сборника актов Веселовский руководствовался, как уже было отмечено, правилами Археографической комиссии 1905 г.³¹³, которым он следовал и в предыдущих археографических трудах. Соблюдение этих правил прослеживается также в систематизации материалов по хронологическому принципу,

своего оппонента в раннем упомянутом вопросе о времени выпуске монет. Письмо было написано не раньше 1910 г. и не позже 1912 г. В.Г. Дружинин в письме Веселовскому от 24 октября 1913 г. поинтересовался ходом работы над «формулярами дьяков». – Переписка С.Б. Веселовского. С. 210, 52.

³¹⁰ В этом вопросе Веселовский также исходил из общих положений правил Археографической комиссии: «Издания актов и документов XVI–XVIII вв. имеют целью доставить материал для *исторических* [курсив мой – Т.Х.], а не палеографических исследований». – ЛЗАК: за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 10. Необходимо также учитывать тесную связь археографии не только с историей, но и с филологией: публикация источников допетровской эпохи вызывала интерес и с точки зрения филологической интерпретации как памятник истории языка.

³¹¹ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. Х.

³¹² Там же. С. X–XI.

³¹³ ЛЗАК: за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 10–14.

описании заголовков с указанием даты источника, что было соблюдено и в других дореволюционных трудах, в том числе вышедших после сборника актов 1913 г.: в издании приходо-расходных книг 1912 г. (книги расположены с 1613 по 1619 гг. (121–127 гг.))³¹⁴, актов 1611–1613 гг., собранных и опубликованных им в 1911 г.³¹⁵, а также арзамасских поместных актов, изданные в 1915 г.³¹⁶ В целом, соблюдены и правила передачи текста, а также принципы составления указателей³¹⁷, однако были и серьезные отступления.

Имевшиеся отступления от правил, как отметил Веселовский, были связаны преимущественно с «особыми свойствами издаваемых документов»³¹⁸. Так, в тексте отсутствует нумерация листов источников, как это было, например, в сборниках приходо-расходных книг³¹⁹. Нумерация должна быть расположена на полях, что требует выделения дополнительного места. Судя по всему, из экономии места и для упрощения работы решено было отказаться от этого пункта. К тому же многие опубликованные акты были краткими и в сравнении с приходо-расходными книгами, объем которых был значительно больше, это было, видимо, не столь существенно. Тем не менее, в конце каждого акта приводилась легенда (краткое описание источника с указанием места хранения).

Другое расхождение связано с восстановлением утраченных / дефектных мест источника. По правилам эти места восстанавливаются по мере возможности и редакторское вмешательство со-

³¹⁴ РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги.

³¹⁵ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 5: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.).

³¹⁶ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 4: Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / собр. и ред. С.Б. Веселовский. 1915.

³¹⁷ В издании присутствуют два указателя – личных имен и географический, составителем которых был Л.И. Львов (1888–1967). – Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. XI. Он же составил указатели (личных имен и географический) и в издании арзамасских поместных актов.

³¹⁸ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. X.

³¹⁹ При чем как в I-м томе (1912), так и во II-м, который хотя и вышел по-смертно (в 1983 году), но все же, судя по сохранившейся редакции в Архиве СПб ИИ РАН, эти же указания планировалось сохранить. – НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Подробнее особенности II-го тома приходо-расходных книг будут рассмотрены далее в этой же главе исследования.

проводятся курсивом³²⁰. Веселовский в издании актов курсивом выделял лишь редакторские комментарии как внутри основного текста, так и в конце каждого источника, например, как это было в актах подмосковного ополчения и Земского собора, изданных им в 1911 г. Утраченные/дефектные места были написаны обычным шрифтом, но помещались в круглые скобки, что все же позволяло отличить восстановленный текст от сохранившегося.

В 1914 г. был опубликован небольшой сборник документов о постройке Пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве³²¹, который представлял собой дополнение к «Памятникам первых лет русского старообрядчества»³²², подготовленных к печати Я.Л. Барсковым (1863–1937). Тематически этот сборник не вписывался в научные интересы Веселовского и работа над ним была инициирована, по-видимому, В.Г. Дружининым³²³. Ко времени издания сборника В.Г. Дружинин уже был видным исследователем истории русского старообрядчества, хорошо знакомым с архивными материалами по данной теме. В апреле и мае 1915 г. им были составлены записки о планомерном издании литературных памятников старообрядчества XVII в. Как видно из текста записок, к тому времени проделана предварительная работа по организации проекта и поиску материалов для издания³²⁴. Публикация Веселовским небольшого комплекса источников в «Летописи занятий Археографической комиссии», а также собрания материалов в том же выпуске В.Г. Дружининым («Пустозерский сборник»³²⁵) были предварительным результатом рабо-

³²⁰ ЛЗАК: за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 12.

³²¹ *Веселовский С.Б.* Документы о постройке Пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве // ЛЗАК: за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1–28.

³²² *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. Сборник документов, подготовленный Веселовским, указан как II-й том «Памятников...».

³²³ О ходе работы над публикацией этого сборника сохранилась переписка В.Г. Дружинина с Веселовским: Переписка С.Б. Веселовского. С. 52–53, 60–61; Приложение 1. Письма 19, 21.

³²⁴ ЛЗАК: за 1915 г. Петроград, 1916. Вып. 28. С. 17–19, 21–22.

³²⁵ *Дружинин В.Г.* Пустозерский сборник // ЛЗАК: за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1–25. Сборник расположен сразу после материалов, опубликован-

ты по проекту: как в опубликованных сборниках 1914 г., так и в издательском плане В.Г. Дружинина 1915 г. речь шла во многом об одних и тех же знаковых фигурах старообрядчества XVII в.³²⁶

В предисловии кратко приведена информация о месте хранения источников, а также содержании и перспективах применения некоторой части из них³²⁷. Следует отметить, что *как виды исторических источников* материалы сборника вполне вписываются в научные интересы Веселовского. Материалы были обнаружены в делах Новгородской чети в МГАМИД и представляли собой преимущественно *делопроизводственные материалы* (челобитные, доклады, отписки). По-видимому, Веселовскому, ввиду не только его познаний в архивных хранилищах приказов, но также опыта подготовки делопроизводственных материалов к печати³²⁸, и было поручено издать документы как дополнение к «Памятникам...» Я.Л. Барскова.

По основным археографическим чертам и приемам этот сборник также не имел принципиальных отличий от предыдущих работ Веселовского³²⁹. Помимо 13 изданных документов в сборник также вошли фотоснимки челобитной-сказки, опубликованные,

ных Веселовским. Указан как III-й выпуск «Памятников...». Краткая рецензия на материалы, опубликованные Веселовским и В.Г. Дружининым, вышла из печати в журнале «Голос минувшего»: *Власов П.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Документы о постройке Пустоозерной тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве // ЛЗАК: за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1–25; *Дружинин В.Г.* Пустозерский сборник // ЛЗАК: за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1–25] // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 283–285.

³²⁶ ЛЗАК: за 1915 г. Петроград, 1916. Вып. 28. С. 22.

³²⁷ Содержание и информационных потенциал раскрыт относительно материалов, связанных с Лазарем, другие источники, как отметил Веселовский, «в особых замечаниях не нуждаются». – *Веселовский С.Б.* Документы о постройке. С. 5.

³²⁸ Например, в «Актах подмосковного ополчения...» содержались материалы делопроизводства, относящиеся к Владимирской, Ярославской и Галицкой четвертей. – Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1910–1918. Вып. 5: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.).

³²⁹ Материалы сборника пронумерованы и расположены в хронологическом порядке, в заголовке дано краткое описание источника, курсивом выделен редакторский текст, в круглых скобках содержится редакторские вставки (например, в случае явно пропущенных букв в слове – выделены обычным текстом).

судя по переписке с В.Г. Дружининым, по инициативе Веселовского (именно в том виде, в котором они помещены в издание). Согласно Веселовскому, это позволяло совместить целостность источника и удобство публикации (а также сравнительно недорогой, по его подсчетам, возможностью издания)³³⁰. В вопросах содержания предисловия, а также состава публикуемых материалов Веселовский консультировался с В.Г. Дружининым, что было вызвано нехваткой компетенций по теме³³¹.

Вопрос об издании арзамасских актов поднимался еще в 1908 г.³³², однако изданы они были лишь в 1915 г.³³³ Предисловие к арзамасским актам по степени рефлексии археографических принципов близко к тому, которое было написано для актов писцового дела в 1913 г. Но если в предисловии к актам писцового дела Веселовский тяготел к дедуктивному способу изложения принципов – от ремесла историка в принципе к роли археографической деятельности в кумулятивном процессе научно-исторического знания, то в арзамасских актах археографические принципы (тесно переплетенные с источниковедческими) зафиксированы в большей степени через ряд отдельных вопросов: пояснение особенностей хранения публикуемых источников, принципы систематизации источников в издании, степень сохранности и внешняя характеристика источников, принципы передачи текста.

Детальный анализ вопроса о происхождении и месте хранения источников связан с особенностями состава сборника. Веселовский обратил внимание читателя на название сборника и вместе с тем на виды исторических источников, вошедших в издание. Не-

³³⁰ Переписка С.Б. Веселовского. С. 52–53; Приложение 1. Письма № 19, 21, 22.

³³¹ Веселовский написал В.Г. Дружинину в письме от 14 января 1914 года следующее: «в издании памятников старообрядчества я чувствую себя сапожником, взявшимся за печение пирогов». – Приложение 1. Письмо № 22.

³³² В письме от 27 декабря 1908 года Веселовский написал М.А. Дьяконову, что их издание запланировано в рамках второго выпуска материалов, посвященных смутному времени. Но сборник вышел в числе последних выпусков, а среди источников, подготовленных Веселовским в данном проекте, третьим (последним) по счету. – Переписка С.Б. Веселовского. С. 93–94.

³³³ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1910–1918. Вып. 4: Арзамасские поместные акты.

смотря на то, что сборник был назван «*Арзамасские поместные акты...*», в него вошли материалы не только по делопроизводству, связанному с поместным землевладением, но и с вотчинным, т.е., на первый взгляд, имевшие иное целеполагание. Их включение связано со стремлением показать связь различных форм землевладения со служилый строем Московского государства³³⁴. К тому же значительная часть источников связана именно с поместным землевладением, что и стремился отразить в названии Веселовский как редактор-составитель. По тому же принципу были включены документы Разрядного приказа: «Список и десятня позволяют выяснить, какое количество арзамасских землевладельцев было написано службой по Арзамасу и какие из последних служили в действительности, а сличение этих документов с отдельными книгами и различными поместными грамотами настоящего сборника дает возможность выяснить землевладение в Арзамасе дворян, написанных службой по другим городам»³³⁵.

В издании опубликованы источники не только по Арзамасскому уезду, но также Курмышскому и Алатырскому. Веселовский, включая их, руководствовался сведениями об их происхождении. Источники из двух последних уездов так же, как и из Арзамасского, принадлежали делопроизводству одного и того же органа управления – Арзамасской воеводской избы. На систематизацию материалов сборника повлиял также архивоведческий фактор: собранные источники хранятся в архиве «Поместного приказа (Вотчинной Коллегии, Архива Министерства Юстиции) – в отделе “Отказных книг по Арзамасу” и в так называемых “оклеенных” столбцах, по Арзамасу и Нижнему»³³⁶. В итоге, комплектация архивного фонда способствовала анализу происхождения источников и выявлению связи между ними, что в результате позволило Веселовскому как редактору-составителю рассматривать их как единый логически связанный комплекс материалов.

В предисловии также отмечены принципы передачи текста, необходимость фиксации которых вызвана, прежде всего, особенностями составления и сохранности источников. Веселовский

³³⁴ Там же. С. V.

³³⁵ Там же. С. VI.

³³⁶ Там же.

стремился, как и в предыдущих археографических трудах, соблюсти баланс между точностью передачи текста и удобством читателей при работе³³⁷. Отход от точности воспроизведения мог быть вызван лишь вескими причинами. Так, ошибки в правописании «сельских и деревенских дьячков» были исправлены без оговорок / ссылок в тексте, т.к. в подлиннике, согласно Веселовскому, они встречались часто и редакторские пометки способствовали бы нагромождению текста³³⁸. По этой причине в качестве компромисса между двумя полюсами было стремление в точности зафиксировать информацию, запечатленную в тексте, если отсутствовала возможность осуществить точную передачу самого текста. В случае утраты фрагментов текста Веселовский, как и ранее, восстанавливал эти места по смыслу и разграничивал их круглыми скобками. Курсив же был использован также для разграничения текста источника и редактора. Как отмечено в предисловии, «в исключительных случаях даны подстрочные примечания»³³⁹. Их исключительность была преимущественно связана с пояснением того, какой фрагмент принадлежит подлиннику, предположением о содержании определенного фрагмента в тексте, указанием на приписки / отметки³⁴⁰ или ошибки / пропуски / незаконченность в конкретном пассаже.

Информационный потенциал источников представлен с двух точек зрения – «для исследования организации и развития помещного землевладения вообще и для исследования этого вопроса в один из интереснейших периодов его истории в частности»³⁴¹. В свою очередь, Веселовский связывал историю помещного землевладения с вопросом закрепощения крестьян. Эту связь он выстраивал через личную заинтересованность помещика поставить

³³⁷ Замечу, что в предисловии написано о принципе «передать тексты по возможности точнее [курсив мой – Т.Х.]. – Там же. С. XII.

³³⁸ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 4: Арзамасские поместные акты. С. XII.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Указания на зачеркивания / приписки / отметки также оформлялось внутри текста источника с помощью квадратных скобок. Например, «[зачеркнуто: а пашни не пашут]». – Там же. С. 6.

³⁴¹ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 4: Арзамасские поместные акты. С. XIII.

крестьянина в зависимость от него. Государство, хотя и не поощряло эту заинтересованность (поскольку теряло контроль над тяглом), но ничего не могло ей противопоставить из-за отсутствия возможностей для постоянного учета. В связи с ростом помещичьего землевладения государству стало еще сложнее осуществлять контроль над поместьями, при этом сами помещики все больше стремились устранить прекарный статус владений, что стало одной из причин перехода поместий в вотчину³⁴². В итоге, согласно Веселовскому, «эти источники, выясняя все условия поместного владения, являются необходимыми для таких важных вопросов, как мобилизация поместных владений, переход их от одних лиц к другим в пределах рода или к посторонним лицам, как устойчивость поместного владения в разные периоды истории вообще, как вопрос о составе населения, переходящего от старого помещика к новому, и т.п.»³⁴³.

На данном этапе следует подчеркнуть, что уже в предисловии к публикации арзамасских актов Веселовский, по сути, наметил перспективы и для изысканий, которые будут активно разрабатываться с 1920-х гг. Если публикация двухтомного труда о сошном письме стала логичным итогом многолетних исследований по социально-экономической истории России XV–XVII вв., то вместе с тем логичным продолжением стал переход к изучению вопросов землевладения, в частности их связь с проблемой усиления зависимости крестьян как одной из причин разрушения системы сошного письма. Замечу также, что в вышеприведенном фрагменте среди перспектив для изучения выделен вопрос о переходе владений «в пределах рода», что в дальнейшей научной деятельности Веселовского выразится в тесной связи вопросов землевладения с генеалогическими исследованиями.

В числе последних дореволюционных работ Веселовского, связанных с археографией, был пространный отзыв на работу В.К. Клейна (1883–1938) об угличском следственном деле о смерти царевича Димитрия³⁴⁴. Веселовскому, как видно из письма не-

³⁴² Там же. С. XIII–XV.

³⁴³ Там же. С. XVI.

³⁴⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 137. Л. 1. Отзыв опубликован посмертно: *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 156–189. Работа над отзывом, как

временного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) от 12 марта 1916 г., было поручено написать отзыв на этот труд³⁴⁵. Как вид историографического источника «разбор» Веселовского следует отнести к отзывам. Определение источника именно как отзыва (а не рецензии) изначально связано с утилитарной целью текста³⁴⁶. Труд В.К. Клейна выдвигался на Ахматовскую премию. Академия Наук планировала принять решение с опорой на мнение Веселовского³⁴⁷. Чаще всего цель отзыва сводится к оценке соответствия квалификационным или конкурсным требованиям (например, для получения академических субсидий или премий). В современной научной практике отзыв, в отличие от рецензии, не рассчитан на широкий круг читателей³⁴⁸. Отзыв Веселовского, как видно из его записей, был запланирован к печати, однако не был опубликован из-за последующих революционных событий³⁴⁹. Для исторической культуры начала XX в. публикация подобных отзывов не была редким явлением. Например, в издании Академии наук публиковались отчеты о присуждении наград графа С.С. Уварова, в которых были помещены пространные отзывы. Другой пример – публикация отчетов о присуждении премии Г.Ф. Карпова на страницах ЧОИДР, в которых также публиковались отзывы. Сам факт публикации отчетов может

видно из дневника Веселовского, была завершена 6 октября 1916 года: «Сегодня кончил и послал в Академию разбор работы Клейна. Эта часть оказалась для меня довольно обременительной: я провозился с разбором более месяца». – *Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 2. С. 111.*

³⁴⁵ В письме С.Ф. Ольденбурга употреблено слово «рецензия». – АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 137. Л. 1. Веселовский же предпочитал слово «отзыв», как в ответном письме С.Ф. Ольденбургу от 15 марта 1916 года, так и в своих записях. – *Переписка С.Б. Веселовского. С. 287; АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.*

³⁴⁶ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

³⁴⁷ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 137. Л. 1.

³⁴⁸ Тем не менее, практика публикации отзывов порой встречается в историографии. Например: *Корзун В.П. О бунтарстве в науке и особенностях коммуникативного поля советской историографии: отзыв официального оппонента о диссертации М.А. Базанова «Александр Александрович Зимин – биография историка в контексте развития отечественной науки», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск, 2017. С. 459–468.*

³⁴⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; ГАРФ. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 4.

склонять к рассмотрению помещенных текстов в качестве рецензий (особенно с учетом схожести структуры), однако ввиду изначального целеполагания (утилитарного), на мой взгляд, корректнее их рассматривать в качестве отзывов.

Тематически работа В.К. Клейна не совсем вписывалась в научные интересы Веселовского, но все же выбор Академии наук представляется вполне логичным, с учетом весомого к тому времени археографического опыта ученого, глубоких познаний источников XVI–XVII вв.³⁵⁰ Работа В.К. Клейна состояла из двух частей: первая представляла собой дипломатическое исследование³⁵¹ подлинника акта о смерти царевича Дмитрия, вторая – публикация этого текста (следственного дела) и его фототипическое воспроизведение. В начале отзыва проанализированы вводные положения исследования, цель, поставленная В.К. Клейном, корректность пути для ее достижения, даны общие замечания относительно работы. В дальнейшем автор отзыва сконцентрировался на более детальном рассмотрении двух частей работы В.К. Клейна. Основные критические замечания Веселовского были связаны с наличием большого количества необоснованных предположений, отходом от внутренней и внешней критики источника (как основы дипломатического исследования)³⁵², отсутствием примечаний в ряде мест опубликованного источника, несогласованность в передаче отдельных

³⁵⁰ Предположу, что немаловажную роль мог также сыграть не только опыт археографа, но также рецензента – к тому времени из-под пера Веселовского вышло несколько обстоятельных критических рецензий.

³⁵¹ Как дипломатическое исследование работа была определена самим В.К. Клейном. Под дипломатикой он понимал следующее: «Каждый письменный памятник, прежде чем перейти в руки историка, должен быть тщательно рассмотрен и изучен археографом. В настоящее время такая подготовительная работа над памятниками письменности уже выделена в самостоятельную научную дисциплину под именем “дипломатики”, науки, имеющей своей задачей определение степени достоверности исторических документов с их внешней и внутренней стороны, с целью критического изучения». – *Клейн В.К.* Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года. М., 1913. Ч. I. Дипломатическое исследование подлинника. С. XLIII.

³⁵² Это выражалось, например, в следовании принципу правдоподобия, вместо привлечения объективных аргументов дипломатики. – *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 160.

букв. Главным позитивным итогом работы отмечена точность расположения листов следственного дела. В итоге, исследование В.К. Клейна оценено Веселовским скорее положительно. Недочеты рассматривались как незначительные, но из-за их обилия исследование было оценено как не вполне удачное. По этой причине Веселовский посчитал, что автор исследования «заслуживает поощрения хотя бы в виде малой премии т[айного] с[оветника] М.Н. Ахматова»³⁵³.

К 1918 г. было запланировано издание II-го тома приходо-расходных книг московских приказов 1619–1621 гг., которое должно было стать продолжением сборника 1912 года³⁵⁴. Полноценное издание этого сборника состоялось лишь в 1983 г.³⁵⁵ Сборник не был опубликован из-за осложнений работы Археографической комиссии в военные годы, что было отмечено в дневнике Веселовского³⁵⁶.

Судя по печатному экземпляру приходо-расходных книг, который сохранился в Архиве СПб ИИ РАН, второй том по археографическим приемам мало чем отличался от первого³⁵⁷. В этом томе не было предисловия, указателей (как именного, так и географического), также отсутствовала часть листов с текстом источника³⁵⁸. Текст, как и в первом томе, распределен на две колонки. Редакторский текст приведен курсивом: как в основном тексте (например, такие пометки как «Далее несколько листов утрачено»³⁵⁹), так и в подстрочных ссылках (например, «На

³⁵³ Там же. С. 189.

³⁵⁴ Как видно в извлечениях из протоколов заседаний Археографической комиссии, решение об издании II-го тома книг было принято 23 октября 1912 года: «Ходагатайство С.Б. Веселовского, сообщенное словесно Правителем Дел Комиссии, с препровождением оригинала второго тома Приходо-Расходных книг Московских приказов, о разрешении приступить к печатанию его в одной из Петербургских типографий» – ЛЗАК: за 1912 г. СПб., 1913. Вып. 25. С. 20.

³⁵⁵ Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.

³⁵⁶ *Веселовский С.Б.* Дневники. 2000. № 3. С. 84.

³⁵⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4.

³⁵⁸ Например, отсутствовала часть приходной книги Новгородской чети 1620/21 года (7129): после страницы 704 следовала 737-я. – НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 704, 737. Пагинация указана в соответствии с экземпляром 1918 года (в архиве текст не пронумерован).

³⁵⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

полях против этой записи отмечено: зри ниже. См. 86 и 91 стран»³⁶⁰).

В целом, археографические исследования хорошо согласуются со взглядами Веселовского на условия формирования и развития знания о прошлом. Археография рассматривалась им как надежный способ накопления научного знания, т.к. обеспечивала прозрачность труда историка, могла быть интересна для исследователей разных специальностей и, в отличие от исторического исследования, больше претендовала на то, чтобы стать «приобретением навеки»³⁶¹. По этим причинам уделялось много внимания тщательной подготовке источников к публикации, их источниковедческому, палеографическому и текстологическому анализу.

* * *

Проведенный на основе источниковедения историографии анализ дореволюционных трудов Веселовского позволяет сделать вывод о том, что в условиях теоретико-методологического кризиса в его научной деятельности прослеживается не отторжение одной из моделей исторической науки, а их сочетание, плодотворное использование принципов как классической модели, так и неклассической.

Уже в первой крупной работе молодого исследователя («Семь сборов...») прослеживаются тенденции двух моделей исторической науки. Несмотря на отсутствие репрезентативного корпуса источников, Веселовский тем не менее стремился поделиться полученными результатами, поставить ряд вопросов, которые следует разработать в дальнейшем, в результате чего данную работу следует рассматривать как *научное исследование немонографического характера*³⁶². В этой же работе прослеживается тяготение

³⁶⁰ Там же. Л. 84.

³⁶¹ Как отмечал Веселовский в предисловии к «Актам...» (1913), «Исследование устаревает и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные первоисточники будут для науки прочным приобретением». – Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VI.

³⁶² Сама по себе данная формулировка (*научное исследование немонографического характера*) является весьма дискуссионной и несомненно нуждается в уточнении. Ее использование вызвано стремлением максимально подробно вы-

к позитивизму. Для Веселовского было важно установить исторические факты, однако недостаток полученных сведений не позволял ученому сделать широкие выводы, что было отмечено и в заключительной части исследования. Понимание роли историка в познании прошлого отразилось и в археографических принципах, обозначенных уже в «Семи сборах...»: значительная часть привлеченных источников вошла в работу в качестве приложения для того чтобы «проверить выводы автора и сделать, быть может, более важные выводы, чем это удалось автору»³⁶³. Во многом те же принципы отразились и в *opus magnum* Веселовского – «Сошном письме...». Этот двухтомник трудно всецело отнести как к монографиям, так и *научным исследованиям немонаграфического характера*. Выделение лишь общего ракурса работы (а не четкой цели исследования) не позволяет четко определить степень репрезентативности источниковой базы.

С точки зрения исследовательских принципов Веселовского логично соотносятся с его научным творчеством археографические труды. Если ключевую роль в познании прошлого играет историк, то необходимо понимание того, как устроена его «лаборатория», какие источники он привлекает в своей работе, каков их информационный потенциал, как они позволяют решить поставленные задачи и т.д. Кроме того, публикация исторических источников была направлена не только на собственную научную деятельность (как способ верификации полученных результатов, обеспечение прозрачности работы), но также на последующие исследования коллег, которые могли бы продолжить разработки ученого (как стремление углубить и уточнить результаты / наблюдения), обеспечивая дальнейшее развитие научного знания.

разить исследовательские установки историков. Как уже было отмечено, сами историки нередко называли свои труды (по-видимому, также из-за отсутствия более подходящей формулировки) «очерками» чтобы подчеркнуть специфику избранной формы исследовательской работы (историографического источника).

³⁶³ *Веселовский С.Б.* Семь сборов. С. 3.

Глава II

Историк во внутренней эмиграции: С.Б. Веселовский в советскую эпоху

Углубишься в просматриванье книг, связь с действительным миром порвется, как будто уехал куда-то. В таком состоянии отъезда я вчера подымаю голову и вижу рядом Стрельникова. Мы стали вместе перебирать старенькие книги, а выходя из лавки он и говорит: «Какие мы с вами внутренние эмигранты!».

Л.В. Шапорина¹

Внутренняя эмиграция была для российских историков (как и для других ученых и групп населения) одним из способов выстраивания дальнейшего жизненного пути в случае непринятия результатов революционных событий 1917 г. и последующей гражданской войны. Чаще всего проблема внутренней эмиграции российских ученых изучалась в контексте их жизненных обстоятельств, выбора карьерных перспектив², что, во многом обусловило и подбор источников для изучения данного феномена – источников личного происхождения. На мой взгляд, требуется обращение и к другим источникам с учетом проявления внутренней эмиграции в *процессе профессиональной дея-*

¹ Шапорина Л.В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 174.

² Сидорова Л.А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки: историографический вестник. 2003. М., 2003. С. 168–191; Малюгин О.И. Стратегии поведения «старой» интеллигенции в отношениях с советской властью: Н.М. Никольский и Д.П. Кончаловский // Scripta antiqva. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2022. Т. 10. С. 243–262.

тельности личности. Обратившись не только к источникам личного происхождения, но и к научным трудам Веселовского в советский период, можно увидеть его практику исследовательской деятельности, эпистемологические режимы, в рамках которых он работал и те принципы, на которых выстраивал труды. Вместе с тем проанализирован вопрос о связи перечисленных аспектов профессиональной деятельности ученого с феноменом внутренней эмиграции.

Внутренняя эмиграция Веселовского неоднократно рассматривалась в историографии³, однако остались не раскрыты вопросы о том, как он приспосабливался к советской жизни и научной среде, какова была стратегия поведения. Этические принципы Веселовского как ученого, его нормы и ценности, которым он *sine ira et studio* следовал в советскую эпоху, изучены лишь в общем ключе. Для изучения перечисленных вопросов о Веселовском как внутреннем эмигранте необходимо более детальное рассмотрение индивидуальной модели поведения в контексте научной деятельности в советский период.

2.1. Этические принципы С.Б. Веселовского во внутренней эмиграции

Под внутренней эмиграцией я понимаю разновидность невооруженного сопротивления индивида в условиях неприятия им идеологии и/или государственной власти. Она не подразумевает открытый вызов противостоящей силе, поэтому сопротивление реализуется преимущественно в повседневных практиках. Отказ от политического соглашения с партией большевиков и участия в административной власти – неотъемлемая характеристика внутренней эмиграции в раннесоветский и сталинский периоды, которую Л.А. Сидорова транспонировала – из дневников С.П. Мельгунова – применительно к историкам⁴.

³ Сидорова Л.А. Духовный мир историков. С. 168–191; Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг. С. 199–232.

⁴ Сидорова Л.А. Духовный мир историков. С. 168.

Несомненную ценность для изучения вопросов внутренней эмиграции представляют источники личного происхождения, в особенности дневники, в которых содержится рефлексия автора о своем внутреннем состоянии, фиксируются переживания, связанные как с общественной жизнью в стране, так и личной, в том числе с собственным научным творчеством. Анализ периодических записей дает возможность проследить ценностные векторы личности, ее саморефлексию в динамике. Трудно говорить о степени полноты дневников Веселовского. Опубликованные записи охватывают частично и советскую эпоху. Так, записи, изданные в 2000–2001 гг. на страницах «Вопросов истории»⁵, затрагивают не только начало 1920-х гг., но и 1944 г., а материалы, подготовленные к печати А.М. Дубровским, охватывают несколько записей за 1920–1950-е гг.⁶ Эти записи позволяют сделать предположение, что Веселовский мог вести дневник регулярно.

Веселовский, несмотря на неприятие государственных преобразований, постепенно встраивался в советские научно-образовательные учреждения⁷. Работа в них, по всей видимости, рассмат-

⁵ *Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 6. С. 93–111. № 9. С. 114–133. № 10. С. 113–140. № 11–12. С. 59–77. 2001. № 2. С. 69–83.*

⁶ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 215–241.

⁷ В 1917–1925 гг. Веселовский был профессором кафедры истории права в Московском государственном университете, до 1925 г. также работал старшим инспектором и членом коллегии в Московском главном управлении архивным делом. При этом в первой половине 1920-х гг., как видно из воспоминаний В.С. Веселовского, Степан Борисович старался всячески избегать службы в учреждениях при советской власти: *Веселовский В.С. Проблемы нашей жизни. Т. 1: 1900–1945. С. 289, 308–309.* Согласно В.С. Веселовскому, его отец выдвигал против службы в первой половине 1920-х гг. два аргумента: «надо сохранить себя незапятнанным, особенно когда самое тяжелое время уже пережито, и твоя научная работа». – Там же. С. 289. В 1925–1930 гг. Веселовский был старшим консультантом Валютного управления Наркомата финансов СССР, в те же годы был членом РАНИОНа. В 1928–1931 гг. он работал руководителем аспирантуры и доцентом в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина (вел курс «Введение в источниковедение»), в 1932–1934 гг. – заведующий библиотекой информационного бюро и технической пропаганды, с 1936 г. основным местом работы на должности старшего научного сотрудника стал Институт истории АН СССР, с 1938 г. также работал профессором МГИ-АИ. Об основных местах работы Веселовского. – ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 12. Д. 327. Л. 3, 6, 15–16; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 91208. Л. 15; Там же. Ф. 532. Оп. 7. Д. 26. Л. 31, 73–74.

ривалась Веселовским как одно из условий бытовой и научной адаптации, проведения собственных изысканий. Именно научная деятельность была для Веселовского высшей ценностью, как отмечено в дневниковых записях в начале 1940-х гг., когда была приостановлена работа над историческими источниками из-за проблем со зрением: «я задыхаюсь и голодаю без внутренней жизни, как я привык питаться – постоянно принимать и переваривать источники и но-в[ые] факты для науч[ной] работы. Для меня это было убежище от пустоты и гнусности окружающей современной жизни – и источник питания для внутренней творческой работы»⁸. Кроме того, во внутренней эмиграции исследовательская работа была для него не только целью, но также способом существования.

В характеристике повседневной научной деятельности ученого, условий, при которых он трудился, представляют ценность записи наиболее близких ему людей. В воспоминаниях и дневниках В.С. Веселовского его отец рассматривался как человек, для которого научная деятельность была одной из главных жизненных ценностей⁹. Во фрагментах, посвященных отцу в советскую эпоху, чаще всего упоминаются условия его жизни, затруднявшие научную деятельность, коллекция книг в домашней библиотеке, ход и результаты исследований¹⁰. В.С. Веселовский подчеркнул, что отец избегал преподавания и стремился сконцентрироваться на научной работе, по крайней мере в 1920-х – начале 1930-х гг.: «Служил отец на самых невозможных должностях: в библиотеке ВСНХ, в валютном управлении Наркомфина и т.п. В учебные заведения он не хотел поступать, хотя многие из его коллег хорошо

⁸ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 235.

⁹ Воспоминания родственников / близких людей (ввиду личной привязанности) ученого нередко тяготеют к идеализации его личности. Эту склонность трудно отнести к воспоминаниям В.С. Веселовского об отце, что можно заметить по дискурсивной специфике записей. Например, в контексте публикации «Сошного письма...» В.С. Веселовский написал о заносчивости отца («он возмнил себя великим»), а при описании жизни внутри семьи во второй половине 1920-х гг. отметил его «баснословную непрактичность»: *Веселовский В.С. Проблемы нашей жизни. Т. 1: 1900–1945. С. 58, 322.*

¹⁰ *Веселовский В.С. Проблемы нашей жизни. Т. 1: 1900–1945. С. 289, 310, 322–323, 394, 609–610.*

устроились профессорами. Один раз он все-таки соблазнился и стал читать лекции в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) <...> Он жаловался, что не в состоянии вести научную работу. Академия наук влачит жалкое существование, и на нее власти смотрят косо»¹¹.

Следует отметить, нахождение во внутренней эмиграции, как правило, вызвано невозможностью / трудностями покинуть страну. По-видимому, Веселовский рассматривал возможность эмиграции, на что указывают источники личного происхождения. О желании покинуть страну Веселовский писал в дневниках (запись за 29 декабря 1918 г.)¹². Вероятно, та же тематика прослеживается и в его письме сыну Всеволоду от 2 марта 1921 г., когда в контексте описания повседневных хлопот он также писал о желании устроиться «где-нибудь в Швейцарии или Франции или на Кавказе»¹³. Таким образом, можно предположить, что невозможность / трудность эмиграции вынудила ученого адаптироваться к жизни при новых социокультурных обстоятельствах.

С точки зрения постепенной адаптации Веселовского к условиям научной жизни в новых реалиях особенно важным был период 1920-х гг., который в историографии нередко характеризуется относительной свободой исследовательской деятельности (по сравнению с более поздним периодом), идейным плюрализмом, интеллектуальными поисками в ученой среде¹⁴. В этих условиях историки «старой школы» принимали активное участие в подготовке нового поколения историков (при этом оставались верными эпистемологическим принципам, сформированным в более ранние десятилетия), могли продолжить исследования,

¹¹ Там же. С. 323.

¹² *Веселовский С.Б.* Дневники. 2000. № 6. С. 106.

¹³ *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Т. 1: 1900–1945. С. 182.

¹⁴ Об основных чертах исторической науки в СССР в 1920-е гг.: *Долгова Е.А.* Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1(102). С. 166–172; *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть. С. 65–75; *Его же.* «Историки авангарда»: теоретико-методологические поиски советских историков в 1920-е гг. // Человек на изломах истории: мат-лы Всерос. науч. конф. (Н. Новгород, 13–14 октября 2023 года. Нижний Новгород, 2023. С. 71–77.

начатые до революции (несмотря на критику со стороны марксистов¹⁵).

Вместе с тем с 1920-х гг. постепенно сокращалась коммуникация Веселовского с коллегами, как видно из его эпистолярного наследия, а также неформального взаимодействия с другими историками¹⁶. В одной записи за 1940 г. он отметил следующее: «Много дорогих и близких мне людей умерло или сошло со сцены, частью преждевременно. О них можно вспоминать с благодарностью к судьбе, что они были, что я встречал на своем жизненном пути таких людей и пользовался их симпатией и дружбой. Нельзя того же сказать о тех, котор[ые] остались в живых. За оч[ень] редкими исключениями они давно забросили всякую научную работу. Одних сломила нужда, вынужденное бездействие или катастрофы вроде ссылок, другие и раньше были подобны луне, котор[ая] сияет чужим отраженным светом. Теперь им нечего отражать, они померкли и среди детей ничтожных мира, б[ыть] м[ожет] самые ничтожные»¹⁷. Негативное отношение Веселовского к историкам-современникам было вызвано различием этических норм и ценностей, которые деформировались в послереволюционный период, как отметил ученый в той же записи: «Горький опыт показывает, но кажется никого не учит, что возлечь на ложе Авраама не столь трудно, но существовать сколько-нибудь продолжительно на таких позициях совершенно невозможно. О таких много говорить не стоит – хотя за 20 лет в этот тираж событий вышло немало номеров, иногда из числа лиц, которых нельзя не признать настоящими научными работниками, хотя бы и не очень большого калибра»¹⁸. Таким образом, в усло-

¹⁵ О критике в 1920-е гг. Д.М. Петрушевского, М.М. Богословского, А.И. Яковлева, С.Б. Веселовского, С.В. Бахрушина и др.: *Дневник историка С.А. Пионтковского*. С. 112–113, 116, 176, 179–180, 206.

¹⁶ Например, с конца 1920-х гг. перестал существовать кружок московских профессоров, в котором помимо Веселовского участвовали Ю.В. Готье, М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский (1872–1947) и др. Подробнее: *Дубровский А.М.* Неформальные организации профессоров в 1917–1923 гг. // *Вестник Брянск. гос. ун-та*. 2018. № 4 (38). С. 21–28.

¹⁷ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 236. Следует также отметить, что в условиях сокращения коммуникации с коллегами, по-видимому, возросло значение дневника как «собе-

виях сокращения коммуникации с коллегами значение научной деятельности как пространства, которое поддерживало ощущение внутренней свободы и позволяло сохранить этические установки, только усиливалось.

Становление Веселовского как внутреннего эмигранта было вызвано этическими убеждениями, которые противостояли общегосударственным идеологическим ценностям. Иными словами, пока было противопоставление, Веселовский стремился поддерживать ощущение внутренней свободы. Как видно из дневников ученого, это напряженное состояние длилось с 1920-х гг. до конца его жизни. Часть его записей конца 1910-х – начала 1920-х гг. связана с его неприятием преобразований в стране и обществе: «Все-таки я продолжаю [настаивать] на своем определении, которое я дал два с лишним года тому назад: не только большевизм и режим большевиков, но вся революция есть процесс глубочайшего морального разложения»¹⁹.

Одно из ключевых условий нахождения Веселовского во внутренней эмиграции заключалось в выборе не только конкретных тем, но также путей исследования. Эти пути, с одной стороны, должны были вписываться в советскую историографию, а с другой – не противоречить профессиональным этическим принципам ученого, с учетом его стремления получить достоверное знание о прошлой социальной реальности.

В целом, советская историография, по крайней мере в 1920–1950-е гг., эпистемологически тяготела к презентизму ввиду того, что история, базировавшаяся на марксистской парадигме, стала рассматриваться как одно из средств влияния на общественное сознание. Советской историографии того времени также был свойственен историзм, который в качестве методологического принципа марксистской историографии был направлен на анализ любого явления как прошлого, так и настоящего «во-первых, в его возникновении, развитии и изменении; во-вторых, в соотношении с другими явлениями и условиями данной эпохи; в-третьих, связи

седника», который «выслушает» переживания, связанные как с общественной жизнью, так и профессиональной деятельностью, не будет осуждать за пессимистические взгляды.

¹⁹ *Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 9. С. 115.*

с конкретным опытом истории, который позволяет установить не только непосредственные, но и отдаленные последствия изучаемого события или процесса»²⁰.

В научных трудах Веселовского наиболее отчетливо прослеживаются черты историзма и, особенно, позитивизма. Позитивизм был свойственен Веселовскому на протяжении всей научной карьеры. Как до революции, так и после нее Веселовский стремился привлечь к исследованию как можно больше достоверных источников, подкрепить любое утверждение ссылкой на них, выстроить строгое, основанное преимущественно на фактах исследование. В целом, эти черты были присущи советской марксистской историографии, особенно сталинской эпохи, однако позитивизм в рамках данной научной традиции обрел новые черты, главным образом были преодолены запреты на философствование, политизированность, а также отказ от макротеории²¹; в трудах Веселовского советской эпохи эти табу были сохранены. В его научном творчестве и после 1917 г. прослеживалось тяготение к анализу эвристических возможностей исторического источника (это, в частности, проявлялось в привлечении вспомогательных исторических дисциплин, особенно таких, как генеалогия и ономастика, в качестве методов исследования). Историческое исследование, согласно Веселовскому, должно начинаться с источника, выработки научного инструментария для работы с ним, благодаря чему можно верифицировать эмпирические данные, полученные исследователем.

Историзм наиболее отчетливо проявлялся в трудах Веселовского о формировании и постепенном развитии служилых землевладельцев как класса, сыгравшего решающую роль в формировании Московского государства. Он стремился учитывать особенности развития изучаемой им эпохи, а также исключить однобокое изучение прошлого людей: «В зависимости от нашей склонности видеть все в розовом свете и останавливать свое внимание на положительных качествах и поступках людей или, наоборот, смотреть на все пессимистически, мы легко можем утра-

²⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2006. Т. 2. С. 625.

²¹ Там же.

тить правильный критерий в оценке исторических личностей, если не будем считаться с обстановкой, в которой они жили и действовали»²². Принцип историзма проявлялся также в употреблении Веселовским той терминологии, которая присуща источникам интересовавшей его эпохи. Своеобразие научного стиля Веселовского отметила редакция «Исследований по истории класса служилых землевладельцев»: «Так, автор пишет “синклитские чины” вместо “думные”, “стратилатские” вместо “военные”, “шаткость” вместо “колебания”, “отъехал” вместо “перестал служить” и т.п.»²³.

Связь этики и эпистемологии у Веселовского прослеживается в его дневниках. В одной из его записей за 1928 г., в которой отмечены последствия логически некорректного подхода: «склонность оценивать поступки по последствиям, свойственная людям вообще и историкам, нашла себе яркое выражение и формулировку в римском восклицании “горе побежденным” и в скверной поговорке “победителей не судят”. Благодаря этому историк может не только ложно объяснять явления, но и утрачивает способность устанавливать факты прошлого»²⁴. Принцип, согласно которому нужно обращаться, прежде всего, к причинам, а не последствиям, проявился в генеалогических исследованиях историка, которыми он занимался с конца 1920-х гг., несмотря на то, что генеалогия стала рассматриваться как дисциплина, не рекомендованная к исследовательской разработке. Кроме того, в приведенном фрагменте прослеживаются ценностные ориентиры ученого – иерархически научные факты рассматриваются им выше, чем нарратив. По всей видимости, во главе эпистемологической иерархии, согласно Веселовскому, располагался исторический источник, что отчетливо проявилось еще в его дореволюционных исследованиях, прежде всего, археографических. Веселовским усердно выполненная работа по публикации источников ценилась намного выше, чем исследование, написанное на их основе, т.к. оно может устареть²⁵. Это говорит о том, что для ученого нет в науке, в том числе исторической, окончательных точек зрения.

²² *Веселовский С.Б. Исследования по истории класса.* С. 96.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 227–228.

²⁵ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VI.

Напротив, он считал, что со временем появляются новые источники, которые при сопоставлении с ранее известными, могут по-новому раскрыть прежние представления о людях и их деятельности в прошлом. Те же взгляды сохранились у Веселовского и в период внутренней эмиграции ввиду его непрекращающегося стремления раскрыть эвристические возможности источника, что проявлялось, например, в его исследованиях, связанных со вспомогательными историческими дисциплинами, такими, как генеалогия, ономастика, историческая картография и историческая география, в которых он нередко привлекал одни и те же источники.

Вопрос о том, для чего / кого ученый проводит научные исследования, также следует отнести к категории этических. Многие труды, подготовленные Веселовским к печати преимущественно в 1930–1940-е гг., так и не были опубликованы при жизни. Историк надеялся, что его труды получат признание в будущем, как он отметил в дневниках за 1940-й год: «В этой потреб[ости] постоянно получать новый запас фактов для истории мысли главную роль играет привычка и инерция и только изредка слабо вспыхивает и приходит в голову мысль, что мой труд когда-ниб[удь] кому-ниб[удь] может быть полезен. *Будущим поколениям, будущей России* [курсив мой – Т.Х.]»²⁶. Отчаяние из-за задержки издания и в то же время надежда, что в будущем его исследования найдут своего читателя, продлились вплоть до последних лет жизни ученого. В письме Н.В. Устюгову от 9 октября 1950 г. Веселовский выразил возмущение из-за того, что его работа в «Исторических записках» находилась в редакции около четырех лет и в заключение отметил: «Все это – весьма плачевно. А ведь у меня написаны и готовы к печати еще 5–6 подобных источниковедческих статей! Как видно, напечатаны они будут после моей смерти друзьями и почитателями моих талантов»²⁷.

²⁶ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 235.

²⁷ Переписка С.Б. Веселовского. С. 488. Довольно большой объем неопубликованных трудов Веселовского также был отмечен в отзыве на его выдвижение в академики АН СССР в 1946 году: «Сорок работ С.Б. Веселовского напечатаны, четыре – печатаются и двадцать четыре – подготовлены к печати». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 91208. Л. 10. Отзыв был составлен Н.В. Устюговым и

Среди специфических черт внутренней эмиграции следует выделить такое явление, как ностальгия. В данном ключе она рассматривается как реакция на совокупность или отдельные аспекты культурных, социальных, политических и экономических изменений в стране. Внутренние эмигранты отказывались принимать те перемены, которые они наблюдали, особенно в период революции и гражданской войны, поэтому ностальгическое чувство могло поддерживаться ощущением недоверия к будущему²⁸. В данном случае их тяготение к прошлому опыту, имевшему, к примеру, такие свойства, как большая творческая свобода, относительная стабильность общественной и научной жизни, более тесная связь с ученым сообществом, могло только усиливать ощущение отторжения настоящей действительности и вместе с тем будущего. Это обстоятельство вынуждало их выстраивать стратегию поведения преимущественно в двух направлениях: непримиримости к советской действительности и/или поиска тех пространств общественной и/или научной жизни, которые существовали до революции и были легитимными в советскую эпоху. Относительно последнего можно добавить, что поиск мог быть направлен на те пространства, которые, напротив, стали доступны только в советский период²⁹. Например, открытие архива Троице-Сергиевой лавры, с которым Веселовский работал во второй половине 1920-х годов, стало возможным в результате преобразования архивного дела после революции, а также, вероятно, более пристального внимания к Троице-Сергиевой лавре в связи с ее национализацией и последующей музеефикацией.

От рассмотрения характерных черт внутренней эмиграции Веселовского следует перейти к механизмам ее проявления, что в свою очередь будет способствовать более глубокому осмыслению его стратегии поведения. Эти механизмы, как отмечено ранее, были тесно переплетены со способами познания ученого и в то же время его этическими установками.

Д.С. Бабуриным (1909–1982) (от Ученого совета Московского историко-архивного института при Главном архивном управлении МВД СССР).

²⁸ Лоуэнгаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 46.

²⁹ О сотрудничестве историков с советской властью в 1920-е гг.: Тихонов В.В. Историки, идеология, власть. С. 67–68.

2.2. История землевладения в России XIV–XVI вв.

Одна из основных тем научной работы Веселовского в советскую эпоху – история землевладения. Первым трудом по данной теме стала книга «К вопросу о происхождении вотчинного режима»³⁰. Как вид историографических источников она несомненно относится к *научному исследованию немонографического характера*, хотя в научной литературе упоминается в качестве монографии³¹.

Трудность в четком определении видовой принадлежности данного труда продемонстрировал сам Веселовский. Он определил свою работу в качестве *опыта*: «Темой настоящего опыта будет иммунитет служилого землевладения, а других видов иммунитета я буду касаться только в той мере, в какой это необходимо для всестороннего освещения моей темы»³². К середине 1920-х гг. одним из основных исследовательских векторов Веселовского было изучение происхождения крепостного права. Обращение же к теме происхождения вотчинного режима как одной из основ не только социально-экономических, но и правовых взаимоотношений в удельный Руси и Московского государства, по мысли Веселовского, позволило бы расширить представления о складывании крепостной зависимости. Замысел работы заключался в изучении вотчинного режима через феномен иммунитета как краеугольного камня правовых взаимоотношений различных слоев населения. Исследование данного вопроса предпринято

³⁰ *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. Об основных положениях работы и ее критике в 1920–1930-е гг.: *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим. С. 174–192; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 246–251; *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 42–51.

³¹ *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 246. Как монография упоминается и в учебном пособии В.С. Груздинской и О.В. Метель. В перечне работ Института истории РАНИОН упомянуты «отдельные монографии и сборники документов его членов, а также выпуски трудов и ученых записок». – *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институциональная структура. С. 62. Судя по приведенному перечню, работа Веселовского о вотчинном режиме (упомянута в ссылке) очевидно отнесена к монографии.

³² *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении. С. 8.

через широкий круг источников, основу которых составляли акты, в особенности жалованные грамоты. Однако в тексте не была проанализирована проблема репрезентативности источниковой базы всего исследования. Она была лишь затронута в виде отдельных источниковедческих наблюдений Веселовского, например, в контексте анализа податных пожалований или грамот Рязанского княжества³³.

Как ранее подчеркивалось, вопрос о репрезентативности источниковой базы напрямую зависит от постановки цели работы. В вводной части труда о вотчинном режиме прослеживается лишь общее направление работы: «В настоящем опыте я постараюсь наметить и осветить основные вопросы истории иммунитета»³⁴. По-видимому, отсутствие четкой постановки цели связано с нехваткой источников (а также отсутствием научных трудов, на которые можно было опереться) для решения ряда затронутых вопросов: о точных сведениях применительно к формам личной зависимости, эвристическом потенциале жалованных грамот в изучении податного иммунитета, судебных пожалованиях на деятельность грамотчика и т.д.³⁵ Отсутствие прочного фундамента для решения ряда вопросов стало причиной для выделения отдельных источниковедческих наблюдений ученого, предположений³⁶.

Обращает на себя внимание также формулировка названия книги, а точнее ее начало – «к вопросу о...». В исторической культуре 1900–1920-х гг. использование такой формулировки в академических трудах нередко связано с попыткой лишь обратиться к научной теме, поделиться получившимися результатами в исследовании проблемы. В небольшой статье 1902 г. С.Ф. Платонов стремился лишь подчеркнуть некоторые наблюдения источниковедческого характера относительно Никоновской летописи и, таким образом, внести свой вклад в историографическую дис-

³³ Там же. С. 33–35, 52.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Там же. С. 22–23, 33–35, 90.

³⁶ Ценность отдельных наблюдений Веселовского, в частности, подчеркнута в последующей историографии: *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим. С. 175, 186, 188, 190, 191; *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский. С. 24.

куссию о времени ее составления³⁷. В ранее упомянутой статье 1907 г. о пересмотре жалованных грамот³⁸ Веселовский намеревался очертить круг вопросов по истории Московского государства XVII в., которые можно будет прояснить только после собирания и публикации достаточного объема жалованных грамот. Цель Веселовского – лишь проиллюстрировать эту проблему, прояснить эвристический потенциал ее решения. В небольшой статье 1911 г. Ю.В. Готье³⁹ стремился лишь еще раз обратить внимание исследователей на информационный потенциал таможенных материалов в изучении внутренней торговли России в XVIII в.⁴⁰: «В ожидании того времени, когда весь многочисленный материал, сюда относящийся, станет предметом специально монографического изучения, пишуший эти строки решается еще раз привлечь внимание к тому же вопросу, представив по аналогичным источникам картину торговой жизни маленького подмосковного уголка – г. Клина с его уездом»⁴¹. Г.А. Максимович (1877–?) в статье о степени достоверности писцовых книг решил поделиться своими источниковедческими наблюдениями, обратить внимание исследователей на почти не затронутые сюжеты в контексте анализа этих источников и, таким образом, внести свой вклад в разрешении данного вопроса⁴². В статье В.И. Веретенникова (1880–1942) 1916 г. не прослеживалась попытка дать исчерпывающий ответ на вопрос о приемах и методах изучения древнерусских частнопроводных актов⁴³. По данному вопросу он, как

³⁷ Платонов С.Ф. К вопросу о Никоновском своде // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1902. Т. VII. Кн. 3. С. 24–33.

³⁸ Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре. С. 17–47.

³⁹ Сам Ю.В. Готье назвал свой текст «заметкой»: Готье Ю.В. К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII столетии // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб, 1911. С. 455.

⁴⁰ Ранее на примере вятских таможенных книг схожее исследование было проведено А.А. Кизеветтером (1866–1933): Кизеветтер А.А. Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // Сборник статей, посв. В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 76–102.

⁴¹ Готье Ю.В. К вопросу об изучении. С. 454.

⁴² Максимович Г.А. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. Нежин, 1914.

⁴³ Веретенников В.И. К вопросу о методах изучения древнерусских частнопроводных актов. Петроград, 1916.

и вышеперечисленные авторы, хотел лишь поделиться своими соображениями по избранному вопросу, что видно в том числе по поставленной цели работы: «Нижеследующее изложение имеет целью дать *некоторые данные к решению этого вопроса в его основных моментах* [курсив мой – Т.Х.]»⁴⁴. В источниковедческом труде о Псковской судной грамоте⁴⁵ М.К. Рожкова⁴⁶ посчитала нужным предупредить читателя, что в ходе исследования ей удалось осветить лишь часть из широкого круга вопросов: «Мы не можем дать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые возникают при изучении документа, не можем точно обозначить границы частей и их хронологию. Мы предлагаем то, что было возможно и по силам и, без сомнения, в этой работе много пробелов, которые могут быть заполнены при дополнительном, более подробном изучении истории Пскова»⁴⁷. В схожем ключе, по-видимому, рассматривал работу о вотчинном режиме и Веселовский: несмотря на ограниченные возможности дать обстоятельный ответ на исследовательский вопрос, все же полученные результаты (в том числе в виде отдельных наблюдений, гипотез, предположений) несомненно заслуживали того, чтобы поделиться с «коллегами по цеху».

Таким образом, отсутствие обоснования репрезентативности источниковой базы и декларируемое стремление поделиться полученными результатами и наблюдениями позволяет рассматривать данную работу как вид историографических источников в качестве *научного исследования немонографического характера*, а не монографии. Анализ Веселовского был основан на широком круге источников (кроме большого количества актовых материалов, были также привлечены законодательные источники (например, Русская Правда, Судебник 1550 года), частично привлечены записки англичанина Р. Ченслера), но все же не исчерпывающим⁴⁸. При этом другие черты, присущие монографии, присутст-

⁴⁴ Там же. С. 1.

⁴⁵ Рожкова М.К. К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты. Л.; М., 1927.

⁴⁶ Достоверные сведения о годах жизни не удалось обнаружить.

⁴⁷ Рожкова М.К. К вопросу о происхождении. С. 4.

⁴⁸ Эта проблема также подчеркнута в заключительной части рецензии А.Е. Преснякова: «изучение процессов, приведших к построению вотчинного

вуют в тексте: лаконично проанализирована предшествующая научная литература по теме (работы К.А. Неволлина, 1806–1855, В.И. Сергеевича, П.Н. Милюкова и Н.П. Павлова-Сильванского, 1869–1908), отмечена постановка принципиально новой проблемы (изучение вотчинного режима через иммунитет, прежде всего, служилого землевладения), с оговорками, но все же соблюдена целостность исследования. Применительно к последней из отмеченных черт следует подчеркнуть, что структура работы не была проанализирована Веселовским, не прослеживается четко сформулированное заключение работы. Однако необходимо учитывать, что в вводных замечаниях зафиксирован многофакторный аспект складывания иммунитета: «Иммунитет слагался из многих элементов, развивавшихся, в общем, один в связи с другим, но зависевших от различных факторов. Теоретически мы можем свести иммунитет к нескольким основным положениям, но в жизни, в зависимости от целого ряда условий, эти основные положения встречались в различных сочетаниях и осложнялись элементами второстепенными»⁴⁹. Это наблюдение отражено и в основной части работы, в которой Веселовский постепенно стремился проследить иммунитет с различных сторон жизни того времени, на первый взгляд, не столь тесно связанных с этим феноменом.

Вскоре была опубликована статья Веселовского о закреплении крестьян⁵⁰. По способу презентации научного знания она очень близка с исследованием о вотчинном режиме: в ней ученый также стремился лишь обратиться к давнему спору в историографии, предложить свою интерпретацию вопроса, попытаться проложить путь его решения. Это не говорит об отсутствии интенции

режима, потребовало бы работы с иным материалом, чем тот, на каком сосредоточил свое внимание С.Б. Веселовский: документов вотчинного хозяйства, актов, в которых отразился процесс крестьянского закрепощения и, особенно, для выяснения образования и роста землевладельческой власти над крестьянами, дипломатической истории ввозных и послушных грамот XVI века, на многочисленное изменение формул которых указывал еще М.А. Дьяконов». – *Пресняков А.Е. Вотчинный режим*. С. 192.

⁴⁹ *Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении*. С. 8.

⁵⁰ *Веселовский С.Б. Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня)* // *Ученые записки*. М., 1928. Т. 5. С. 204–217.

окончательно разрешить дискуссию, но, как и в случае с исследованием о вотчинном режиме, преградой к этому была нерепрезентативность источниковой базы⁵¹.

Во вступительной части статьи Веселовский обратил внимание на заиканности предыдущих исследований по истории закрепощения на вопросе об отмене Юрьева дня, из-за чего решение вопроса не продвигалось ни сторонниками указной теории, ни противниками. Веселовский попробовал сместить акцент на вотчинный режим как одно из ключевых обстоятельств, на фоне которого развивалась крепостная зависимость⁵². Отправной точкой для рассуждений служил опубликованный В.Н. Татищевым (1686–1750) приказной доклад царю с указом от 9 марта 1607 г., отдельные положения которого так и не были проанализированы через другие источники. С помощью актовых материалов, законодательных источников и материалов вотчинного учета Веселовский подверг доклад с указом источниковедческому анализу и выделил перечень вопросов, на которые перечисленные источники позволили дать ответы и сделать обоснованные предположения. Несомненным, например, было для Веселовского то, что первый заповедный указ был связан с правительством Ивана Грозного, а не царя Федора. Осторожные предположения и допущения были сделаны относительно других ключевых вопросов: о характере заповедных лет (местном или общегосударственном), их причинах, точной установке всех заповедных лет (и их связи с выходными годами), рассмотрении указа 1607 г. как *возможного* окончательного закрепощения крестьян⁵³. Например, на последний вопрос был дан следующий ответ: «Означал ли указ 1607 г. окончательное прикрепление крестьян? На это приходится ответить отрицательно. По-видимому, и после 25-летней практики запретов и неудачных опытов царя Бориса, лишение крестьян права выхода рассматривалось еще как временная мера. На это есть определенные указания»⁵⁴. В итоге, как уже было отмечено, Весе-

⁵¹ Обращает на себя внимание также схожесть в формулировке названий работ (их начало): статьи «Из истории...» и исследования о вотчинном режиме («К вопросу о...»).

⁵² *Веселовский С.Б.* Из истории закрепощения. С. 204.

⁵³ Там же. С. 208, 207, 210, 216, 214.

⁵⁴ Там же. С. 214.

ловским была предложена попытка скорее дать новое понимание процесса закрепощения крестьян, обосновать его релевантность с опорой на ряд наблюдений.

Исследование о вотчинном режиме и статья о закрепощении крестьян были опубликованы в РАНИОНе, в котором в 1920-е гг. основной формой презентации результатов научной работы все же оставались научные доклады⁵⁵. Как видно из отчетной документации Института истории ФОН МГУ–РАНИОН, в начале 1920-х гг. Веселовским были прочитаны доклады «Вопрос о происхождении крепостного права при свете новых исследований» (18 ноября 1922 г.), «Несудимость привилегированных землевладельцев и их право вотчинного суда в XIV–XVII вв.» (6 октября 1923 г.) и «К истории прикрепления крестьян в XVII веке» (1 апреля 1924 г.)⁵⁶.

Во второй половине 1920-х гг. Веселовским также были представлены два доклада в ОИДР, основанные на архивных материалах Троице-Сергиева монастыря, которые Веселовский начал систематически изучать с середины 1920-х гг.: «Крепостной архив бывшей Троице-Сергиевой лавры» (7 декабря 1926 г.) и «Землевладельцы Троицкого монастыря в XV в.» о владениях Троице-Сергиевского монастыря в первой половине XV в. (24 апреля 1928 г.)⁵⁷.

Судя по черновым наброскам доклада 1926 г., Веселовский, с опорой на историю формирования архива Троице-Сергиевой лавры, стремился рассмотреть вопрос о путях и способах образования монастырских архивов вообще, подчеркнуть их информационный потенциал, прежде всего, в истории землевладения. Необходимость обращения к данному вопросу Веселовский подчеркнул в вводной части текста: «Мне представляется, что основательное

⁵⁵ Лишь ближе к концу 1920-х гг. стали постепенно публиковаться работы сотрудников РАНИОНа: *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институциональная структура. С. 61–62.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. А4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 1в об., 1ж об. В ноябре 1922 г. в ОИДР Веселовский подготовил доклад «Усыновление по Псковской записной книге XVII в.»: *Бухерт В.Г.* Общество истории и древностей российских. С. 162.

⁵⁷ Перечень докладов, прочитанных в ОИДР в 1917–1923 и 1925–1929 гг. см. в приложении (№ 6) к статье В.Г. Бухерта: *Бухерт В.Г.* Общество истории и древностей российских. С. 160–165.

обследование и изучение монастырских архивов является одной из очередных задач исторической науки. Следует оставить весьма распространенный, совершенно неверный взгляд, будто по удельному времени рус[ской] истории все источники уже известны и что здесь “открытия” невозможны. “Открытия” в смысле находки каких-либо отдельных, изменяющих все наши представления документов, быть может невозможны, – хотя надо заметить, что вообще наши приемы научного исследования настолько изменчивы, что мы уже не верим в отдельные документы, хотя бы и очень важные, и стремимся основывать свои взгляды на большом количестве фактов, предпочтительно заурядных, – но не гоняясь за громкими открытиями, оставив замашки и азарт золотоискателей, стремящихся сразу разбогатеть от находки крупного самородка, мы можем и должны еще много сделать в планомерных поисках новых массовых первоисточников»⁵⁸.

Сохранившаяся стенограмма доклада 1928 г. о владениях Троице-Сергиевского монастыря в первой половине XV в., с учетом неоднократных пропусков, не дает целостного представления о выступлении Веселовского (а также последующей дискуссии) и в ряде случаев позволяет сделать лишь предположения. Судя по стенограмме, докладчик стремился на основе актовых источников, материалов государственного и вотчинного учета (например, упоминалась кормовая книга) изучить происхождение земельных владений Троице-Сергиевского монастыря, уделив внимание хозяйственным предпосылкам данного вопроса, а также анализу постепенного географического расширения. Один из ключевых предварительных выводов Веселовского заключался в этапах развития монастыря, прошедшего путь от «народного» (т.е. в поддержке участвовали различные слои населения) до зависимого от московского великого княжения (т.е. была прямая зависимость расширения владений монастыря от политики московских князей с середины XV в., увеличения территорий Московского государства). Как видно по заданным вопросам и комментариям слушателей, данный вывод был высказан лишь в дискуссии, а не в основной части доклада.

⁵⁸ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3.

В обсуждении доклада приняли участие историки М.К. Любавский, Ю.В. Готье, В.Н. Бочкарев (1880–1967), С.В. Бахрушин, И.А. Голубцов (1887–1966), а также филолог-русист И.К. Линдеман (1860–?). В ходе обсуждения затрагивались вопросы, которые найдут отражение в дальнейших исследованиях Веселовского. Например, докладчик отметил, что испытал большие трудности при анализе актов, т.к. не всегда ему удавалось точно определить, о какой местности шла речь ввиду того, что их названия часто менялись или одна и та же местность имела несколько названий⁵⁹. Эти трудности в дальнейшем способствовали более пристальному вниманию ученого к топонимике. Обращает на себя внимание и исследовательская установка Веселовского, которую также неоднократно отмечали слушатели: стремление детально проработать небольшие сюжеты (по характеристике М.К. Любавского, метод «придирчиво-мелочного исследования»), связанные с темой, при этом наблюдалось избегание широких обобщений⁶⁰. Такая установка ученого, по-видимому, была вызвана позитивистскими принципами: стремлением накопить сведения по изучаемой проблеме, чтобы перейти к обобщению лишь в дальнейшем. Примечательно, что Веселовский подчеркивал незавершенность исследования и ко времени доклада продолжалось изучение актовых источников монастыря (по словам Веселовского, их совокупный объем был около 8 тыс.)⁶¹.

Вернувшись к исследованиям Веселовского по истории закрепощения крестьян, следует отметить, что существенно дополняют опубликованные при жизни изыскания посмертно изданные

⁵⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 12. Л. 36–37.

⁶⁰ Согласно И.А. Голубцову, несмотря на собранный Веселовским солидный материал, все же сам процесс роста землевладения остался не вполне ясен, т.к. он рассмотрен в отрыве от других факторов, в частности, от религиозного, который также наверняка способствовал развитию хозяйственной деятельности и расширению монастыря (например, религиозная слава монастыря могла привлечь новые вклады). Ю.В. Готье и С.В. Бахрушин поддержали замечание И.А. Голубцова, отметив необходимость в более точных и широких выводах. В.Н. Бочкарев предложил докладчику учитывать не только географический разрез, но и хронологический, что в итоге позволило бы зафиксировать приобретение монастыря по годам. – АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 12. Л. 21–22, 26–28.

⁶¹ Там же. Л. 36.

этюды и фрагменты в сборнике работ ученого 1978 г.⁶² Они не только уточняли и расширяли ряд положений, высказанных Веселовским в опубликованных при жизни работах по истории закрепощения крестьян (например, в контексте рассмотрения тягла как одного из ключевых элементов судебно-податного иммунитета или некоторых особенностях заповедных указов), но также наметили тему для будущей работы о селах и деревнях: «Процесс укрупнения селений и сосредоточения крестьян вокруг господского усадища, несомненно, протекал параллельно и одновременно с развитием круговой поруки. Здесь для исследовательской мысли открывается широкое неизведанное поле. Надо искать источники и поставить на очередь исследование этих вопросов»⁶³. В дальнейшей части текста также подчеркнута связь образования крепостного строя с процессом увеличения селений⁶⁴. Таким образом, к исследованию «Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв.»⁶⁵ (далее – «Село и деревня...») Веселовский пришел через историю закрепощения крестьян.

В историографии эта работа также указывалась в качестве монографии⁶⁶, однако видовые черты работы присуще скорее *научному исследованию немонографического характера*, которое как вид историографических источников был одним из наиболее часто встречающихся в научной деятельности Веселовского. Вместо четкой постановки цели и представления корпуса источников, который позволил бы ее достичь, в тексте встречается скромное описание общего ракурса работы: «В предлагаемом вниманию читателей исследовании я сделал *опыт постановки вопроса* [курсив мой – Т.Х.] применительно к сельским поселениям северо-

⁶² Веселовский С.Б. Труды по источниковедению. С. 53–119.

⁶³ Там же. С. 61. Точные даты написания всех этюдов и фрагментов неизвестны, один из этюдов датирован 1929 г., по-видимому, остальные части вряд ли были написаны позже конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда Веселовский сконцентрировался на вопросах истории землевладения.

⁶⁴ Там же. С. 68.

⁶⁵ Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. Подробнее об основном содержании книги: Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении. С. 419–476; Дубровский А.М. Степан Борисович Веселовский. С. 59–62.

⁶⁶ Тихонов В.В. Московская историческая школа. С. 268.

восточной Руси XIV–XVI вв., с указанием источников и путей разработки его»⁶⁷. Здесь Веселовский, по-видимому, был близок к размышлениям своего современника, одного из отцов-основателей школы «Анналов» М. Блока (1886–1944) относительно изучения аграрной истории Франции: «В развитии науки бывают моменты, когда одна синтетическая работа, хотя бы она и казалась преждевременной, оказывается полезнее целого ряда аналитических исследований, иными словами, когда *гораздо важнее хорошо сформулировать проблемы, нежели пытаться их разрешить* [курсив мой – Т.Х.]. Аграрная история в нашей стране достигла, по-видимому, этой стадии. Суммарное обозрение горизонта, которое исследователь разрешает себе, прежде чем углубиться в густые дебри фактов, где широкие наблюдения становятся невозможными, – вот все, что я намеревался осуществить»⁶⁸. Схожие интенции в постановке вопросов (а также ограничения, не позволявшие сделать более широкие выводы) Веселовский подчеркнул в заключительной части исследования⁶⁹.

Источниковая база работы во многом предопределила не только вид историографического источника, в котором изложены результаты, но также выбор пути исследования. Исходя из этого изучение эволюции селений было предпринято через земельные владения (этим же объяснялся и отказ от статистического метода исследования). Согласно Веселовскому, одним из ключевых факторов укрупнения деревень в XV–XVI вв. было стремление служилых землевладельцев объединить мелкие деревни в более крупную. Изучение формирования и эволюции селений имело, таким образом, инструментальный характер (для понимания особенностей землевладения). По-видимому, нехватка источниковой базы побудила Веселовского сконцентрироваться на более детальном изучении особенностей землевладения в Северо-Восточной Руси, роли генеалогических связей в этом процессе. Отмечу также, что у Веселовского отсутствовали материалы, которые

⁶⁷ Веселовский С.Б. Село и деревня. С. 11.

⁶⁸ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 29–30.

⁶⁹ Веселовский С.Б. Село и деревня. С. 130.

позволили бы точно установить происхождение погостов, одного из ключевых типов селений в исследовании⁷⁰.

Обращает на себя внимание и структура работы. В рецензии К.В. Базилевича (1892–1950) отмечен очерковый характер исследования: «В системе этих небольших, но ценных очерков заключается не только достоинство, но и известный недостаток книги: она лишена общего плана, а отдельные интересные очерки и наблюдения мало связаны между собою. Между тем все рассмотренные автором вопросы обнимаются общим социально-экономическим процессом, который приводит к укреплению власти землевладельцев над крестьянами в системе централизованного крепостнического государства»⁷¹. Схожее замечание было сделано и в рецензии С.В. Юшкова (1888–1952): «На наш взгляд, неудовлетворительна и архитектоника всего исследования. Невольно приходит мысль о том, что С.Б. Веселовский недоработал материала или же, что всего вероятнее, взял основной материал из какого-то своего крупного исследования, написанного в другом плане, и не успел его как следует оформить»⁷². Таким образом, неудовлетворенность рецензентов структурой работы вызвана формальной связью глав между собой.

Ко времени написания исследования о селах и деревнях (книга сдана в набор в последней трети 1935 г.) у Веселовского была сформирована солидная база источников для написания новой работы. Так, судя по автобиографии ученого, с 1929 по 1935 гг. им было собрано четыре тома материалов по истории землевла-

⁷⁰ Там же. С. 14–15.

⁷¹ *Базилевич К.В.* Из истории феодальной Руси [Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936] // Книга и пролетарская революция. 1936. № 12. С. 109.

⁷² *Юшков С.В.* [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]. С. 136. К наблюдению С.В. Юшкова о связи «Села и деревни...» с более крупной работой Веселовского следует добавить следующее. В отчетной делопроизводственной документации Института истории АН СССР о выполнении плана работ на 1 июня 1937 г. отмечено, что Веселовским «подготовлена работа “Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси” Том I – 25 печ[атных]листов. Том II – 20 печ[атных] листов». – Институт истории Академии наук СССР. С. 27. С учетом тесной связи тематики двух трудов Веселовского, не исключено, что наблюдение С.В. Юшкова было верным.

дения (примерно на 120 печатных листов)⁷³. В автобиографии Веселовского (17 марта 1937 г.) было упомянуто исследование по истории феодального землевладения XIV–XVI вв., под которым, по-видимому, подразумевалась будущая книга 1947 г.⁷⁴, т.к. отдельно отмечен ход работы над пятым томом материалов по истории землевладения⁷⁵.

После публикации книги о селах и деревнях вышло несколько работ Веселовского по истории землевладения. Среди них была статья, в которой Веселовский стремился проиллюстрировать причины и обстоятельства роста монастырского землевладения в тесной взаимосвязи с историей вотчинного землевладения во второй половине XVI в.⁷⁶ Статья стала предварительным результатом исследования о феодальном землевладении, опубликованного в 1947 г. Основные выводы статьи были повторены и частично уточнены в главе «Земельная политика московских великих князей и первых царей»⁷⁷.

Другой предварительный результат работы по истории феодального землевладения – статья о потомках рода Д.А. Зернова⁷⁸. В статье прослеживается тесная связь в научном творчестве Веселовского генеалогии и топонимики как методов исследования с историей землевладения. Так, Веселовский стремился опровергнуть недостоверные сведения из легенды о мурзе Чете (в частности, о происхождении Ипатьева монастыря, неувязке о выезде Чета из Орды, времени и причинах создания самой легенды и т.д.) через изучение генеалогии трех родов (Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых), связанных с Д.А. Зерновым (потомком мурзы Чета), а также истории их землевладения.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 4.

⁷⁴ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 3.

⁷⁶ *Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 95–116.

⁷⁷ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 94–97.

⁷⁸ *Веселовский С.Б.* Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 56–91.

На фоне других работ Веселовского 1940-х гг. выделялась рецензия на книгу А.И. Яковлева о холопстве⁷⁹. Примечательно, что в послереволюционные годы это была единственная опубликованная рецензия ученого. На первый взгляд, рецензия Веселовского имела аналитическую функцию, т.е. была направлена на квалифицированную оценку работы. В рецензии подверглась сомнению интерпретация топонимических данных, принципы работы с историческими источниками (прежде всего, Русской Правдой), их анализ, а также отмечен неучет некоторых источников по теме (в частности, духовных завещаний). В схожей жесткой манере были написаны и дореволюционные рецензии Веселовского. Однако необходимо учитывать и обстоятельства публикации. Изначально Веселовский не планировал писать рецензию. В дневниковых записях за 24 июля 1943 г. О.А. Веселовская отметила, что Институт истории АН СССР поручил ее супругу написать рецензию на книгу А.И. Яковлева⁸⁰. Текст Веселовского в итоге был лишь частью блока рецензий на эту книгу. Вторая и третья рецензии были написаны лингвистом и литературоведом В.В. Виноградовым (1894/1895–1969) и историком права С.А. Покровским (1905–1973). Редакция «Исторического журнала», по-видимому, рассматривала эти рецензии как инструмент идеологической критики⁸¹. В 1944 г. книга А.И. Яковлева была одним из главных объектов идеологической критики на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б)⁸².

⁷⁹ *Веселовский С.Б.* [Рец. на кн.: Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943. Т. 1] // Исторический журнал. 1944. Кн. 10–11. С. 114–119.

⁸⁰ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 239. В дневниковых записях О.А. Веселовской потенциальный текст ее супруга был назван «отзывом».

⁸¹ Подробнее об идеологических функциях рецензий в сталинскую эпоху: *Матвеев С.Р.* «Ученый-большевик призван оценивать объективно». С. 115–117.

⁸² Подробнее о совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–205; Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–86; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5–6. С. 77–106; № 7. С. 70–87; № 9. С. 47–77; *Киселев М.А.* «Регулярное» государство Петра I. С. 199–202.

В 1947 г. вышла из печати одна из крупнейших научных работ Веселовского – «Феодальное землевладение...»⁸³. В предисловии Л.В. Черепнина⁸⁴ эта работа названа монографией⁸⁵. В книге затрагивалась проблема источниковой базы, но все же отсутствовало обоснование ее репрезентативности. В вводной главе отмечены ограничения в исследовании частной собственности в Северо-Восточной Руси именно из-за количества и видовых особенностей источников: несмотря на рост количества сохранившихся с середины XIV в. источников, их значительная часть распределена неравномерно географически (в центральных районах их сохранилось значительно больше, чем в периферийных), а также из-за их видовой специфики (основу составляли преимущественно акты, позволявшие рассматривать экономические аспекты лишь косвенно, до конца XV в., когда появляются писцовые книги)⁸⁶. Эту проблему Веселовский стремился разрешить за счет методологии исследования.

В данном вопросе прослеживаются не только эпистемологические установки ученого, но также этические. Довольно отчетливо в научном творчестве Веселовского прослеживался *организованный скептицизм*⁸⁷, который выражался в критике результатов как чужих, так и собственных исследований как необходимом условии для развития научного знания. Веселовский стремился выйти за рамки догматической советской методологии и вместе с тем

⁸³ В дальнейшем фрагменты «Феодального землевладения...» про митрополию кафедру были опубликованы как отдельный очерк в сборнике трудов 1975 г. «Религия и церковь в истории России»: *Веселовский С.Б.* Переход митрополичьей кафедры из Киева в Москву // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 80–97.

⁸⁴ Текст предисловия анонимный, на авторство Л.В. Черепнина указывают мемуары А.А. Зимины и делопроизводственные материалы (например, Института истории АН СССР в период послевоенных идеологических кампаний): *Зимин А.А.* Храм науки. С. 153; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма». С. 140. Об основных идеях книги Веселовского: *Тихонов В.В.* Московская историческая школа. С. 298–303; *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 92–100.

⁸⁵ [Черепнин Л.В.] Предисловие // Веселовский С.Б. Феодальное землевладение. С. 1, 2.

⁸⁶ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 7–9.

⁸⁷ *Merton R.K.* The Sociology of Science. P. 267–278.

обогатить исследование новыми подходами и взглядами на устойчивые вопросы, которые позволили бы приблизиться к пониманию прошлой социальной реальности. В книге «Феодальное землевладение...» Веселовский, опираясь на западную историографию, выделил ретроспективные подходы изучения правовых вопросов и ретрогрессивный принцип интерпретации источников относительно землевладения в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. Источниками вдохновения для Веселовского послужили труды английских историков Ф.А. Сибоба (1833–1912) и Ф.У. Мейтленда (1850–1906) по истории Англии. Веселовский стремился использовать по аналогии подходы зарубежных историков на материале, связанном с правовыми взаимоотношениями в Северо-Восточной Руси. Кроме того, он подчеркнул перспективы компаративистского подхода в изучении правовых взаимоотношений, опять же, выделяя в качестве примера труды западных исследователей, в данном случае английского историка и социолога права Г. Дж. Самнера Мэна (1822–1888) и французского историка Н.Д. Фюстеля де Куланжа (1830–1889)⁸⁸.

С точки зрения профессионально-этических ориентиров Веселовского привлекает внимание также сохранившаяся в АРАН недатированная машинопись исследования «Очерки феодального землевладения»⁸⁹. Значительная часть текста этой работы вошла в опубликованную версию «Феодального землевладения...». Отдельное внимание заслуживает акцент ученого на соединении исторической науки с историей и теорией права в изучении частного землевладения. Согласно Веселовскому, игнорирование юридических категорий приводило к искажению порой многовекового складывания правовых институтов. В нижеприведенных фрагментах также отражены взаимосвязанные этические и эпистемологические принципы Веселовского как ученого-историка: «Забывая о том, что по меньшей мере 9/10 всех наличных источников являются юридическими памятниками, что только через эти памятники и при помощи их мы можем составить себе представление о действительной жизни, историки этого направления

⁸⁸ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 9–13.

⁸⁹ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 4.

не только принципиально игнорируют юридические дисциплины вообще, но и, описывая явления прошлого, относятся с пренебрежением к правовым явлениям и институтам. Чтобы не быть заподозренным в идеалистическом методе исследования, историк в лучшем случае снисходит к тому, что признает институты права “вехами”, игнорируя азбучную истину, что эти “вехи” развиваются и образуются иногда столетиями и затем становятся, тоже иногда на сотни лет, не вехами, а очень существенными факторами жизни, переживают породившие их жизненные отношения и становятся нередко обузой⁹⁰. В то же время Веселовский подчеркнул, что изучение правовых институтов было не целью исследования, а лишь подходом: «конечной целью научного исследования является познание и понимание прошлой жизни в целом, достигнуть этой цели можно только при умении прочесть и понять юридические памятники, что совершенно невозможно без знания теории и истории права. Я позволил себе сделать это отступление, так как от небрежного и некомпетентного употребления юридических терминов и понятий в исторической науке происходит множество вредных для дела недоразумений»⁹¹.

В целом, существенно различались вводные части этих текстов: если в «Феодальном землевладении...» отражены сведения о методах и исследовательских возможностях изучения частной земельной собственности⁹², то в рукописи содержатся рассуждения о постановке проблемы исследования, а также историографический анализ, который позволил сделать акцент на необходимости изучения именно частного землевладения⁹³. Согласно Веселовскому, предшествующие работы по истории коллективного землевладения страдали схематизмом и аксиоматичностью, отсутствием прочной источниковой базы⁹⁴. Он, отвергая взгляды предшест-

⁹⁰ Там же. Л. 14.

⁹¹ Там же. Л. 15.

⁹² *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 7–16.

⁹³ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–15.

⁹⁴ Там же. Л. 1–7. Постановка вопроса о формах коллективного землевладения и ее связи с частной собственностью начиналась с реконструкции контекста, на фоне которого возник интерес к данному теме в общественной сфере XIX в., а именно с публикации труда Августа фон Гакстгаузена (1792–1866), прусского чиновника и экономиста. Согласно Веселовскому, с публикацией в

венников, отметил перспективы изучения именно истории частного землевладения: во-первых, для ее изучения сохранилось гораздо больше источников с XIV в., а, во-вторых, эта тема может способствовать освещению путей для плодотворного исследования истории коллективного землевладения.

Вернувшись к опубликованной книге 1947 г., необходимо отметить, что в ней Веселовским сформулирован скорее основной вектор исследования, отмечен и «центр тяжести» работы, исходя из имевшейся источниковой базы выделены в общих чертах и хронологические рамки⁹⁵. С учетом ряда трудностей и преград, отмеченных в книге, Веселовский стремился в ней показать исследовательские возможности, усовершенствовать приемы в изучении истории землевладения⁹⁶, поделиться своими идеями и полученными результатами работы, обозначить перспективы изучения. Таким образом, по внутренней логике работы труд Веселовского как вид историографических источников тяготеет скорее к *научному исследованию немонографического характера*, а не монографии, направленной на исчерпывающее исследование на основе репрезентативной источниковой базы.

Для понимания того, как исследование Веселовского о феодальном землевладении вписывалось в историческую культуру

1847 году труда об исследовании народной жизни и сельского хозяйства в России взгляды барона на земельную общину получили распространение не только в общественной и политической сферах, но также в научной, что видно в том числе по работам известного экономиста и социолога Э.Л.В. де Лавеле (1822–1892). Из-за отсутствия прочной истоковой базы по вопросу о происхождении сельской земельной общины не мог Веселовский принять концепцию Б.Н. Чичерина (1828–1904) о происхождении сельской земельной общины, по схожим причинам отвергнуты взгляды И.Д. Беляева (1810–1873).

⁹⁵ Приблизительность хронологических рамок отмечена в вводной части: «Указанные хронологические пределы, конечно, приблизительно и условны. Во-первых, не исключена возможность открытия новых источников, но еще важнее, что техника научных исследований совершенствуется, развиваются различные вспомогательные дисциплины, и никто не решится предсказать границы прогрессу исторической мысли» – *Веселовский С.Б. Феодальное землевладение*. С. 9.

⁹⁶ В данном контексте обращает на себя внимание также название вводной главы книги: «Несколько предварительных замечаний об исследовательских возможностях и о методах исследования происхождения частной земельной собственности». – Там же. С. 7.

СССР 1940-х гг., необходимо учитывать обстоятельства, при которых выходили труды из печати. Так, во второй половине 1930-х – 1940-е гг. основной упор в Институте истории АН СССР делался на коллективные труды⁹⁷, а в военные годы у ряда сотрудников график работы стал более интенсивным из-за чтения лекций и проведения занятий на фронте, а также наблюдалась смена исследовательских ориентиров – актуализировались работы на патристические темы (как правило, небольшие по объему, например, в виде брошюр)⁹⁸. Кроме того, в военные годы была также эвакуация, которая нарушила привычную работу сотрудников научных учреждений, ограничила доступность источников и литературы, контакты с коллегами⁹⁹. В результате этих обстоятельств реже выходили из печати крупные индивидуальные работы историков, в том числе монографии.

Среди монографий того времени можно выделить первый том труда Н.М. Дружинина (1886–1986) «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева»¹⁰⁰. Введение выстроено в классическом ключе, в котором выделены четыре раздела: о теме исследования (необходимость ее научной разработки), *проблематике* (круг вопросов, которые возникают при разработке темы), *лите-*

⁹⁷ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 39, 41–43, 112; Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021. № 5. С. 147–150.

⁹⁸ Тихонов В.В. «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. 2012. № 3(25). С. 58–67; Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 160–165; Зинич М.С. Институт истории Академии наук СССР в 1941–1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. М., 2020. Вып. 3. С. 20–24; Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. С. 26–29.

⁹⁹ Зинич М.С. Институт истории. С. 14–31; Метель О.В. Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 142–143. О повседневной работе историков в условиях эвакуации в Ташкенте: Романов Б.А. Письма к жене. СПб., 2023. С. 146–371; Письма С.Б. и О.А. Веселовских. С. 112–123.

¹⁰⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1.

ратуре (историографический анализ), источниках (обоснование репрезентативности источниковой базы для решения поставленных вопросов). Для понимания принципов изложения результатов и структуры исследования Н.М. Дружинина необходимо отметить, что монография была защищена в качестве докторской диссертации в 1944 г.¹⁰¹ Схожий случай – монография Л.В. Черепнина о феодальных архивах XIV–XV вв.¹⁰², которая также изначально была защищена как докторская диссертация¹⁰³. Во введениях первых двух частей прослеживаются те же аспекты работы, что и в ранее отмеченном труде Н.М. Дружинина.

Тем не менее, выходили из печати монографии, не связанные с диссертационными исследованиями. Например, ранее упомянутая книга А.И. Яковлева о холопах и холопстве¹⁰⁴ ставшая результатом многолетней работы, также имеет черты монографического исследования. Примечательно, что предисловие к этой работе очень краткое, составляет всего три страницы, но все же в нем прослеживаются результаты историографического анализа, постановка

¹⁰¹ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания. С. 112.

¹⁰² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков [в 2 ч.]. М., 1948. Ч. 1; 1951. Ч. 2.

¹⁰³ Диссертация носила название «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV–XV вв.». В.Д. Назаров обратил внимание на популярность термина «очерки» в советской историографии 1940–1950-х гг. и формулировку темы диссертации Л.В. Черепнина связывал со степенью проработанности отдельных проблем, несоизмеримостью отдельных частей исследования: «По логике господствующих тогда взглядов, коль скоро речь шла о феодальных отношениях за два столетия, следовало начать и основное внимание уделить экономическим проблемам, отношениям собственности и эксплуатации, классовым выступлениям народных масс. Но в работе логика иная: она продиктована составом, историей, сохранностью государственных и частных архивов, в том числе церковно-корпоративных, жанровым разнообразием всего корпуса документальных источников. Названные выше проблемы присутствуют в работе, но главным образом через призму их отражения в анализируемых актах. Преобладала политическая и социальная проблематика, причем на первый план выдвигались задачи внешней и внутренней критики каждого документа по отдельности и в контексте всего архивного комплекса в том виде, как он существовал в изучаемый период». – Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин. С. 370.

¹⁰⁴ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам холопского и посольского приказов, оружейной палаты и разряда. М.; Л., 1943. Т. 1.

проблемы исследования, обоснование репрезентативности источниковой базы (привлеченные архивные материалы также отражены в полном названии работы), отмечена структура работы.

На фоне вышеперечисленных работ выделялось исследование Веселовского 1947 г. о феодальном землевладении. Несмотря на внушительный корпус привлеченных источников (помимо ранее отмеченных актовых материалов и писцовых книг, заметное место в работе занимали также родословные книги, синодики), Веселовский неоднократно подчеркивал в книге, что многие наблюдения носят скорее характер предположений¹⁰⁵. Текст также изобилует оговорками о трудностях обстоятельного изучения ряда затронутых вопросов из-за нехватки или ненадежности некоторых источников¹⁰⁶. Это, конечно, не свидетельствует о том, что ученый не стремился представить результаты своей работы в виде монографического исследования, однако его анализ выстроен лишь в той степени, в которой ему позволяли это сделать сохранившиеся источники. Логично соотносится с этими интенциями строки одного из черновиков из личного фонда ученого в Архиве РАН. В нем отмечено, что историческая наука учит «исследовать, прокладывать новые пути, собирать и разрабатывать источники, ясно представлять себе исслед[овательские] возможности и идти по пути приближения к истинно научному познанию прошлого»¹⁰⁷.

Среди научных исследований немонаграфического характера того времени можно выделить, например, труды В.В. Мавродина (1908–1987) об образовании древнерусского государства¹⁰⁸, Б.Д. Грекова о крестьянах на Руси¹⁰⁹, Б.А. Романова о людях и нравах Древней Руси¹¹⁰. В книге В.В. Мавродина отсутствовало

¹⁰⁵ Например: *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 24, 37, 43, 78, 79, 153–154, 170, 196, 202, 209, 214, 220, 224, 229–230, 249, 272, 291, 341–342, 360, 374, 417.

¹⁰⁶ Там же. С. 18, 21, 22, 32–33, 39, 86, 117, 132–133, 165, 184, 187, 189, 210, 215, 217, 218, 220, 232, 268, 305, 312–313, 330, 340, 390, 391–392, 407, 423, 443, 451.

¹⁰⁷ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

¹⁰⁸ *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945.

¹⁰⁹ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946.

¹¹⁰ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947.

введение / предисловие. Предисловие в книге Б.Д. Грекова сконцентрировано на проблемах исследования, общем замысле работы, ее цели, но репрезентативность источниковой базы не обоснована. Тем не менее, данный труд по ряду причин, с точки зрения автора, заслуживал внимание исследователей: «Я очень хорошо понимаю, что почти каждая из глав моей книги может служить предметом отдельной монографии. Я уверен, что при дальнейшем росте нашей науки эти монографии не замедлят появиться. Но смею также думать, что труд, предпринятый мною, не бесполезен, так как является результатом использования новых источников, опытом обобщения огромного количества разрозненно разработанных тем, попыткой разобраться в многочисленных, жарких и принципиальных спорах»¹¹¹. Прежде чем перейти к вводу к разделу («От автора») книги Б.А. Романова, следует обратить внимание на ее полное название: «Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)». Слово «очерки» в названии работы, как уже отмечено ранее, далеко не всегда соответствует очеркам как виду историографических источников. Как показано в статье С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, в российской исторической культуре с 70-х гг. XIX в. стала распространенной практика презентации результатов научных исследований в виде *научных исследований*, которые историки того времени для различения с монографиями называли очерками¹¹². Сложившаяся практика была вызвана отсутствием / недостатком систематической разработки источниковой базы. Та же практика, но уже в других социокультурных обстоятельствах, наблюдается и в книге Б.А. Романова¹¹³. В ней трудно выделить четкую поста-

¹¹¹ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. С. 12.

¹¹² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк. С. 348–351. Попытки российских историков второй половины XIX в. точнее соотносить свои научные произведения с их функциональным предназначением и жанровой спецификой была отмечена также исследователями диссертационной культуры. – Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. С. 62–63.

¹¹³ Другой пример данной практики в советской историографии 1940-х гг. – книга историка, востоковеда и философа Т.И. Райнова (1890–1958) «Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу» (следует также обратить внимание на наличие слова «очерки» в названии). В вводной части этой работы Т.И. Райнов подчеркивал, что на основе имевшихся у него источников он, во-первых, намеривался лишь «набросить, хотя бы предварительно, общую картину, а во многих отношениях

новку цели, прослеживается скорее общий вектор работы: «В пределах этого положения мне представилось возможным и своевременным поставить себе задачу, которая не имела в виду моими предшественниками, – попытаться собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI–XIII вв., с тем чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классообразования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей (будь то поименно-известные “исторические” личности или конкретно-реконструируемые исторические типы, той или иной стороной отразившиеся в том или ином документе или литературном памятнике эпохи). Иными словами: как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал, сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться), – таков основной вопрос, который я постоянно имею в виду в своем изложении, решая указанную задачу моего исследования»¹¹⁴. Препятствием для осуществления замысла работы в полной мере были особенности и количество имевшихся у автора источников: «Предлагаемая попытка ответить на этот вопрос и решить эту задачу связана с трудностями, которые обусловлены и ограниченным количеством и свойствами общеизвестных наличных письменных памятников той эпохи»¹¹⁵. Б.А. Романов стремился компенсировать эту трудность, как и Веселовский в книге о феодальном землевладении, с помощью привлечения специальных методологических приемов, описанию которых уделена значительная часть вводного раздела книги¹¹⁶.

Примечательно, что книга Б.А. Романова до сих пор остается востребованной по истории древнерусской культуры и может быть названа классической в данной области исследований. При этом

обрисовать и частности», а во-вторых, не ставил перед собой задачу исчерпывающе изучить историю науки в допетровскую эпоху: *Райнов Т.И.* Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940. С. 8.

¹¹⁴ Романов Б.А. Люди и нравы. С. 5.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 7–11.

сам автор задумал ее как научно-популярную работу¹¹⁷. В вопросе ее востребованности, как и труда Веселовского 1947 г., следует учитывать не только тематику работы, но также вид историографических источников, к которому она принадлежит. Прочное научное знание о прошлом напрямую зависит от репрезентативности источниковой базы, которую авторы *научного исследования немонографического характера* не могли предоставить. Тем не менее, несмотря на интенции историков и их рефлексию над представлением результатов научной работы, крупные индивидуальные труды исследователей продолжали (и продолжают) рассматриваться как монографии. Отмечу также, что в вышедшем к тому времени 40-м томе Большой советской энциклопедии (БСЭ) дано широкое понимание монографии, под которым понималось «научное исследование, имеющее целью исследовать какую-либо отдельную проблему или отдельный вопрос с наиболее возможной полнотой <...> как правило снабжается обширными научными данными – цитатами, ссылками, указателями и т.п.»¹¹⁸.

Что касается оценки книги Веселовского, то в послевоенные годы она была одним из главных объектов критики в период идеологических кампаний в позднесталинский период¹¹⁹. До начала кампаний научное творчество и личность Веселовского встречало неоднозначную оценку среди исследователей. Историки «старой школы» преимущественно рассматривали Веселовского как продолжателя дореволюционных исследовательских традиций¹²⁰. Высоко оценивалось научное значение трудов Весе-

¹¹⁷ Там же. С. 14.

¹¹⁸ Монография // БСЭ. М., 1938. Т. 40. С. 116.

¹¹⁹ Подробнее об идеологических кампаниях во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: *Дубровский А.М.* Историк и власть. С. 538–569; *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма»; *Крих С.Б.* Другая история. С. 142–154; *Киселев М.А.* «Регулярное» государство Петра I. С. 270–306; *Хаминов Д.В.* Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М., 2021. С. 117–181.

¹²⁰ В данном контексте отмечу «Записку об ученых трудах проф. С.Б. Веселовского» 1929 г., в которой ученый выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР. В записке (среди составителей были, например, такие историки как М.М. Богословский, С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, В.П. Бузескул, 1858–1931) подчеркнут научный вклад преимущественно дореволюционных трудов учено-

ловского в статье БСЭ 1928 г. (т. 10), которая завершалась следующими словами: «В[еселовский] имеет репутацию едва ли не лучшего знатока архивных документов социальной и экономической истории Московского государства в 17 в[еке] и скрупулезнейшего их издателя, дающего права полагаться на издаваемые им тексты, как на фотографич[еские] снимки»¹²¹. Вместе с тем хорошо известен случай довольно жёсткой критики ученого в публичной сфере (в статье М.Н. Покровского «О научно-исследовательской работе историков» 1929 г. в газете «Правда»)¹²².

Но чаще всего в 1920-е – начале 1940-х гг. исследования Веселовского оценивались все же в компромиссном ключе. Об этом свидетельствуют предисловия к его трудам, в которых отмечались «богатый документальный материал», «множество глубоких и тонких наблюдений», «обоснованных выводов по ряду конкретных вопросов», открытие ряда «новых явлений экономической истории феодальной Руси», но в то же время взгляды ученого отвергались с марксистских позиций¹²³. В схожем ключе также была представлена ранее упомянутая рецензия С.В. Юшкова на труд «Село и деревня...». Так, С.В. Юшков, взвешивая преимущества и недостатки работы, пришел к следующему заключению: «Подчеркивая ошибочность основной концепции автора и ряд допущенных им ошибок и упущений, нельзя не отметить, что многие частные вопросы из истории погоста, села и деревни в Московском государстве не только заново им поставлены, но и разрешены»¹²⁴. Здесь же выделю образ ученого, сложившийся в «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна (1897–1963), опубли-

го. В контексте советской эпохи кратко отмечены работы о происхождении вотчинного режима и землевладении Троицы-Сергиева монастыря. – Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Ленинград, 1930. С. 16–19.

¹²¹ Веселовский Степан Борисович // БСЭ. М., 1928. Т. 10 (Венгрия–Вильно). С. 438. Примечательно, что редактором отдела «Исторические и юридические науки» был М.Н. Покровский (1868–1932) (он также выступил редактором подотдела «Русская история»).

¹²² Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. № 63. С. 2.

¹²³ См., например, предисловия к ранее упомянутым работам Веселовского «Село и деревня...» и «Феодальное землевладение...».

¹²⁴ Юшков С.В. [Рец. на кн.: Веселовский С.Б.]. С. 136–137.

ликованной в 1941 г. Веселовский, с одной стороны, рассматривался с критических позиций как представитель историко-юридического направления буржуазной исторической науки начала XX в., сторонник взглядов В.О. Ключевского, а с другой – принадлежал «к числу лучших знатоков актового материала, и в частности богатейших архивных фондов»¹²⁵. Подчеркивалось историографическое значение трудов ученого по истории землевладения, истории финансов XVI–XVII вв., а также влияние на дальнейшие научные дискуссии¹²⁶. С наступлением идеологических кампаний существенно сменились акценты: не нашлось места компромиссу, внимание было почти полностью сконцентрировано на «пороках». Научный вклад ученого, который порой подчеркивался в печати, рассматривался не обособленно от недостатков, а как осознанный отход от марксистских принципов исследования. Это видно по откликам (как в печати¹²⁷, так и на партийных собраниях в Институте истории АН СССР¹²⁸ и Историко-архивном институте¹²⁹) и рецензиям на труд по феодальному землевладению, написанных в гораздо более резком тоне¹³⁰, чем на более ранние труды советской эпохи.

2.3. Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение как проявление позитивистского регламента ученого

Тяготение Веселовского к вспомогательным историческим дисциплинам было во многом связано с организованным скептицизмом. Позитивистские принципы ученого требовали выработки

¹²⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. 2-е изд. М., 2008. С. 587.

¹²⁶ Там же. С. 587, 607.

¹²⁷ Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. 9 сентября.

¹²⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 2–6, 52–57; Д. 193. Л. 15–16, 70–71; ЦГАМ. Ф. П-211. Оп. 2. Д. 8. Л. 105–106, 111–112, 155–156, 220–222; Там же. Д. 9. Л. 105–113; Д. 11. Л. 72, 100; Выступление Б.Д. Грекова. С. 388–391.

¹²⁹ ЦГАМ. Ф. П-2412. Оп. 1. Д. 23. Л. 28; Там же. Д. 28. Л. 76–77.

¹³⁰ Смирнов И.И. С позиций буржуазной историографии. С. 113–124; Солнцева В.Г. [Рец. на: Веселовский С.Б.]. С. 73–78.

прочного основания для установления фактов. По Веселовскому, тщательная проверка и анализ сведений для установки фактов включала в себя обращение к генеалогии, ономастике, исторической географии и исторической картографии в качестве методов исследования, которые он применял, несмотря на то, что разработка вспомогательных исторических дисциплин была приостановлена в 1920–1950-е годы (за исключением МГИАИ, в котором в 1930-е гг. были учебные курсы, например, по палеографии, дипломатике, сфрагистике, а в 1939 г. была создана кафедра вспомогательных исторических дисциплин)¹³¹, по-видимому, из-за возможной преемственности с дореволюционным наследием историков. В совокупности это говорит о том, что для Веселовского не было границ для выбора не только объектов исследования, но и методов: задача исследователя – выработать наиболее эффективный способ изучения определенного аспекта прошлой социальной реальности.

2.3.1. Археография

В отличие от вышеперечисленных вспомогательных исторических дисциплин археография (исходя из ее цели и задач) привлекалась Веселовским не как метод исследования. В советские годы он, по-видимому, продолжал уделять ей внимание, исходя из ее двуединой направленности: на собственное исследование (в качестве приложения как стремление обеспечить верификацию результатов исследования) и на будущие разработки (в том числе со стороны других исследователей).

Согласно отчету Веселовского в качестве члена Института теории и истории права при факультете общественных наук МГУ (упраздненный в 1918 г. юридический факультет) за 1922 г., одно из основных направлений его научной деятельности было продолжение археографических работ, прерванных в 1916–1917 гг.¹³²

¹³¹ Примечательно, что с 1938 г. вся архивная служба была передана в ведение НКВД. Довольно важное место в этом процессе отводилось МГИАИ. Подробнее: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры. С. 9–11.

¹³² ГАРФ. Ф. А4655. Оп. 2. Д. 230. Л. 3–3об. Веселовский также отметил прерванную работу над очередными томами актов писцового дела и приходо-

Отмечена работа по подготовке к печати очередных томов приходо-расходных книг и актов писцового дела. В последний должны были войти материалы по истории кадастра и прямого обложения 1661–1688 гг.¹³³ Выделен ход работы над указателями личных и географических имен ко II-му тому тех же «Актов...»¹³⁴. В том же ключе была продолжена работа над указателями ко II-му тому приходо-расходных книг¹³⁵. Наконец, Веселовским также отмечена работа над изданием таможенных уставных грамот и актов таможенного управления, которая была поручена Академией наук. Работа над их изданием шла по меньшей мере с конца 1908 г.¹³⁶ Однако издание не состоялось, по-видимому, из-за загруженности работой в конце 1900-х – первой половине 1910-х гг., прежде всего, над другими археографическими трудами и «Сошным письмом...».

Можно предположить, что в 1920-е гг. издание перечисленных комплексов источников не состоялось из-за институциональных трансформаций научных учреждений и вместе с тем отсутствия потенциального источника финансирования. Так, в начале 1920-х гг. в речах С.Ф. Ольденбурга подчеркивались финансовые трудности Академии наук, что сказывалось и на издательской работе, в частности, нарушении плана печатания трудов¹³⁷. Схожие трудности испытывали и другие научные учреждения, в том числе РАНИОН, в которой работал Веселовский¹³⁸.

расходных книг из-за тяжелого положения как Археографической комиссии, так и ОИДР в дневниковых записях в самом начале 1917 г. – *Веселовский С.Б. Дневники*. 2000. № 3. С. 84.

¹³³ Эти источники, по всей видимости, были опубликованы посмертно в сборнике актов 1990 г.: Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века. М., 1990.

¹³⁴ В 1917 году II-й том Актов писцового дела вышел из печати без указателей.

¹³⁵ В полном виде, по-видимому, также опубликованы посмертно (1983): Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг.

¹³⁶ Датировка по переписке Веселовского М.А. Дьяконовым за ноябрь–декабрь 1908 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 88, 94

¹³⁷ Российская академия наук в 1920 году. Отделения физико-математических и исторических наук и филологии. Речь неперменного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. СПб., 1921. С. 10–11; Российская академия наук в 1921 году. Отделения физико-математических и исторических наук и филологии. Речь неперменного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. СПб., 1921. С. 5–8; Российская академия наук в 1922 году. СПб., 1922. С. 4–9.

¹³⁸ *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институциональная структура. С. 61–62.

В 1929 г. вышла одна из первых археографических работ Веселовского в советский период – первый том «Памятников социально-экономической мысли Московского государства XIV–XVII вв.»¹³⁹ (далее – «Памятники...»), составленный совместно с А.И. Яковлевым и Л.В. Черепниным. Работа над подготовкой к изданию комплекса источников была начата в середине 1920-х гг. В заявлении от 14 сентября 1925 г. в Институт истории Ассоциации научно-исследовательских институтов Веселовский написал о необходимости получить доступ и возможность поработать в архивах Троице-Сергиевой лавры, Кириллова и Саввы-Сторжевского монастырей для поиска материалов по социальному и экономическому быту XV–XVII вв.¹⁴⁰ В этот период он работал над исследованием правового и социального положения сельского населения Московского государства. Уже в отчете о научной работе от 15 октября 1927 г. (для Института истории РАНИОН) было отмечено значительное продвижение работы: «На средства, отпущенные Главнаукой, мною, совместно с проф[ессором] А.И. Яковлевым, напечатаны первые два тома хозяйственного архива б. Троице-Сергиевой лавры <...> В настоящее время заканчивается печатание третьего тома этого же издания, содержащего жалованные указные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. <...> Подготовлено к печати и снабжено примечаниями около 1500 актов из архива Троицкой лавры, с конца XIV в. до середины XVI в.»¹⁴¹.

В «Памятниках...» систематизация источников произведена по хронологическому принципу: сначала расположены жалованные и указные грамоты (XIV–XV вв. – 1392–1495), затем свозные (1614) и дозорные книги XVII в. (1610–1616). В предисловии, как это было характерно и для дореволюционных работ Веселовского¹⁴², подробно описаны принципы, согласно которым осуществлялась работа над публикацией: отмечен вариант источника, выбранный

¹³⁹ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М., 1929. Т. I.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. А4655. Оп. 2. Д. 230. Л. 11–11об.

¹⁴¹ Там же. Л. 4.

¹⁴² За исключением II-го тома актов писцового дела, предисловие которого ограничилось лишь описанием трудностей, связанных с дороговизной публикации и замешательствами в типографии: Акты писцового дела. Т. 2: Акты 1627–1649 гг.

для публикации (текстологический анализ), даны лаконичные сведения об обстоятельствах, времени и месте создания, и определена степень полноты сведений, приведенных в источнике¹⁴³. Исследователи, описав хозяйственную и политическую роли монастыря в XIV–XVI вв., вместе с тем отметили перспективы привлечения источников в дальнейших исторических исследованиях. Аналогичные черты присутствуют и в I-м томе актов писцового дела¹⁴⁴.

В начале 1930-х гг. стали выходить коллективные многотомные труды Археографической комиссии (после реорганизации в 1931 г. – Историко-археографический институт) о крепостной мануфактуре в России¹⁴⁵. Веселовский принял участие, по меньшей мере, в работе по сбору материалов для первого тома¹⁴⁶. Курировал работу Веселовского в рамках данного проекта Б.Д. Греков, как видно из их переписки¹⁴⁷. Включенность Веселовского в работу над данным проектом, в целом, логично соотносится с его научными интересами в те годы – историей крепостного права. Вместе с тем логично эта работа соотносится и с археографическим опытом ученого, знаниями приказного устройства в России XVII в., источниковедческих особенностей актовых источников, переписных и приходо-расходных книг, которые вошли в издание. Следует отметить и хронологические рамки опубликованных источников (вторая половина XVII в.), которые, с учетом дореволюционных изысканий Веселовского, были, в целом, также близки его исследованиям. По-видимому, в связи с вовлеченностью в данный проект Веселовским вместе с тем велась работа над составлением докладной записки «Об организации выявления и издания документов по истории промышленности, ремесла, торговли, рабочего класса и крестьянства»¹⁴⁸. В набросках к ней (1930 г.)

¹⁴³ Памятники социально-экономической истории. С. III–IV.

¹⁴⁴ Акты писцового дела. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. С. VIII–IX.

¹⁴⁵ Подробнее о подготовке к изданию коллективного проекта «Крепостная мануфактура в России» в первой половине 1930-х гг.: *Захарчук П.А.* Документальная серия «Крепостная мануфактура в России» 1930–1934 гг. и ее влияние на развитие отечественных исследований по истории техники // Археографический ежегодник за 2016–2023 годы. М., 2024. С. 165–173.

¹⁴⁶ Крепостная мануфактура в России: в 5 т. Л., 1930. Т. 1: Тульские и каширские железные заводы.

¹⁴⁷ Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова. С. 420–444.

¹⁴⁸ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 80а.

отмечен принцип выявления, согласно которому следовало, прежде всего, изучить весь имеющийся по темам материал в архивных фондах, который в дальнейшем позволил бы выявить наиболее существенные источники. Согласно Веселовскому, такой подход (по сравнению с поиском по заранее сформированному перечню вопросов), позволил бы глубже представить имеющиеся источники и выбрать для публикации наиболее ценные из них¹⁴⁹.

В перечень археографических работ Веселовского в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. также входили четыре тома материалов по истории феодального землевладения XV–XVI вв., которые согласно автобиографии ученого от 17 марта 1937 г., готовились к печати по договоренности с Археографическим сектором Института истории АН СССР¹⁵⁰. Однако Веселовский так и не смог добиться их публикации и в последующие годы. Работа над этими материалами свидетельствует, во-первых, о продолжившейся систематической археографической деятельности ученого и в 1930-е гг., во-вторых, о попытке включить их как приложение к будущему исследованию о феодальном землевладении в Северо-Восточной Руси, как это было в дореволюционные годы с актами писцового дела и «Сошным письмом...».

В 1941 г. в журнале «Архивное дело» вышла статья Веселовского, тематически находящаяся на стыке археографии и архивоведения: о методике научного описания источников государственного учета – писцовых, дозорных и переписных книг XVI–XVII вв.¹⁵¹ В послереволюционные десятилетия интерес Веселовского к этому виду источников не только не угасал, а, напротив,

¹⁴⁹ Там же. Л. 1–2. В рамках данного проекта Веселовский также вовлечен в эвристическую работу, поиск архивных материалов по теме. Например, летом 1930 г. он был в командировке в Костроме для поиска материалов по истории текстильной промышленности в местных архивных фондах: Отчет С.Б. Веселовского о командировке в Кострому в 1930 г. / подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 4. Брянск, 2013. С. 150–157. Вероятно, как предположил А.М. Дубровский, эта поездка спасла Веселовского от вероятного ареста по «академическому делу». – Там же. С. 150.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 875. Л. 3, 4.

¹⁵¹ *Веселовский С.Б.* Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI–XVII столетий // Архивное дело. 1941. № 1. С. 20–35.

в связи с формированием новых исследовательских интересов, только усилился. Эти источники были необходимы для изучения феодального землевладения в Северо-Восточной Руси и частично в генеалогических исследованиях¹⁵². С конца 1930-х гг. они привлекались в качестве основы для составления исторических карт¹⁵³. Обращение к данной теме представляется вполне логичным, с учетом сформулированной в статье исследовательской проблемы – отсутствие (ко времени написания статьи) удовлетворительного описания и учета книг, которые, как подчеркнуто в статье Веселовского, привлекаются не только историками, но также экономистами и географами¹⁵⁴. Многократное обращение к этим видам источников и вместе с тем трудности, с которыми он сталкивался при их поиске и систематизации, по-видимому, побудили написать эту статью.

На первый взгляд, основное содержание статьи – критика описи этих источников, предпринятая с 1860-х гг. Н.В. Калачевым (1819–1885), управляющим МАМЮ в 1865–1885 гг. Однако оно шире: Веселовский стремился обозначить принципы, на которых должна быть сформирована опись писцовых, дозорных и переписных книг. Для рассуждений исследователя калачевская опись была удобным вариантом для выработки этих принципов, т.к. к моменту написания статьи она все еще оставалась «“ключом” к огромным фондам бывшего Поместного приказа и Вотчинной коллегии, в которых хранятся писцовые и другие книги»¹⁵⁵. Критика различных сторон калачевской описи была отправной точкой для рассуждений об упрощении эвристики писцовых книг, способах расширения описи за счет известных Веселовскому книг, учете административного деления государства, видовых особенностях книг, что в совокупности позволило бы создать описание, отвечающее научным требованиям.

¹⁵² *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский. С. 50–51; АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 30, 69.

¹⁵³ *Аверьянов К.А.* Историко-географические карты С.Б. Веселовского // Веселовский С.Б., *Перцов В.Н.* Исторические карты Подмосковья. Вып. 4: История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993. С. 4–5; АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 319–322.

¹⁵⁴ *Веселовский С.Б.* Вопросы научного описания. С. 20, 34.

¹⁵⁵ Там же. С. 21.

В числе последних при жизни опубликованных трудов Веселовского был небольшой сборник актов Поместного приказа¹⁵⁶. По тематике (а также хронологии) эти материалы были близки скорее дореволюционным научным интересам ученого: их информационный потенциал рассматривался в контексте истории системы обложения в последних десятилетиях XVII в. В вводной части текста также уделено немного внимания особенностям хранения этих источников. Как результат археографической работы эта публикация вполне вписывалась в археографическую культуру того времени: источники пронумерованы (№ 1–4), указаны листы хранения (в круглых скобках внутри текста), редакторский текст помещался в квадратные скобки, в ссылках указаны комментарии (связанные с содержанием текста), в конце каждого источника расположена легенда, в которой указаны место хранения, сведения о предшествовавших изданиях.

Трудно точно определить причину публикации этих материалов Веселовским в начале 1950-х гг. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. он продолжал вести научную деятельность, работать над различными сюжетами по истории периода Ивана Грозного. Однако последние работы не публиковались, по-видимому, из-за того, что они не вписывались в историографию сталинской эпохи, особенно с учетом идеологических кампаний. Книга Веселовского 1947 г. о феодальном землевладении была главным, но не единственным трудом ученого в качестве объекта критики. Так, согласно протоколу заседания партийного бюро в Институте истории АН СССР от 10 сентября 1948 г., была названа антимарксистской статья Веселовского 1946 г. (в «Вопросах истории») об утверждении и отмене опричного двора¹⁵⁷. С учетом того, что вряд ли могли выходить и труды по истории землевладения, родословий служилых людей, обращение к более ранним разработкам, вероятно, было одним из способов продолжения издания работ ученого. В данном вопросе нужно учитывать также институциональный фактор. К началу 1950-х гг. было не много истори-

¹⁵⁶ *Веселовский С.Б.* Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. М., 1951. Т. VII. С. 300–396.

¹⁵⁷ ЦГАМ. Ф. П-211. Оп. 2. Д. 9. Л. 107.

ческих и архивоведческих журналов и неперидических изданий, которые могли бы опубликовать объемный сборник документов. Среди таковых был сборник «Исторический архив», в одном из томов которого и были опубликованы документы, собранные Веселовским. Издание было возобновлено с конца 1940-х гг. (с 1949 по 1951 гг. вышли тома № 4–7, № 3 вышел в 1940 г.).

В 1952 г. был опубликован I-й том актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, составленный Веселовским¹⁵⁸. Их публикация стала продолжением начатой в середине 1920-х гг. работы по изданию актов Троице-Сергиева монастыря. Рукопись Веселовского была представлена в Институт истории в 1940 году, промедление работы над публикацией было вызвано, по всей видимости, последующими событиями военного времени. Сотрудники Института истории АН СССР в результате эвакуации из Москвы оказались в Казани, Свердловске, городах Средней Азии и т.д. Эвакуация нарушила привычную работу сотрудников Института истории, а также издательские планы¹⁵⁹. Эти обстоятельства способствовали приостановке работы не только над коллективными проектами, начатой в довоенный период, но также индивидуальными. Согласно археографическому введению к изданию 1952 г., после предоставления Веселовским рукописи работа продолжилась в 1944–1946 гг., когда другими сотрудниками Института истории производился учет актов из других монастырских фондов, а в 1948–1949 гг. проводилась работа по копированию и подготовке актов к печати¹⁶⁰. В работу над изданием актов, таким образом, были вовлечены на разных этапах: А.И. Андреев (1887–1959), И.А. Голубцов, А.А. Новосельский (1891–1967), С.С. Гадзяцкий (1896–1946¹⁶¹), Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, В.Е. Сыроечковский¹⁶² и др.

¹⁵⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в III т. М., 1952. Т. 1.

¹⁵⁹ *Метель О.В.* Академическая наука в эвакуации. С. 142–143.

¹⁶⁰ Акты социально-экономической истории. Т. 1. С. 23. Впоследствии составленный Веселовским перечень актов троцкого монастыря вошел в основу издания 2007 года: Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537. М., 2007.

¹⁶¹ Год смерти С.С. Гадзяцкого указан согласно сведениям из археографического введения сборника. – Акты социально-экономической истории. Т. 1. С. 23.

Веселовским также была проделана подробная работа по составлению примечаний к изданию. Ряд замечаний и пояснений были использованы последующими исследователями в заголовках и легендах к актам¹⁶³. Отдельно примечания были опубликованы после текстов актов. Судя по тексту примечаний, Веселовский мобилизовал широкий круг сведений с опорой на вспомогательные исторические дисциплины, хорошо знакомые ему к началу 1940-х гг. Так, с помощью исторической географии были даны сведения о ряде упоминаемых в актах поселений, их расположении. Веселовский, проводя генеалогические исследования, стремился не просто установить родство между конкретными лицами, но также максимально широко представить (насколько это позволили сделать источники) биографию каждой отдельно взятой личности. Эти стремления отражены и в приведенных сведениях об упоминаемых лицах. В некоторых комментариях были также привлечены данные топонимики и антропониимики.

Для составления комментариев Веселовский привлекал все те же виды исторических источников, что и в других вспомогательных исторических дисциплинах, в том числе в генеалогических исследованиях. Это объяснялось проведением источниковедческой процедуры: установлением достоверности сведений, приведенных в источниках. Для сопоставления сведений Веселовский часто привлекал помимо различных актов, летописи, материалы государственного и вотчинного учета (в основном, писцовые книги) и родословные книги.

2.3.2. Генеалогия

Среди вспомогательных исторических дисциплин одно из ключевых мест в методологическом арсенале Веселовского занимала генеалогия. По-видимому, постепенный интерес к ней формировался в дореволюционные годы¹⁶⁴, однако систематические раз-

В справочной литературе информация об этом отсутствовала. – Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. С. 178.

¹⁶² Достоверные сведения о годах жизни не удалось обнаружить.

¹⁶³ Акты социально-экономической истории. Т. 1. С. 23.

¹⁶⁴ Так, 26 ноября 1914 г. он был избран членом Историко-родословного общества в Москве. – АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 144.

работки по генеалогии прослеживаются в научном творчестве Веселовского с конца 1920-х гг. К этому времени перестало существовать Историко-родословное общество в Москве (1917), а также Русское генеалогическое общество (1922). Положение генеалогии, как и других вспомогательных исторических дисциплин, в 1920-е – начале 1940-х гг. лаконично проиллюстрировано в стенограмме заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 9 ноября 1943 г., на котором Б.Д. Греков выступил с докладом о пятилетнем плане института. Он подчеркнул: «мы не можем не обратить внимания на довольно грустное явление в нашей стране: некоторое забвение вспомогательных исторических дисциплин. Правда, это относится не ко всем. Одним больше повезло, другим меньше. Но все-таки надо сказать, что вспомогательными историческим дисциплинам за последние 15 лет уделялось мало внимания, и мы очутились перед неприятным положением, когда исчезли наши научные силы. По нумизматике почти нет никого, а точнее сказать – никого. По генеалогии есть 1–2 человека, работающих по собственной инициативе и не создающих школы¹⁶⁵. По сфрагистике дело замерло¹⁶⁶. В целом, ту же проблему подчеркивал и А.И. Андреев (в 1943–1949 гг. заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ) в записке от 9 декабря 1943 г. в Институт истории АН СССР, в связи с чем поставил вопрос о необходимости подготовки кадров, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Нет сомнений в том, что Б.Д. Грековым подразумевался (в том числе) Веселовский. Последний делился своими соображениями об исследовательских планах. Об этом, как минимум, свидетельствует переписка между учеными за 1930-й год. В одном из писем Веселовский написал следующее: «Очень прошу Вас (оставить пока у себя) прочесть и поделиться со мной своими соображениями <...> В 2, 4 и 5 этюдах генеалогическ[ий] элемент занимает почти такое же видное место, как в этюде о Квашиных». – Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова. С. 440. В числе исследователей, чьи научные интересы были связаны с генеалогией в те годы, следует также выделить В.К. Лукомского (1882–1946). Подробнее о его работах по генеалогии: Всё о генеалогии. С. 21–37.

¹⁶⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 79. Л. 12.

¹⁶⁷ Записка А.И. Андреева о координации работы в области вспомогательных исторических дисциплин между Московским Историко-архивным институтом

Со второй половины 1920-х гг. Веселовским стали составляться монографии¹⁶⁸ родов служилых землевладельцев, часть которых была опубликована посмертно¹⁶⁹. Генеалогия для него была способом накопления и систематизации сведений по истории землевладения. Он стремился определить не только происхождение рода, но также дать как можно более подробную характеристику деятельности и должности самых известных его представителей, выявить информацию о владении землей (в частности, какие именно земли находились в распоряжении представителей рода и как изменялось их владение). Например, в недатированной родословной таблице (Бухвостовых, Кикиных, Уваровых, Косицких, Бибиковых, Муравьевых, Казаковых, Несторовых, Аникеевых и др.) он также стремился подробно описать сферу деятельности представителей знатной семьи (какую должность занимал, где именно, в какие годы) и вместе с тем изучить роль рода в событиях и процессах российской истории XV–XVI вв. Так, процесс восстановления родословия Аникеевых сопровождался выявлением роли его представителей в строительстве определенной церкви¹⁷⁰. Те же принципы работы прослеживаются и относительно изучения рода А.С. Пушкина. Веселовский все также пытался выявить информацию о должностях, деятельности, владении землей (главным образом, ее расположение и, если позволяли об этом судить источники, ее размер) членов рода, а также их роли в важнейших исторических событиях и процессах России XIII–XVII вв.¹⁷¹

Важнейшим подходом Веселовского в генеалогических исследованиях было составление родословных таблиц. Они были необходимы для наглядного представления наиболее релевантной информации об определенном роде в сокращенном виде. Помимо того, он структурировал все найденные им генеалогические све-

и Институтом истории АН СССР (1943 г.) / подг. В.В. Тихонов // Археографический ежегодник за 2014–2015 годы. М., 2023. С. 352–354.

¹⁶⁸ Веселовский условно называл серии работ о родах служилых землевладельцев «монографиями».

¹⁶⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса. С. 39–461.

¹⁷⁰ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 34. Л. 81–81 об.

¹⁷¹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса. С. 39–139.

дения. В связи с последним он объединял таблицы в виде справочников, к которым он мог обратиться для решения или уточнения вопросов по российской истории XIV–XVI вв. В итоге, по подсчетам А.Л. Корзинина, в личном фонде Веселовского в АРАН сохранились сведения о службе и семейных связях более 1,5 тыс. (!) родов¹⁷².

Лишь постепенное накопление материала о служилых землевладельцах позволило бы, с точки зрения Веселовского, перейти к более широким обобщениям: «Более правильным и желательным представлялось мне приступить к исследованию с возможно меньшим количеством предвзятых суждений, начать с настойчивого и терпеливого собирания и изучения фактов, чтобы на основании их строить дальнейшие обобщения и дать, в конце концов, общую характеристику класса»¹⁷³.

Здесь же прослеживается позитивистский регламент ученого. Веселовский, по-видимому, понимал исторический факт как надежное основание для научного исследования, как «кирпичик», из которого постепенно выстраивается историческая реальность¹⁷⁴. Тяготение, прежде всего, к фактическому наполнению исследования подчеркивалось и в дневниках ученого¹⁷⁵, а также в посмертно изданном сборнике работ по эпохе Ивана Грозного, например, в контексте анализа трудов его предшественников: «Если их опыты не всех удовлетворяют и не устраняют всех сомнений и разногласий, то этот факт является лишним подтверждением старой истины, что никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов»¹⁷⁶. Та же мысль была подчеркнута в одном из писем Веселовского А.И. Андрееву, которое было написано в эвакуации (в Ташкенте) весной 1943 г.

¹⁷² Корзинин А.Л. Материалы по истории феодального сословия. С. 133, 136.

¹⁷³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса. С. 7.

¹⁷⁴ Подробнее о проблеме исторического факта в историографии XIX – начала XXI вв.: Кром М.М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4(43). С. 5–14.

¹⁷⁵ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 227, 235.

¹⁷⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11. Данная проблема проходит красной нитью через первые тексты сборника: Там же. С. 15–17, 19, 23–24, 29, 34, 36–37, 39–40.

Ценность исторического факта в построениях историка отмечена в контексте обсуждения доклада Веселовского о реформах Ивана IV в середине XVI в.¹⁷⁷

Эта же черта подчеркивалась и среди современников ученого. Например, на обсуждении доклада «Что такое опричнина, как она была в 1565 г. учреждена и как была в 1572 г. отменена» (прочитан Веселовским 12 декабря 1940 г. в Институте истории АН СССР на заседании сектора истории СССР до XIX века) историк права Б.И. Сыромятников (1874–1947) подчеркнул двоякость тяготения докладчика к фактам, анализу источников: «Конечно, выяснение самых мелочных деталей в отношении того или иного исторического факта имеет крупное научное значение, но нужно сказать, что, если в этом заключается сильная сторона Степан Борисовича, – знатока источников, тонкого знатока, – то, по-моему, в этом заключается и слабая сторона Степана Борисовича. Эта слабая сторона заключается в том, что, увлекаясь этим доскональным, чрезвычайно подробным анализом источников, Ст[епан] Бор[исович] утрачивает, мне кажется, перспективы, историческую точку зрения, – за деревьями он не видит леса»¹⁷⁸.

Таким образом, по Веселовскому, установление и собирание фактов – неотъемлемый этап исследования, позволяющий в дальнейшем перейти к обобщениям. Кроме того, тяготение к фактам вызвано стремлением к позиции «нейтрального наблюдателя». Установление и собирание фактов – попытка начать исследование «с чистого листа». Избранный подход в изучении истории землевладения рассматривался им как более надежный, позволяющий отталкиваться, прежде всего, от совокупности источников, а не заранее сформированной позиции: «Обычным путем исследования подобных тем бывает характеристика класса при помощи заимствованных у предшествовавших историков или выбранных сознательно, а иногда и без участия сознания готовых признаков, которые автор считает существенными и характерными. Факты

¹⁷⁷ В этой же части письма Веселовский резко отзывался о Ю.В. Готье, не согласившись с замечаниями по полученным результатам работы: Письма С.Б. и О.А. Веселовских. С. 118–119.

¹⁷⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 142. Схожее замечание высказал и С.В. Бахрушин. – Там же. Л. 153.

и события, почерпнутые из источников, служат при этом как иллюстрации и доказательства априорных положений. Ясно, что при таком подходе к теме все зависит от качества априорных положений, т.к. автор, исходя, быть может, отчасти от фактов, перескочил через соби́рание, критику и обобщение фактов и сразу начал с общих положений. В этом заключается большая опасность, т.к. мы склонны находить именно то, что ищем, и часто не замечаем того, чего не желаем найти»¹⁷⁹.

По способу презентации результатов научной работы издание «Исследований по истории класса служилых землевладельцев» можно с оговоркой рассматривать как *монографию*. По задумке Веселовского основное содержание этого крупного труда должно было состоять из трех частей: 1) монографии боярских родов; 2) исследование вотчинного права и землевладения служилого класса; 3) исследование службы и взаимоотношений феодалов с княжеской властью и населением¹⁸⁰. Однако, вторая часть отсутствует в издании 1969 г. и, по предположению редакции, вошла в работу о феодальном землевладении 1947 г., а третья часть, по видимому, не была завершена и в издании обозначена как «Очерки по истории московского боярства»¹⁸¹. Рассмотрение же данной работы как монографии (повторюсь, с оговоркой, т.к. авторская задумка была реализована не в полной мере) связано, прежде всего, с наличием вводного раздела «Характеристика источников», в котором обоснована репрезентативность источниковой базы *для первой части*¹⁸². Характеристика источников (прежде всего, родословных книг, а также актов, вкладных и кормовых книг, синодиков, летописей)¹⁸³ дана с точки зрения их информационного потенциала для решения отдельных задач исследования.

¹⁷⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса. С. 7.

¹⁸⁰ Там же. С. 8.

¹⁸¹ Там же. С. 3–4, 5.

¹⁸² Там же. С. 9.

¹⁸³ Сочетание разных видов источников для изучения разных вопросов по истории землевладения в России XIV–XVI вв. Веселовский подчеркивал в письме от 3 апреля 1940 г. А.И. Андрееву: «В общем это уже сейчас – огромный фонд фактов XIV–XVI вв. для характеристики службы бояр и вольных слуг, их отношений к князьям, землевладению и т.п. Я еще несколько лет тому назад не думал, что возможно заглянуть и так конкретно изобразить такую старую

Для рассмотрения этой работы как монографии обоснования репрезентативности источниковой базы не ко всей работе, а лишь к одной из ее частей может показаться недостаточным. Однако необходимо учитывать общую логику работы. Запланированная Веселовским структура отражает ранее отмеченные принципы ученого: первая часть была направлена на наполнение работы *фактическим материалом*, позволяющим сделать обоснованные выводы / наблюдения во второй и третьей частях, произвести аналитику ранее собранных сведений¹⁸⁴. К тому же, несмотря на указание Веселовского на характеристику источников именно для первой части, на те же источники он опирался и в последующей части (хотя далеко не везде указаны ссылки на них)¹⁸⁵.

В дальнейшем тяготение к генеалогии было связано с исследованием различных вопросов эпохи Ивана Грозного, прежде всего, опричнины. Через генеалогические изыскания Веселовский стремился понять происхождение тех лиц, которые окружали царя¹⁸⁶. Такой путь давал возможность уточнить и систематизировать биографические данные конкретного лица. В статье о Владимире Гусеве, Веселовский стремился, прежде всего, изучить происхождение составителя Судебника 1497 г., среду, в которой он рос, что в совокупности позволяло глубже понять и сопоставить немногочисленные факты его жизни¹⁸⁷. Этот принцип прослеживается и в издании «Исследования по истории опричнины», особенно в разделе о послужных списках опричников, где изложение сведений о конкретном лице начиналось, как правило, с рода, из которого происходил опричник¹⁸⁸.

старину. Вся суть оказалась в сочетании самых разнообразных источников: летописей, актов, синодиков, родословных данных, топономастики селений и т.п.». – Письма С.Б. и О.А. Веселовских. С. 117.

¹⁸⁴ Там же. С. 8.

¹⁸⁵ Там же. С. 465–519.

¹⁸⁶ Такой подход в изучении опричнины был отмечен в стенограмме лекции Веселовского по технике научных исследований (лекция от 27 апреля 1939 г. для аспирантов МГИАИ). – *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 210.

¹⁸⁷ *Веселовский С.Б.* Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 г. // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 31–47.

¹⁸⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 200–237.

По-видимому, в числе последних работ Веселовского по генеалогии был небольшой очерк «Что дает генеалогия для понимания некоторых событий царствования Ивана Грозного?»¹⁸⁹, опубликованный посмертно в 1963 г. Основной вектор работы – проиллюстрировать эвристический потенциал генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины для анализа отдельных вопросов в период правления Ивана Грозного, главным образом, через брачные союзы, которые были одним из ключевых факторов складывания взаимоотношений царя с отдельными лицами и родами. Рассмотрение же данной работы в качестве очерка вызвано рядом причин: отсутствие сформулированной цели (как уже было отмечено, в данном случае речь идет скорее о векторе исследования), строгой структуры и логики изложения материала (отсутствуют, например, заключение / выводы, а также аргументация / уточнения в ряде случаев, что вызвано, по-видимому, незавершенностью работы над текстом).

Результаты генеалогических исследований отчасти отразились и в справочниках, которые Веселовский составлял в течение нескольких десятилетий. Так, в справочнике «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» содержатся не только антропонимические и биографические сведения (например, фамилия, имя, прозвище, место службы дьяков / подьячих), но также (в некоторых случаях) родословные (однако последние не носили систематического характера, и они отражены в той степени, в которой позволяли это сделать имевшиеся в распоряжении Веселовского источники)¹⁹⁰. Составление справочника, по-видимому, изначально было вызвано интересом к археографии и приказному устройству Московского государства. Еще в дореволюционные годы сбор сведений биографического характера о дьяках и подьячих был необходим, например, для датировки актов. В частности, в записке Веселовского о плане издания грамот Коллегии экономии¹⁹¹ выделена возможность датировки грамоты через указание дьяка или подья-

¹⁸⁹ Там же. С. 292–301.

¹⁹⁰ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

¹⁹¹ Записка составлена, судя по сопроводительному письму Д.В. Цветаеву (1852–1920), к началу 1912 г.: РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6298. Л. 46–48 об.

чего, скрепившего ее (а также по упомянутым лицам)¹⁹². На систематический сбор сведений для составления списка дьяков и подьячих указывают переписка и дневники Веселовского. Так, Веселовский отметил работу над изучением подписей и почерков думных дьяков в письме В.Г. Дружинину от 12 сентября 1913 г.¹⁹³ В дневниковых записях за январь–февраль 1918 г. упомянута работа над послужным списком дьяков¹⁹⁴. В заключительной части письма В.Г. Дружинина от 7 июля 1924 г. содержится пожелание Веселовскому в поиске новых сведений о дьяках¹⁹⁵. Как указано в предисловии В.И. Буганова (1928–1996) к посмертному изданию, работа над материалами для справочника была во многом завершена в 1930–1940-е гг., однако и в последние годы жизни Веселовский вносил правки в текст¹⁹⁶.

По-видимому, составление списка дьяков и подьячих с биографическими сведениями носило прикладной характер в научной деятельности ученого. Вместе с тем было бы неверно рассматриваться эту работу лишь для «внутренней потребности», тех задач, которые ставились в научном творчестве Веселовского. Например, в письме А.И. Яковлеву от 26 сентября 1941 г. из Казани Веселовский подчеркнул ценность собранных им материалов, которые в то время ему были недоступны из-за эвакуации: « $\frac{3}{4}$ моего собрания – копии, сделанные для меня по заказу. Об этой части я мало скорблю. Но мои рукописи личные, сырые, полубработоранные и вполне обработанные (например, 2 послужных списка дьяков) мне очень дороги. Утрата их была бы невознаградимой потерей, не только лично для меня, но и для науки»¹⁹⁷. Продолжительная работа над составлением списка объяснялась не только необходимостью изучения фундаментального корпуса источников, но также характером разработки. Информация для списка фиксировалась в процессе исследования других магистральных тем: с дореволюционных лет – история приказного

¹⁹² РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6298. Л. 42.

¹⁹³ Приложение 1. Письмо № 18.

¹⁹⁴ *Веселовский С.Б. Дневники. 2000. № 3. С. 98, 102.*

¹⁹⁵ Переписка С.Б. Веселовского. С. 72.

¹⁹⁶ *Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 4.*

¹⁹⁷ Переписка С.Б. Веселовского. С. 472.

строю, с 1920-х гг. – генеалогические исследования. Аналогичным путем А.П. Барсуков (1839–1914) собирал материалы для справочника о воеводах Московского государства XVII в.¹⁹⁸ В предисловии он отметил, что работа над справочником велась в процессе собирания материалов для истории рода Шереметевых. Вместе с тем А.П. Барсуков подчеркнул, что выписки были сделаны не на основе репрезентативного корпуса источников (из-за большого объема не были привлечены архивные материалы), а лишь тех источников, которые ему встречались в процессе работы над основным трудом¹⁹⁹. В 1946 г. был опубликован еще один справочник – «Приказные судьи XVII века»²⁰⁰, составленный С.К. Богоявленским. В предисловии к нему отмечены аналогичные обстоятельства создания: «Составитель настоящего списка поставил себе за правило выписывать имена приказных судей всякий раз, как они попадались в проходивших через его руки архивных документах. Значение этих записей определилось очень скоро, так как различные исследователи начали обращаться за справками для определения происхождения или даты того или другого документа по именам упомянутых в акте лиц. Это заставило заняться приведением в порядок отдельных записей и дать дополнения по документам, напечатанным в различных изданиях»²⁰¹.

2.3.3. Ономастика

В рамках ономастики Веселовского интересовали, главным образом, два направления, одним из которых была антропонимика. Результаты антропонимических исследований Веселовского были опубликованы преимущественно посмертно, в виде справочника – «Ономастикон»²⁰². Работа над ним велась, главным образом, в советский период, что видно в том числе по тесной связи справочника с генеалогией.

¹⁹⁸ Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

¹⁹⁹ Там же. С. III–IV.

²⁰⁰ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М., 1946.

²⁰¹ Там же. С. 3–4.

²⁰² *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

Вспомогательная функция «Ономастикона» как результата исследований по антропонимике заключалась в определении того, идет ли речь в разных источниках об одном и том же лице, несмотря на разные указания имен. По этой причине Веселовский стремился изучить происхождение всех форм имен человека, которые охватывают его личное имя, прозвище и фамилию. Для достижения этой цели он стремился установить лицо, которому принадлежало то или иное имя (антропоним). С помощью биографических данных о лице, в том числе годов его жизни, можно было ощутимо сузить совокупность источников, в которых его имя (в различных вариациях) могло бы упоминаться. Эти процедуры могли быть проведены Веселовским заранее, с учетом того, что он параллельно занимался генеалогическими исследованиями. Найденные им генеалогические сведения об определенном лице могли несомненно представлять ценность для антропонимических исследований. К примеру, происхождение фамилии лица могло быть связано с прозвищем его предка, из которого эта фамилия впоследствии образовалась. Веселовский, сузив круг источников, приступал к следующей задаче, заключающейся в сопоставлении данных источников.

Другое направление исследований Веселовского в области ономастики – топонимика. В настоящее время топонимика и антропонимика рассматриваются как разделы / субдисциплины ономастики. Судя по всему, Веселовский рассматривал их иначе, в частности топонимику он воспринимал как отдельную вспомогательную историческую дисциплину. В лекции от 27 апреля 1939 г. аспирантам МГИАИ Веселовский, с одной стороны, сформулировал цель топонимики, а с другой – отметил ее близость с исторической географией: «Топонимика преследует цель изучения происхождения географических терминов [курсив мой – Т.Х.], выяснения местонахождения не существующих ныне селений, изменений и смены одних терминов другими. Таким образом, историческая топонимика является по существу очень важной частью исторической географии»²⁰³.

Ту же формулировку цели топонимики и наблюдение о взаимосвязи данной дисциплины с исторической географией можно

²⁰³ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению. С. 190.

встретить и в его статье 1945 г. «Топонимика на службе истории»²⁰⁴. Статья явно выделялась на общем фоне работ Веселовского, т.к. носила методологический характер. Ее цель – раскрытие эвристического потенциала топонимики в исторических исследованиях. По-видимому, работа над статьей была вызвана стремлением поделиться исследовательским опытом в области топонимики, которая к середине 1940-х гг. редко привлекалась в советской исторической науке.

В исследованиях по истории землевладения топонимика была необходима Веселовскому для датировки населенных мест. Для этой задачи привлекались генеалогические сведения, которые давали возможность соединить разрозненные топонимические данные и проследить, например, историю землевладения определенного рода. Таким образом, взаимодействие двух вспомогательных исторических дисциплины позволяло повысить достоверность сведений и вместе с тем позволяло установить, как и при каких обстоятельствах было получено право на землевладение. В то же время топонимические данные (с привлечением генеалогии) были необходимы для составления исторических карт или проверки достоверности зафиксированной на них информации²⁰⁵.

В статье 1945 г. Веселовский подчеркнул, что филологический анализ топонимических данных с учетом дисциплинарных различий малопродуктивен в исторических исследованиях²⁰⁶. Он, разработав принципы работы с топонимикой с точки зрения историка и убедившись в ее высоком методологическом потенциале, решил поделиться своими наблюдениями в виде статьи. В ней же Веселовский отметил необходимость проведения предварительных источниковедческих процедур при работе с источниками, в которых присутствуют топонимические данные: исследователю при работе с ними следует подвергнуть критике происхождение названия местности. Согласно Веселовскому, историку следует «осудить и оставить часто употребляемый исследователями прием произвольной выборки топонимических терминов, не считаясь

²⁰⁴ *Веселовский С.Б. Топонимика на службе истории // Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 24.*

²⁰⁵ Там же. С. 49–50.

²⁰⁶ Там же. С. 25–26, 34.

с местом их нахождения и окружающими их терминами»²⁰⁷. Необходимость такого разъяснения была обусловлена тем, что «некоторые исследователи брали и берут названия с первой попавшейся им карты или в каком-нибудь списке населенных мест и пользуются этими названиями без всякой критики»²⁰⁸. Согласно Веселовскому, это могло исказить все дальнейшие этапы исследования, т.к. составленные карты часто имели ряд неточностей и искажений.

Следом шла задача, направленная на установление точной формы терминов. Решение поставленной задачи позволяло определить язык, из которого был заимствован топоним. Веселовский подчеркнул, что исследователю следует учитывать, что «в местностях, где на протяжении веков сменялись разные народы, нередко наблюдается перевод старых названий на язык новой народности, занявшей место предшествовавшей народности»²⁰⁹. Из этого вытекала и другая задача, заключающаяся в том, чтобы проследить историю развития топографических терминов. Эта задача включала в себя сопоставление топонимов и определение датировки топографических названий. С учетом того, что установить точную дату удавалось далеко не всегда, согласно Веселовскому, следовало определить хотя бы приблизительное время происхождения названия, чтобы полученные данные были пригодными для дальнейших исторических исследований.

Эти задачи далеко не часто решались им последовательно и, кроме того, могли быть исключены из топонимической работы по причине отсутствия релевантных исторических источников. Аналогичные трудности с определением этимологии слов из-за нехватки источников позже подчеркнул и В.К. Яцунский (1893–1966) при работе с топонимическими данными в историко-географических исследованиях²¹⁰.

В генеалогических трудах нехватку источников Веселовский компенсировал данными топонимики, как это было в его исследовании о роде А.С. Пушкина. По его подсчетам, около $\frac{2}{3}$ селе-

²⁰⁷ Там же. С. 26.

²⁰⁸ Там же. С. 28.

²⁰⁹ Там же. С. 29.

²¹⁰ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 165. Л. 50–62.

ний Московской области были названы по прозвищам бывших землевладельцев, а предки писателя имели такие прозвища, которые в XV в. не встречались среди других дворянских родов. Так, например, Веселовский связал прозвище Михаила Мусы с названием деревни Мусино (ныне в Волоколамском районе), Федора Товарки – деревни Товарково (ныне в Рузском районе), Михаила Рожона Пушкина – села Рожново (ныне в Истринском районе), Ивана Борисовича Бужары – села Бужарово (ныне в городском округе Истры)²¹¹. С другой стороны, для установления принадлежности названия к определенному лицу, нужно точно знать его родословную, что позволит получить достоверные сведения. Следовательно, определение названий селений, с которыми связаны прозвища предков А.С. Пушкина, и сравнение их между собой (по степени близости расположения селений) в дальнейшем (при привлечении других источников) дало Веселовскому возможность судить о степени политического влияния рода и плотности расселения на определенной территории.

Для более точного установления связи топонима с прозвищем человека Веселовский анализировал не только историю селения, но также учитывал общие черты социально-культурной и политической жизни страны в период, когда название предположительно возникло. В условиях развития торговли и культурных связей Москвы с Византией и итальянскими городами появились богатые купцы – сурожане. Московские князья разрешили им приобретать земли рядом с Москвой и впоследствии многие из селений были названы по прозвищам или фамилиям сурожан. По этой причине, как отметил Веселовский, по всей вероятности, такие деревни как Саларьево названы в честь сурожанина Данилы Саларева или его ближайший потомков, Ховрино – Григория Ховры, Подушкино – Ивана Владимировича Подушки, а Фрязино и Фрязиново связаны с генуэзцами крымских колоний (их в XV в. называли именно фрязанами или фрязями)²¹², что также логично вписывается в предложенные историком объяснения, учитывая торговое развитие Москвы в то время.

²¹¹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса. С. 62–64.

²¹² *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002. С. 52–60.

О методике работы Веселовского в антропонимических исследованиях позволяют судить поколенные росписи из его личного фонда в АРАН. Приведенные в них биографические сведения о представителях рода имеют разную степень подробности²¹³. По мере накопления биографических данных из источников Веселовский восстанавливал историю рода. При этом, привлекая множество источников разных видов, он как раз столкнулся с той трудностью, для решения которой он составлял «Ономастикон». Следует также отметить, что Веселовский далеко не всегда указывал ссылки на источники²¹⁴. Многие источники, на основе которых проводились его генеалогические и антропонимические исследования, были у него под рукой, учитывая его богатую домашнюю библиотеку²¹⁵ и множество копий источников из столичных и периферийных архивов.

2.3.4. Историческая картография и историческая география

Разработки Веселовского в области исторической картографии и исторической географии прослеживаются как минимум с начала 1930-х гг. В целом, в 1920–1930-е гг. эти дисциплины редко встречались в научном творчестве историков. В обозначенный период среди заметных историко-картографических работ можно выделить «Русский исторический атлас» (1928) К.В. Кудряшова (1885–1962) и «Наглядные пособия по истории народного хозяйства России XVIII–XIX вв.» (1920-е гг.) В.К. Яцунского²¹⁶. Среди немногих исследователей, привлекавших историческую географию в исторических исследованиях можно выделить М.К. Любавского, в сферу интересов которого эта дисциплина входила еще в дореволюционные годы²¹⁷. Сокращалось и преподавание

²¹³ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 39–41.

²¹⁴ Корзинин А.Л. Материалы по истории феодального сословия. С. 138.

²¹⁵ Сидорова Л.А. Советские историки. С. 195–196.

²¹⁶ Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. Киев, 1988. С. 70–71.

²¹⁷ Подробнее о научном наследии М.К. Любавского по исторической географии: Карев Д.В. Неопубликованные историко-географические труды. С. 278–

исторической географии: до революции курсы исторической географии велись, помимо упомянутого М.К. Любавского в Московском университете (читал лекции также в 1920-е гг.)²¹⁸, также С.К. Кузнецовым (1854–1913) в Московском археологическом институте, А.А. Спицыным (1858–1931) и С.М. Середониным (1860–1914) в Петербургском археологическом институте. Постепенный рост интереса к исторической географии как в научной сфере, так и в образовательной стал наблюдаться с 1940-х гг., особенно благодаря разработкам В.К. Яцунского²¹⁹.

Интерес Веселовского к этим двум тесно связанным дисциплинам, так же как в случае ряда других вспомогательных исторических дисциплин, был связан с историей землевладения²²⁰. В переписке Веселовского с Б.Д. Грековым за 1930-й год упоминается работа над историческими картами Калязинских владений, Троице-Сергиевой лавры, Бежецкого уезда, Радонежа²²¹. Эта работа вписывалась в план Археографической комиссии на 1930–1934 гг., в который входило издание в том числе карт «по истории развития крупных вотчин (Строгановых, Софийского дома, Троицкой лавры и т.д.)»²²². Сохранившиеся материалы Веселовского из архива Троице-Сергиевой лавры позволяют лишь частично охарактеризовать ход работы.

284; Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский. С. 38–63; Топычканов А.В. Формирование историко-географических представлений М.К. Любавского. С. 291–302.

²¹⁸ Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский. С. 28.

²¹⁹ Подробнее о его работах по исторической географии: Холматов Т.К. Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевской // Стены и мосты – VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? М., 2019. С. 252–258; *Его же*. «Если бы была более высокая степень, я был бы за то, чтобы дать ее ему, перешагнув через докторскую степень»: диссертационная история В.К. Яцунского // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 171–180.

²²⁰ При рассмотрении интереса Веселовского к исторической географии, необходимо учитывать многолетний (к началу 1930-х гг.) интерес ученого к актам, информационный потенциал которых позволяет привлекать эти источники в историко-географических исследованиях по средневековой истории России (например, для определения границ средневековых владений).

²²¹ Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова. С. 438–439.

²²² Крепостная мануфактура. С. XVI.

Для составления этих карт Веселовский собирал и структурировал сведения, фиксируя их в таблице. В ней были последовательно указаны следующие сведения: 1) название села, деревни, участка; 2) дата / период приобретения; 3) способ приобретения; 4) предыдущий владелец земли; 5) дополнительная информация²²³. Помимо карт, велась также работа над картограммами. Вероятно, они были необходимы для иллюстрации интенсивности землевладения (судя по черновым записям, планировалось включить аналогичные сведения о количестве владений, размерах земли, ее цене и т.д.²²⁴). Такой подход структурирования сведений был реализован в труде «Село и деревня...», в котором дано описание владений в уездах, для того чтобы наметить этапы эволюции селений, изучить факторы данного процесса²²⁵.

Следующий этап работы Веселовского в русле исторической географии и исторической картографии прослеживается во второй половине 1930-х гг. В предвоенные годы в Институте истории разрабатывался ряд коллективных проектов: «История СССР», «Всемирная история», «Исторический словарь», «История русской культуры» и другие крупные коллективные труды, среди которых были также «Атлас по истории СССР» (далее – «Атлас...») и «Материалы для исторического атласа СССР» (далее – «Материалы...»)²²⁶. В работу над последними двумя был активно вовлечен и Веселовский. Прежде чем перейти к изучению его уча-

²²³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²²⁴ Там же.

²²⁵ *Веселовский С.Б.* Село и деревня. С. 69–129.

²²⁶ Подробнее о крупных коллективных проектах Института истории АН СССР в предвоенные годы: *Картюк С.Г., Крих С.Б.* Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 4. С. 1011–1031; *Их же.* Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, № 1. С. 136–151; *Кириллова М.Н.* Древность в академическом проекте «Истории СССР» (1938–1941) // *Scripta antiqua.* Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2021. Т. 9. С. 345–356; *Тихонов В.В.* «С русским размахом и американской деловитостью». С. 144–154; *Холматов Т.К.* «На “Культуру” обращает самое серьезное внимание ЦК и Президиум»: работа советских исследователей над «Историей русской культуры» в конце 1930-х – 1940-х годов // Россия и современный мир. 2024. № 2. С. 41–54.

ствия в этих проектах, необходимо проанализировать условия и конкретные обстоятельства их создания, а также планы реализации.

Работа над «Атласом...» и «Материалами...», как и многими другими коллективными проектами того времени, была вызвана *социальным заказом*. Создание крупных коллективных трудов, рассчитанных на массового читателя, было одним из векторов представления советской концепции истории. Вместе с тем необходимо учитывать и *институциональный фактор* в создании подобных мегапроектов. Перед новообразованным в 1936 г. Институтом истории стояла задача показать его эффективность как научно-исследовательского учреждения. Публикация крупных многотомных трудов смогла бы наглядно продемонстрировать высокую степень результативности Института истории²²⁷. Этот вопрос, в частности, обсуждался на совещании при Отделении общественных наук АН СССР 26 августа 1938 г. Согласно стенограмме, историк-антиковед А.В. Мишулин (1901–1948) отметил следующее: «И последний вопрос очень деликатный – это вопрос о том, чтобы наш Институт стал центром исторической науки в стране. Это очень хорошо, и, видимо, наша работа сейчас по “Всемирной истории” и другим вопросам превратит нас в такой центр. Я думаю, что это мы должны действительно заработать. Для этого нам нужно, по меньшей мере, выпустить одну-другую серию, а то обстоятельство, что мы стараемся всю организацию сосредоточить в нашем Институте, стараемся все захватить и постоянно декларируем, что мы – центр исторической науки тогда, когда мы еще не выполнили, не показали свой товар лицом, это я думаю преждевременно, не стоит это особенно муссировать»²²⁸.

При изучении обстоятельств создания исторического атласа и крупного коллективного исследования по исторической географии необходимо учитывать нараставший с 1930-х гг. интерес к географическому знанию в СССР. Согласно Г.А. Орловой, в этот период «был сформулирован заказ на создание новой версии гео-

²²⁷ Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей». С. 1015; Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью». С. 147–148.

²²⁸ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 10. Л. 65–66.

графического знания и уточнение его политического статуса»²²⁹, в результате чего все больше внимания стало уделяться географии в просветительской сфере, в том числе преподаванию в школе: стала появляться новая учебная литература, в 1934 г. вступило в силу постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе», а также появился журнал «География в школе»²³⁰. В 1937 и 1940 г. вышли два тома «Большого советского атласа мира», а в 1939 г. – сборник учебных исторических атласов по истории гражданской войны в СССР²³¹. В довоенные годы схожий процесс создания многотомных проектов наблюдался и в советской географической науке: во второй половине 1930-х гг. в Институте географии АН СССР (создан в 1936 г.) одно из основных направлений работы – подготовка многотомной «Географии СССР»²³².

Необходимо отметить, что «Атлас...», по крайней мере согласно делопроизводственной документации, имел учебное целеполагание: «“Атлас по истории СССР” должен явиться пособием для вузов и научных работников с тем, чтобы на его основе можно было создать учебный исторический атлас для средней и начальной школы»²³³. С учетом тесной связи «Материалов...» с «Атласом...» можно предположить, что оба коллективных труда были направлены на достижение одной и той же цели. По-видимому, работа над ними была попыткой создать не только крупные обобщающие труды, которые должны быть направлены на формирование новой версии отечественной истории, но также показать ее основные этапы *как можно нагляднее*, в том числе *через визуальный формат*.

²²⁹ Орлова Г.А. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 164.

²³⁰ Там же. С. 163–185.

²³¹ Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. С. 71–72.

²³² Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования / сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков. М., 2008. С. 19, 544–546, 551–552, 555.

²³³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 1.

Как видно из делопроизводственных материалов Института истории, работа над двумя тесно связанными между собой проектами была начата не раньше последней трети 1938 г. Судя по протоколу совещания при Отделении общественных наук АН СССР от 26 августа 1938 г. на повестке дня одна из главных тем была связана с планом научных работ Института истории в 1938–1939 гг., в том числе крупных коллективных проектов²³⁴. Обсуждались не только перспективы работы над «Историей СССР» и «Всемирной историей» (центральными проектами Института истории в предвоенные годы), но и вопросы о целесообразности разработки и включения в план также коллективных исследований по истории культуры, историческому словарю и историческому атласу²³⁵. Об обсуждении к тому времени лишь замысла коллективного труда по историческому атласу наглядно свидетельствует вопрос А.Д. Удальцова (1883–1958). Историк поинтересовался, какой именно атлас планируется разработать: всемирно-исторический или по истории СССР. На что академик А.М. Деборин (1881–1963) ответил следующее: «Я бы думал пока ограничиться атласом по истории СССР. Вот с этим можно пойти на Президиум и указать на крупный сдвиг в работе Института истории»²³⁶.

Как видно из последующих делопроизводственных материалов, основная работа над «Атласом...» была запланирована на 1939 г. В составленной по заданию дирекции Института истории АН СССР не позже 8 января 1939 г. докладной записке²³⁷ М.Н. Тихомирова²³⁸ излагался проект составления «Атласа...», согласно которому основная работа над коллективным трудом должна проводиться в течение 1939 г. и завершиться к 1 января 1940 г.²³⁹

«Материалы...» и «Атлас...» рассматривались как взаимодополняющие проекты: если «Атлас...» рассматривался как *исто-*

²³⁴ АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 10.

²³⁵ Там же. Л. 34, 85–86.

²³⁶ Там же. Л. 86.

²³⁷ В машинописном приложении к докладной записке присутствует приписка – «последний вариант на 8/1 39 г.» – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 2.

²³⁸ В докладной записке (составленной не позже 15 октября 1938 г.) А.М. Деборину М.Н. Тихомиров рассматривался как руководитель проекта по историческому атласу СССР. – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 177. Л. 147–148.

²³⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 1–1об.

рико-картографический проект, то «Материалы...» в большей степени как историко-географическое описание карт. Историко-географические тексты в зависимости от широты темы были рассчитаны на объем от 0,5 п.л. (например, «План Москвы в XVII веке», предполагаемый автор – С.К. Богоявленский) до 2,5 п.л. (например, «Карты и атласы России в XVIII веке», предполагаемый автор – М.Н. Тихомиров)²⁴⁰.

На параллельную разработку и реализацию проектов (как минимум на начальном этапе работы) указывают несколько обстоятельств. Так, названия значительной части предполагаемых работ дублировались и для обоих проектов подбирались одни и те же авторы. Предполагаемые историко-картографические и историко-географические работы по истории Сибири в XV–XVII вв. и вотчине Строгановых должен был подготовить В.И. Шунков (1900–1967), по Кавказу в XI–XVIII вв. – И.П. Петрушевский (1898–1977) и т.д.²⁴¹ О параллельной разработке также свидетельствует письмо Веселовского Н.В. Устюгову в середине января 1952 г., в котором отмечено, что «Материалы...» были составлены в 1940 г.²⁴², т.е. тогда же, когда должен быть завершен «Атлас...». Однако этот план не был соблюден. По плану работы сектора Истории СССР до XIX века I-й том «Материалов...» должен был завершен к первой половине 1940 г., однако из-за загруженности редакторов работой по другим проектам (а также болезни Веселовского) этот план не был выполнен. Кроме того, по тем же причинам отставала от графика работа над II-м томом, из-за чего сектор ходатайствовал о переносе работы на следующий год²⁴³.

Хронологически план «Атласа...» охватывал период от палеолита до конца 1930-х гг.: в различных вариантах проекта первая карта – «Археологическая карта СССР в палеолитическое и неолитическое время»²⁴⁴, последняя – «Карта СССР (современная)»²⁴⁵. Судя по спискам карт, перед составителями проекта

²⁴⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 162. Л. 6–7.

²⁴¹ Там же. Л. 5–7.

²⁴² Переписка С.Б. Веселовского. С. 493.

²⁴³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 161.

²⁴⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 1; Д. 220. Л. 1.

²⁴⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 5; Д. 220. Л. 11. Во втором тексте изначально было написано «Карта СССР по Сталинской Конституции» (машино-

стояла задача максимально широко представить в хронологической перспективе различные части СССР, в том числе с учетом территориальной организации. Так, в проекте значительная часть карт, особенно до XVII–XVIII вв., была тесно связана с исторической картографией территорий национальных республик: зафиксированы названия карт Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы.

С точки зрения содержания «Атласа...» представляет интерес проект списка карт по XIX–XX вв., составленный В.К. Яцунским²⁴⁶. Некоторые карты, судя по их описанию, должны были зафиксировать особенности не столько территорий в определенный исторический период, а скорее *исторических процессов* или *явлений*. В перечень были также включены историко-революционные карты (например, «Декабристы», «Марксистские кружки 90-х годов» или серия карт по стачечному движению во второй половине XIX – начала XX в.)²⁴⁷. В проект были включены и карты по военной тематике (например, «План Бородинского сражения», «Оборона Порт-Артура», «Наступление Брусилова»²⁴⁸), а также экономической (например, карты, посвященные столыпинской реформе, промышленности, развитию ж/д сети²⁴⁹).

Сохранившийся в Архиве РАН черновик первого тома «Материалов...»²⁵⁰ существенно отличался от более ранних планов по содержанию. Во-первых, не были включены тексты ряда авторов (например, Б.Б. Кафенгауза, 1894–1969, И.П. Петрушевского и т.д.)²⁵¹. Во-вторых, изменились наименования работ тех авторов, которые в итоге были включены в разработку проекта (например, К.Н. Сербина, 1903–1990, рассматривалась как автор разделов по Ливонской войне и восстанию Степана Разина, а в итоге должна была подготовить текст по «Книге Большому чертежу»²⁵²). Тем

пись). Над зачеркнутым текстом была приписка «(современная)». – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Д. 11.

²⁴⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 6–9.

²⁴⁷ Там же. Л. 7–8.

²⁴⁸ Там же. Л. 6–7.

²⁴⁹ Там же. Л. 8–9.

²⁵⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 398–406.

²⁵¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 162. Л. 6–7; Д. 191. Л. 19–20

²⁵² АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 162. Л. 7.

не менее, черновик, как и в плане, хронологически «доходил» до XVII–XVIII вв.²⁵³

Веселовский не только разрабатывал карты и тексты для обоих проектов, но, по меньшей мере, в случае «Материалов...» был одним из руководителей (наряду с М.Н. Тихомировым и Ю.В. Готье). На это указывает, во-первых, титульный лист «Материалов...» и реферат научно-исследовательских работ АН СССР за 1945 г. В рукописи указано, что первый том готовился под редакцией этих трех ученых²⁵⁴. Те же сведения указаны и в реферате²⁵⁵. Во-вторых, Веселовский упомянул об этом в письме Н.В. Устюгову в середине января 1952 г., также высказав мнение о факторах нереализованности проекта в начале 1940-х гг.: «В 1940 г. Ю.В. Готье, М.Н. Тихомиров и я составили по заданию Отделения и дирекции Института сборник материалов по исторической географии СССР. В 1941 г. разразилась война. Затем Ю.В.

²⁵³ В черновой вариант первого тома «Материалов...» включены следующие разделы: 1) «Очерки исторической географии Черниговской, Муромо-Рязанской и Ростовской земель в XII–XIII вв. (до нашествия монголов)» (автор – А.Н. Насонов, 1898–1965); 2) «Галицко-Волынская земля в XI–XIII вв.» (автор – В.А. Панов (достоверные сведения о данном лице не удалось обнаружить)); 3) «Территория Прибалтики в XIII в.» (автор – С.А. Аннинский, 1891–1942); 4) «Образование территории Великого княжества Литовского в XIII–XV вв.» (автор – В.А. Панов); 5) «Карта Северо-Восточной Руси в XV в. (автор – Веселовский); 6) «План Пскова в XII–XV вв.» (автор – А.А. Васильев (достоверные сведения о данном лице не удалось обнаружить)); 7) «Список русских городов начала XV века» (автор – М.Н. Тихомиров); 8) «Книга Большого Чертежа, как историко-географический источник» (автор – К.Н. Сербина); 9) «План Москвы XVII в.» (автор – С.К. Богоявленский); 10) «Очерки географического размещения промышленности России в XVIII веке» (автор – И.В. Мешалин, 1901–1942); 11) «Карты XVIII века» (автор – Ю.В. Готье). – АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 398. Л. 1. Тем не менее, в Архиве РАН были сохранены тексты А.Н. Насонова, В.А. Панова, М.Н. Тихомирова, Ю.В. Готье. Обнаружен также отрывок вводной части текста С.К. Богоявленского, а вместо работы Веселовского о карте Северо-Восточной Руси XV века содержится небольшое примечание к карте «Московское государство третьей четверти XVII века». – АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 398–406. Судя по перечню работ, они же вошли и в итоговый вариант I-го тома «Материалов». – Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии. М.; Л., 1947. С. 17–18.

²⁵⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 398. Л. 1.

²⁵⁵ Рефераты научно-исследовательских работ. С. 17.

умер, а Тихомиров взял свою статью для пересмотра и переработки»²⁵⁶.

Как видно из списков карт и текстов, составители проектов стремились, с одной стороны, охватить широкий круг тем, достигнуть полноты в хронологическом и географическом планах, а с другой – учесть исследовательские интересы и возможности ученых, которые могли бы принять участие в работе²⁵⁷. Так, Веселовский рассматривался как автор карт и текстов по феодальной раздробленности Северо-Восточной Руси конца XIII, а также XIV–XV вв. Планировалось также составить карты «Восточная Европа в XVI в.», «Рост Московского княжества в XIV–XV вв.», «Московское государство по отдельным районам», «Секуляризация церковных земель в XVIII в.»²⁵⁸.

Следует отметить, что в предвоенные годы также планировалось разработать исторические карты для другого коллективного труда – «Истории СССР». В смете на составление карт для II и III томов Веселовский наряду с В.И. Пичетой (1878–1947) рассматривался как автор карты «Восточная Европа в XIV–XV вв.»²⁵⁹.

Отчет Веселовского о научной деятельности в Институте истории за первое полугодие 1940 г. показывает, что в значительной степени ученый был занят разработками в области исторической географии и исторической картографии. Отмечен ход работы над отзывами на исторические карты, по-видимому, для «Атласа...»²⁶⁰, а также на карты для учебника истории СССР до XIX в.

²⁵⁶ Переписка С.Б. Веселовского. С. 493.

²⁵⁷ Судя по проекту «Атласа...», основной упор относительно кадров делался на сотрудников Института истории, однако для отдельных работ планировалось привлечь исследователей из Ленинградского отделения Института истории, а также Института Востоковедения. – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 2–6.

²⁵⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 162. Л. 5. В отдельном плане «Атласа...» Веселовский рассматривался как автор восьми карт. Принципиальных отличий от вышеприведенного перечня нет, только добавлены еще две карты по Восточной Европе в XIII, а также XIV–XV вв. – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 2–4; НА ИРИ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

²⁵⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 162. Л. 13–15. В другом плане Веселовский (вместе с Г.Н. Бибиковым) также рассматривался как потенциальный автор карты об опричнине. – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 10.

²⁶⁰ Составление карт для «Атласа...» историками представляло собой лишь один из этапов работы, после чего к работе планировалось привлечь редакторов и рецензентов. – АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 26–60.

Параллельно велась работа над своими картами и текстами для «Атласа...» и «Материалов...», историческими картами уездов²⁶¹.

В те же предвоенные годы Веселовский разрабатывал отдельные исторические карты для средних и высших учебных заведений. Они были обобщающими, охватывали широкие географические рамки, например, «Северо-Восточная Русь при Великом князе Дмитрии Донском (1363–1389)» или «Княжества и уделы Северо-Восточной Руси первой четверти XV века»²⁶². В качестве основы для них послужили, по-видимому, уже имеющиеся исторические карты. Так, ряд обобщающих карт был вычерчен по «Подробной карте Российской империи...», составленной еще в начале XIX в. П.К. Сухтеленом (1751–1836) и К.И. Опперманом (1766–1831). Заключительным оформлением этих карт занимался художник Б.А. Бессарабов (1897–1970)²⁶³. Как видно из его трудового соглашения со Сталинградским государственным педагогическим институтом и письма в Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, художник также помогал Веселовскому в оформлении серии карт княжеств и уделов Северо-Восточной Руси XIII, XIV и XV вв., а также Московской Руси в XVI в.²⁶⁴ Эти работы также логично вписывались в социальный заказ того времени. Так, создание работ учебного характера (для средней и высшей школы), наряду с ранее перечисленными коллективными проектами, рассматривалось как одно из центральных направлений деятельности Института истории в конце

²⁶¹ Относительно последних отмечено, что завершалась работа над оформлением карты Коломенского уезда, а также запланирован сбор сведений из архива для карт Рязанского, Каширского, Тульского и Веневского уездов. – АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–1об.

²⁶² АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 311, 313. На картах, помимо условных обозначений, были также разделы с пояснениями. Например, к карте «Северо-Восточная Русь при Великом князе Дмитрии Донском (1363–1389)» были следующие комментарии, которые исходя из содержания и дискурса несомненно свойственны учебным работам: «1380 г. Мамай, чтобы наказать Московского князя за поражение Бигича на Воже (см. 25) собрал большие силы, заключил союз с вел. князем Литовским Ягайлом и потребовал от Олега Рязанского участия в походе». – Там же. Д. 311.

²⁶³ Б.А. Бессарабов – брат О.А. Бессарабовой, супруги Веселовского (с 1927 года – Веселовская).

²⁶⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 193. Л. 1–2.

1930-х гг., что многократно подчеркивалось в делопроизводственных материалах²⁶⁵. О необходимости разработки исторических карт для учебных заведений высказывался В.И. Лебедев (1894–1966) на заседании Ученого совета Института истории от 27 сентября 1939 г. (при обсуждении планов работы на 1939–1940 гг.): «Другая задача, которую выдвигает сектор истории до XIX века – это материалы по подготовке исторического атласа. Должен сказать, что здесь мы готовим колоссальную работу. Но в дальнейшем нам придется связаться с теми учреждениями, которые выполняют эту практическую работу – с картографическим институтом. Должен сказать, что сейчас этой работой заинтересовался Политиздат. Мы имеем конкретное предложение со стороны Госполитиздательства по части изготовления наглядных пособий. Мне кажется, что следует подумать над тем, чтобы включить в этот план издание ряда материалов, в виде стенных карт, для школ и вузов. Может быть, мы свои материалы могли бы пустить таким образом в оборот в помощь преподаванию истории СССР»²⁶⁶.

Веселовский, будучи редактором «Материалов...», должен был также написать вступительную статью вместе с М.Н. Тихомировым и Ю.В. Готье²⁶⁷. В том же плане Веселовский был указан в качестве потенциального автора карт и текстов по феодальной раздробленности Северо-Восточной Руси в конце XIII и XIV–XV вв.²⁶⁸ Сохранился лишь небольшой черновик с примечаниями к карте «Московское государство третьей четверти XVII века»²⁶⁹. В черновике (машинопись) не указан автор, однако нет сомнений в том, что он написан именно Веселовским²⁷⁰. В примечаниях

²⁶⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 177. Л. 123, 145, 147; Ф. 2. Оп. 1 (1939). Д. 31. Л. 15–18; Д. 321. Л. 77–78, 81; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–27; Д. 86. Л. 1–3.

²⁶⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 25. Л. 48–49.

²⁶⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 191. Л. 20.

²⁶⁸ Там же. Л. 19.

²⁶⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 404; Ф. 620. Оп. 1. Д. 325а.

²⁷⁰ На авторство Веселовского указывает отсылка в тексте к первому тому «Феодального земледения...»: «Этот процесс в целом составляет тему моего I тома “Феодального землевладения”, который выйдет в Соцэкгизе». – АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 404. Л. 4. Отмечу также место написания работы – «20/11–38 г.

кратко описаны государственные и географические границы Московского государства, вопросы колонизации, линии сторожевых укреплений. Львиную долю текста занимало описание районов землевладения разных категорий.

Исторические карты уездов, составленные Веселовским, в отличие от ряда вышеперечисленных предвоенных трудов по исторической географии и исторической картографии, относятся скорее к научным разработкам²⁷¹. Эти карты были составлены для наглядного представления того, как и в каких направлениях развивалось феодальное землевладение. Для этого он привлекал те же виды источников, что и в других вспомогательных исторических дисциплинах, но все же основой для их составления послужили материалы государственного и вотчинного учета (писцовые книги) и акты (духовные и договорные грамоты XIII–XV вв.). Как показывают его черновые заметки для составления карт, Веселовский предварительно делал выписки с названиями земель, которые были переданы в наследство служилыми землевладельцами²⁷². Затем полученные данные он распределял на карте, фиксировал границы земель, учитывая при этом физико-географические характеристики местности.

В 1955 г. вышли из печати очерки Веселовского, москвовед, историка зодчества В.Л. Снегирева (1882–1961), краеведа и военного историка Н.М. Коробкова (1897–1947)²⁷³. Очерки Веселовского, помещенные в издание, готовились в военные годы и были завершены в 1-м квартале 1945 г., как отмечено в отчете исследователя за данный период: «Для издательства “Московский большевик” продолжал редактирование сборника: исторические места

Ново-Гиреево» (поселок, в котором жил Веселовский в предвоенные годы). – Там же. Л. 2.

²⁷¹ Часть из них была опубликована в уменьшенном масштабе в виде атласа: *Веселовский С.Б., Перцов В.Н.* Исторические карты Подмосковья.

²⁷² АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–79.

²⁷³ *Веселовский С.Б., Коробков Н.М., Снегирев В.Л.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М., 1955. В 1962 году вышло второе издание. Поменялся состав авторов: вместо Н.М. Коробкова среди авторов указан москвовед Б.С. Земенков (1902–1963): *Веселовский С.Б., Земенков Б.С., Снегирев В.Л.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. 2-е доп. изд. М., 1962.

Подмосковья, и написал для него 4 историко-географических очерка»²⁷⁴. Эти четыре очерка и вошли в сборник: «Заселение Подмосковья в XIV–XVI веках», «Древний ландшафт», «Древнейшие пути сообщения», «Городки, погосты, села и деревни»²⁷⁵. По-видимому, работа над очерками была начата еще в начале 1940-х гг. Так, Веселовский был в списке сотрудников сектора истории СССР до XIX в., «изъявивших желание по написанию популярной литературы»²⁷⁶. Согласно списку, Веселовский планировал написать небольшой труд (объем 4 п.л.) под названием «Селения и владельцы в окрестностях Москвы XIV–XVII веков»²⁷⁷. По-видимому, предварительные результаты этой работы были представлены Веселовским в докладе «Окрестности Москвы в XIV–XVI вв.» в марте 1941 г. на заседании Комиссии по истории Москвы²⁷⁸. Судя по стенограмме, Веселовский стремился привлечь результаты не только историко-географической работы, но также генеалогической и топонимической. Так, докладчик сконцентрировался, с одной стороны, на проблемах, связанных с происхождением и владельцами селений, а с другой – на особенностях ландшафта Подмосковья, условиях жизни и заселения²⁷⁹.

Сборник 1955 г. относится к социально ориентированному историописанию. Об этом свидетельствует не только содержание, но и публикация в издательстве «Московский рабочий», серии книг которого рассчитаны на массового читателя. В предисловии, написанном членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР С.В. Безсоновым (1885–1955) и А.А. Зиминим, помещены краткий экскурс в историю Подмосковья и обзор основного

²⁷⁴ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340. Л. 3.

²⁷⁵ *Веселовский С.Б., Коробков Н.М., Снегирев В.Л.* Подмосковье. С. 13–44. В «Храме науки» А.А. Зимин отметил, что текст Веселовского в «Подмосковье...» был существенно сокращен издательством. – *Зимин А.А.* Храм науки. С. 155.

²⁷⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. Л. 9.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Центральным направлением работы Комиссии по истории Москвы в конце 1930-х – начале 1940-х гг. была подготовка многотомника «История Москвы» к 800-летию юбилею столицы СССР. Публикация шести томов коллективного труда состоялась лишь в 1950-е гг.

²⁷⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 97–127.

содержания книги²⁸⁰. Так, авторы предисловия, характеризуя приложение к книге «О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья», составленное Веселовским, подчеркивали, что для его составления был привлечен широкий корпус источников и «этот раздел по новизне и обилию фактических сведений представит интерес *не только для широких кругов читателя* [курсив мой – Т.Х.], но и для историков специалистов»²⁸¹. Вышеупомянутые очерки Веселовского (как и очерки других авторов) характеризуются популярным стилем изложения. В тексте присутствуют пояснения, в которых специалисты явно не нуждались²⁸², далеко не всегда отмечены источники, из которых была получена информация (в том числе при указании точных данных).

2.3.5. Источниковедение

Согласно мемуарам А.Я. Гуревича, привязанность к источниковедению, изучение конкретных сюжетов без широких обобщений были одними из характерных черт тех историков советской эпохи, которые находились во внутренней эмиграции (в том числе в первые советские десятилетия)²⁸³. Данная характеристика во многом применима и к Веселовскому. Изучение источниковедческих вопросов, с одной стороны, меньше подвергалось идеологической цензуре, с другой – позволяло соблюдать научный этос: следовать тому, что полезно для науки, способствует ее прогрессу.

С конца 1930-х гг. Веселовский постепенно переходил к изучению эпохи Ивана Грозного. Переход к ней осуществлялся через изучение источниковедческих проблем, чтобы упрочить факти-

²⁸⁰ Среди критических замечаний в тексте Веселовского отмечен перекокс внимания в сторону господствующего класса (князей, бояр), в результате чего деятельность широких слоев населения, трудящихся масс, осталась в тени. Другая сторона критики заключалась в отрыве истории Подмосковья в истории Москвы. – *Веселовский С.Б., Коробков Н.М., Снегирев В.Л.* Подмосковье. С. 8–9.

²⁸¹ *Веселовский С.Б., Коробков Н.М., Снегирев В.Л.* Подмосковье. С. 9.

²⁸² Например, в первый очерк Веселовского помещена ссылка с определением «тяглых людей». – *Веселовский С.Б., Коробков Н.М., Снегирев В.Л.* Подмосковье. С. 16. Схожие пояснения встречаются и в основной части текста.

²⁸³ *Гуревич А.Я.* История историка. С. 95–96.

ческую базу для дальнейшей разработки темы. Так, в 1940 г. в сборнике «Проблемы источниковедения» публикуется пространная статья Веселовского о синодике опальных Ивана Грозного²⁸⁴. Согласно А.М. Дубровскому, эта статья была историческим исследованием, а источниковедческая часть играла вспомогательную роль²⁸⁵. На мой взгляд, данный вопрос требует уточнения. В контексте научного творчества Веселовского эта работа несомненно имела вспомогательную функцию. Обстоятельства обращения к этой теме и, соответственно, написания статьи – изучение опричнины, направленности опал и казней в эпоху правления Ивана Грозного. Источниковедческое исследование одного из ключевых источников по данной теме было обусловлено самой логикой исторического исследования. Веселовский, приступая к изучению эпохи Ивана Грозного, стремился проанализировать все имеющиеся по теме источники и литературу. В ходе их анализа Веселовский обнаружил существенные недочеты и недоработки своих предшественников. В частности, относительно синодика он отметил, что хотя этот источник был известен еще историкам XIX в. (Веселовским были упомянуты Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, 1805–1870, Н.И. Костомаров, 1817–1885), но все же привлекался без критики. К тому же, согласно Веселовскому, неудовлетворительными были имевшиеся ко времени написания статьи издания синодика по различным спискам²⁸⁶. Как источниковедческую эту статью следует рассматривать исходя из целеполагания автора. В статье поставлены следующие задачи (которые определили и структуру текста): выяснить происхождение и состав синодика, выработать принципы работы с ним, раскрыть его информационный потенциал. Судя по поставленным задачам

²⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 245–366.

²⁸⁵ Это отмечено относительно двух изданий статьи (1940, 1969). – *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 81. Второе издание статьи вышло в сборнике работ Веселовского по эпохе Ивана Грозного и представляет собой расширенную версию (в частности, присутствуют выводы, которых не было в издании 1940-го года): *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 323–478

²⁸⁶ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных. С. 245.

(а также названию статьи), перед автором стояла цель провести источниковедческий анализ синодика²⁸⁷. Полученные результаты источниковедческого изучения позволили повысить информационный потенциал синодика как исторического источника, могли способствовать его привлечению в работах других историков.

Другая источниковедческая статья Веселовского 1940-х гг. по истории эпохи Ивана Грозного посвящена анализу духовного завещания царя²⁸⁸. Мотив и обстоятельства написания данной статьи были те же, что и предыдущей: «Духовное завещание Ивана Грозного было напечатано ровно сто лет тому назад, но до сих пор не подвергалось надлежащей критике, ни с внешней – со стороны происхождения дошедшего до нас списка, ни с внутренней – со стороны его содержания. Между тем этот очень ценный во многих отношениях источник нуждается в серьезной предварительной критике, без которой научное использование его совершенно невозможно»²⁸⁹. В приведенной цитате следует обратить внимание также на понятия, которые свойственны классической модели науки. В понятия «внутренняя критика» и «внешняя критика» Веселовский вкладывал тот же смысл, что и французские историки Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос в труде «Введение в изучение истории» (1898), в котором разработана позитивистская парадигма в источниковедении²⁹⁰.

²⁸⁷ По-видимому, та же цель была поставлена и в незавершенных этюдах Веселовского о синодике Успенского собора, в которых были рассмотрены особенности происхождения синодика, характеристика записей в нем, а также сделан вывод об информационном потенциале этого источника: Рукопись С.Б. Веселовского о синодике Успенского собора / подг. С.Ю. Шокарев // Археографический ежегодник за 2014–2015 годы. М., 2023. С. 328–349.

²⁸⁸ *Веселовский С.Б.* Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. 4, № 6. С. 505–520.

²⁸⁹ Там же. С. 505. Примечательно, что обе вышеотмеченные статьи также включены в раздел «Источниковедческие исследования» в сборнике «Исследования по истории опричнины». – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 302–478.

²⁹⁰ Подробнее о понятиях, свойственных классической модели науки (а также и неклассической) в пропедевтических работах на рубеже XIX–XX вв.: *Румянцева М.Ф.* Интерпретация vs критика исторического источника в пропедевтиках рубежа XIX – XX вв. как маркер перехода от классической к неклассической

В тот же период Веселовским были подготовлены к печати еще несколько источниковедческих работ, опубликованных лишь посмертно в сборнике «Исследований по истории опричнины». Источниковедческие работы были помещены в отдельный раздел. Очерк «Известия иностранцев об опричнине»²⁹¹ (написан в 1940 году) опубликован в разделе работ по опричнине, но по своему содержанию близок скорее источниковедческому разделу. В очерке отсутствует постановка проблемы и цели, а также заключение. Текст целиком состоит из источниковедческого анализа записок Генриха Штадена, Иоганна Таубе и Элерта Крузе, а также Альберта Шлихтинга. В очерке хотя и уделено внимание анализу происхождения источника (например, изучению личности автора), но все же основное внимание сконцентрировано на анализе содержания, установлении достоверности и полноты сведений, относящихся к опричнине.

В этот же сборник вошла статья, которая посвящена анализу интерполяций Степенной книги (опубликована в источниковедческом разделе)²⁹². Как видно из письма Н.В. Устюгову от 9 октября 1950 г., эта статья была отправлена в «Исторические записки» еще в 1946 г., но редакция неоднократно откладывала публикацию²⁹³. В статье Веселовский стремился доказать фальсификацию вставок в Степенной книге, которая была сделана Хрущевыми и Колтовскими в конце XVII в. для обоснования поколенных росписей. Аргументация ученого была выстроена на основе наблюдений палеографического и источниковедческого характера В.О. Ключевского, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко.

Параллельно Веселовским велась работа и над статьей об интерполяции Царственной книги²⁹⁴. Опубликованный редакцией «Исследований по истории опричнины» вариант был подобран из черновиков Веселовского 1947–1948 гг. и частично из первоначального текста 1945 г. Вышедший из печати в 1963 г. текст корректно рассматривать именно как статью в связи с четко поставленной це-

модели науки // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи. Казань, 2022. С. 159–164.

²⁹¹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 54–76.

²⁹² Там же. С. 238–254.

²⁹³ В письме отмечено, что статья Веселовского находилась в редакции четыре года. – Переписка С.Б. Веселовского. С. 487–488.

²⁹⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 255–291.

лью (анализ содержания Царственной книги как исторического источника), логичной структурой, основным содержанием работы. Обращает на себя внимание также вводная часть текста, в которой отмечены обстоятельства подготовки работы. Согласно Веселовскому, работа над статьей о Царственной книге была приостановлена, как только он узнал о готовящейся к выходу из печати работы Д.Н. Альшица (1919–2012) о приписках к лицевым сводам в период правления Ивана Грозного²⁹⁵ в одном из томов «Исторических записок»²⁹⁶. Несмотря на тесную связь работ, Веселовский тем не менее решил доработать свой текст, т.к. ставил иную цель: «Д.Н. Альшиц ставит на первый план своей работы текстологическое исследование московского лицевого свода. Для меня же на первом плане стоит вопрос о достоверности как исторического источника самой Царственной книги и тех редакторских поправок и вставок, которые в ней находятся»²⁹⁷. Как и в предыдущих источниковедческих работах по эпохе Ивана Грозного, в этой статье основная интенция Веселовского заключалась в выработке прочного основания для научного знания, особенно на фоне неудовлетворенности выводами и наблюдениями ряда предшественников, привлекавших источники без предварительной критики.

2.3.6. Преподавание методики исторических исследований в МГИАИ

Позитивистский регламент прослеживается и в преподавательской деятельности Веселовского²⁹⁸. Сохранилась стенограмма нескольких лекций, которые Веселовский читал по методике

²⁹⁵ Статья Д.Н. Альшица вышла в 1947 г., чем и были вызваны корректировки, вносимые в текст Веселовским в 1947–1948 гг. – *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *Исторические записки.* М., 1947. Т. 23. С. 251–289.

²⁹⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 255–256.

²⁹⁷ Там же. С. 256.

²⁹⁸ Как показано в исследованиях Е.А. Долговой, курсы по истории, которые вели представители «старой школы» в Институте красной профессуры (в середине 1930-х гг.), также базировалось на позитивистских принципах: *Долгова Е.А.* Конспект слушателя Института Красной профессуры по истории, или о возможностях диалога в учебной аудитории в 1930-е гг. // *Диалог со временем.* 2020. № 70. С. 157–170; *Ее же.* Конспект слушателя Института Красной профессуры: источник и исследование. М., 2022.

научных исследований для аспирантов МГИАИ в 1939 г. Судя по стенограмме лекций (и неоднократным отсылкам к содержанию первых трех лекций, которые не стенографировались), он стремился познакомить аспирантов с подходами при работе с различными видами исторических источников, в том числе через вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение²⁹⁹.

Четвертая лекция (27 апреля 1939 г.) была полностью сконцентрирована на эвристических возможностях топонимики, генеалогии, эпиграфики и дипломатики³⁰⁰. При этом, как и в исследовательской деятельности, лектор уделил внимание взаимосвязи дисциплин. Например, топонимика как «учение о географических названиях» связывалась с исторической географией, а также генеалогией, проиллюстрирован (с опорой на различные виды источников) ее информационный потенциал по истории землевладения, социального и политического уклада жизни. Расширение эвристического потенциала дисциплины представлялось ученому через взаимосвязанную работу историков (в некоторых случаях археологов) и филологов.

Обращает на себя внимание дискурсивная специфика лекций Веселовского. Для объяснения этапов источниковедческого анализа он часто употреблял понятия «внешняя критика» и «внутренняя критика»³⁰¹, что снова отсылает к ранее упомянутой пропедевтике Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса³⁰². Замечу также, что с точки зрения французских историков освоение «вспомогательных исторических наук» (к ним, например, относились дипломатика, палеография, эпиграфика и т.д.) было одной из основ профессиональной подготовки историка³⁰³, что также соответствовало позитивистской логике исследования: если факты прошлого обнаруживаются по сохранившимся от них следам, то необходимо выработать методы критики этих следов.

²⁹⁹ По-видимому, Веселовский руководил схожим по замыслу семинаром («По эвристике и первоначальной критике источников») для аспирантов в РАНИОНе (в 1927–1928 гг.): ГАРФ. Ф. А4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 22.

³⁰⁰ *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 190–220.

³⁰¹ Следует отметить ту же особенность и в дореволюционном научном творчестве ученого. – *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. V.

³⁰² *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 216, 220.

³⁰³ *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 2004. С. 68–81.

В последующих лекциях Веселовского одно из центральных мест занимало разъяснение этапов источниковедческого анализа, их роли в критике источников (к слову, как и во II-й книге «Введения в изучение истории»). Пятая лекция (7 мая 1939 г.) была посвящена внутренней критике источников, в которой значительное внимание уделено перекрестному анализу и роли сомнений в ремесле историка. Преемственность в позитивизме прослеживается и в тех историках, на труды которых Веселовский опирался в лекции. Лектором приведена цитата из вышеупомянутого труда французских историков из раздела про внутреннюю критику источников, также упоминался другой известный представитель позитивизма XIX в. – Н.Д. Фюстель де Куланж (в контексте рассмотрения вопроса об изменении значения слов со временем)³⁰⁴.

Вернувшись к дискурсивной особенности лекций Веселовского, отмечу также формулировку исследовательской цели, в которой выражена известная ранкеанская формула: «И тут играют огромную роль так называемые рабочие гипотезы. Ведь бывает так, что начинают работать с какой-нибудь предвзятой идеей: имеется какое-то определенное положение, какая-то предвзятая идея, и с точки зрения этой идеи начинают читать источники, подбирать источники, подобрать все, что нравится, что подходит к этой идее, вычитывая в источниках иногда то, чего там и нет. Конечно, такой способ работы, такой подход к сырому материалу, к источнику и к прошлой жизни – это совершенно ненаучный подход. *Все-таки мы должны ставить себе цель – искать и находить истину, изображать дело так, как было в действительности* [курсив мой – Т.Х.], а для этого нужно проделать очень большую самостоятельную работу»³⁰⁵. Здесь же прослеживается принцип, который ранее был отмечен и в исследовательской деятельности Веселовского, – осторожность по отношению к заранее сформированной позиции, чем и было вызвано тяготение к источниковедческому анализу, обращение к вспомогательным историческим дисциплинам, обеспечивавшим, по мысли ученого, надежную почву для поиска истины.

³⁰⁴ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению. С. 231, 237.

³⁰⁵ Там же. С. 274.

2.4. Историография

В научном творчестве Веселовского историографические сюжеты, в целом, не были объектом пристального внимания. Единственный текст, который рассматривается в данном разделе, был написан, по-видимому, как отмечено в издании «Исследований по истории опричнины», как историографическое введение к более крупной работе Веселовского «Старое и новое об Иване Грозном»³⁰⁶. Опубликованный посмертно текст представлял собой один из вариантов историографического анализа по теме опричнины, который был написан в 1944 г., с дополнениями из текста 1945 г.³⁰⁷ Рассмотрение этого текста отдельно связано с незавершенностью вышеупомянутого труда об Иване Грозном, а также характером издания работ Веселовского в 1963 г. Сохранившиеся материалы не позволяют точно ответить на вопрос, рассматривался ли предполагаемый труд как целостное логически связанное исследование или как сборник работ, объединенный одной темой (хотя издание 1963 г. склоняет скорее к последнему). Не исключено также, что по мере работы над темой могло меняться целеполагание труда. Иными словами, если бы историографический анализ Веселовского рассматривался как часть более крупной логически продуманной работы (например, свойственное Веселовскому *научное исследование немонографического характера*), то было бы некорректно рассматривать этот текст отдельно. В данном случае приходится ориентироваться на издание 1963 г. (как сборника работ), в котором текст о мнениях историков по опричнине лишь формально помещен как вводный.

Трудно точно определить к какому виду историографических источников можно отнести этот текст, который имеет признаки как статьи, так и очерка. В тексте прослеживается логичная структура, базирующаяся на хронологическом принципе, развернутый последовательный анализ мнений историков по теме

³⁰⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 479.

³⁰⁷ Там же. С. 11–37. Опубликованный текст носит название «Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Ивана».

опричины, четкое изложение выводов, на основе ранее предложенных в тексте наблюдений. С учетом свободного стиля изложения, который слишком часто выходил за пределы научного (принятого ко времени написания текста), и неполноты корпуса избранных для анализа трудов (Веселовский почти полностью сконцентрировался на дореволюционных работах, оценка советской историографии дана в общем виде, без детального анализа³⁰⁸), этот текст с вышеприведенными оговорками отнесен к очеркам.

По историографическому анализу Веселовского прослеживается общая связь между, казалось бы, разрозненными работами ученого по эпохе Ивана Грозного. Согласно Веселовскому, основная проблема в историографии опричины заключалась в противоречивых и часто необоснованных оценках, которые сохранились и к середине 1940-х гг. В стремлении прояснить причины сложившихся оценок и разногласий, а также наметить дальнейший путь исследования Веселовский проанализировал мнения историков (Н.М. Карамзина, 1766–1826, К.Д. Кавелина, 1818–1885, М.П. Погодина, 1800–1875, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова)³⁰⁹ по теме опричины и об Иване

³⁰⁸ Как отметил А.М. Дубровский, «Веселовский не анализировал трудов современных ему авторов – Виппера, Бахрушина, Смирнова и даже – создается такое впечатление – как бы избегал их поминать в своей работе». – *Дубровский А.М. Историк и власть. С. 769–770.*

³⁰⁹ В историографическом анализе Веселовского встречаются резкие оценки трудов предшественников. Неудовлетворительную оценку он дал и в ранее упомянутом докладе от 12 декабря 1940 г. об опричине:

«ВЕСЕЛОВСКИЙ: <...> Так что эти воздушные замки придется пересмотреть. Я не знаю, удастся ли мне эти воздушные замки разрушить, но думаю, что я привлеку большой материал, где будут просто документально показаны ряд за рядом известные положения, которые опровергнут эту мысль о гениальности Ивана. Ведь Кавелин дошел до того, что святотатственно сравнивал его с Петром I, только говорил, что у Петра I была боевая натура, а у Ивана IV – поэтическая и женственная. Эта идея, что Иван был человеком особого государственного ума содержится и в концепции Платонова. Чего-чего только наворочено было у Платонова на это.

РУБИНШТЕЙН: А у Соловьева?

ВЕСЕЛОВСКИЙ: У Соловьева слишком много было противоречий. У Платонова чего-чего не наворочено, каких только добродетелей он не приписал Ивану Грозному! И вот разрушить эти воздушные замки будет задачей,

Грозном. Основную причину заблуждений и противоречивых оценок Веселовский видел в следующем: «Отыскивать новые источники, подвергать их необходимой предварительной критике и обрабатывать, терпеливо устанавливая факты и точно описывать события с тем, чтобы понять и уяснить читателю большие и сложные события эпохи, – все это требовало много времени, самоотверженного черного труда и хорошей научной подготовки. Широкие круги читателей не интересуются “кухней” исторической науки и нередко проявляют наклонность относиться с пренебрежением и полным неуважением к неблагодарному труду ученых, посвящающих свои силы разработке источников и технике научного исследования. Читатель требует от историка широких обобщений, ярких характеристик лиц и событий, категорических суждений и эффектных в соответствии с темой картин. Историки поддавались соблазну выполнить “заказ” читателя, не тратить свои силы и время на неблагодарный труд фактического исследования прошлого и спешили дать читателю эффектные, мнимонаучные обобщения и концепции»³¹⁰. Проблема широких обобщений без предварительного анализа источников, которых, как было отмечено Веселовским, сохранилось значительное количество по эпохе Ивана Грозного (по сравнению с остальными периодами допетровской истории России)³¹¹, наблюдалась и в дальнейшем, несмотря на изменения исследовательских принципов³¹².

Таким образом, основной путь для исследования различных сторон эпохи Ивана Грозного Веселовский видел в систематическом кропотливом анализе как ранее введенных в оборот, так и остававшихся все еще неизвестными в историографии источников. Категорическое неприятие обобщений было вызвано их преждевременностью. В свою очередь возможность для обобщений может появиться лишь через увеличение запаса прочно установлен-

по-видимому, очень трудной, особенно судя по французской поговорке, что воздушные замки не поддаются взятию. Но это уже в следующих работах, очевидно, придется повести осаду против этих воздушных замков». – НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 176.

³¹⁰ *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины.* С. 34.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. С. 36.

ных фактов, опять же через анализ широкого круга источников. С учетом обозначенных проблем и перспектив в качестве основного инструмента для исследования Веселовским был избран источниковедческий анализ, речь о котором шла выше.

2.5. Политическая история России XVI в.

До конца 1930-х – начала 1940-х гг. изучение вопросов политической истории занимало в научном творчестве Веселовского преимущественно вспомогательную роль, как фон, учет которого необходим для анализа вопросов социально-экономической истории (истории землевладения как основного направления исследований ученого в советскую эпоху в целом). Вопросы политической истории в качестве объекта исследования выражались в научном творчестве Веселовского в работах, сконцентрированных хронологически на эпохе Ивана Грозного³¹³. Переход к данной теме представляется логичным с учетом социально-экономических последствий опричнины, отмеченных Веселовским ранее. Так, в исследовании «Село и деревня...» в числе основных последствий опричнины были отмечены «перетасовка земельных отношений», разорение вотчинного землевладения, тяжелое положение крестьянства³¹⁴. Некоторые последствия опричнины отмечены также и в работе о служилом землевладении³¹⁵. Вместе с тем была также упомянута степень изученности темы опричнины в научной литературе, в которой, согласно Веселовскому содержались немало «ошибочных и даже фантастических»³¹⁶ мнений. Плодотворной параллельной разработке исследований по истории землевладения и эпохе Ивана Грозного, по-видимому, мешало здоровье учено-

³¹³ Об образе Ивана Грозного в общественной сфере в сталинскую эпоху: *Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001; Brandenberger D., Platt M.F.K. Terribly Pragmatic: Rewriting the History of Ivan IV's Reign, 1937–1956 // Epic Revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda. Madison, 2006. P. 157–178.*

³¹⁴ *Веселовский С.Б. Село и деревня. С. 134–138.*

³¹⁵ *Веселовский С.Б. Исследования по истории класса. С. 8.*

³¹⁶ *Веселовский С.Б. Село и деревня. С. 134.*

го, а также вовлеченность в предвоенные коллективные проекты, о которых речь шла ранее³¹⁷. К 1940 г. готовилось к публикации исследование о феодальном землевладении в Северо-Восточной Руси³¹⁸. Веселовский, по-видимому, завершая работу над первым томом крупного исследования, решил постепенно переходить к более детальному изучению вопросов политической истории, в частности опричнины.

Веселовский, прежде всего, стремился упрочить источниковедческую разработку данной темы: переосмыслением / уточнением привлеченных источников, а также поиском новых. Эта интенция прослеживается в контексте ранее отмеченных статей Веселовского, например, о синодике опальных. Она же прослеживается и в статье о первом опыте преобразования центральной власти³¹⁹. В этой статье, в отличие от статьи о синодике опальных, источниковедческий подход имел вспомогательную функцию. Цель статьи – изучение сути реформы 1550 г., с которой, как отмечено в более ранней историографии (Веселовским приведены мнения М.В. Довнар-Запольского, 1867–1934, и С.Ф. Платонова), берет начало идея опричнины. На основе источниковедческого анализа частных списков «Тысячной книги» и «Тетради дворовой» Веселовский стремился показать иную направленность

³¹⁷ В письмах и дневниках Веселовского за 1940–1942 гг. также отмечена проблема со зрением, которая ограничивала рабочую деятельность. – С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках. С. 235, 237–238.

³¹⁸ Об этом свидетельствуют индивидуальный план и отчеты ученого в Институте истории АН СССР за 1940 г. (напомню, что в более ранней делопроизводственной документации было отмечено, что труд был готов в 1937 г.). Согласно этим материалам, велась работа над редактированием книги, составлением указателей для сдачи в печать. Был также написан отзыв К.В. Базилиевича на эту работу. – НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 4; Там же. Д. 86. Л. 14. В дальнейшем труд перерабатывался, как видно в том числе по индивидуальному плану Веселовского на 1945 г., в котором было отмечено следующее: «В I томе исследования о феодальном землевладении в [северо]-восточной Руси, сданном в Институт я описал частное землевладение и землевладение митрополичьего дома. По намеченному давно плану 2-й будет отведен монастырскому землевладению. Все материалы для 2-го тома собраны и в значительной мере подвергнуты предварительной обработке. В 1945 г. я предполагаю оформить литературно это исследование». – НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

³¹⁹ *Веселовский С.Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // *Исторические записки.* М., 1945. Т. 15. С. 57–69.

этой реформы, прежде всего, как намерение усилить центральное правительство, его кадровый состав, особенно на фоне «быстрого роста территории государства и усложнения задач центральных и местных органов власти»³²⁰. Веселовским также была выдвинута гипотеза о привлечении этих источников для изучения состава Государева двора, в том числе в контексте опричнины.

Следующая статья по политической истории России была напрямую связана с темой опричнины и посвящена вопросу учреждения опричного двора и его отмены³²¹. Написанию этой статьи предшествовал ранее упомянутый доклад, прочитанный 12 декабря 1940 г. в секторе истории СССР до XIX в. Института истории³²². Выступление Веселовского вызвало осязаемый научный интерес, особенно на фоне других докладов сектора за тот же год. Для сравнения отмечу, что, согласно отчету сектора за 1940 г., доклад Веселовского посетили 72 человека, на втором месте по посещаемости был доклад «Образование русского национального государства» К.В. Базилевича, слушателями которого были 44 человека (при этом около половины докладов не превышали по посещаемости больше 20 человек)³²³. Основные идеи статьи были те же, что и в тезисах доклада: о хронологии опричнины (о начале и окончании), ее значении в политике царя (не выделялась на фоне общей политики царя и была направлена против отдельных лиц), последствиях (социально-политических и военных)³²⁴. Веселовский стремился развить эти темы, как видно из издания «Исследований по истории опричнины»³²⁵.

В числе последних опубликованных при жизни работ Веселовского была статья об уделах в Северо-Восточной Руси³²⁶. Как и в предыдущей статье, в этой не был проведен тщательный источниковедческий анализ, свойственный более ранним работам

³²⁰ Там же. С. 61.

³²¹ *Веселовский С.Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 86–104.

³²² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 2–2об; Там же Д. 86. Л. 5.

³²³ Там же Д. 86. Л. 5.

³²⁴ *Веселовский С.Б.* Учреждение опричного двора. С. 86–104; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 108–111.

³²⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 96–237.

³²⁶ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–131.

Веселовском по эпохе Ивана Грозного. Здесь Веселовский стремился скорее суммировать и сопоставить все известные ему факты, полученные в результате анализа широкого круга источников, и сформулировать на их основе выводы. Для того, чтобы понять *общий характер* формирования и ликвидации последних уделов в Северо-Восточной Руси, Веселовский стремился изучить историю каждого из них *индивидуально*. Так, в статье отдельно рассматривалась история Старицкого удела, князей Воротынских и Одоевских, Бельских, Мстиславских (Юхотский удел), владения князя Вишневецкого в Белеве, Тарусский удел Валашского господаря Богдана Александровича, владений татарских царевичей и ногайских мурз. Это позволило Веселовскому прийти к выводу, что ликвидация последних уделов при Иване Грозном «протекала не в порядке планомерной политики правительства, не в виде ряда реформ, принципиально и по намеченному заранее плану, а извилистыми путями, при различных обстоятельствах»³²⁷ и была во многом продолжением политики Ивана III и Василия III.

Статья о последних уделах в отчете историка за I-й квартал 1945 г. рассматривалась как глава к труду «Образование великорусского государства»³²⁸, работа над которым была запланирована на вторую половину 1940-х гг. В общих чертах замысел этой работы отмечен в плане ученого на 1945 г.: «Буду продолжать собирание материалов и обработку их для исследования: Образование великорусского государства. Политическая сторона вопроса, т.е. ликвидация феодальной раздробленности и объединение с[еверо]-в[осточной] Руси под властью московских государей, изучены довольно подробно. Я поставил себе задачей исследовать перестройку всего аппарата власти в соответствии с новыми требованиями жизни объединенного государства: реорганизация центральных и местных органов власти, армии и государственного хозяйства. В центре внимания стоят разносторонние реформы 1542–1558 годов»³²⁹. «Образование великорусского государства» было включено в пятилетний план (1946–1950 гг.) сектора истории СССР до XIX в., но уже под новым названием: «Государст-

³²⁷ Там же. С. 125.

³²⁸ АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340. Л. 3.

³²⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 5.

венные реформы XVI века»³³⁰. Судя по плану сектора, труд должен быть завершен к 1949 г.³³¹, но, по-видимому, последующие идеологические кампании изменили исследовательские планы.

Вместе с исследованиями Веселовского по истории землевладения идеологической критике подверглись и вышедшие к концу 1940-х гг. труды по эпохе Ивана Грозного. Так, на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 15 октября 1948 г. значительное внимание было уделено критике трудам Веселовского. Преимущественно критика была сконцентрирована на «Феодальном землевладении...», однако идеологической оценке подверглись и работы по другим темам, например, ранее упомянутая статья 1946 г. в «Вопросах истории» об опричнине³³². Эта же статья получила резкую оценку в рецензии А.А. Зимина 1950 г. на труд П.А. Садикова (1890–1942) «Очерки по истории опричнины» (1950): «Советская историческая наука доказала полную беспочвенность утверждений ряда буржуазных историков, особенно В.О. Ключевского, будто опричнина “была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя” и “была направлена против лиц, а не против порядка”. Поэтому диссонансом прозвучали некоторые статьи С.Б. Веселовского³³³, пытавшегося воскресить эти похороненные наукой ошибочные положения. Рецензируемые исследования П.А. Садикова, являющиеся плодом многолетних изысканий автора, наносят новый удар по этим антинаучным построениям»³³⁴.

К работам по политической истории России следует отнести небольшой текст Веселовского о местном самоуправлении, написанный совместно с С.К. Богоявленским, для тома «Очерков истории СССР» по периоду феодализма XVII в.³³⁵ «Очерки истории

³³⁰ Там же. Д. 317. Л. 11.

³³¹ Там же. Л. 5. Далее присутствует приписка к плану, в которой указан 1950-й год. – Там же. Л. 11.

³³² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 2–6.

³³³ В ссылке была указана лишь одна статья Веселовского – «Учреждение опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году».

³³⁴ *Зимин А.А.* [Рец. на кн.: Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950.] // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 145.

³³⁵ *Богоявленский С.К., Веселовский С.Б.* Местное самоуправление // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 384–394.

СССР» – коллективный многотомный труд, который издавался в 1950-е гг.³³⁶ К этому времени советская историческая наука получила устойчивое институциональное оформление и помимо «Очерков истории СССР» готовились к изданию тома «Всемирной истории»³³⁷, «Истории Москвы»³³⁸, «Очерков по истории Ленинграда»³³⁹, «Очерков истории исторической науки»³⁴⁰ и др., которые были направлены на трансляцию советской версии различных сторон прошлой социальной реальности. В этом смысле многотомные коллективные труды послевоенного времени были продолжением проектов конца 1930-х – начала 1940-х гг. Это, в частности, подчеркивалось и в томах «Очерков истории СССР», в том числе по периоду феодализма XVII в.: «Таким образом, не только построение марксистской концепции истории XVII в., но и заполнение пробелов по изучению конкретных вопросов является задачей советской исторической науки. Все последующее изложение представляет собой опыт построения

³³⁶ Согласно мемуарам Н.И. Павленко, работа над «Очерками истории СССР» была начата еще во второй половине 1930-х гг., но была прервана из-за начала войны и последующей эвакуации Института истории АН СССР. В конце 1940-х гг. работа над коллективным трудом была возобновлена. – Павленко Н.И. Воспоминания историка. С. 111. Н.И. Павленко был редактором (наряду с Б.Б. Кафенгаузом) одного из томов «Очерков истории СССР» (о России в первой четверти XVIII в.).

³³⁷ Подробнее об истории подготовки и издания «Всемирной истории» в 1950-е – 1960-е гг.: Метель О.В. Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими исследователями конца 1940-х – начала 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 140–154.

³³⁸ О подготовке «Истории Москвы» в послевоенные годы: Махнарёв А.Л. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2023. С. 275–278; Делопроизводственные источники о подготовке «Истории Москвы»: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1045, 1149; АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 255; Ф. 1639. Оп. 1. Д. 270.

³³⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 335. Л. 5.

³⁴⁰ Груздинская В.С. Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.: дис... канд. ист. наук. Омск, 2020. С. 110, 115–133; Halperin Ch. J. An Artifact of Soviet Historiography: Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 1(29). P. 205–218.

истории России XVII в. в соответствии с учением марксизма-ленинизма и с учетом всего ценного, что можно взять из дореволюционной и советской историографии»³⁴¹. Трудно дать точное определение «Очеркам истории СССР» как виду историографических источников. Отмечу лишь то, что черты данного труда наиболее близки такому виду историографических источников как национально-государственный нарратив, т.к. прослеживается линейная модель истории, строгая хронологическая структура, последовательное изложение материала о строительстве государства³⁴². Несмотря на самоназвание многотомника, в структуре текста материалы именуются не очерками, а главами. Текст Веселовского и С.К. Богоявленского входит в главу «Государственный строй» (подглава – «Местное самоуправление»). В тексте даны обобщающие сведения о структуре административно-территориальных единиц в России XVI–XVII вв., органах местного управления, должностных лицах учреждений, их задачах. Текст тем не менее основан не только на предшествующей историографии (работах А.Д. Градовского, 1841–1889, Ю.В. Арсеньева, 1857–1919, С.В. Бахрушина, А.А. Новосельского), но также источниках: Уложении 1649 года, неопубликованном приказном делопроизводстве из ЦГАДА (ныне – РГАДА).

* * *

Для Веселовского одним из ключевых условий нахождения во внутренней эмиграции было наличие пространства, которое обеспечивало ему ощущение внутренней свободы. Таким пространством была исследовательская деятельность. Избранная стратегия выстраивания научного творчества позволила сочетать не только личные мотивы, но также общенаучные ценности: Веселовский делал то, что, по его мнению, полезно для развития науки. Тяготение к источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам было вызвано этико-эпистемологичес-

³⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 15.

³⁴² Подробнее о национально-государственном нарративе, а также об «Очерках истории СССР» как историографическом источнике: Источниковедение: учеб. пособие. С. 545–550.

кими принципами ученого, обусловлено стремлением расширить эвристический потенциал исследований, базировавшихся на позитивистских принципах.

Краеугольным камнем в научном творчестве Веселовского, в том числе, по вспомогательным историческим дисциплинам, было стремление изучить исторический процесс во всей полноте, до мельчайших деталей, что в дальнейшем позволило бы ученому перейти к более широким обобщениям. Этим объясняется привлечение историком широкого спектра источников разных видов со второй половины 1920-х гг., когда он приступил к изучению истории землевладения и постепенно переходил к освоению новых для себя вспомогательных исторических дисциплин. В результате работы с ними Веселовский определил, что одни и те же виды источников могут быть применены, казалось бы, для совершенно разных вспомогательных исторических дисциплин. Например, писцовые книги и акты были неотъемлемыми источниками как в генеалогических, так и историко-географических исследованиях Веселовского.

Более того, вспомогательные исторические дисциплины в научном творчестве Веселовского имели методологическое единство. Так, если для археографического исследования ему нужно было установить время создания документа (хотя бы приблизительно), он мог решить эту проблему посредством определения лиц указанных в нем, для чего потребовалось привлечь методы из генеалогии и антропоники. Для генеалогии ему, главным образом, были необходимы методологические приемы, разработанные в топонимике и антропоники, и наоборот, для топонимики и антропоники – в генеалогии. Наиболее близкая методологическая связь исторической географии и исторической картографии прослеживается с топонимикой и генеалогией, данные которых можно было применить для историко-географических описаний / составления карт. Таким образом, согласно Веселовскому, развитие вспомогательных исторических дисциплин, расширение их методологического потенциала обеспечивалось через их взаимопроникновение и взаимодополнение.

Несмотря на расширение методологического арсенала Веселовского в советскую эпоху, его принципы как ученого, еще

в дореволюционные годы находившиеся между тенденциями классической и неклассической модели исторической науки, сохранились при новых социокультурных обстоятельствах. Обращает на себя внимание также способ презентации научного знания. С точки зрения классической модели исторической науки идеалом презентации научного знания была монография, которая направлена на наиболее полное изучение темы на основе репрезентативного корпуса источников. В период формирования неклассической модели меняется и восприятие интеллектуального труда ученого, в котором представляет интерес также его собственная точка зрения. Эти факторы способствовали появлению нового вида историографических источников – *научного исследования немонографического характера*, к которому тяготел Веселовский и в советскую эпоху. Книги по истории землевладения («К вопросу о происхождении вотчинного режима», «Село и деревня...» и «Феодальное землевладение...») были призваны скорее сформулировать исследовательский вопрос, показать преграды, попытаться наметить перспективы развития темы, а также пути решения, опять же насколько позволяла это сделать имевшаяся в распоряжении историка источниковая база.

Глава III

Как научные труды С.Б. Веселовского стали классическими

...науку творят не отдельные выдающиеся личности, они дают толчок, а науку творит масса работников.

*С.Б. Веселовский*¹

Считается (хотя обычно это не эксплицируется), что, пока человека помнят, пока он существует в сознании других, он не до конца умер, он как бы продолжает свое существование.

*А.И. Рейтблат*²

Мы восхищаемся великими историками, вроде Ранке, Токвиля, Буркхардта, Хёйзинги, Мейнеке или Броделя, не из-за точности данных ими описаний и объяснений исторических событий, но из-за предложенных ими панорамных интерпретаций больших частей прошлого.

*Ф.Р. Анкерсмит*³

Научных трудов о классических исследованиях в исторической науке⁴, особенно по сравнению с социологией, крайне мало⁵. Отмечу статьи о классике и классиках в социальных

¹ *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 222.

² *Рейтблат А.И.* Нравственные мотивации биографа // Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 193.

³ *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2009. С. 102.

⁴ В российской историографии следует выделить статью А.В. Свешникова и Б.Е. Степанова, а также (упомянутые во введении) работы В.П. Корзун: *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 332–360; *Корзун В.П.* Н.М. Карамзин в учебниках по историографии. С. 459–470; *Ее же.* Пантеон классиков в советской историографии. С. 55–78; *Ее же.* Назначение в кумиры: практики классикализации. С. 337–364.

⁵ Речь идет, прежде всего, о теоретических исследованиях, посвященных научной классике. Подробнее о классиках в различных социально-гуманитарных

и гуманитарных науках, опубликованные в сборнике «Классика и классики...»⁶. В статье А.В. Свешникова (1968–2021) и Б.Е. Степанова показано восприятие научного наследия медиевиста Л.П. Карсавина в постсоветской историографии⁷. В качестве классики авторы рассматривают, ссылаясь на исследование Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина (1946–2014) «Литература как социальный институт», «основы группового контроля над разнообразными в содержательном плане процессами изменения и дифференциации социальной системы»⁸. Данный подход к определению классики весьма плодотворен, особенно если обратить внимание на научные школы, часто формирующиеся вокруг крупного исследователя и развивающиеся благодаря порой не менее влиятельным в академической среде последователям. Как показано в статье И.М. Савельевой, опубликованной в этом же сборнике, классика в исторической науке может присутствовать в разных формах: среди изысканий как историков, так и представителей других дисциплин⁹. Важнейшая характеристика классики – актуальность в научно-образовательной среде. Отражение этой характеристики можно обнаружить в трех критериях в вводной части сборника, который был составлен И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым. Во введении отмечено, что классикой в социальных и гуманитарных науках являются те работы, которые *одновременно* соответствуют трем критериям: «1) считаются / называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т.е. в классе; 3) в явном виде используются в исследованиях современных

науках: *Merton R.K.* On the Shoulders of Giants: A Shandean Postscript. New York, 1965; *Wozniak R.H.* Classics in Psychology, 1855–1914: Historical Essays. Bristol, 1999; *Baehr P.* Founders, Classics, Canons: Modern Disputes over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage. 2nd ed. London, 2016 (первое издание – 2002); *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Классическое наследие. М., 2010; *How A.R.* Restoring the Classic in Sociology. Traditions, Texts and the Canon. London, 2016; *Aurell J.* What is Classic in History? The Making of a Historical Canon. Cambridge, 2024.

⁶ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009.

⁷ *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* История одного классика. С. 332–360.

⁸ Там же. С. 332.

⁹ *Савельева И.М.* Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 294–331.

авторов»¹⁰. Именно эти критерии взяты за основу в настоящей главе и во многом предопределили ее структуру.

Многие исследования Веселовского были опубликованы посмертно и способствовали существенному переосмыслению его научного наследия в историографии, особенно после кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» во второй половине 1940-х гг., в ходе которой труды ученого многократно подвергались идеологической критике. В 1960-е гг. вышли труды по эпохе Ивана Грозного и служилого землевладения в Московском государстве, краеугольным камнем которых была генеалогия. В 1970-е гг. изданы фундаментальные справочники по ономастике – вспомогательной исторической дисциплине, тесно переплетенной с генеалогическими исследованиями Веселовского. С 1970-х и до середины 1990-х гг. публиковались исторические источники, которые Веселовский собирал и систематизировал в течение жизни. Поэтапное издание трудов свидетельствует не только о неугасающем интересе к научному наследию историка, но также о стремлении научно-исторического сообщества воплотить ценностные ориентации: посмертная публикация трудов способствует закреплению памяти об ученом, сохранению и распространению его научных достижений.

Хотя интерес к научному наследию Веселовского присутствует в зарубежной историографии¹¹, все же его труды оказали принципиальное влияние на советские и постсоветские исследования. В данном ключе следует учитывать, что его изыскания

¹⁰ Классика и классики. С. 6.

¹¹ Достаточно упомянуть ссылки на труды ученого в известных коллективных трудах. В первом томе «Кембриджской истории России» содержатся исторические очерки по допетровской эпохе. В ряде очерков авторы ссылаются на труды Веселовского: «Феодальное землевладение...», «Село и деревня...», «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»: *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006. Vol. I: From Early Rus' to 1689. P. 153, 180, 272, 288, 459. Во второй части пятого тома «Оксфордской истории историографии» рассмотрены вопросы истории национальных историографических тенденций в разных частях Европы, в том числе России. Веселовский упоминался как ученик В.О. Ключевского, вошедший в «историографический канон» благодаря сохранению дореволюционных этических принципов в советскую эпоху: *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford, 2011. Vol. 4: 1800–1945. P. 321.

применяются преимущественно в исследованиях по истории России XIV–XVII вв. В данной главе речь пойдет о том, как вводились в научный оборот труды Веселовского, каковы предпосылки и механизм классикализации научного наследия в позднесоветский период, а также как проявились критерии классики.

Одна из ключевых характеристик классики – непосредственная вовлеченность интеллектуального продукта в исследовательский процесс, научные дискуссии. Поэтому заслуживает отдельное внимание вопрос восприятия научного наследия Веселовского в позднесоветский период¹², когда издавались его труды. Данный вопрос рассматривался в научной литературе, однако восприятие проанализировано с опорой на публикации, посвященные трудам или научной деятельности Веселовского¹³. Для изучения процесса классикализации необходимо понимание степени востребованности и актуализации научного наследия ученого, что предполагает привлечение исследований, в том числе близких к научным интересам Веселовского.

3.1. Комиссия по изданию трудов С.Б. Веселовского в 1950–1960-е годы: причины создания, планы и их реализация

Публикация научного наследия Веселовского имела плановый характер: в конце 1950-х гг. была создана специальная комиссия по изданию трудов историка. К тому времени она не была единственной в своем роде. Еще в 1947 г. Совет министров СССР утвердил постановление об увековечении памяти В.И. Пичеты и С.К. Богоявленского, согласно которым АН СССР была обязана

¹² Под «позднесоветским»/«поздним социализмом» рассматриваются широкие хронологические рамки: от послесталинского периода до «перестройки»/распада СССР. Отправной точкой для данной главы является посмертное издание научного наследия Веселовского. Истоки данного процесса, как будет дальше показано, наблюдаются в первой половине 1950-х гг.

¹³ *Поляков И.А.* С.Б. Веселовский и его наследие. С. 153–157.

издать их труды¹⁴. В первой половине 1950-х гг. были приняты аналогичные постановления Совета министров относительно трудов С.В. Бахрушина и арабиста И.Ю. Крачковского (1883–1951)¹⁵. В 1950-е – начале 1960-х гг. также издавались АН СССР многотомные собрания трудов Б.Д. Грекова и Е.В. Тарле (1874–1955). С учетом научного статуса Веселовского, ставшего в 1946 г. академиком (следует подчеркнуть, что вышеперечисленные ученые были либо членами-корреспондентами, либо академиками АН СССР), относительно его трудов было принято аналогичное решение¹⁶.

Предпосылки к созданию Комиссии по изданию трудов Веселовского (далее – Комиссия) намечаются еще в первые годы после смерти академика. В апреле 1953 г. по поручению дирекции Института истории АН СССР была создана специальная комиссия в составе А.А. Новосельского, Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, А.А. Зимины, а также заведующего Московским отделением Архива АН СССР Ф.Д. Гетмана (1897–?) для оценки целесообразности приобретения трудов с последующей публикацией¹⁷. В итоге комиссия высоко оценила научную значимость трудов ученого: в июне 1954 г., приблизительно через два года после смерти Веселовского, Московскому отделению Архива АН СССР вдовой покойного академика О.А. Веселовской были переданы подлинники, фрагменты и черновики трудов (около 200 дел). Вскоре было составлено заявление от группы ученых Отделения исторических наук Президенту АН СССР А.Н. Несмеянову (1899–1980)¹⁸. Было отмечено, что интерес к научным трудам Веселовского вызван именно тем, что их значительная часть ранее не была введена в научный оборот: «покойный академик С.Б. Ве-

¹⁴ «В целях увековечения памяти...»: Постановления Совета министров СССР об увековечении памяти историков-архивоведов С.К. Богоявленского и В.И. Пичеты. 1947 г. // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 110–117.

¹⁵ Указания на Постановления были обнаружены в отчете Отделения исторических наук АН СССР за 1954 год. – АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 335. Л. 9.

¹⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1952). Д. 293. Л. 5–7.

¹⁷ АРАН. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 266. Л. 1.

¹⁸ Судя по сведениям, которые указаны в тексте, письмо было написано в 1957 году.

селовский при жизни не успел опубликовать многих своих работ, которые в настоящее время хранятся в Архиве Академии наук СССР. <...> По нашему глубокому убеждению большую пользу для исторической науки принесло бы издание неопубликованных, а также переиздание уже опубликованных, но ныне ставших библиографической редкостью, исторических и археографических работ покойного академика С.Б. Веселовского. Для этого следовало бы создать специальную комиссию, которая смогла бы отобрать и подготовить к печати наиболее ценную и актуальную часть научного наследия С.Б. Веселовского»¹⁹.

На заседании бюро Отделения исторических наук АН СССР в ноябре 1957 г. было принято решение о создании Комиссии, членам которой было поручено «в шестимесячный срок подготовить конкретные предложения по изданию трудов академика»²⁰. К маю 1958 г. был утвержден план издания. Комиссию возглавил академик М.Н. Тихомиров, участниками были и другие известные советские историки того времени: член-корр. АН СССР Б.А. Рыбаков (1908–2001), В.И. Шунков, Н.В. Устюгов и только начинавший путь в науку Б.В. Левшин (1926–2012)²¹. Изначально А.А. Зимин рассматривался в качестве члена Комиссии. Однако, как видно из дальнейших ее планов и заявлений, формально он в нее не входил²² (вероятно, из-за того, что в 1950-е гг. он входил

¹⁹ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 1–2. Подчеркну также интерес к научному наследию Веселовского в области исторической географии и исторической картографии. В письмах А.А. Новосельскому 1955–1960-х гг. В.К. Яцунский, к тому времени один из ведущих советских исследователей в области исторической географии и исторической картографии, подчеркивал отставание этих дисциплин в советской исторической науке по сравнению с зарубежной. Одним из этапов устранения данной проблемы, согласно В.К. Яцунскому, была работа над историческим атласом СССР, для чего в свою очередь требовалось изучение и издание трудов предшественников, в частности Веселовского, как было отмечено письме от 1 декабря 1960 г. – АРАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 210. Л. 6. Подробнее о проекте исторического атласа СССР академического типа: *Яцунский В.К. Исторический атлас СССР // История СССР. 1967. № 1. С. 219–228; Холматов Т.К. Научно-организационная деятельность советских исследователей в подготовке исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 3. С. 33–40.*

²⁰ АРАН. Ф. 457 (1953–1959). Оп. 1. Д. 24. Л. 81.

²¹ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 1–2.

²² Там же. Л. 14–16.

в аналогичную комиссию по выявлению и изданию трудов историка С.В. Бахрушина, а также работал над докторской диссертацией, защищенной в 1959 г.). При анализе состава Комиссии также необходимо учитывать сложные отношения между упомянутыми историками. Например, Л.В. Черепнин, входивший в комиссию 1953 г., явно не вписывался в последующую 1957 г., с учетом ее состава²³. Официально в состав Комиссии не вошла и О.А. Веселовская, однако, как видно из ее писем родственникам в 1950-е гг., она принимала активное участие в редактировании работ покойного супруга: «Держу связь с редактором Михаилом Николаевичем Тихомировым и рецензентом Виктором Ивановичем Шунковым, чтобы исправили все дурусты и ляпусы. Даже при беглом просмотре я нашла 19 серьезных редакторских искажений. Шунков и Тихомиров меня поддерживают»²⁴.

В план Комиссии входило издание трудов Веселовского в семи томах в 1960–1966 гг., т.е. по одному тому в год²⁵. Судя по плану, составленному в конце 1950-х гг., в I-й том должны были войти «Статьи об Иване Грозном и его времени», а также труд «Род и предки А.С. Пушкина в истории» (редакторы – М.Н. Тихомиров и Б.В. Левшин), во II-й – «Исторические карты XIII–XVII вв. с объяснительными текстами», а также «Поуездные карты XVI–XVII вв. (12 центр. уездов)» (редакторы – Б.А. Рыбаков и И.А. Го-

²³ О конфликтах между Л.В. Черепниным и М.Н. Тихомировым, Б.А. Рыбаковым и Н.В. Устюговым в дневниках и мемуарах историков: *Мицц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...»: дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 233; *Зимин А.А.* Храм науки. С. 305; *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. С. 162–163; *Павленко Н.И.* Воспоминания историка. С. 121, 125–127; Академик М.Н. Тихомиров. С. 332, 363, 367, 416–418. Подробнее об обвинении Л.В. Черепнина в плагиате Н.В. Устюговым: *Емельянов Е.П.* Творческий путь Н.В. Устюгова. С. 98–99.

²⁴ *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Т. 2: 1946–1977. С. 310. О том, что О.А. Веселовская была хорошо знакома с рукописями супруга свидетельствует также ее письмо А.И. Андрееву (от 30 марта 1952 г.). В письме упомянута передача материалов из личного архива супруга (С.Б. Веселовского не стало 23 января 1952 г.) в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН) АН СССР. В заключительной части О.А. Веселовская отметила следующее: «Трудно было, когда увезли книги. Еще труднее будет, когда увезут рукописи. Ведь каждую строчку знаю в лицо». – СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 98. Л. 11об.

²⁵ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 5.

лубцов), в III-й том – «Послужные списки приказных людей XV–XVII вв.» и «Личные прозвища и фамилии в Северо-Восточной Руси до XVIII в.» (редактор – Н.В. Устюгов), в IV-й том – «Монографии, посвященные отдельным дворянским родам» (редактор – В.И. Шунков), в V-й том – «Акты писцового дела» (редактор – Н.В. Устюгов), в VI-й том – «Приходо-расходные книги московских приказов» (редактор – Н.В. Устюгов), в VII-й том («дополнительный») – «Работы, не вошедшие в предыдущие тома» (редактор – В.И. Шунков)²⁶.

История публикации трудов историка показывает, что ряд пунктов данного плана не был реализован в указанный срок²⁷. Так, работы об Иване Грозном были опубликованы в 1963 г.²⁸, исследование «Род и предки А.С. Пушкина в истории» было опубликовано в неполном виде в 1969 г. в двух выпусках журнала «Новый мир»²⁹ и частично в книге «Исследование по истории класса служилых землевладельцев»³⁰. Полностью тщательно отредактированное исследование было опубликовано лишь в 1990 г.³¹ Кроме того, лишь в конце 1960-х гг. были опубликованы мате-

²⁶ Там же. Л. 4–5.

²⁷ О задержке публикаций также писала дочь ученого – А.С. Веселовская (р. 1930) в письме от 15 апреля 1967 года: «меня беспокоят задержки с изданием папиных трудов. Желательно получить информацию. Из папиных трудов 1-й том находится в издательстве Академии. 2-й том – на редактировании. 3-й том – “Дьяки и подьячие” – редактировал Устюгов, но сейчас его редактирует Виктор Туганов. Информацию можно получить: 1) Шунков Виктор Иванович – партийный и имеет влияние в Институте истории. Он всегда хорошо относился к папе. 2) Левшин Борис Венедиктович – заведующий Архивом Академии, где находятся папины рукописи. Их напечатание намечено по плану этого Архива, а не Института истории. Левшин влияния на печатание не имеет». – *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Т. 2: 1946–1977. С. 554–555. См. также историю и план публикации научного наследия Веселовского: *Левшин Б.В.* Издание трудов академика С.Б. Веселовского // История СССР. 1958. № 5. С. 250; *Дубинская Л.Г.* Издание научного наследия С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 315–316.

²⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины.

²⁹ *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории // *Новый мир.* 1969. № 1. С. 170–203; № 2. С. 205–241.

³⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса. С. 39–139.

³¹ *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990.

риалы, которые предполагалось издать в IV-м томе плана³². Другой пример – труд «Личные прозвища и фамилии в Северо-Восточной Руси до XVIII в.», под которым, судя по названию, подразумевался будущий «Ономастикон», вышедший лишь в 1974 году.

По всей видимости, смерть многих членов Комиссии в 1960-х гг. (в том числе И.А. Голубцова и А.А. Новосельского, которые должны были подготовить к печати исторические карты Веселовского)³³, помешала реализации плана публикаций в срок. В 1967 г. умерла О.А. Веселовская, которая с конца 1950-х гг. согласовывала с членами Комиссии редактуру исследований покойного супруга. То, что план в 1960-е гг. был выполнен лишь частично, связано и с трудоемкой подготовкой рукописей к печати. Например, одна из сложнейших задач публикаторов заключалась в проверке текстов, выборе наиболее полного варианта для публикации, в результате чего, по всей видимости, тексты находились на разных этапах археографической работы³⁴.

Львиная доля трудов Веселовского, запланированных к изданию в 1960-е гг., вышла из печати в 1970–1990-е гг. Немаловажным фактором в продолжившейся публикации, по всей видимости, было постановление бюро Отделения исторических наук АН СССР в 1963 г. об издании трудов Веселовского под двумя грифами: Отделения исторических наук АН СССР и Архива АН СССР³⁵. Совместные усилия сотрудников двух учреждений, во-первых, способствовали преемственности работы Комиссии и плодотворной реализации публикационных задач, поставленных еще в 1950-е гг.,

³² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса.

³³ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 14–15.

³⁴ В фонде 620 Архива РАН сохранилось несколько вариантов рукописей ученого. Так, редколлегия книги «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» подчеркнула следующие публикационные принципы: «При отборе вариантов работ для печати редакция отдавала предпочтение наиболее полным (как правило, эти варианты являются наиболее поздними по времени написания). Если отвергнутый редакцией вариант содержал факты, дополняющие публикуемый, то соответствующий фрагмент редакция помещала в примечаниях». – От редакции // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса. С. 4–5). А при подготовке «Ономастикона» были использованы пять вариантов рукописей. – *Буганов В.И.* Предисловие // *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 7–8.

³⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 418. Л. 79.

а во-вторых, позволили привлечь широкий круг специалистов не только по темам, которые разрабатывал Веселовский, но и по археографии и архивоведению. После смерти М.Н. Тихомирова Комиссию возглавил В.И. Буганов, однако не менее важную роль в последующем издании трудов Веселовского сыграл и Б.В. Левшин, ставший в 1963 г. директором Архива АН СССР. Помимо них в качестве редакторов, составителей научно-справочного аппарата и консультантов выступали другие сотрудники двух научных учреждений: А.Л. Станиславский (1939–1990), Л.Г. Дубинская, А.С. Ксенофонтова, Э.Г. Чумаченко, Н.Ф. Демидова (1920–2015) и др.

По всей видимости, издание трудов под двумя грифами было также необходимо с финансовой точки зрения. Судя по материалам Комиссии, финансовое обеспечение издания трудов Веселовского должно быть возложено на Институт истории АН СССР³⁶. В финансовое обеспечение помимо непосредственного издания трудов входило денежное вознаграждение наследникам покойного академика. В тех же материалах зафиксировано следующее: «Так как наследники сохраняют право на получение авторского гонорара в течение только 10-ти лет по смерти автора, то рекомендовать заключить договор с Из[дательст]вом с 1960 г. сразу же на все издание»³⁷. Но, по всей видимости, изначальный размер оплаты был ощутимо сокращен. Так, О.А. Веселовская в письме от 14 марта 1959 г. упоминает, что их гонорар был вдвое уменьшен³⁸.

3.2. Рецензии как механизм классикализации

В вопросе о влиянии научного наследия Веселовского на позднесоветскую историографию отдельное внимание следует уделить рецензиям на его труды. В целом, рецензент, выступая в качестве эксперта в определенной научной области, стремится выразить не

³⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 156. Л. 5.

³⁷ Там же.

³⁸ *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Т. 2: 1946–1977. С. 310.

только собственную точку зрения, но также принципы, которые преобладают в научном сообществе.

Всего в период посмертного издания научного наследия Веселовского было около тридцати рецензий / обзоров. Само количество уже свидетельствует о востребованности исследований историка в советской и зарубежной историографии (несколько рецензий / обзоров вышло, в таких журналах как «The American Historical Review» или «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas») ³⁹.

В рецензиях на труды Веселовского подчеркивалось привлечение широкого круга источников в сочетании с тщательным источниковедческим анализом, междисциплинарный характер исследований (помимо генеалогии, отмечалась роль топонимики в изучении социально-политической истории Московского государства).

В редких случаях в 1960-е гг. рецензенты частично подвергали критике идеологическое несоответствие трудов Веселовского советской историографии. На общем фоне именно из-за характера критики выделялась рецензия Г.Д. Бурдей (1919–1999) на работы по теме опричнины ⁴⁰. В этом тексте Веселовский подвергся критике за субъективно-идеалистический подход, трактовку событий с формально-юридических позиций и недостаточное внимание к привлеченной источниковой базе. Несмотря на критику, отчасти схожую с той, которой ученый подвергся в период идеологических кампаний в период «позднего сталинизма», все же оценку исследований Веселовского по опричнине трудно назвать отрицательной. Например, Г.Д. Бурдей также подчеркнул, что «С.Б. Веселовский впервые дал обстоятельный анализ первоначального состава земель, вошедших в опричнину, показал изменения территории государева удела, предпринял реконструкцию личного и социального состава опричнины» ⁴¹. Кроме того, автор рецензии с положительной стороны рассматривал переоценку Веселовским изысканий предшественников.

³⁹ Dewey H.W. [Review: Veseloskij S.B.]. P. 525–526; Uroff B. [Review: Veseloskij S.B.]. P. 115–116; Miller D.B. [Review: Veseloskii S.B.]. P. 1293.

⁴⁰ Бурдей Г.Д. Опричнина в новой исторической литературе // Преподавание истории в школе. 1964. № 6. С. 27–34.

⁴¹ Там же. С. 28.

В последующих рецензиях хотя авторы и выделяли недочеты как в работе Веселовского, так и публикаторов, это редко ставилось в укор автору. Например, В.Н. Бочков (1937–1991) в рецензии на «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» отметил, что «в помещенных в книге статьях встречаются лакуны, быть может незаметные для большинства читателей, но бросающиеся в глаза специалисту. *Разгадка проста: настоящая публикация – посмертная. Если бы С.Б. Веселовский лично готовил к печати свои монографии через тридцать лет после их написания, он, конечно, бы, внес в них немало исправлений и дополнений* [здесь и далее курсив мой – Т.Х.]»⁴². Именно учет обстоятельств издания позволял авторам в итоге рассматривать публикацию того или иного исследования Веселовского как «крупное событие» в советской историографии.

В рецензиях 1960 – начала 1990-х гг. заметное место занимали рассуждения не только о научном наследии Веселовского, но также о личности историка. Часто исследователи выходили за рамки поднятых в рецензируемой книге тем и подчеркивали образцовость исследовательских принципов Веселовского, нормы, ценности и добродетели ученого. Например, «агиографический дискурс» зафиксирован в рецензии на сборник статей, посвященный памяти Веселовского: «громадный материал, введенный С.Б. Веселовским в научный оборот, его преданность науке являют собой образец для каждого серьезного исследователя, какой бы отраслью исторического знания он не занимался»⁴³.

Отмечу интерес к трудам Веселовского не только в научной исторической периодике (например, в таких ведущих советских журналах как «История СССР» или «Вопросы истории»), но и в общественной сфере. Этот интерес был, по всей видимости, связан с тем, что Веселовский – один из первых историков советской эпохи, кто рассматривал политику Ивана Грозного с критических позиций, а не апологетических. Внимание к трудам Веселовского логично соотносится с событиями в советской исторической науке

⁴² Бочков В.Н. Личность в истории. С. 273–274.

⁴³ Хохлов Р.Ф. [Рец. на кн.: История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977] // История СССР. 1980. № 1. С. 215.

после XX-го съезда КПСС. Так, в середине мая 1956 г. историком С.М. Дубровским (1900–1970) в Институте истории АН СССР был прочитан доклад «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)», в обсуждении которого принял участие широкий круг исследователей: И.И. Смирнов (1909–1965), Ю.Ф. Сальников, И.У. Будовниц (1896/1897–1963), И.А. Коротков, Я.И. Линков, С.О. Шмидт (1922–2013), А.И. Казарин, А.М. Сахаров (1923–1978), А.А. Зимин, Н.Е. Носов (1924–1985), С.А. Покровский, Б.Ф. Поршнев (1905–1972), В.Т. Пашуто (1918–1983), В.Д. Королюк (1921–1981), В.И. Корецкий (1927–1985), В.Н. Шевяков и Л.В. Черепнин⁴⁴. Судя по материалам доклада, основные положения С.М. Дубровского были связаны с пересмотром различных сторон политики царя, критикой взглядов предшествующей историографии (отмечены Р.Ю. Виппер, 1859–1954, С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов). В критическом тоне по отношению к предшествующим советским трудам по эпохе Ивана Грозного была также написана статья С.М. Дубровского, вышедшая в том же году в «Вопросах истории»⁴⁵.

На фоне происходивших общественных трансформаций не могла не вызвать интерес книга Веселовского «Исследования по истории опричнины». Как отметил В.Б. Кобрин, она получила заметный интерес в различных периодических изданиях: «Ее опубликование сыграло исключительно важную роль в развитии не только исторической науки, но и общественного сознания: недаром рецензии на этот сугубо научный труд появились в литературных журналах – “Новом мире” и “Знамени”. За рубежом статьей “Мифы и реальность об Иване Грозном” откликнулся в журнале “Ринашита” известный итальянский критик Витторио

⁴⁴ Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 195–203. Достоверные сведения о годах жизни Ю.Ф. Сальникова, И.А. Короткова, Я.И. Линкова, А.И. Казарина и В.Н. Шевякова не удалось обнаружить.

⁴⁵ Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 121–129. Примечательно, что в статье упоминалась работа Веселовского о синодике опальных (1940) в контексте критики взглядов Р.Ю. Виппера о предательствах и изменах в период правления Ивана Грозного. – Там же. С. 124.

Страда»⁴⁶. Кроме того, рецензии на труды Веселовского на русском языке вышли в таких журналах как «Дружба народов»⁴⁷ и «Наука и жизнь»⁴⁸.

Значение трудов Веселовского по истории опричнины для советской интеллигенции в 1960-е гг. подчеркнуто в докладе исследовательницы Дж. Афферика⁴⁹: «Знакомство с ним [С.Б. Веселовским – Т.Х.] началось на небольшом вечере московских писателей в 1965 г. Мой хозяин, поэт подарил мне книгу “Исследования по истории опричнины”. “Как странно, – подумала я тогда, – что такая книга у поэта”. Только позднее я поняла, какое значение имела эта книга для советских интеллигентов 60-х годов. Русские историки на основании недостаточных и недостоверных источников с горечью спорят о природе и значении опричнины. И правители и историки на протяжении многих веков вынуждены были обращаться к осмыслению этого явления – синонима террора»⁵⁰. В данном случае прослеживается эффект, который в рамках классических исторических трудов был определен медиевистом и историографом Ж. Орелем как «избыток смысла» (*surplus of meaning*)⁵¹. Его суть сводится к тому, что классические произведения историков выходят за пределы заданных контекстов и дают возможность читателю задуматься об актуальных вопросах соци-

⁴⁶ Кобрин В.Б. Кому ты опасен. С. 172–173.

⁴⁷ Хохлов Р.Ф. Вклад в историческую науку // Дружба народов. 1970. № 1. С. 279–280.

⁴⁸ Кучкин В.А. Так звали наших предков // Наука и жизнь. 1975. № 9. С. 102–103.

⁴⁹ Достоверные сведения о годах жизни не удалось обнаружить.

⁵⁰ Афферика Дж. Образ Ивана Грозного в интерпретации С.Б. Веселовского // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 388. Доклад был прочитан на первых чтениях, посвященных памяти А.А. Зимина, в 1990 г. Схожая оценка трудов Веселовского в годы «оттепели» отмечена и в мемуарах известного медиевиста Е.В. Гутновой: «В нашей исторической науке в 1956–1960 гг. началось какое-то шевеление, пробуждение разума от сна, который владел нами всеми столь долгое время. Стали робко пересматривать некоторые страницы нашей дореволюционной и даже послеоктябрьской истории. Был поколеблен культ Ивана Грозного, появились книги Веселовского об опричнине, показавшие наглядно весь ужас происходившего». – Гутнова Е.В. Пережитое. С. 291.

⁵¹ Aurell J. What is Classic in History? P. 107–115.

альной жизни и, таким образом, обеспечивается взаимосвязь буквального значения и символического.

Публикация рецензий за пределами академических изданий, в особенности в известных литературно-художественных и научно-популярных журналах, свидетельствует о попытке привлечь к научному наследию Веселовского более широкий круг читателей. В рецензии С.М. Дубровского в журнале «Знамя» на книги Веселовского («Исследования по истории опричнины») и А.А. Зимина («Опричнина Ивана Грозного») подчеркивалось не только историографическое значение трудов ученых, но также этическое, что выражалось в попытке преодоления идеализации образа Ивана IV. Критика работы Веселовского почти отсутствовала, отмечен недостаток обобщающих выводов, что С.М. Дубровский связывал скорее с особенностями научных трудов Веселовского в принципе, а не конкретного исследования: «Надо сказать, что общие выводы С.Б. Веселовского очень скупы. Обычно он описывает, тщательно анализирует исследуемый факт, не прибегая при этом к сколь-нибудь широким историческим обобщениям. Однако приводимые в книге факты приобретают весьма значительный интерес, если весь фактографический анализ С.Б. Веселовского рассматривать с классовых позиций (а это единственный путь), увязывая его со всем историческим процессом того времени»⁵².

В рецензии писателя Е.Я. Дороша (1908–1972) на ту же книгу Веселовского об опричнине также подчеркивалось этическое значение публикации, однако рецензент немало внимания уделил и этосу Веселовского как историка: «Когда книга уже была прочитана, я вернулся к первым ее страницам и перечитал подчеркнутые мною строки, характеризующие Карамзина, но по сути дела выражающие взгляд Веселовского на существо работы историка вообще. Отметив как само собой разумеющееся то обстоятельство, что Карамзин как историк во многих отношениях устарел, Веселовский говорит, что “по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях

⁵² Дубровский С.М. Еще раз о «великом государе» // Знамя. 1965. № 1. С. 213–214.

и домыслах он до сих пор остается образцом, не достигаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах". Мне подумалось, что слова о добросовестности в предположениях и домыслах следует прежде всего отнести к автору этих очерков об опричнине»⁵³. Согласно Е.Я. Дорошу, именно исследовательские принципы Веселовского (тщательный анализ различных сторон исторического процесса, стремление к объективности, бескорыстность) позволили шире взглянуть на личность и политику Ивана Грозного⁵⁴.

Вопросы «гамбургского счета» ученого затронуты и в рецензии В.Н. Бочкова на «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»⁵⁵. Рецензент называл автора «истинным, неприкрытым ученым, чуждым чувства резиньяции»⁵⁶, отметил стремление к точности, а также отстаивание позиции Веселовского в привлечении результатов генеалогических исследований для изучения состава, путей пополнения и миграции, службы и земельных владений служилого класса. В.Н. Бочков связывал, таким образом, этические принципы ученого с эпистемологическими, что в итоге позволило Веселовскому создать исследования, расширившие представления об истории России допетровской эпохи. Менее хвалебный тон был в рецензии Р.Ф. Хохлова на ту же книгу⁵⁷. Автор рецензии связывал полученные Веселовским результаты, так же как В.Н. Бочков, со стремлением расширить не только источниковую базу, но также методологию исследования путем привлечения данных из других областей научного знания. Но в отличие от В.Н. Бочкова, Р.Ф. Хохлов в большей степени

⁵³ *Дорош Е.Я.* Книга о грозном царе // Новый мир. 1964. № 4. С. 261.

⁵⁴ Там же. С. 262–263. Примечательно, что в рукописи рецензия носила название «Правда о грозном царе». Название, по-видимому, было изменено после редакции текста А.Т. Твардовским (1910–1971), главным редактором журнала «Новый мир». – РГАЛИ. Ф. 3416. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁵⁵ *Бочков В.Н.* Личность в истории. С. 271–274.

⁵⁶ Там же. С. 274.

⁵⁷ *Хохлов Р.Ф.* Вклад в историческую науку. С. 279–280.

сконцентрировался на анализе топонимического подхода Веселовского⁵⁸.

Примечательно также, что добросовестность Веселовского, стремление привлечь максимально широкий круг источников подчеркивались не только в контексте советской исторической науки. Так, в рецензии Л.И. Шинделя (1924–2010) (лит. псевд. Л.И. Лазарев) на издание переписки М. Горького отмечено следующее: «Читая том “Горький и советские писатели”, думая о том, как следовало бы по-хозяйски использовать эти материалы, я вспоминал – как это ни обидно – не труды литературоведов, а только что вышедшую работу покойного академика С. Веселовского “Исследования по истории опричнины”, которая, ясно выделяясь и среди трудов историков, может, как мне кажется, служить блестящим образцом строго критической оценки и скрупулезнейшего использования всех доступных исторических источников, умения извлечь из исторического документа или факта максимальный коэффициент полезного действия. Вот чему историку советской литературы надо учиться в первую очередь»⁵⁹.

В целом, авторы рецензий и обзоров стремились не только отдать дань памяти ученому, но и подчеркнуть научное значение трудов Веселовского для советской исторической науки. Они подчеркивали фундаментальный характер трудов Веселовского и отмечали информационный потенциал вводимых в научных оборот источников, дальнейшие перспективы исследований, что только усилило процесс накопления посмертного научного капитала Веселовского.

Интерес к трудам Веселовского в том числе в общественной сфере был вызван, по всей видимости, «культурным резонан-

⁵⁸ В контексте анализа восприятия этического облика Веселовского в общественной сфере следует отдельно упомянуть краткий биографический очерк в одном из выпусков за 1987 г. научно-популярного журнала «Знание – сила». В очерке сделан акцент на тех интенциях и качествах, которые присущи ученому, чьи труды становятся «приобретением навеки»: стремление к истине, добросовестное отношение к ремеслу историка, кропотливость. – *Смирнов И.В.* Приобретение навеки // Знание – сила. 1987. № 9. С. 50–57.

⁵⁹ *Шиндель Л.И.* Ожившая история [Рец. на кн.: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963] // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 11–31.

сом»⁶⁰. Эти работы нередко рассматривались в противопоставлении с более ранней историографией советской эпохи. Например, в рецензии В.Н. Бочкова подчеркнута, что Веселовский шел «против течения», разрабатывая генеалогические исследования, выступал против стремления «писать “историю человеческого общества без живых людей”»⁶¹ или «ортодоксальных, односторонних оценок тех или иных явлений и институций средневековой Руси»⁶². Схожие черты (но все же не столь интенсивно) были отмечены и в ранее упомянутых рецензиях С.М. Дубровского и Е.Я. Дороша на работы Веселовского по эпохе Ивана Грозного.

3.3. Влияние научного наследия С.Б. Веселовского на советскую историографию

Классикализация зависит не только от специфики самого исследования (оригинальная постановка вопроса и/или пути решения), но и от обстоятельств рецепции идей ученого. Востребованность научных идей прослеживается через степень вовлеченности в научную дискуссию в последующей историографии, что только подчеркивает актуальность интеллектуального продукта. Такой характер обращения подразумевает фундаментальный научный вклад предшественника, который последующие исследователи не могут обойти стороной.

В позднесоветской историографии влияние научного наследия Веселовского проявилось, главным образом, в исследованиях по вспомогательным историческим дисциплинам, эпохе Ивана Грозного, истории землевладения Московского государства, чему во многом способствовало издание трудов Веселовского в позднесоветский период.

В позднесоветской историографии эпоха Ивана Грозного – одна из центральных тем по истории допетровской России, кото-

⁶⁰ Подробнее о «культурном резонансе» как одном из проявлений классики в науке: *Baehr P. Founders, Classics, Canons*. P. 133–134.

⁶¹ *Бочков В.Н. Личность в истории*. С. 271.

⁶² Там же. С. 272.

рая объединяла дискуссионные вопросы образования и развития единого государства, истории землевладения, опричнины⁶³. Преемственность со взглядами Веселовского по данной теме прослеживается, прежде всего, в научном творчестве А.А. Зимина и В.Б. Кобрин. С точки зрения классикализации научного наследия Веселовского, роль А.А. Зимина и В.Б. Кобрин, заключается в концептуальной включенности трудов старшего коллеги в позднесоветские историографические дискуссии по истории опричнины. В историографии многократно подчеркивалось, что, в отличие от многих предшественников и современников (например, С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского, П.А. Садикова), Веселовский не связывал опричнину с социальными преобразованиями в стране. Формирование подходов к изучению опричнины в советской историографии и вместе с тем генеалогию научных взглядов кратко проанализировал В.Б. Кобрин: «Но намечился и другой подход к проблеме. С.Б. Веселовский, отвергая всякий смысл опричной политики, видел в ней лишь плод личного столкновения царя со своими двором и, естественно, не ставил вопроса о ее социальных результатах. А.А. Зимин, подводя итоги проведенному им тщательному исследованию земельной политики опричнины, писал, что “она отнюдь не подорвала социально-экономической основы могущества феодальной аристократии. Число княжеско-боярских земельных владений в XVII в. было не меньше, чем в XIV в.”. Точку зрения, во многом совпадающую со взглядами С.Ф. Платонова и его последователей, защищают сегодня Р.Г. Скрынников и В.И. Корецкий»⁶⁴. В целом, в позднесоветской историографии закрепились точка зрения, согласно которой взгляды Веселовского, А.А. Зимина и В.Б. Кобрин имеют концептуальное родство⁶⁵.

⁶³ О работах по истории опричнины в советской историографии: *Свак Д.* Опыт микроисториографии. М., 2019. С. 138–196.

⁶⁴ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 150.

⁶⁵ *Семенченко Г.В.* [Рец. на кн.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985] // История СССР. 1988. № 3. С. 191; *Ермолаев И.П.* [Рец. на кн.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985] // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 117. Это также подчеркивалось и в пост-

Выводы во многом зависели от избранного пути исследования и корпуса источников. Веселовский был одним из первых историков, применивших результаты генеалогических исследований к теме опричнины, привлечших принципиально новые источники. А.А. Зимин, по-видимому, уже в 1950–1960-е гг. был хорошо знаком с личным фондом Веселовского в Архиве АН СССР⁶⁶ в период работы над книгой «Опричина Ивана Грозного», в которой он обращался к анализу тех же источников, что и Веселовский в своих исследованиях⁶⁷. Среди них были синодики, вкладные и родословные книги. С их помощью А.А. Зимин стремился разобраться в родственных связях служилых землевладельцев, которые играли ключевую роль в иерархии чинов и межличностных отношениях, а также изучить состав жертв, подвергшихся опале.

Подробнее А.А. Зимин привлек генеалогию в работе о формировании боярской аристократии, которая основана на его изысканиях 1950–1960-х гг.⁶⁸ Как и Веселовского, А.А. Зимина интересовали служилые люди в историческом контексте: он сконцентрировался на родословиях тех семей, представители которых составляли основу Боярской думы. Во второй части этого труда исследования Веселовского и вовсе стали отправной точкой для дальнейшей работы. Путем критики А.А. Зимин способствовал дополнению отдельных наблюдений Веселовского: «В выводы Веселовского внесены некоторые коррективы. Так, к родам, выехавшим на Русь или выдвинувшимся при Дмитрии Донском, Веселовский относит Новосильцевых и Кутузовых. Но возвышение Новосильцевых относится только к началу XVI в. <...> Сложен вопрос о происхождении рода Морозовых. Веселовский относил его к числу древнейших. Однако возвышение Морозовых при великокняжеском дворе лучше датировать концом XIV – началом XV в. <...>

советской историографии: *Панеях В.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В.Б. Кобрин (1930–1990 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24. СПб., 1993. С. 306, 311.

⁶⁶ Об этом свидетельствуют листы использования документов в делах фонда. Например: АРАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 67, 184.

⁶⁷ *Зимин А.А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964.

⁶⁸ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Нет ясности у Веселовского о времени вхождения в состав боярства потомков Редеги»⁶⁹. Необходимо также подчеркнуть методологическую преемственность А.А. Зимина и ряда других историков в послевоенные десятилетия, опиравшихся в своих работах, как и Веселовский в 1930–1940-х гг., на просопографический метод⁷⁰.

Другим примером вовлеченности исследований Веселовского в историографию тех лет может служить кандидатская диссертация В.Б. Кобрин, защищенная в 1961 г. Так, в исследовании Веселовского «Послужные списки опричников» приведены сведения (преимущественно генеалогические) о 100 опричниках⁷¹. Диссертация же В.Б. Кобрин была направлена на существенное дополнение работы Веселовского, начатой в 1950-е гг. В.Б. Кобрин в этом исследовании расширил состав опричников (до 277) и исключил из списка тех, кто, по его мнению, был включен Веселовским ошибочно или без аргументации⁷².

Преемственность научных взглядов Веселовского прослеживается и в докторской диссертации В.Б. Кобрин (защищена в 1983 г.), одном из крупнейших позднесоветских исследований по истории землевладения XV–XVI вв. Основные результаты работы были опубликованы в книге 1985 г.: «Власть и собственность в средневековой России»⁷³. Как и Веселовский, В.Б. Кобрин рассматривал особенности феодального землевладения в Северо-Восточной Руси и персональный состав землевладельцев как способ изучения политической истории, что выразилось в опоре на наблюдения и выводы Веселовского в ряде источниковедческих и концептуальных вопросов, например, при анализе жалованных грамот и земельной политики в эпоху Ивана Грозного. Как в позднесоветский, так и постсоветский периоды книга В.Б. Кобрин способствовала развитию дальнейших дискуссий по истории земельного устройства, класса феодалов, опричнины. С учетом

⁶⁹ Там же. С. 156.

⁷⁰ Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004. С. 11–12.

⁷¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 200–237.

⁷² Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 13–104.

⁷³ Кобрин В.Б. Власть и собственность.

избранного подхода и результатов исследования В.Б. Кобрин, развившего взгляды Веселовского (например, В.Б. Кобрин, как и Веселовский, считал, что земельная политика опричнины не была направлена против крупного землевладения), научное наследие последнего только упрочилось в историографии.

В позднесоветские историографические дискуссии были включены не только сторонники, но и противники взглядов Веселовского. Р.Г. Скрынников не был согласен с теоретическими взглядами Веселовского на опричнину. Например, в работе «Начало опричнины»⁷⁴ исследования Веселовского по эпохе Ивана Грозного рассматривались в духе идеологических кампаний позднего сталинизма, подчеркивалось их несоответствие теоретическим принципам марксистской историографии: «С.Б. Веселовский сводит весь конфликт опричнины к переходу Грозного из одного “двора” в другой и столкновению монарха со всем дворянством в целом. Классовый характер самодержавия как дворянской монархии полностью игнорируется, правительство рассматривается как надклассовая сила. Многие выводы С.Б. Веселовского отличаются субъективизмом»⁷⁵. Тем не менее, Р.Г. Скрынников перенял многие источниковедческие наблюдения Веселовского, стремился продолжить и усовершенствовать интеллектуальный продукт предшественника путем выявления недостатков. Так, в источниковедческом исследовании синодика опальных Ивана Грозного Р.Г. Скрынников подчеркнул несомненную ценность наблюдений Веселовского о документальном характере источника, но остался не согласен с выводами о случайности и неполноте списка опальных, что послужило основой для дальнейшего изучения⁷⁶.

О вовлеченности научного наследия Веселовского в последующие научные дискуссии по эпохе Ивана Грозного свидетельствует также стенограмма защиты докторской диссертации С.О. Шмидта «Исследования по социально-политической истории

⁷⁴ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966.

⁷⁵ Там же. С. 12–13.

⁷⁶ Скрынников Р.Г. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году // Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. Л., 1965. С. 22–86.

России середины XVI века» (1965)⁷⁷. Так, при обсуждении причастности митрополита Макария к Избранной раде М.Н. Тихомировым было отмечено следующее: «Право, вопрос о том, состоял ли митрополит Макарий или тот или иной боярин в “Избранной раде”, является куда меньшим вопросом, чем те события, которые были связаны с освоением Россией новых земель, с усилением дворянства и купечества, с внутренними реформами и сдвигами, породившими такие реформы, как Губная реформа. Нельзя все решения правительства Грозного рассматривать в виде реформ, как бы октроированных царской властью. Недаром покойный академик С.Б. Веселовский высказывал мне свое мнение о том, что Губная реформа вовсе не была новостью в России, а только возвращением к более ранним порядкам, конечно, с некоторыми изменениями»⁷⁸. Примечательно, что, согласно К.Ю. Ерусалимскому, в отзыве на диссертацию С.О. Шмидта о выдающемся значении трудов Веселовского писала и филолог В.Д. Кузьмина (1908–1968)⁷⁹. Разумеется, подобное восприятие трудов Веселовского к середине 1960-х гг. только подпитывало интерес к изданию его научного наследия, особенно с учетом выхода из печати к тому времени трудов по истории опричнины.

По теме опричнины дискутировал со взглядами Веселовского и Д.Н. Альшиц. В заключительных главах труда «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного», которые посвящены отмене опричнины, Д.Н. Альшиц выделил две основные точки зрения в историографии по данному вопросу: Р.Г. Скрынникова и Веселовского. Их аргументы были подробно разобраны и сопоставлены с источниковедческими сведениями, что позво-

⁷⁷ О защите докторской диссертации С.О. Шмидта: *Ерусалимский К.Ю. У истоков российской политической культуры: С.О. Шмидт в осмыслении абсолютизма // Археографический ежегодник за 2013. М., 2019. С. 176–214. Диссертационное дело С.О. Шмидта хранится в АРАН (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 888). В ходе данного исследования не удалось получить доступ к делу. Выводы относительно содержания защиты диссертации С.О. Шмидта приведены на основе статьи К.Ю. Ерусалимского.*

⁷⁸ Цит. по: *Ерусалимский К.Ю. У истоков российской политической культуры. С. 183.*

⁷⁹ Там же.

лило Д.Н. Альшицу поставить под сомнение вопрос отмены опричнины именно в 1572 г. и предложить свою интерпретацию⁸⁰.

Интерес к научному наследию Веселовского был также вызван ростом востребованности вспомогательных исторических дисциплин. Стали формироваться и возобновляться сборники научных трудов по вспомогательным историческим дисциплинам. Например, с 1960 г. стал выходить из печати сборник «Нумизматика и эпиграфика», с 1963 г. – «Нумизматика и сфрагистика», в 1968 г. возобновилось издание «Вспомогательных исторических дисциплин». С постепенным расширением сферы применения вспомогательных исторических дисциплин вместе с тем остро вставал вопрос о предмете их исследования и задачах⁸¹. В сложившейся ситуации неизбежным было обращение к научному наследию историков прошлых поколений для изучения того, как они применяли эти дисциплины в исследовательской практике, разрабатывали теорию и методологию и как оценивали их роль в построении исторических исследований⁸².

Параллельно активно проводились источниковедческие исследования. Так, в 1950–1980-х гг. готовился целый ряд диссертационных исследований по источникам российской истории XV–XVII вв.: в 1955 г. была защищена кандидатская диссертация В.И. Буганова «Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVII вв. как исторический источник» и Н.Н. Покровского (1930–2013) «Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV – нач. XVI вв.», в 1964 г. – А.И. Рогова (1935–1996) «Хроника Стрыйковского как исторический источник по истории России, Украины, Белоруссии и Литвы», в 1966 г. – Л.М. Марасиновой (1936–2001) «Новые псковские грамоты XIV–XV веков», в 1969 г. – М.Е. Бычковой «Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник», в 1971 г. –

⁸⁰ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 139–227.

⁸¹ *Соболева Н.А.* О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: историографический обзор за 1964–1978 гг. // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1979. М., 1980. С. 222–223; Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. С. 10–15.

⁸² *Каменцева Е.И.* История вспомогательных.

С.П. Мордовиной (1938–1992) «Земский собор 1598 года. Источники. Характер представительства» и В.С. Румянцевой (1937–2016) «Житие протопопа Аввакума как исторический источник», в 1972 г. – Ю.Д. Рыкова (1946–2020) «“История о великом князе Московском” А.М. Курбского как источник по истории опричнины», в 1973 г. – А.Л. Станиславского «Источники по истории государева двора в последней четверти XVI – начале XVII в.», в 1976 г. – Е.П. Маматовой (1934–2004) «Писцовые книги как источник по истории феодального землевладения и хозяйства Рузского уезда в XVI – 20-х гг. XVII веков», в 1983 г. – Н.М. Рогожина (1947–2022) «Посольские книги начала XVII в. как исторический источник» и А.П. Богданова «Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в.», в 1984 г. – Б.Н. Морозова «Частные архивы XVII века», в 1986 г. – А.И. Плигузова (1956–2011) «Памятники раннего “нестяжательства” первой трети XVI века», в 1989 г. – В.Н. Козлякова «Источники о формировании и составе городских служилых корпораций Верхнего Поволжья в первой половине XVII века». Отмечу также складывание научных школ в Новосибирске в середине 1960-х гг. (научная школа Н.Н. Покровского) и Свердловске в середине 1970-х гг. (Уральская школа прикладного источниковедения и археографии), которые были сконцентрированы на источниковедческих и археографических исследованиях.

Исследования Веселовского по вспомогательным историческим дисциплинам, помимо трудов А.А. Зимина и В.Б. Кобринина, нашли отражение в научном творчестве М.Е. Бычковой, одной из крупнейших исследовательниц в области генеалогии в последней трети XX – начале XXI в. В отличие от первых двух историков М.Е. Бычкову изначально интересовали, в большей степени, источниковедческие вопросы в генеалогических исследованиях Веселовского. В 1975 г. вышла ее монография на основе ранее упомянутой кандидатской диссертации⁸³. При анализе источниковедческих вопросов, она главным образом опиралась на научное наследие двух исследователей, внесших к тому времени наиболее

⁸³ Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

заметный вклад по теме ее работы, – Н.П. Лихачева и Веселовского. Если в диссертации М.Е. Бычкова продолжила работу Лихачева по анализу происхождения родословных книг (изучение редакций источников), то исследования Веселовского – по анализу содержания, т.к. во второй части работы она стремилась определить информационный потенциал этих источников для дальнейшего привлечения в историко-генеалогических исследованиях. Влияние научного наследия Веселовского прослеживается в решении источниковедческих вопросов о причинах наличия в родословцах определенных фамилий, достоверности легенд, а также связи этих источников с летописями.

О влиянии трудов Веселовского на генеалогические исследования позднесоветской эпохи также свидетельствует сборник 1977 г., посвященный памяти ученого⁸⁴. В сборнике прослеживается тесная взаимосвязь генеалогии с другими вспомогательными историческими дисциплинами (Веселовский связывал ее с ономастикой и исторической географией). Несмотря на то, что Веселовский занимался изучением родословной служилых землевладельцев XIV–XVI вв., он считал, что генеалогия может привести к существенным открытиям относительно истории других социальных групп, например крестьянства⁸⁵. Таким образом, в сбор-

⁸⁴ Сборник подготовил к изданию сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР, под редакцией Н.И. Павленко. Судя по протоколу заседания АН СССР работа над сборником работ началась по меньшей мере в 1971 г. По сравнению с планом того года существенно переработан состав статей: планировалось включить в состав 22 статьи, однако в итоговый вариант вошли 13 (в том числе опубликованы статьи, которые изначально не были включены в список 1971 г.). Переработано и название, в более раннем варианте сделан акцент на памяти ученого: «История и генеалогия. Сборник статей памяти академика С.Б. Веселовского». – АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 592. Л. 99–104.

⁸⁵ *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению. С. 206. Те же перспективы генеалогических исследований были подчеркнуты в справке о работе сектора источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР АН СССР за 1969–1974 гг., который подготовил сборник «История и генеалогия...»: «Сектор видел свою задачу в том, чтобы расширить сферу генеалогических изысканий применительно к истории целых социальных групп и слоев, прежде всего крестьянства, купечества, буржуазии, пролетариата». – АРАН. Ф. 2214 (к периоду работы над данным исследованием фонд 2214 («Буганов Виктор Иванович (1928–1996) <...>») в архиве не описан).

нике прослеживается не только изменение восприятия научного наследия ученого, внесшего ощутимый вклад в развитие генеалогии, которая в первые советские десятилетия почти не разрабатывались, но и преемственность со взглядами Веселовского в исследованиях позднесоветской эпохи.

Сборник сыграл ощутимую роль в восприятии Веселовского как *фигуры самоидентификации*. Генеалогические исследования Веселовского выделялись на фоне трудов предшественников более широкими задачами: он, в отличие от дореволюционных генеалогов, рассматривал генеалогию как *метод исследования* и связывал историю родов с наиболее важными социально-политическими процессами допетровской России, в частности, с историей землевладения. Изыскания Веселовского стали для ряда исследователей (прежде всего, А.А. Зимины, В.Б. Кобрина, М.Е. Бычковой) теоретико-методологическим ориентиром.

В изучении влияния научного наследия Веселовского по генеалогии отдельное внимание заслуживает Первая Всесоюзная конференция «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования», инициированная и организованная в 1989 г. А.Л. Станиславским, а также публикация по итогам сборника работ⁸⁶. Эта конференция была беспрецедентным по масштабу научным событием по генеалогии в СССР, на котором выступили с докладами около ста исследователей⁸⁷. Одним из наиболее часто упоминаемых ученых на страницах сборника 1994 г. (всего в сборнике 29 статей), наряду с А.А. Зиминым и А.Л. Станиславским, был Веселовский. Судя по характеру упоминаний трудов Веселовского, авторы сборника стремились подчеркнуть преемственность позднесоветской историографии с его изысканиями. Особенно это прослеживается в первых трех статьях сборника, посвященных памяти А.Л. Станиславского (автор первой статьи В.Д. Назаров, второй – А.П. Павлов), а также перспективам развития генеалогических исследований (автор – В.Б. Кобрин)⁸⁸. Так, в статьях подчеркивалось «идейное родство» трудов Веселовского

⁸⁶ Генеалогические исследования: сб. науч. тр. М., 1994.

⁸⁷ Там же. С. 3.

⁸⁸ Там же. 5–34.

и более поздней историографии: в трудах А.Л. Станиславского (изучение состава и структуры сословий в России XVI–XVII вв., исследовательские принципы⁸⁹) и А.А. Зимина (генеалогия землевладельцев XIV–XVI вв.).

В последней трети XX в., помимо генеалогии, стала возрождаться другая дисциплина, которая нашла отражение в научном творчестве Веселовского, – антропонимика. В целом, с конца 1950-х по 1970-е гг. стало появляться все больше трудов по этой дисциплине, что только усиливало интерес исследователей к научному наследию Веселовского. Исследованиями по антропонимике занимался и В.Б. Кобрин⁹⁰. Оба историка рассматривали эту дисциплину как тесно связанную с генеалогией ввиду того, что одни и те же лица могли по-разному называться (либо по именам, либо по имени и отчеству, либо по имени и прозвищу) в различных источниках, и исследователю-генеалогу следует, прежде всего, разобраться в вопросе принадлежности определенному лицу того или иного антропонима.

В 1950–1980-е гг. заметное место в историографии занимали труды Веселовского, опубликованные еще при жизни. Особенно это относится к исследованиям о землевладении, в том числе книге «Феодальное землевладение...», которая подверглась идеологической критике в период позднего сталинизма. Так, И.И. Смирнов во введении к книге А.И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.»⁹¹ подчеркнул, что история землевладения является одной из центральных тем истории феодализма, но в советской историографии почти не рассматривалась, не считая трудов Веселовского, в том числе подразумеваемая книга о феодальном землевладении: «В советской же историографии вопросы истории феодального землевладения для периода XV–

⁸⁹ А.П. Павлов о А.Л. Станиславском: «Как и Веселовский, он стремился максимально отрешиться от предвзятых, заранее составленных суждений и концепций и главную задачу историка видел в расширении круга известных фактов, в поисках нетрадиционных путей исследования». – Павлов А.П. История служилого сословия России XVI–XVII вв. в трудах А.Л. Станиславского // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. М., 1994. С. 17.

⁹⁰ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 169–198.

⁹¹ Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

XVI вв. не подвергались специальному монографическому изучению (за исключением работ *акад[емика] С.Б. Веселовского, которые, однако, стоят на порочных методологических основах и дают неверную схему истории феодального землевладения*) [курсив мой – Т.Х.]»⁹². Сам А.И. Копанев в этой книге опирался не только на фактические сведения из трудов Веселовского, но также выводы: «С.Б. Веселовский, наблюдая земельные приобретения многих монастырей Руси во второй половине XVI в., установил, что стремление боярства дать земли в монастырь в пору опричнины было повсеместным. Сдавая вотчину в монастырь, боярин обеспечивал тем самым свое будущее. Ярким примером может служить история вотчины боярина Федорова»⁹³.

В позднесоветский период книга «Феодальное землевладение...» имела совершенно иную оценку в историографии. Н.Е. Носов отметил, что Веселовский рассматривался как «автор крупнейшего в советской историографии специального исследования по истории феодального землевладения в Северо-Восточной Руси»⁹⁴. Схожую оценку получила книга и в биографическом очерке В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянова 1989 г.: «Для сегодняшнего исследователя книга Веселовского – фундаментальный классический труд, многие выводы которого прочно вошли в научный оборот»⁹⁵.

Влияние трудов Веселовского, опубликованных при жизни, прослеживается и в научном творчестве Л.В. Черепнина. Несмотря на критику юридических трактовок Веселовского, Л.В. Черепнин в работе об образовании русского централизованного государства стремился адаптировать отдельные наблюдения из «Феодального землевладения...» к марксистской теории⁹⁶. Например, опора на

⁹² *Смирнов И.И.* Предисловие // История землевладения Белозерского края. С. 3.

⁹³ *Копанев А.И.* История землевладения. С. 182.

⁹⁴ *Носов Н.Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 52.

⁹⁵ *Аверьянов К.А., Кобрин В.Б.* С.Б. Веселовский. С. 27.

⁹⁶ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 121.

изыскания Веселовского была необходима автору для иллюстрации права родового земельного выкупа как одной из тенденций развития феодальной собственности в XIV–XV вв. или для уточнения вопросов условного землевладения, поместной системы⁹⁷. В книге Л.В. Черепнин опирался и на другие труды Веселовского, опубликованные при жизни, в частности, на исследование «Село и деревня...». Так, в параграфе об образовании промысловых поселков и сельских торжков наблюдения Веселовского способствовали формированию выводов о становлении в XV в. поселений промыслово-торгового типа как одного из факторов образования экономических связей: «С.Б. Веселовский поднял очень интересный вопрос о возникновении в Северо-Восточной Руси в период образования централизованного государства сельских торжков. Автор относит это явление “ко второй половине XV в. и последующему времени”. Но для второй половины XV в. он приводит только два примера, свидетельствующих о наличии торжков в селах. Данные, приведенные Веселовским и широко затем использованные в советской литературе, относятся к селам Медне Новоторжского уезда и Клементьеву Радонежского уезда. Между тем в распоряжении исследователей имеется гораздо больший материал о сельской торговле во второй половине XV в.»⁹⁸.

Тема феодального землевладения с опорой на научное наследие Веселовского получила развитие и в исследованиях Ю.Г. Алексеева. В книге «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд» автор выделил изыскания во взглядах Веселовского на мелкую вотчину⁹⁹. А.Ю. Алексеев подчеркивает, что в трудах Веселовского прослеживается наиболее подробная характеристика в советской историографии (к 1966 г.) складывания мелкой вотчины, но в то же время отмечает лишь две социальные категории (обедневших потомков феодалов и холопов), которые находились в центре внимания автора «Феодального землевладения...»: «Однако другая сторона истории мелкой вотчины – ее взаимоотношения с волостными крестья-

⁹⁷ Там же. С. 191, 197, 199, 205.

⁹⁸ Там же. С. 304.

⁹⁹ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966. С. 49–51.

янами – ускользает из поля зрения исследователя, что является непосредственным следствием общей концепции С.Б. Веселовского, игнорировавшего черную волость. Отсюда вытекает и то, что С.Б. Веселовский не различает в составе мелких вотчинников две социальные категории, имеющие различную природу и различное значение: мелкое крестьянское владение, вырастающее на почве разлагающейся волости и проявляющее тенденцию перерасти в феодальную собственность, и мелкое феодальное владение – осколок раздробившейся крупной вотчины»¹⁰⁰. В итоге, это замечание позволило Ю.Г. Алексееву прийти к ряду выводов об особенностях светской феодальной вотчины в Переяславском уезде XV в.¹⁰¹ Следует подчеркнуть характер критики: не ставится под сомнение привлечение концепции по идеологическим соображениям, а выделен недостаток, который позволил выработать новое теоретическое построение путем дополнения / усовершенствования уже существующего.

Подвергались критике труды Веселовского, опубликованные в дореволюционный период. В статье Л.В. Милова о писцовых книгах была пересмотрена концепция Веселовского о сошном письме и принципы работы с писцовыми книгами¹⁰². Замечу, что сама постановка цели анализа скептических взглядов Веселовского на информационный потенциал писцовых книг в изучении экономической системы Московского государства, свидетельствует о степени влияния его взглядов на позднесоветскую историографию¹⁰³. Как отметил историк А.А. Фролов (1974–2024),

¹⁰⁰ Там же. С. 50.

¹⁰¹ Там же. С. 67.

¹⁰² Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского) // История СССР. 1978. № 2. С. 127–142.

¹⁰³ А.Л. Станиславский в отзыве на исследование Л.В. Милова, М.Б. Булгакова, И.М. Гарсковой «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования» 1986 г. стремился дать оценку через историографическую полемику, противопоставление позиций авторов коллективного труда об объективном критерии писцовых описаний с мнением об условности всей системы «сошного письма», которое восходит к Веселовскому. – АРАН. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 66. Л. 22–23. Об интересе к писцовым и переписным книгам в позднесоветской историографии см. также: Водарский Я.Е., Дмитриева З.В. Первое Всероссийское научно-практическое

«с позиций, близких к точке зрения С.Б. Веселовского, к информативным возможностям писцовых книг XVII в. подходили позднее А. Савич, Ю.А. Тихонов, А.Л. Шапиро, В.А. Аракчеев»¹⁰⁴.

Отдельное внимание следует уделить анализу восприятия научного наследия Веселовского в обобщающих историографических трудах. В этих трудах, как правило, ставится задача проследить основные вехи развития истории исторической науки, поэтому упоминание отдельного представителя научного направления или школы свидетельствует о признании фундаментального вклада в накопление научно-исторического знания. Хотя в этих трудах теоретические взгляды Веселовского часто рассматривались как несовместимые с мейнстримом советской историографии, все же в качестве значительного вклада в развитие исторической науки признавалось введение в научный оборот новых источников, а также источниковедческие подходы работы с ними.

Не менее важную роль для изучения классикализации представляют исследования по теории и методологии / методике исторических исследований. Они также способствуют профессионализации исследователей и часто привлекаются в учебной сфере (как и обобщающие исследования по историографии), а также в качестве справочников. В подобной литературе советской эпохи Веселовский упоминался редко (ввиду того, что ученый воспринимается в научной среде как «историк-эмпирик», а не «историк-теоретик / методолог») и присутствовали лишь отсылки (чаще всего для уточнения или иллюстрации утверждения), как например, в книге А.П. Пронштейна (1919–1998)¹⁰⁵ или его учебном пособии, написанном совместно с И.Н. Данилевским¹⁰⁶.

Дореволюционное научное наследие Веселовского рассматривалось в исследовании по истории источниковедения второй

совещание по изучению и изданию писцовых и переписных книг конца XV – начала XVIII века // История СССР. 1989. № 4. С. 214–217.

¹⁰⁴ Фролов А.А. Историография исследовательских подходов.

¹⁰⁵ Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971. С. 57, 77, 113, 159, 201, 332.

¹⁰⁶ Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования: учеб. пособие для вузов по спец. «История». М., 1986. С. 9, 126, 131–132, 166–167, 172–173, 191, 203.

половины XIX – начала XX в. А.П. Пронштейна¹⁰⁷. В книге А.П. Пронштейн оценивал научный вклад ученых в контексте внедрения в научный оборот новых источников и эволюции источниковедческого анализа. Так, научное наследие Веселовского проанализировано в рамках истории источниковедческого исследования писцовых книг¹⁰⁸.

Контрастная оценка научному наследию Веселовского дана в «Очерках истории исторической науки в СССР» (далее – «Очерки...»). В третьем томе «Очерков...», посвященном историографии конца XIX – начала XX в., о трудах Веселовского упоминается в главах об изучении русской истории (5-я глава, автор – Л.В. Черепнин), а также по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам (в 11-й главе, подглава по источниковедению, автор – С.М. Каштанов; в 12-й главе, подглава по нумизматике, автор – В.Л. Янин (1929–2020))¹⁰⁹. В главе Л.В. Черепнина научный вклад Веселовского в изучении истории тягла рассмотрен в контексте дореволюционной историографии, связан с трудами А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова по данной теме. В советской историографии уже в 1960-е гг. перечисление трех ученых в данном контексте становится классическим, частью устоявшегося научного наследия¹¹⁰: встречается в учебном пособии «Историография истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)»¹¹¹ и в курсе лекций А.Л. Шапиро (1908–1994) (а также в учебном пособии 1993 г.)¹¹². В тексте В.Л. Янина Веселовский

¹⁰⁷ Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991.

¹⁰⁸ Там же. С. 499–501.

¹⁰⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III. С. 283, 336–338, 571, 630.

¹¹⁰ Кроме Веселовского, А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова в главе также упоминаются М.А. Островская и А.Я. Ефименко (в сноске). – Очерки истории исторической науки. Т. III. С. 336.

¹¹¹ Историография истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1961. С. 430.

¹¹² Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 111; *Его же*. Историография с древнейших времен до 1917 года: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 662.

упоминается в контексте дискуссии с С.И. Чижовым о понижении веса монет при Василии Шуйском, а у С.М. Каштанова в истории источниковедения писцовых книг. В итоге, критические замечания в томе применительно к трудам Веселовского можно назвать умеренными: он рассматривался как крупный ученый в период империализма, но в то же время отмечено игнорирование классового подхода (С.М. Каштанов), приверженность формально-юридической позиции (Л.В. Черепнин).

В том же ключе оценивалось научное наследие Веселовского в четвертом томе «Очерков...», посвященном советской историографии 1917 – середины 1930-х гг. Кроме упоминания Веселовского в контексте работы с А.И. Яковлевым над архивом Троице-Сергиева монастыря (в 3-й главе о создании научно-исторических учреждений и формировании кадров историков-марксистов, подглава о РАНИОНе, автор – Л.В. Иванова, 1928–1999), исследований по истории закрепощения крестьян, он также продолжал рассматриваться как представитель юридического направления, но уже в рамках советской историографии (в 5-й главе об историографии СССР довоенного периода, подглава об изучении феодализма, авторы – А.А. Преображенский (1925–2002) и А.А. Зимин)¹¹³. При этом все также подчеркивалось стремление ученого обогатить историческую науку новыми источниками: «С формально-юридических позиций “государственной школы” написано было большое исследование С.Б. Веселовского о происхождении “вотчинного режима” на Руси. <...> Он собрал много интересных актовых материалов, сделал ряд тонких наблюдений по вопросу об объеме судебных и податных привилегий землевладельцев, но его общая концепция фактически устарела уже в момент ее появления в печати»¹¹⁴.

На фоне двух предыдущих томов «Очерков...» выделялась оценка научного наследия Веселовского в заключительном томе, хронологически охватывающем советскую историческую науку от середины 1930-х до конца 1960-х гг. Труды Веселовского уже

¹¹³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 235, 275, 278.

¹¹⁴ Там же. С. 275.

рассматривались не как «компромиссные», а как «золотой фонд советской историографии»¹¹⁵. Очередной раз подчеркивался научный вклад Веселовского введением в научный оборот архивных материалов (1-й глава, подглава «Развитие советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие», автор – Л.В. Черепнин)¹¹⁶, а также в разработку теоретических вопросов архивного дела, источниковедения и археографии (2-й глава, подглава «Архивные учреждения», автор – Г.Д. Алексеева, 1932–2016)¹¹⁷. Особенно выделялось научное наследие Веселовского в 3-й главе об истории феодализма (подглава «Изучение истории средневековой России», автор – Л.В. Данилова, 1923–2012)¹¹⁸. В этой главе рассмотрены исследования Веселовского по истории феодального землевладения и опричнины, в том числе опубликованные посмертно, подчеркивалось их влияние на дальнейшую историографию¹¹⁹. Здесь же он упоминался и в другом «классическом списке» – среди крупнейших исследователей *позднесоветской эпохи* по истории опричнины, наряду с В.Б. Кобриним, А.А. Зиминым и Р.Г. Скрынниковым¹²⁰.

Таким образом, на страницах трех томов «Очерков...» Веселовский рассматривался как противоречивая фигура в советской исторической науке. С точки зрения советского научного этоса он, с одной стороны, имел черты образцового ученого – стре-

¹¹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 130. Примечательно, что в учебном пособии А.М. Дубровского (2018) к данному фрагменту дан следующий комментарий, которым автор вписывал научное наследие Веселовского в более широкие рамки: «Уточняя высказанную высокую оценку творчества ученого, нужно сказать, что труды Веселовского – это золотой фонд не только советской истории науки, а просто исторической науки нашей Родины». – *Дубровский А.М.* Степан Борисович Веселовский. С. 5.

¹¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 13.

¹¹⁷ Там же. С. 72

¹¹⁸ Там же. С. 129–132, 137, 140, 141, 172, 177.

¹¹⁹ Характеристика Л.В. Даниловой «Феодального землевладения...» Веселовского в V-м томе (Там же. С. 130–131), в целом, схожа с той, которая дана в посмертно изданной работе «Теоретические проблемы феодализма в советской историографии» (составлена в конце 1960-х гг., однако отдельные фрагменты книги перерабатывались в последующие годы): *Данилова Л.В.* Теоретические проблемы феодализма в советской историографии. М., 2024. С. 219–221.

¹²⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 177.

мился привлечь как можно больше источников, выработать новые подходы при работе с ними, стремился к объективности¹²¹. С другой – игнорирование классового подхода и вместе с тем попытка выработать иные пути исторического исследования оценивались как отклонение от общенаучных принципов советского ученого. В совокупности научный вклад Веселовского, несмотря на отклонения от классового подхода, невозможно было игнорировать.

Подводя итоги данного раздела необходимо подчеркнуть, что востребованность трудов Веселовского в позднесоветской историографии проявилась в *различных проблемах* допетровской истории России. Иными словами, с учетом постоянного интереса к научному наследию Веселовского, были востребованы не отдельно взятые разработки, а львиная доля корпуса трудов. Эта особенность прослеживается и в контексте осмысления судьбы научного наследия Веселовского его современниками. В частности, Л.В. Черепнин в статье 1977 г. отметил, что без трудов Веселовского «нельзя изучать ни одну большую проблему истории России XIV–XVII вв.»¹²², и что его научное наследие вовлечено в исследования крупных советских историков, среди которых упомянуты С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, К.В. Базилиевич, Б.А. Романов, И.И. Смирнов, Н.В. Устюгов. В схожем ключе влияние научного наследия Веселовского оценивалось и в мемуарах А.А. Зимина, при этом мемуаристом были упомянуты историки иного поколения. Особое значение придавалось трудам Веселовского по истории опричнины, которые вызвали интерес в научном творчестве «С.М. Каштанова, В.Б. Кобрин, В.Д. Назарова, Б.Н. Флори, А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова»¹²³. Высоко оценивалась и роль книги 1947 года о феодальном землевладении, которая, согласно мемуаристу, «стала мощным стимулом к дальнейшему исследованию истории землевладения на Руси (работы Г.В. Абрамовича, Ю.Г. Алексева, А.Я. Дегтярева, А.А. Зи-

¹²¹ В V-м томе труды Веселовского также рассматривались в числе тех, которые позволили «более объективно и всесторонне оценить деятельность Ивана Грозного». – Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 29.

¹²² Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский. С. 39.

¹²³ Зимин А.А. Храм науки. С. 153.

мина, Л.И. Ивиной, А.И. Копанева, С.М. Каштанова, В.Б. Кобрина, Л.В. Черепнина и многих других, в частности авторов «Аграрной истории Северо-Запада России»)»¹²⁴.

3.4. Память историков о личности и научном наследии С.Б. Веселовского

Классикализация, как показано в исследовании В.П. Корзун, тесно связана с этическими установками, которые разделяет научное сообщество¹²⁵. В свою очередь именно этические принципы побуждают ученых участвовать в коммеморации научного наследия предшественников. Коммеморация выступает как воспроизведение наиболее значимых идей, подходов, концепций, исследовательских принципов, выраженных в научной самости и деятельности ученого¹²⁶.

В советской исторической науке один из «всплесков» коммеморативных практик был в период «оттепели», когда проходила реабилитация научного наследия ученых¹²⁷. Во многом коммемо-

¹²⁴ Там же. С. 154.

¹²⁵ Корзун В.П. Пантеон классиков в советской историографии. С. 57–58.

¹²⁶ Подробнее о коммеморативных практиках, посвященных историкам в советский и постсоветский периоды: Богомазова О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историка в XX – начале XXI века: дис... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Челябинск, 2013; Поляков И.А. С.Б. Веселовский и его наследие. С. 153–157; Боднарчук Д.В. Коммеморации, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 5. С. 194–212; Ростовцев Е.А. Юбилей и памятные даты А.С. Лаппо-Данилевского // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 4. С. 207–218.

¹²⁷ Груздинская В.С. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 3. С. 220–231; Тихонов В.В. «Труды С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»: К истории издания трудов С.М. Соловьева в СССР в 1950–60-е гг. // С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка. М., 2020. С. 274–280; Метель О.В. Конструирование памяти корпорации советских историков в 1960–1980-х гг.: Н.М. Лукин и возвращение имен «забытых» исследователей // Исто-

ративные практики того времени были тесно связаны с (пере)изданием трудов предшественников. С одной стороны, этот процесс, как и деятельность комиссий по изданию трудов ученых в целом, был направлен на расширение теоретико-методологического арсенала исследователей, введение в научный оборот ряда неопубликованных, но актуальных научных исследований предшественников. С другой – деятельность специальных комиссий, в которые входили коллеги и ученики известных ученых, была направлена на фиксацию норм и ценностей научно-профессионального сообщества, трансляцию ценностных установок, преемственность научного знания, демонстрацию достижений советской и дореволюционной науки, воспроизведение, т.е. переиздание, наиболее значимых для научного сообщества трудов предшественников. Таким образом, посмертная публикация трудов и переиздание является актом самоидентификации, способствует закреплению памяти об ученом, сохранению и распространению его научных достижений¹²⁸.

В 1950–1980-е гг. были составлены обзоры личного архивного фонда Веселовского¹²⁹, библиографии трудов¹³⁰, статьи в энцикло-

педия России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2021. С. 495–502.

¹²⁸ Совмещение двух интенций в издании научного наследия Веселовского подчеркнул В.Б. Кобрин в рецензии 1991 г. на «Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века»: «На первый взгляд, рецензируемая книга не представляет ничего необычного: публикация источников, рассчитанная на узкого специалиста. Но на титульном листе составителем значится С.Б. Веселовский, умерший за 38 лет до выхода книги в свет <...> Что это? Дань уважения к памяти ученого? Не только. Прежде всего, это завершение фундаментальной публикации источников, создающей прочную основу для изучения не только писцового дела, но и самых разных сторон жизни России XVII в.». – *Кобрин В.Б.* [Рец. на кн.: Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / сост. С.Б. Веселовский; под. ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1990] // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 197.

¹²⁹ [*Бастракова М.С.*] Веселовский Степан Борисович // Архив АН СССР. Обзор архивных материалов. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 194–195; *Левшин Б.В.* Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 257–266.

¹³⁰ *Левшин Б.В.* Библиография трудов С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 401–404; *Аверьянов К.А., Кобрин В.Б.* С.Б. Веселовский. С. 64–67.

лопедиях¹³¹, опубликован сборник, посвященный памяти ученого¹³², однако именно (пере)издание научного наследия вместе с тем способствовало формированию и закреплению Веселовского как локального классика¹³³ в советской и постсоветской историографии. Именно посмертно опубликованные труды укрепили интерес к научному наследию ученого в историографии.

Значение научного наследия также отразилось в восприятии личности ученого. В воспоминаниях Л.В. Черепнина зафиксирован образ Веселовского как кропотливого историка¹³⁴. В заметках Л.В. Черепнина к выступлению в честь 70-летнего юбилея Веселовского от 16 сентября 1946 г. отмечены и этические принципы ученого: «И не могу здесь не остановиться также на высоком моральном облике Степана Борисовича. Это ученый в лучшем смысле слова, чрезвычайно скромный и простой. К нему легко обратиться за советом, помощью. Поэтому у него на квартире часто бывают совсем юные исследователи, недавно сошедшие со студенческой скамьи, и беседы с ними поставляют Степану Борисовичу радость. Степана Борисовича можно назвать тружеником науки. Он не терпит барского, аристократического отношения к научным занятиям. Он считает, что так наз[ываемая] “черновая работа” является необходимым элементом научного творчества. Достаточно сказать, что большинство копий с документов его исключительного собрания переписано его собственной рукой»¹³⁵.

¹³¹ Ввиду большого количества статей в энциклопедиях далее буду приведены лишь некоторые: Веселовский Степан Борисович // Малая советская энциклопедия. 3-е изд. 1958. Т. 2. С. 344; *Рубинштейн Н.Л.* Веселовский Степан Борисович // Советская историческая энциклопедия. 1963. Т. 3. С. 393–394; *Его же.* Веселовский Степан Борисович // БСЭ. 3-е изд. 1971. Т. 4. С. 569–570.

¹³² История и генеалогия. С.Б. Веселовский.

¹³³ О понятии «локальный классик»: *Плешков А.А.* Классикализация и рецензирование в современной аналитической теологии: случай неозтернализма // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 154.

¹³⁴ *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. С. 89–91.

¹³⁵ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 14. Л. 14. – В схожем ключе приведен образ Веселовского и в конце статьи 1977 года: *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский. С. 39–41. Согласно мемуарам Н.И. Павленко, Л.В. Черепнин готовил статью о научном пути Веселовского к 75-летию ученого (в 1951 г.)

Высоко оценивал научное наследие Веселовского и М.Н. Тихомиров. В дневнике 26 января 1952 г. он записал следующее: «С.Б. Веселовский в области изучения документов был по-своему новатор. Разрядные книги, синодики, копейные книги он первый ввел в обиход»¹³⁶. С большим пиететом к нему относился и А.Л. Станиславский. В интервью 1989 г., проведенном студентами I-го курса МГИАИ, А.Л. Станиславский высоко отзывался о коллеге: «Не поступив в аспирантуру, я пришел в Архив Академии наук. Там я занимался комплектованием и описанием личных фондов, а позднее публикацией трудов *крупнейшего историка нашего столетия С.Б. Веселовского* [курсив мой. – Т.Х.]»¹³⁷.

Отдельного внимания заслуживает восприятие этических исследовательских принципов Веселовского. Востребованность научной классики проявляется не только в актуальности идей, но и в определенной совокупности личных качеств их создателей. Классики нередко рассматриваются как носители норм, ценностей и добродетелей, которые также участвуют в формировании научного знания. Так, В.Б. Кобрин в книге «Кому ты опасен, историк?» не скрывал симпатий к Веселовскому как ученому из-за личных качеств: «Твердость Веселовского проявилась, прежде всего, в сюжетах его исследовательских работ <...> Когда читаешь книги Веселовского, то возникает ощущение, что людям, глаза которых закрыты шорами различных концепций, ученый пытается растолковать, как обстояло дело в действительности <...> Главным гражданским и научным подвигом Веселовского стала его борьба против возвеличивания Ивана Грозного и его террора <...> Веселовский – лишь один, быть может, наиболее яркий, пример мужественной стойкости ученого»¹³⁸. Схожий «агио-

для «Исторических записок». Работа над статьей велась еще до идеологических кампаний и после получения первой верстки автор стал переделывать ее с учетом событий конца 1940-х гг. (тут мемуарист ссылался на слова И.У. Будовница, ответственного секретаря «Исторических записок» в те годы). Но в итоге Л.В. Черепнин отказался от ее печати. – *Павленко Н.И.* Воспоминания историка. С. 119.

¹³⁶ Академик М.Н. Тихомиров. С. 328.

¹³⁷ [Из воспоминаний А.Л. Станиславского] // *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры. С. 56.

¹³⁸ *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен. С. 170–174.

графический дискурс» прослеживается и в мемуарах А.А. Зимины, в которых выделены такие добродетели Веселовского, как стремление к истине, целеустремленность, трудолюбие, непосредственно участвовавшие в научной деятельности¹³⁹. При этом трудно говорить об идеализации личности ученого на страницах «Храма науки», о чем, например, может свидетельствовать фрагмент о разгромной рецензии на книгу А.И. Яковлева о холопстве и холопах в Московском государстве XVII в., которая рассматривалась А.А. Зиминым как «темное пятно» в научной биографии Веселовского¹⁴⁰. Тем не менее, личность старшего коллеги явно выделялась с точки зрения научного этоса на фоне других исследователей.

В итоге, для ряда советских историков, чьи научные интересы были связаны с допетровской историей России, Веселовский был не только предшественником, оказавшим ощутимое влияние на последующую историографию, но также членом своеобразной референтной группы, в которую включались представители научной корпорации в зависимости от этических ориентиров и исследовательских принципов мемуариста. Отдельно замечу важность публикации источников личного происхождения как самого Веселовского, так и в особенности других историков *в постсоветский период*, что способствовало не только фиксации, но и поддержанию корпоративной солидарности при новых социокультурных обстоятельствах.

3.5. Научное наследие С.Б. Веселовского в образовательной сфере

Другой неотъемлемый критерий научной классики – ее вовлеченность в образовательный процесс. Она может рассматриваться для студентов, с одной стороны, как *образец* (например, с точки зрения теоретико-методологических построений или по структу-

¹³⁹ Зимины А.А. Храм науки. С. 147–156.

¹⁴⁰ Там же. С. 154–155.

ре текста), а с другой – как *источник новых идей*, т.к. в контексте новых явлений в общественной и научной сферах изыскание может привести новый взгляд в научных направлениях или дисциплинах¹⁴¹. Более того, изучение научных классических текстов, особенно в гуманитарных и социальных науках, является одним из основных инструментов профессионализации учащихся, механизмом формирования и развития компетенций, умений и навыков. Изучать то, какую литературу следует осваивать студентам и аспирантам в образовательном процессе, можно через программы учебных курсов. Включение же классических работ в список литературы программы предполагает их непосредственное изучение студентами / аспирантами. При этом надо учитывать, что далеко не все работы, включенные в программу, являются классическими. Вероятно, для формирования списка литературы к курсу (или вступительным испытаниям / аттестациям) преподаватели руководствуются двумя тактиками, не исключаящими друг друга. Это отбор исследовательской литературы, в которой отражено современное состояние конкретной научной области (поэтому в программу часто включаются относительно новые исследования), и/или включение в список фундаментальных работ, которые предпочтительнее на фоне более новых, т.к. заложили основы научного направления или дисциплины.

В 1950–1980-е гг. работы Веселовского нечасто включались в учебные программы курсов / дисциплин, в том числе связанных со вспомогательными историческими дисциплинами, источниковедением, историографией и историей СССР. Ситуация меняется в постсоветское время: с 1990-х гг. труды Веселовского все чаще встречаются в учебных и аттестационных программах. Вероятно, причина кроется в самом процессе издания научного наследия Веселовского, который растянулся до конца XX в. Прежде чем эти труды вошли в образовательный процесс, требовалось их более подробное осмысление в научной сфере. Отдельно замечу, что в программы по вспомогательным историческим дисциплинам ред-

¹⁴¹ Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 289.

ко входили разделы по генеалогии и ономастике, т.е. дисциплинам, которые получили развитие в научной деятельности Веселовского.

В целом, изучение вопроса о вовлеченности трудов ученого в образовательный процесс через учебники / учебные пособия представляется менее продуктивным, т.к. составитель программы подразумевает непосредственное знакомство с трудами, включенных в список литературы, в то время как в учебниках / учебных пособиях могут быть лишь отсылки к тем или иным научным работам. Тем не менее, труды Веселовского упоминаются в учебной литературе 1950–1980-х гг. по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам¹⁴².

Для изучения классикализации историков представляется перспективным привлечение учебников / учебных пособий по историографии¹⁴³. В учебную литературу по данной дисциплине включается материал, который прочно вошел в историографию, наглядно показывает этапы развития исторической науки, а также научный вклад наиболее заметных ученых в этот процесс. Как и в обобщающих исследованиях по историографии, в учебной литературе затрагивалось преимущественно дореволюционное научное наследие ученого. В учебном пособии «Историография истории СССР»¹⁴⁴ 1961 г. в сжатом виде приведены результаты работы Веселовского с писцовыми книгами в рамках исследования о сошном письме. Те же аспекты научного творчества рассмотрены и в курсе лекций А.Л. Шапиро 1962 г.¹⁴⁵ Однако в кур-

¹⁴² *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР с древнейшего времени до конца XVIII века: учебное пособие. М., 1962. С. 234; *Пронштейн А.П.* Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками: учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. 2-е изд., доп. М., 1972. С. 63; *Каменцева Е.И.* История вспомогательных. С. 24, 30; Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., доп. М., 1981. С. 122, 127–128; *Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А.* Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов. М., 1984. С. 179.

¹⁴³ *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* А.С. Лаппо-Данилевский и каноны профессионализма советского историка (по материалам учебников по историографии) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 239–253.

¹⁴⁴ Историография истории СССР.

¹⁴⁵ *Шапиро А.Л.* Русская историография. С. 111. Упомянута также статья Веселовского «Учреждение опричного двора в 1565 года и отмена его в 1572 году»

се лекций ленинградского историка научное наследие Веселовского рассмотрено более критично: «Опубликованное им в 1915–1916 гг. двухтомное исследование “Сошное письмо” написано довольно бессистемно и лишено сколько-нибудь серьезных обобщений, но оно содержит много важного материала, необходимого для критической оценки писцовых книг. Более ценна в этом отношении его двухтомная публикация “Акты писцового дела” (Т. I, М., 1913; Т. II, М., 1917)»¹⁴⁶.

Обращение преимущественно к дореволюционному наследию Веселовского как в учебной литературе, так и обобщающих трудах по историографии (за исключением «Очерков...») связано по меньшей мере с двумя причинами. Необходимо учитывать хронологические рамки исследований / учебных пособий. Упомянутые ранее работы А.П. Пронштейна и А.Л. Шапиро ограничивались лишь началом XX в. В данном контексте выделяется учебник 1982 г. по историографии истории СССР под редакцией И.И. Минца (1896–1991), в котором, исходя из хронологических рамок работы, упомянуты исключительно исследования Веселовского написанные с 1920-х гг.¹⁴⁷ В учебнике его работы упомянуты преимущественно в нейтральном ключе, без резких оценок. Были отмечены труды Веселовского по закреплению крестьян, о селах и деревнях, по эпохе Ивана Грозного, которые, в целом, вписывались в советскую историографию (в том числе, в позднесоветскую)¹⁴⁸. Выделялась лишь оценка исследования «Феодальное

в контексте рассмотрения взглядов С.Ф. Платонова на опричнину, как и в курсе лекций А.Л. Шапиро 1962 г., так и в его учебном пособии 1993 г. – *Шапиро А.Л. Русская историография. С. 47; Его же. Историография с древнейших времен. С. 592.*

¹⁴⁶ *Шапиро А.Л. Русская историография. С. 111.* Данный фрагмент также есть и в учебном пособии 1993 г., однако присутствует дополнение в виде сноски. В ней А.Л. Шапиро рассмотрел идеи Веселовского в контексте позднесоветской дискуссии о перспективе применения писцовых книг, затронутой в книге «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования» (1986) Л.В. Милова, М.Б. Булгакова, И.М. Гарсковой: *Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен. С. 662–663.*

¹⁴⁷ *Историография истории СССР: эпоха социализма / под. ред. И.И. Минца. М., 1982.*

¹⁴⁸ Там же. С. 86, 116, 152, 209.

землевладение...», которая была дана в той же логике, что и в предисловии Л.В. Черепнина к этой книге в 1947 г. Тем не менее, оценка опять же не была столь резкой: было отмечено, что, с одной стороны, в книге собран «превосходно изученный материал о владениях Московского митрополичьего дома»¹⁴⁹, а с другой – проблема происхождения и сущности феодального иммунитета рассматривалась с устаревших позиций.

Другая причина обращения в основном к дореволюционным трудам Веселовского связана с целеполаганием учебной литературы. Исходя из образовательной направленности, она имеет кумулятивный характер изложения уже известного в науке знания, которое прочно вошло в историографию. В результате чего, как отметили Д.М. Колеватов и В.П. Корзун, учебникам / учебным пособиям свойственно отставание от исследовательских новшеств¹⁵⁰.

3.6. Восприятие научного наследия С.Б. Веселовского в конце XX – первые десятилетия XXI в.¹⁵¹

В целом, несмотря на давность создания исследований Веселовского, в позднесоветскую эпоху они продолжали участвовать в научных дискуссиях, формировании нового научного знания. С оговорками, но все же соответствовали труды Веселовского и номинальной функции классики: чаще всего исследователи называли его труды «фундаментальными» (а самого автора «крупнейшим / видным историком / исследователем» в контексте трудов по допетровской истории России), хотя в редких случаях

¹⁴⁹ Там же. С. 149.

¹⁵⁰ Колеватов Д.М., Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский и каноны профессионализма. С. 249.

¹⁵¹ Публикации, посвященные личности и научному творчеству Веселовского, проанализированы во введении, поэтому в данном разделе они не представлены.

употреблялись слова «классика»/«классический»¹⁵², а также включались в учебные пособия, что соответствовало функциональному критерию, использованию в образовательной сфере. В совокупности это создало основу для формирования классики уже к концу советской эпохи.

В постсоветскую эпоху критерии классики проявились в более интенсивной форме, за исключением номинальной функции. Веселовский упоминался как классик (или его труды как классические) в постсоветской историографии¹⁵³. Однако, как и в советскую эпоху, исследователи чаще всего используют менее строгие эпитеты. Как отметила И.М. Савельева, историки, несмотря на глубокое почтение к своим предшественникам, редко используют понятие «классика» по отношению к ним и чаще привлекают более осторожные для обозначения научного вклада эпитеты «выдающийся», «фундаментальный» и т.д.¹⁵⁴ Во многом данная проблема кроется в специфике самой истории, в которой, при условном делении исследований на практические / эмпирические и теоретико-методологические, крайне мало вторых. Например, в социологии классические исследования – это преимущественно теоретико-методологические работы, которые задали и продолжают задавать рамки для исследований. При новых условиях

¹⁵² Например, упоминание о Веселовском как о классике зафиксировано в книге В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянова: «Живы и очень многие его идеи. Пусть не все их разделяют современные ученые, пусть исследователи, идущие по его следам, находят в его трудах и неизбежные для всякой большой работы отдельные фактические неточности. С годами становится все более ясным, что Степан Борисович Веселовский – один из классиков советской исторической науки [курсив мой – Т.Х.]». – Аверьянов К.А., Кобрин В.Б. С.Б. Веселовский. С. 39.

¹⁵³ Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 267; Фёдоров А.Н. Реальная опора советской власти. С. 81; Поляков И.А. С.Б. Веселовский и его наследие. С. 155; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavisticna Revija. 2018. Т. 66, № 3. С. 336; Akelev E.V., Joukovskaia A.V. L'historien entre aux archives. P. 610. «Классическим историографическим сюжетом» также рассматриваются концепции опричнины, сформулированные Веселовским, а также А.А. Зиминьим и Р.Г. Скрынниковым. – Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова // Российская история. 2010. № 1. С. 203.

¹⁵⁴ Савельева И.М. Классика в историографии. С. 297.

классика раскрывается по-новому, этим обеспечивая постоянное функционирование в науке. Что же касается трудов Веселовского, то они привнесли методологическое новаторство в историографию в 1960–1980-е гг., когда многие из них были опубликованы. В историографии же XXI в. они преимущественно рассматриваются как ценные практические исследования.

Продолжает соответствовать научное наследие Веселовского и функциональному критерию. Например, труды включаются в программы учебных курсов или аттестаций ИРИ РАН¹⁵⁵, МГУ¹⁵⁶, НИУ ВШЭ¹⁵⁷, РГГУ¹⁵⁸, ЮФУ¹⁵⁹, НГПУ¹⁶⁰. Как уже отмечалось, изучение функционального критерия научной классики через учебники / учебные пособия представляется менее продуктивным, т.к. они, во-первых, предлагают обобщенные сведения, в которых могут быть лишь отсылки к классике, во-вторых, все реже используются в современном образовательном процессе, особенно в социальных и гуманитарных дисциплинах. Тем не менее, упоминания Веселовского или ссылки на его труды присутствуют и в постсоветской учебной литературе¹⁶¹.

¹⁵⁵ Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019). Текст: электронный // архив автора.

¹⁵⁶ Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018). Текст: электронный // архив автора.

¹⁵⁷ Программа дисциплины «История» для направления 46.03.05 «Медиа-коммуникации» подготовки бакалавра (НИУ ВШЭ). Текст: электронный. М., 2017. С. 6. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/01/26/1162938457/program-1720292215-Yf1EXckfAn.pdf>; Программа дисциплины «История» для направления 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» подготовки бакалавра (НИУ ВШЭ). Текст: электронный. М., 2018. С. 18. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/10/01/1150124510/program-2116957956-DatzoSV4Dc.pdf>.

¹⁵⁸ Источниковедение. Программы курсов и планы семинарских занятий: учеб.-метод. модуль. М., 2004. С. 41, 76, 79, 84.

¹⁵⁹ Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018). Текст: электронный // архив автора.

¹⁶⁰ Вспомогательные исторические дисциплины: учебно-методический комплекс / сост. Н.Н. Родигина, М.А. Фатеенко; под науч. ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2007. С. 24, 123.

¹⁶¹ Ввиду большого количества учебной литературы выделю лишь некоторые работы: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 674; *Алеврас Н.Н.* Русская историография XIX – на-

Чаще всего, наличие большого количества ссылок и цитат может наглядно свидетельствовать о явном использовании трудов предшественников в более поздних исследованиях. Согласно базе Google Scholar, общее количество работ с ссылками на «Исследования по истории опричнины» и «Исследования по истории класса служилых земледельцев» Веселовского – 344 и 429 соответственно (с периода публикации до 2021 г.), однако в ходе данного исследования учтены в случае первой из упомянутых книг – 302 из них, а второй – 383¹⁶². С учетом ориентации на научную историографию, не были приняты в расчет такие «учебные» тексты как программы учебных дисциплин, работы учащихся средних и высших учебных заведений (в том числе квалификационные). Однако само по себе обращение к исследованиям Веселовского в очередной раз свидетельствует об их востребованности в образовательном процессе.

База Google Scholar не дает возможность предоставить исчерпывающие данные о цитатах и ссылках на наиболее влиятельные опубликованные посмертно работы Веселовского (в Google Scholar по крайней мере не включен ряд трудов, собранных в ходе работы над данным исследованием, в ней также не учтены тексты на английском языке)¹⁶³. Несмотря на относительно не-

чала XX века: лекции по истории ист. науки: в 2 ч. Челябинск, 2013. Ч. 2: Российская историческая наука периода буржуазных перемен. С. 30; Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. М., 2015. С. 66; Русина Ю.А. Методология источниковедения: учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. С. 101; Данилевский И.Н. Историческая текстология: учеб. пособие. М., 2018. С. 262, 278–279, 312–313, 503; Источниковедение: учеб. пособие. С. 637, 650; Историография истории России: учеб. пособие для вузов / под. ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 257, 278, 281, 297, 302, 306.

¹⁶² Не были учтены работы, в которых отсутствовали ссылки, цитаты и хоть какие-то конкретные упоминания об исследованиях Веселовского, а также тексты, которые не удалось идентифицировать и, следовательно, проверить в них ссылки. К списку неучтенных работ также отнесены публикации автора данным исследованием. Подробнее о ссылках на работы Веселовского «Исследования по истории опричнины» и «Исследования по истории класса служилых земледельцев»: «Приложение 2» и «Приложение 3».

¹⁶³ О преимуществах и недостатках базы Google Scholar для подсчета ссылок / цитат на научные исследования: Плешков А.А. Классикализация и рецензирование. С. 154–155.

большое количество ссылок и цитат (с учетом давности издания), обращает на себя внимание *динамика цитирования*, что свидетельствует, как минимум, о сохранении востребованности трудов.

В контексте показателей цитирования также отмечу, что, согласно данным исследования Е.А. Ростовцева и В.О. Шишова, на платформе Web of Science (WoS) труды Веселовского являются одними из наиболее цитируемых (по крайней мере к 2013 г.) среди работ российских / советских историков, родившихся в период 1876–1891 гг., и вместе с тем, чье акме как исследователей пришлось на советские годы: 1) Б.Д. Греков – 286, 2) Н.М. Дружинин – 240, 3) Веселовский – 184¹⁶⁴.

На мой взгляд, нередко цитаты и ссылки на выдающиеся работы выполняют «защитную» функцию: создавая низкокачественный текст, исследователь ссылается на авторитетный труд своего предшественника с целью оградить себя от критики. Другой причиной большого количества ссылок может быть привычный историкам историографический обзор / анализ работ предшественников. Поэтому полагаться исключительно на количественные показатели не следует, они дают весьма ограниченное представление о востребованности трудов без анализа характера ссылки / цитаты¹⁶⁵. Ввиду обозначенных причин необходимо внести следующее уточнение: чтобы работа несомненно соответствовала третьему критерию (согласно И.М. Савельевой и А.В. Полетаеву), она должна способствовать формированию *нового научного знания* в последующей историографии. Например, определенные идеи, примеры / аналогии или методология в исследовании могут использоваться в качестве практики *рецепции*, как это было показано М.П. Вальц при анализе идей немецких ученых в работе «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского¹⁶⁶. В ее иссле-

¹⁶⁴ Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в. // Клио. 2013. № 10. С. 141.

¹⁶⁵ При подсчете количества ссылок / цитат необходимо учитывать видовую принадлежность историографического источника, а также характер научной публикации. Что касается последнего, то, например, статья, раскрывающая особенности научной теории или методологии будет иметь, как правило, высокие и длительные показатели цитируемости. – *Жэнгра II. Ошибки в оценке науки или как правильно использовать библиометрию*. М., 2018. С. 46.

¹⁶⁶ Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых. С. 22–23.

довании характер упоминания ученых разделен на *историографическую практику, направленную на прошлое, и рецепцию, – на будущее*. Типичными примерами историографической практики могут быть обобщение достижений предшественника, либо предоставление справочных сведений. Рецепция же действует по принципу «стоя на плечах гигантов» и способствует созданию нового знания. Согласно М.П. Вальц, *заимствование* может рассматриваться как одна из разновидностей рецепции ввиду того, что использование разработок предшественников может быть необходимо для создания собственных построений¹⁶⁷. Характер упоминания в историографии XXI в. выделенных работ Веселовского весьма разнообразен, но чаще всего он касается типичной историографической практики. Реже цитируются фрагменты из упомянутых работ Веселовского в качестве *заимствования*, для формирования отдельных предположений или интерпретаций¹⁶⁸.

* * *

К настоящему времени в российской историографии не так много историков, чье интеллектуальное наследие было обстоятельно введено в научный оборот посмертно, как в случае с Веселовским: опубликованы научные труды, источники, которые он планировал подготовить к печати, материалы по преподавательской деятельности, широкий корпус источников личного происхождения, что поддерживало интерес как к трудам, так и личности ученого. Этот процесс, начавшийся в период хрущевской «оттепели», способствовал не только реабилитации научного наследия Веселовского после идеологических кампаний, но также классикализации. К середине 1980-х гг. научное наследие Все-

¹⁶⁷ Там же. С. 76.

¹⁶⁸ Например, в работах В.А. Волкова (при формулировании предположения о стандартах раздачи земель служилым людям в поместья), М.М. Крома (при анализе вопроса о жертвах после старицкого мятежа) или Д.М. Володихина (при изучении опыта командования опричного воеводы И.И. Бухарина-Наумова): *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М., 2004. С. 326; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 206; *Володихин Д.М.* Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 248.

ловского прочно приобрело «классический» статус, что видно по соответствию ряду критериев. Во-первых, об этом свидетельствует активная вовлеченность научного наследия в последующую историографию, научные дискуссии. В качестве одного из ключевых маркеров признания трудов ученого в *советской* историографии стал 5-й том «Очерков...». Именно в нем признание научных заслуг Веселовского связывалось не только с его дореволюционными изысканиями, как это было в предыдущих томах (хотя и с оговорками), но также советского периода. Кроме того, стали публиковаться работы, направленные на осмысление научного наследия ученого (публикации Л.В. Черепнина, М.Е. Бычковой, В.Д. Назарова и др.). Во-вторых, привлекались, труды Веселовского и в образовательных материалах, хотя и не столь часто как в постсоветский период (по крайней мере, судя по обнаруженным источникам в ходе данного исследования). В-третьих, немаловажную роль играло восприятие личности ученого в научной сфере. Авторы рецензий на посмертно изданные труды Веселовского неоднократно подчеркивали образцовость исследовательских принципов, этических установок ученого. Те же вопросы занимали заметное место и в мемуарной литературе. Стоит также выделить издание сборника работ «История и генеалогия...» 1977 г., который способствовал укреплению корпоративной памяти об ученом. Последующее признание научных заслуг ученого (в том числе в постсоветский период) способствовало поддержанию статуса научной классики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что с самого начала формирования Веселовского как историка в период теоретико-методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. в его трудах прослеживалось *сочетание двух моделей исторической науки*: классической и неклассической.

В дореволюционной исследовательской практике Веселовского, с одной стороны, наблюдалось тяготение к позитивизму, стремление к источниковедческим разработкам, которые были направлены на установление достоверных сведений. В дальнейшем, при накоплении исторических фактов, исследователь стремился перейти к обобщению. С другой – в его научном творчестве также проявились способы презентации исторического знания, несвойственные классической модели исторической науки. Уже в первой крупной работе «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича» (1908) обнаруживаются черты *научного исследования немонографического характера*, которое как вид историографических источников складывалось в условиях неклассической модели как попытка поставить новые вопросы, поделиться полученными результатами работы, которые представляют научный интерес, хотя и с учетом невозможности обеспечить репрезентативность источниковой базы. Несмотря на трудность в определении «Сошного письма...» (1915–1916) как вида историографических источников, обращает на себя внимание рефлексия Веселовского, в которой прослеживаются принципы неклассической модели: полученные результаты рассматривались как трактовка прошлой действительности историком, а не сама действительность.

Сочетание двух моделей исторической науки проявилось и в археографических работах Веселовского. По его мысли, историки должны заниматься не только историческими построениями, но

также сбором и систематизацией источников для их дальнейшей публикации, что позволяло расширить представления о критике источника, а также обеспечить доступность для более широкого круга исследователей. Вместе с тем публикация исторических источников была направлена на раскрытие «лаборатории историка», обеспечение прозрачности собственной работы. Этот принцип логично соотносится с неклассической моделью исторической науки: если ключевая роль в познании прошлого отведена историку, то необходимо максимально раскрыть его «лабораторию», проследить движение авторской мысли, понять, как он пришел к конкретным выводам, обеспечить возможность для проверки дополнения / уточнения полученных результатов. Осознание возможной уязвимости исторических построений и выдвинутых предположений было для Веселовского одним из главных мотивов издания источников в качестве приложений к историческим исследованиям.

Сформированные в дореволюционные годы исследовательские принципы Веселовского сохранились и при новых социокультурных обстоятельствах, когда он ушел во внутреннюю эмиграцию. В выборе не только тематики исследований, но и конкретного способа познания прошлой социальной реальности (особенно в условиях складывания марксистских идеалов научной работы) отчетливо проявились этические установки Веселовского. Эпистемологический режим, в рамках которого работал ученый, позволял балансировать между дозволенной в первые советские десятилетия практикой выстраивания исследовательской деятельности и этическими принципами, направленными на производство нового научного знания.

Основу эпистемологического режима Веселовского в советскую эпоху составлял позитивизм, который прослеживается в том числе в привлечении к исследовательской работе вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения. Он, рассматривая исторический факт как надежное основание для исторического исследования, стремился усовершенствовать технику работы с источниками, максимально расширить их информационный потенциал. Тяготение к фактам также объяснялось стремлением ученого начать исследование «с чистого листа», отталки-

ваться от совокупности имеющихся источников, а не заранее сформулированной позиции. Лишь посредством постепенного накопления и систематизации фактов историк мог перейти к обобщению. При этом вспомогательные исторические дисциплины в научном творчестве Веселовского не были обособлены. Их тесное взаимодействие между собой (археографии, генеалогии, ономастики, исторической географии и исторической картографии) объясняется методологическими поисками ученого, стремлением уточнить ряд сведений.

Если классическая модель выражалась в тяготении к фактическому наполнению исследования, источниковедению, разработке вспомогательных исторических дисциплин, то неклассическая (как и в дореволюционные годы) – в способе презентации результатов научной работы. С точки зрения источниковедения историографии, крупные работы Веселовского имели черты *научного исследования немонографического характера*. Так, труды «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (1926), «Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв.» (1936), «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (1947) были направлены в большей степени на постановку научной проблемы, демонстрацию преград и возможного пути решения. Таким образом, переплетение двух моделей исторической науки прослеживается и на советском этапе научного творчества Веселовского.

Включение Веселовского в советскую историческую науку сопровождалось обращением к темам, которые, в целом, вписывались в историографию того времени (история крестьянства, история землевладения), разработкой проектов под эгидой советских научных учреждений (например, «Атлас по истории СССР» и «Материалы для исторического атласа СССР»). Вместе с тем в советской историографии 1920-х – начала 1950-х гг. научное творчество Веселовского оценивалось неоднозначно: несмотря на весомый вклад в изучение ряда вопросов допетровской истории России, подчеркивался отход от принципов марксистского исследования.

Может показаться парадоксальным, но достижение Веселовским научных высот, которым мог похвастаться далеко не каждый ученый сталинской эпохи (к 1946 г. он стал академиком, об-

ладателем орденов Ленина и Трудового Красного Знамени) было вызвано именно внутренней эмиграцией. Несогласие с режимом власти (которое не выражалось открыто) вынуждало ученого искать те сферы деятельности, которые могли обеспечить внутреннюю свободу и при этом быть дозволенными при новых социокультурных обстоятельствах. Выбор конкретной тематики исследования и способа познания прошлого был неотъемлемым компонентом адаптации ученого. В этих обстоятельства работа в советских научно-исследовательских и научно-образовательных учреждениях была компромиссом, на который ученый вынужден был пойти чтобы продолжить заниматься научной деятельностью.

Для Веселовского было свойственно разрабатывать темы, которые уже поднимались в историографии. Обращение к ним было связано с неудовлетворенностью источниковедческой разработкой, недостаточной наполненностью фактическим материалом для последующего концептуального осмысления прошлой социальной реальности. В дореволюционные годы на изыскания Веселовского по истории государственного хозяйства оказали влияние труды предшественников, их взгляды на информационный потенциал писцовых книг как исторических источников. Эти интенции сохранились и в советский период при изучении истории землевладения и эпохи Ивана Грозного. Преодоление недостаточно обоснованных взглядов в предшествовавшей историографии виделось ученому через тщательный анализ как известных источников, так и еще не введенных в научный оборот.

Этико-эпистемологические принципы и добродетели Веселовского, среди которых выделялись стремление к истине, добросовестность, терпеливый труд, бережное отношение к научным фактам, способствовали формированию его образа в памяти научно-исторического сообщества как выдающегося представителя своей профессии – историка, который, несмотря на идеологическое давление в сталинский период, отстаивал идеалы истории как науки, добросовестно искал пути для получения нового научного знания и его развития. В период посмертной публикации научного наследия личность Веселовского рассматривалась в качестве ценностного вектора для последующих поколений ученых.

Систематическая посмертная публикация трудов Веселовского, растянувшаяся на несколько десятилетий (основная часть трудов вышла из печати в 1960–1990-е гг.), была одним из ключевых факторов классикализации его научного наследия. Издание пришлось на период осязаемого роста интереса в советской историографии к проблемам, которые разрабатывал Веселовский в дореволюционный и, особенно, в советский периоды научной деятельности: вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение, эпоха Ивана Грозного. Вместе с тем, как и в предыдущие советские десятилетия, сохранялся существенный интерес к истории землевладения. Большой корпус трудов Веселовского, введенный в свои исследования последующими поколениями, способствовал развитию научных дискуссий по ряду проблем допетровской истории России. Иными словами, исследовательские разработки Веселовского (несмотря на давность создания) оставались актуальными при изучении различных проблем истории России XIV–XVII вв., прослеживался непрерывный интерес к научному наследию ученого. При этом сложившаяся посмертная репутация ученого в профессиональной среде повышала заметность и востребованность трудов, изданных в 1960–1990-е гг.

Кроме того, научное наследие Веселовского постепенно внедрялось в советскую образовательную сферу 1960–1980-х гг. К середине 1980-х гг. оно рассматривалось уже как «золотой фонд советской историографии». Как видно по источникам личного происхождения и рецензиям на посмертно изданные труды Веселовского, высоко оценивалось не только историографическое значение его работ, но также этические установки историка, которые воплотились в его ремесле, а репутация ученого была неотъемлемым инструментом доверия к полученным результатам интеллектуального труда. В итоге, Веселовский стал рассматриваться как классик уже в рамках советской исторической науки: к середине 1980-х гг. прослеживаются все три критерия научной классики (референциальный, номинальный и функциональный).

В понимании причин вовлечения научного наследия Веселовского в позднесоветскую историческую науку и дискуссии необходимо учитывать не только их тематику и историографические

тенденции того времени, но также характер публикаций, что упрощало адаптацию в последующую эпоху. «Исследования по истории опричнины» (1963) и «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (1969) были незавершенными работами ученого, в которых, тем не менее, прослеживалось стремление переосмыслить уже известные источники и обратиться к ранее неизвестным, установить новые факты. Вместе с тем в трудах ученого далеко не всегда прослеживалась четкая концепция, что могло упростить переосмысление полученных результатов / наблюдений с марксистских позиций. Кроме того, издавалось немало трудов Веселовского, критику которых трудно перевести на идеологические рельсы (научные справочники, публикации исторических источников).

В целом, сложившийся статус Веселовского представляет несомненный интерес для понимания сложного и неоднозначного устройства советской исторической науки. С учетом ее направленности, прежде всего, на построение марксистской концепции истории, в качестве классика гораздо лучше вписывался тот, кто стремился максимально широко и глубоко отразить эту направленность в своей исследовательской практике. В формировавшейся в 1920-е гг. советской исторической науке таковым рассматривался М.Н. Покровский. Представителям «старой школы» было трудно вписаться в историческую науку при новых социокультурных обстоятельствах (даже с учетом переориентации исследовательской деятельности/«признания» теоретико-методологических промахов), не говоря уже о вхождении в список классиков¹. Например, в 1940-е гг. не увенчались успехом попытки медиевистов представить Д.М. Петрушевского «в качестве своего рода “медиатора”, обеспечившего преемственность между дореволюционной и советской исследовательскими традициями»²

¹ *Гришина Н.В.* Историки «старой школы»: проблемы вживания в советскую действительность // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры*: сб. ст. Челябинск, 2006. С. 51–58.

² *Метель О.В.* Как не стать советским «классиком»: случай Д.М. Петрушевского // *Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания*: сб. ст. и сообщ. Казань, 2021. С. 293.

во многом из-за последующих послевоенных идеологических кампаний. Этим и представляет интерес случай Веселовского. Несмотря на «антимарксистское» клеймо, закрепленное в период идеологических кампаний, в дальнейшем он стал классиком (в контексте исследований по истории России XIV–XVII вв.). Во многом это стало возможным по двум причинам. Во-первых, его исследовательские принципы были созвучны этико-эпистемологическим ориентирам многих исследователей позднесоветской эпохи, что отчетливо видно по широкому кругу источников (рецензии на труды Веселовского, научные исследования и мемуары историков). Во-вторых, постепенное издание научного наследия ученого было начато из-за властных директив. После смерти Веселовского было принято постановление Совета министров СССР об увековечивании памяти ученого (внесшего весомый вклад в науку при советской власти), в результате чего была начата систематизация его научного наследия (создание личного архивного фонда), а затем (благодаря усилиям ряда историков) и публикация.

Надеюсь, что проведенное исследование представит интерес в более широком контексте истории исторической науки, особенно с точки зрения расширения теоретико-методологических ракурсов изучения «трудов и дней» историков, трансляции и рецепции результатов их творчества.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Биографика традиционно является почитаемым историками и читаемым интересующейся историей публикой жанром исторического исследования. Но особую ценность для профессиональных историков представляют биографии их коллег – историков прошедших времен. Интерес к судьбам и наследию профессиональных историков не мог не обостриться в конце XX – первой четверти XXI века на фоне расширения границ исторической культуры, включения в сферу интересов профессиональных историков разных форм исторического познания и презентации его результатов – от сугубо научных монографий до исторических романов, от глобальных и локальных исторических нарративов до компьютерных игр на исторические сюжеты, от художественных фильмов об исторических событиях до докудрам и документального кино, – не говоря уже об исторической публицистике во всем многообразии ее проявлений. Но такое расширение сферы исторического знания и дифференциация его форм, – что невозможно не приветствовать, – имеет и некоторые негативные последствия, – в первую очередь, размывание границ профессионализма, а иногда и утрату критериев строго научного знания. В такой ситуации есть смысл обратиться к опыту историков, обладавших безупречной научной и моральной репутацией. Конечно, научная составляющая интеллектуальной биографии принадлежит целиком и полностью соответствующей исторической культуре, но вот моральные основы гораздо более устойчивы. И изучение их схождения / расхождения, взаимообусловленности или противоречий в конкретной судьбе историка может оказаться весьма поучительным, поскольку если моральная репутация возможна без научной, то вот научная без моральной – это фикция. Хотя приходится констатировать с огромной печалью, что такие примеры еще встречаются и гораздо чаще, чем можно было бы предположить...

Саморефлексия исторического знания через изучение судеб его знаковых представителей как значимая часть формирования профессиональных основ и этоса исторической науки предполагает исследование не только и не столько внешней биографической канвы историков, определивших характер и содержание научного исторического знания в ту или иную эпоху, в социокультурном контексте времени, сколько реконструкцию интеллектуальной биографии в контексте соответствующей исторической культуры.

Книга Темурмалика Комилджоновича Холматова представляет читателю интеллектуальную биографию одного из самых интересных и авторитетных российских историков XX века Степана Борисовича Веселовского – классика советской исторической науки, во многом определившего ее парадигмальные характеристики, направления исследования и моральный облик не только первой половины XX века, времени его активной творческой работы, но и в последующий период, вплоть до формирования исторической культуры постмодерна в последние десятилетия XX века.

Степан Борисович Веселовский формировался как профессиональный историк в самом конце XIX века, его творческое становление пришлось на рубеж XIX–XX вв., время глобального эпистемологического кризиса, связанного не просто с парадигмальными подвижками, но со сменой типов рациональностей / моделей науки – от классической к неклассической. В книге доказательно эксплицирован сложный механизм сочетания и взаимодействия классической и неклассической моделей науки в творческой деятельности С.Б. Веселовского. Уловить этот переход / сложное сочетание традиционных классических и становящихся неклассических моделей исторического познания в трудах С.Б. Веселовского, вскрыть его механизмы и показать результаты автору удастся ввиду новаторского применения метода источникововедения историографии.

Т.К. Холматов впервые реализует этот метод не при изучении конкретного историографического источника или их группы, а как метод реконструкции интеллектуальной биографии. В основе метода – понимание того неоспоримого факта, что творческая деятельность человека реализуется / объективируется в его ин-

теллектуальном наследии, структура которого (сочетание составляющих ее видов историографических источников) системно репрезентирует творческую деятельность, которая и составляет основу интеллектуальной биографии.

Реализация этого метода, при всей его простоте и очевидности, представляет существенные сложности, поскольку не допускает выборочного привлечения (на уровне «примеров», пусть и самых выдающихся) трудов персонажа, чья интеллектуальная биография реконструируется, а требует формирование репрезентативной источниковой базы и ее четкой систематизации – определения видовых характеристик каждого вовлекаемого в исследование источника, что часто является нетривиальной задачей, а то или иное ее решение – дискуссионным. Но и с задачей формирования репрезентативной источниковой базы, и с задачей ее систематизации автор успешно справился. Применение метода источниковедения историографии позволило Т.К. Холматову обоснованно показать изменение характера исследований и форм презентации исторического знания в творчестве С.Б. Веселовского на протяжении всей научной биографии классика российской / советской исторической науки. В результате, исследование Т.К. Холматова не только реконструирует интеллектуальную биографию С.Б. Веселовского, но и раскрывает существенные характеристики исторической культуры конца XIX – первой половины XX в. в эффективном ракурсе взаимодействия классической и неклассической науки с перспективой вычленения характеристик неоклассической модели как специфической характеристики исторической культуры советского периода российского исторического познания.

Автор раскрывает взаимосвязь и взаимообусловленность научных интересов и исследовательских подходов С.Б. Веселовского и его этической позиции, которую автор характеризует как «внутреннюю эмиграцию». Хорошо известно, что этика и эпистемология самым тесным образом связаны как составляющие философии. Но известно скорее теоретически. Несмотря на то, что понятие «внутренняя эмиграция» прочно вошло в лексикон историков исторического знания, изучающих советскую историографию, но, на мой взгляд, этот феномен еще требует не только

более детальное, но и более тонкое, инструментально изощренное исследование, а также его понимание в более длительной исторической перспективе (по крайней мере, с выходом за пределы советского периода российской истории). Исследование Т.К. Холматова, несомненно, вносит вклад в создание основ для такой масштабной работы. В целом, автор подошел к проблеме весьма деликатно. Расширил в этой части исследования источниковую базу, обратившись к максимально возможному кругу источников личного происхождения. Но главное, что надо здесь отметить: новизна подхода Т.К. Холматова в том, что ему удалось эксплицировать и доказательно обосновать связь этической позиции С.Б. Веселовского и парадигмального характера его научных исследований.

В связи с этим, и не только, автор много внимания уделяет такой принципиально значимой, но несправедливо мало исследуемой сфере исторического познания как вспомогательные исторические дисциплины, подробно рассматривая их место и значение в творчестве С.Б. Веселовского, раскрывая как вклад ученого в теорию этих дисциплин, так и его исследовательскую практику. Единственно, что хотелось бы пожелать автору для будущих исследований, – попытаться в этой части расширить контексты и соотнести вспомогательные исторические дисциплины, изучавшиеся С.Б. Веселовским в связи с иными его научными интересами, со складывающимся в это же самое время классическим пулом дисциплин преподавания в высшей школе: палеография, хронология, метрология, сфрагистика и геральдика; а также в будущем, – при расширении контекстов соответствующей исторической культуры, – вывести источниковедение и историографию за пределы пула вспомогательных исторических дисциплин, хотя в настоящей работе логика связи этих дисциплин исторической науки с изучавшимися С.Б. Веселовским вспомогательными историческими дисциплинами вполне понятна.

Значительная часть исследования посвящена посмертной судьбе творческого наследия С.Б. Веселовского. Автор убедительно показал, что «посмертная» история историка / история его интеллектуального наследия – неотъемлемая составляющая интеллектуальной биографии, и проследил процесс классикализации

С.Б. Веселовского как знаковой фигуры российской / советской исторической культуры. Вводя эту часть в структуру интеллектуальной биографии, Т.К. Холматов фактически создает новый канон биографического исследования

Итак, проведенное Темурмаликом Комилджоновичем Холматовым изучение интеллектуальной биографии С.Б. Веселовского, результаты которого представлены в настоящей книге, основано на обширном корпусе исторических и историографических источников. Наблюдения и выводы автора порождают новые цепочки рефлексий над историческим знанием России/СССР конца XIX, всего XX и начала XXI века.

Предложенные Т.К. Холматовым способы формирования репрезентативного корпуса источников изучения интеллектуальной биографии историка, примененный им метод источниковедения историографии, включение в интеллектуальную биографию дальнейшей (посмертной) судьбы творческого наследия, алгоритм и критерии исследования процесса классикализации в значительной мере определили новизну и ценность настоящей книги. А слово «опыт» в названии указывает на ее экспериментальный характер и настраивает на востребование предложенных исследовательских алгоритмов в дальнейших исследованиях не только самим автором, но и многими другими профессиональными историками – специалистами по истории исторического знания. Очень надеюсь, что в перспективе комплекс таких исследований приведет к созданию полномасштабной истории российской исторической науки XX – начала XXI в., в которой будет представлена не только событийная канва и характеристика концепций и подходов, но и механизмы функционирования научного знания, его не только эпистемологические, но и этические основы.

М.Ф. Румянцева
к.и.н., доцент Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Приложение 1

Письма

С.Б. Веселовского В.Г. Дружинину
1909–1915 гг.

В качестве приложения публикуются 31 письмо Веселовского В.Г. Дружинину (с 15 апреля 1909 г. по 22 октября 1915 г.). Ранее были опубликованы письма В.Г. Дружинина Веселовскому. Они помещены в сборник переписки Веселовского с отечественными историками¹. В процессе работы над интеллектуальной биографией ученого были выявлены ответные письма, хранящиеся в личном фонде В.Г. Дружинина в РГАЛИ. Эти письма позволяют восстановить единство корреспонденции. Их информационный потенциал дает возможность глубже представить особенности взаимодействия ученых, уточнить сведения о научном быте Веселовского в дореволюционные годы, ход работы над рядом трудов.

Информация о датах указана единообразно: справа в начале письма (вне зависимости от того где и в каком виде эти сведения зафиксированы в самих письмах), выделена курсивом. Краткие биографические сведения указаны лишь о тех лицах, которые ранее не были упомянуты в основной части настоящего исследования. Ряд лиц упомянутых в письмах не удалось идентифицировать. Стилистические особенности писем сохранены. В комментариях полное название исследований приведено при первом упоминании (в приложении дано сокращенное библиографическое описание трудов, упомянутых в основной части исследования). Все подчеркивания сохранены.

¹ В сборник также помещено одно ответное письмо С.Б. Веселовского (от 21 декабря 1908 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 31–34.

№ 1²

15 апреля 1909 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Извините, что долго не извещал Вас и Сер[гея] Федоровича [Платонова] относительно хода дел с изданием прих[одо] – расх[одных] книг. Первую книгу (Владимирс[кой] чети 122 г.³) я сдал в типографию месяца полтора тому назад. Два следующих готовы и на днях будут сданы. Корректуру не присылаю и не пришлю раньше середины мая, т.к. в типографии меня усиленно просили не торопить их перед праздниками и обещали начать печатание быстро с весны, когда у них меньше работы. Думаю, что листов 10 удастся править летом, а остальные 5 осенью.

Я молчал так долго потому что мне за последние 2 месяца пришлось очень плохо. Сначала мне сделали операцию в глазу. 2 недели не мог работать совсем, и до сих пор еще не прошел упорный конъюнктивит, нажитый от архивной пыли. После этого один из моих сыновей был долго при смерти, у него было гнойное воспаление слепой кишки и брюшины. Спасти его удалось буквально чудом⁴. Затем перехворали все остальные детишки. Сейчас, слава Богу, горизонт расчищается и тучи уходят.

У меня к Вам небольшая просьба. Я хотел бы послать всем членам Арх[еографической] ком[иссии], с которыми я знаком, свою работу, но не знаю их имени и отчества.

Адресовать я думаю в Арх[еографическую] комис[сию], что будет проще. Можно? [П.Г.] Васенко и Акимову⁵ я послал уже.

² Ответное письмо (18 апреля 1909 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 36.

³ Опубликовано в 1912 г.: РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 1–116.

⁴ Речь идет, по-видимому, о Георгии (1905–1942) (сыне С.Б. Веселовского) и его болезни (перитонит). Подробнее об этом см. переписку Веселовского с М.А. Дьяконовым: Переписка С.Б. Веселовского. С. 99–103.

⁵ Вероятно, Акимов Петр Васильевич (1866 – не ранее 1938) – историк и археограф, ученик С.Ф. Платонова, сотрудник (с 10 мая 1908 г.) Археографической комиссии. Краткие биографические сведения о нем (в аннотированном указателе имен издания дневников Н.Н. Платоновой, 1861–1928): *Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921)*. Рязань, 2020. С. 769.

Будьте добры, прикажите написать. Кстати, как адрес Н.[Д.] Че-чулина? Очень буду благодарен Вам за эти сведения.

Жду с нетерпением отзыва печати о моей книжке⁶. Кто-то и что будет писать?

Остаюсь преданным Вам,
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–5. Автограф.

№ 2

29 апреля 1909 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Я послал на Ваше имя в Археографическую комиссию 10 экземпляров своей книги⁷. Буду Вам очень признателен, если Вы их разошлете членам, которым я не послал еще. Раньше я послал С.Ф. Платонову, П.Г. Васенко, А.С. Лаппо-Данилевскому. Вас, конечно, я не упоминаю. Виделся с С.Ф. [Платоновым], когда он был в Москве. Вчера ходил в типографию ругаться и торопить с печатанием. Они не понимают русской речи, не уснащенной гиперболами и крепкими словами.

Остаюсь преданный Вам,
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. Автограф.

№ 3

9 сентября 1909 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Вчера получил Вашу книгу⁸ и спешу поблагодарить Вас за нее и за память обо мне. Перед самым получением книги собирался

⁶ Речь, по всей видимости, о книге «Семь сборов...», изданной в 1908 г.: *Веселовский С.Б. Семь сборов.*

⁷ *Веселовский С.Б. Семь сборов.*

⁸ Вероятно, речь идет об издании «Донские дела» (кн. III), которое было подготовлено В.Г. Дружининым в 1909 г.: РИБ. СПб., 1909. Т. XXVI. Донские дела. Книга третья.

писать Вам и С[ергею] Ф[едорови]чу о ходе нашего издания, но переезд на новую квартиру и хлопоты устройства не давали мне времени. Вследствии задержки в типографии я не мог выслать С[ергею] Ф[едорови]чу до его отъезда в Петербург ни одного листа. На ближайшей неделе вышлю сразу листов 5, т.е. всю первую книгу. Вторая книга, по моим расчетам листов на 8, уже в наборе. Третья скоро будет сдана в типографию. Буду ждать с нетерпением замечаний С[ергея] Ф[едорови]ча на отпечатанные листы. Приложим все старания, чтобы выполнить свою задачу удовлетворительно. По подлиннику проверял 2 раза. Думаю, что если понадобятся переделки, то только во внешности издания. В общем я придерживался, за очень небольшими отступлениями, правил Арх[еографической] ком[иссии].

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

Мой новый адрес: Москва, Пречистенка д[ом] Сорокиной, (угол Еропкинск[ого] переул[ка]), кв[ртира] № 11.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–3. Автограф.

№ 4⁹

23 марта 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Конечно, я с величайшим удовольствием приму участие в чествовании Сергея Федоровича¹⁰. Только Вы меня напугали сроками и тем, что уже приступлено к набору статей. Придется поспешить. Относительно темы я еще не решил, т.к. Вы меня застали врасплох.

Если бы я знал, что в моем распоряжении есть с месяц времени, то я написал бы статью о послесмутных настроениях или о состоянии Белозерского края в Королевичев приход под Москву (1619 г.). Теперь, пожалуй, придется поспешить и ограничиться

⁹ Ответное письмо (26 марта 1910 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 39–40.

¹⁰ Сборник работ в честь 25-летия научно-педагогической работы С.Ф. Платонова вышел из печати в 1911 г.

заметкой о делопроизводстве Боярской думы (6–8 стр[аниц]). У меня этому вопросу есть кое-что интересное. Быть может, Вы дадите мне недели 3–4 сроку?

Условия, по-моему, прекрасны. При издании сб[орника] в честь В.О. Ключевского¹¹ в этом отношении сделали грубую ошибку.

Как Вам нравится издание приходо-расходных книг? Бумага чуть-чуть не подходит, но в переплете при обрезке вполне подойдет к остальным томам Р[усской] И[сторической] Б[иблиотеки]. По качеству и цене она очень хороша. Я колебался при выборе её, но те соображения, что на заказ бумага обошлась бы несколько дороже и замедлилось бы издание, побудили меня остановиться на ней.

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

Новый адрес: Москва, Пречистенка, д[ом] 23, кв[ртира] 11.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 8–9. Автограф.

№ 5¹²

27 марта 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

При этом письме посылаю Вам доверенность на получение за меня денег за первые 7 листов приходных книг. Листы 6 и 7 посланы мною сегодня к Сергею Федоровичу заказной бандеролью вместе с 9ым листом корректуры.

Еще не надумал, что написать в сборник в честь С[ергея] Ф[едоровича]. Колеблюсь между темами и боюсь запоздать. Мне кажется, что кое-кто из москвичей охотно принял бы участие в сборнике. Напр[имер], Ал[ексей] Ив[анович] Яковлев и, м[ожет] б[ыть], Ю.В. Готье¹³. Оба они большие почитатели Сергея Федоровича, а первый во многом и последователь (в изучении Смуты).

¹¹ Аналогичный сборник работ в честь 30-летия научно-педагогической работы В.О. Ключевского был издан в 1909 г.

¹² Ответное письмо (29 марта 1910 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 40.

¹³ По-видимому, из-за сроков были опубликованы небольшие тексты Ю.В. Готье и А.И. Яковлева в этом сборнике: *Яковлев А.И.* Служилое землевла-

Будьте добры, отпишите, когда крайний срок присылки статьи?
Остаюсь искренне преданный,
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 6–7. Автограф.

№ 6¹⁴

11 апреля 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Спешу Вам послать свою лепту – Две заметки о Боярской думе¹⁵. Очень сожалею, что за недостатком времени не могу дать чего-либо позначительнее. Ю.В. Готье и А.И. Яковлев очень жалеют, что не могут выразить своего уважения к С[ергею] Ф[едоровичу] участием в сборнике. Уж очень короткий срок Вы поставили. У них в Румянцевском музее все это время была суматоха из-за ревизии. Впрочем, А[лексей] Ив[анович] еще не потерял надежды написать статью праздниками. Вчера у меня был М.М. Богословский и из его слов я понял, что он с удовольствием принял бы участие, если статью было возможно написать листом.

Причитающийся с меня взнос будьте добры вычесть из моего гонорара за приходные книги. Сегодня я со своей семьей уезжаю в имение буду там 2 недели без выхода. На Фоминой неделе и позже буду ездить в Москву дня на 2, на 3 в неделю. Корректуру будьте добры прислать по моему московскому адресу (Пречистенка, 23, кв[артира] 11), т.к. у меня в деревне почта не надежна. Я ее не задержу и вышлю дня через 2. Вообще я уезжаю так, что корректура мне будет доставлена из Москвы немедленно.

Наше издание актов Смутного времени (в Обществе Истории¹⁶) разрастается. Теперь уже намечено 8 выпусков. Б[ыть]

дение по данным Приказа сбора ратных людей (1638 г.) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб, 1911. С. 450–453; Готье Ю.В. К вопросу об изучении. С. 454–461.

¹⁴ Ответное письмо (12 апреля 1910 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 41.

¹⁵ *Веселовский С.Б.* Две заметки о Боярской думе // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб, 1911. С. 299–310

¹⁶ Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.

м[может] будет и еще 2–3 выпуска¹⁷. В мае надеюсь прислать Вам мой первый выпуск, он уже готов.

Остаюсь преданный Вам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 10–11 об. Автограф.

№ 7

7 сентября 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Спешу Вас уведомить о перемене моего адреса. Перебираемся в свой дом, купленный летом: Арбат д[ом] 23. Корректуру я вчера получил и через несколько дней верну Вам исправленной. Не могу удержаться, чтобы не выразить еще раз сожаление о незначительности статьи. Это Вы виноваты. Если бы Вы мне дали место, то я написал бы что-нибудь получше¹⁸.

Приходо-расходных книг отпечатано 14 листов¹⁹. Как только переберусь в Москву, то пришлю Вам чистые листы и энергично поведу дело дальше, которое заметно приостановилось по вине типографии, а отчасти моей. Ал[ексей] Ив[анович] Яковлев недавно обещал выслать Вам свою статью, а Ю.В. Готье кажется уже послал. М.М. Богословского я еще не видел, но кажется и он за лето хотел изготовить свою лепту²⁰.

Остаюсь готовый к услугам
преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 12–13. Автограф.

¹⁷ Всего вышло девять выпусков проекта, посвященного Смутному времени.

¹⁸ См. письмо № 6.

¹⁹ См. комментарии к письму № 1.

²⁰ Текст М.М. Богословского не был опубликован в сборнике трудов 1911 г., посвященного С.Ф. Платонову.

№ 8²¹

25 сентября 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Не зная адресов большинства членов Арх[еогрaфической] Комиссии, я опять пользуюсь Вашей любезностью и посылаю на Ваше имя в Комиссию 12 экземпляров моего последнего издания с просьбой направить их по назначению. Вам, С[ергею] Ф[едорови]чу, Васенко, А. Преснякову, Лаппо-Данилевскому, я уже послал раньше. Посылаемые теперь будьте добры распределить всем членам Комиссии и лицам, кому сделана надпись. Заранее благодарю Вас за это. Один экз[емпляр] передайте, пожалуйста, в библиотеку Комиссии. Если не хватит кому-либо из членов, то я дошлю немедля²².

Приходных книг мною в настоящее время отпечатано и послано к Сергею Федоровичу всего 13 листов. В скором времени будут готовы 14–16 листа. Выяснился окончательно состав и приблизительный размер первого тома. Всего в него войдет 6 книг и займут они листов 25–26. Пора уже подумать об указателе и на днях я буду писать по этому вопросу подробно С[ергею] Ф[едорови]чу.

Когда можно будет получить гонорар за отпечатанные листы и когда позволите прислать Вам доверенность? Нельзя ли из него вычесть то, что следует с меня за статью в сборник в честь С[ергею] Ф[едорови]ча, чтобы не пересылать лишний раз денег?

Остаюсь готовый к услугам

Преданный Вам

С. Веселовский

P.S. Как Ваш новый адрес?

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 14–15. Автограф.

²¹ Ответное письмо (29 сентября 1910 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 42.

²² Вероятно, речь идет об издании нижегородских платежных, подготовленных Веселовским в 1910 г.: Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 7: Нижегородские платежные.

№ 9²³

14 октября 1910 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Вчера я видел М.К. Любавского, который выразил сожаление, что не знал ничего о приготавливаемом сборнике в честь С.Ф. Платонова. По Вашему письму я еще весной передал приглашение Ю.В. Готье и А.И. Яковлеву, но не решился говорить сам М.К. [Любавскому] так как тогда мы еще не были с ним так близко знакомы, как теперь. Как теперь оказалось, и Готье, и Яковлев или забыли передать, или понадеялись друг на друга. Быть может еще не поздно? Тогда Вы могли бы написать ему, и он, при его желании примет участие в чествовании С[ергея] Ф[едорови]ча, вероятно выбрал бы время и постарался в возможно непродолжительном времени написать и послать статью²⁴.

Его адрес: Старо-Конюшенвский пер[еулок] д[ом] Голеновской, Матвею Кузьмичу Любавскому.

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 16–17. Автограф.

№ 10

18 марта 1911 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Посылаю Вам, как Вы писали, доверенность на получение моего гонорара. Выяснилось ли теперь, сколько следует мне уплатить за статью в сбор[ник] в честь С[ергея] Ф[едорови]ча. Если это выяснилось, то нельзя ли вычесть эту сумму из гонорара, чтобы не приходилось пересылать деньги два раза? Наш сборник производит среди москвичей очень хорошее впечатление. Кое-кто жалеет, что не принял участие. Винят меня. Однако, я не признаю

²³ Ответное письмо (16 октября 1910 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 43.

²⁴ *Любавский М.К.* Посадные бояре в Жмудской земле в XVI веке // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. СПб, 1911. С. 439–449.

себя виноватым, т.к. вовсе не желал принимать на себя ответственность приглашения таких лиц, которые бы по своим статьям или лично были не к стати. Мое положение было бы очень неприятное если бы редакция не приняла бы той или иной статьи.

С[ергей] Ф[едорович], вероятно, Вам уже сообщил, что I т[ом] приходных книг закончен печатаньем. Всего вышло 25 $\frac{1}{3}$ листов. Личный указатель займет около 5 листов, географический не больше листа и предметный листа 2²⁵. Всего по моим предположениям будет около 32 листов. Образец указателя сегодня посылаю С[ергею] Ф[едоровичу]. Первые 2 указателя у меня уже составлены, а предметный указатель начат. Очень спешу с первым листом, чтобы наладить дело до лета. Если Арх[еографическая] Ком[иссия] укажет мне не очень много исправлений и изменений, то весь том мог бы быть закончен печатаньем к осени нынешнего года.

Остаюсь с уважением
Преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 18–19. Автограф.

№ 11

14 апреля 1911 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Поздравляю Вас с проходящими праздниками. Ваше поручение исполню в самом непродолжительном времени. Завтра утром отправляю семью в именье и вернусь в Москву в воскресенье вечером. К этому времени надеюсь получить от остальных участников ответ. Если не все ответят, то я вышлю сам все, что пришлось на нашу долю.

Преданный Вам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 20. Автограф.

²⁵ Указатели личных и географических имен, а также предметный в издании приходо-расходных книг: РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги. С. 817–1012.

№ 12²⁶

16 мая 1911 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич

Очень затрудняюсь высказать Вам категорическое мнение об опытности г. Катаева²⁷. Лично я знаю его очень мало. По службе в архиве он конечно должен был выучиться читать рукописи безошибочно. Думаю, что справится и с пометами. Опытность в видении корректуры у него едва ли есть, т.к., насколько мне известно, он не вел больших изданий. Но это дело второстепенное т.к. он, по-видимому, относится к своей задаче очень добросовестно. Конечно, некоторый контроль, если бы было возможно его учредить, не тормозя дела, был бы не лишним. Думаю, что при таком условии можно было бы вполне положиться на его корректуру. Как мне представляется, количество подлинников намеченных к печати, не велико и без труда могло бы быть выслано в П[етербург], когда г. Катаев закончит свою работу в [...]»²⁸. Быть может было бы возможно и целесообразно поручить это кому-нибудь в Москве: напр[имер] С.К. Богоявленскому.

Желаю Вам провести хорошо лето и отдохнуть.
Остаюсь преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 21–22. Автограф.

²⁶ Судя по содержанию, это было ответное письмо Веселовского на написанное В.Г. Дружининым от 11 мая 1911 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 44.

²⁷ Катаев Иван Матвеевич (1875–1946) – историк, археограф, сотрудник МАМЮ. В.Г. Дружинин обратился к Веселовскому чтобы разузнать сведения о профессиональной подготовке И.М. Катаева, который планировал издать документы о Земском соборе 1653 г. Подробнее: Переписка С.Б. Веселовского. С. 44.

²⁸ Слово написано неразборчиво. Предположительно «листах».

№ 13²⁹

28 октября 1911 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Я конечно вполне согласен на условия, поставленные мне Комиссией. Теперь дело с указателем вполне наладилось и я послал сегодня С[ергею] Ф[едоровичу] первый полулист на утверждение и на представление в К[омиссию]. Предпо[ла]гаю к лету закончить весь указатель, а месяца за два до лета сдать в печать II том, чтобы за лето мне его набрали. С осени 1912 г. начну корректуру. На отсрочку платежа гонорара я конечно согласен: только бы не затягивать издание на десяток лет. Помимо желания избежать затяжки вообще, я руковожусь соображением, что такой материал, как приходо-расходные книги, приобретают особую цену, когда является возможность сравнивать книги разных лет.

Остаюсь преданный Вам и
готовый к услугам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 23–24. Автограф.

№ 14³⁰

20 января 1912 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Неделю тому назад я послал Вам на Археографич[ескую] К[омиссию] свои последние издания – сметы военных сил и новые акты Смутного времени³¹.

Посылая, забыл одновременно написать Вам об этом и попросил Вас, как прежде, раздать их по назначению. Спешу испра-

²⁹ Вероятно, это было ответное письмо Веселовского на написанное В.Г. Дружининым от 24 октября 1911 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 44–45.

³⁰ Ответное письмо В.Г. Дружинина: от 5 февраля 1912 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 45–46.

³¹ «Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг.» и 5-й выпуск издания, посвященного Смутному времени «Акты подмосковного ополчения и Земского собора (1611–1613 гг.)», были подготовлены Веселовским в 1911 г.

вить свою забывчивость. Обращаюсь еще раз к Вам с такой просьбой, зная Вашу любезность и помня Ваше, на этот счет разрешение.

Если не хватит экземпляров для всех членов Комиссии, то будьте добры отписать; я немедленно вышлю еще.

Личный указатель к прих[одо] – расх[одным] книгам набрал [...] ³². Вышло немного больше 4 ½ листов. Типографический по моим расчетам займет листа 1 ½; предметный не более листа. На днях буду писать Сергею Федоровичу относительно плана предисловия, к составлению которого уже пора приступить.

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 26–27. Автограф.

№ 15³³

8 февраля 1912 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Не задерживайте, пожалуйста, рассылки моих актов³⁴, т.к. у меня еще осталось их много, и я могу выслать еще, если кому-нибудь не хватит. Председателю я не посылал. Если мне не изменяет память, то кажется, что из членов К[омисс]и я послал: С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову, П.Г. Васенко и С.В. Рождественскому³⁵.

Указатели к прих[одо] – расх[одным] книгам приходят к концу. Половина географического набрана, а предметный на днях будет сдан в печать. Начал уже писать предисловие. Не позволили ли приказать напечатать на обложке то что напечатано на XXII

³² Слово написано неразборчиво. Предположительно «сам».

³³ Ответное письмо В.Г. Дружинина (от 9 февраля 1912 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 46.

³⁴ Подробнее в письме № 14.

³⁵ Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934) – историк, ученик С.Ф. Платонова, специалист по истории землевладения и народного просвещения в России.

т[оме] Р[русской] И[сторической] Б[иблиотеки]³⁶? Я Вам пришлю корректуру и Вам будет легко добавить и исправить, что нужно.

Проект предисловия в рукописи пошлю через несколько дней С[ергею] Ф[едоровичу] с просьбой рассмотреть его и если нужно будет, то доложить К[омиссии]. Сильно затрудняюсь о чем сказать и чего не говорить в предисловии. Постараюсь, по своему обыкновению, быть кратким и осторожным. На всякий случай сделаю несколько замечаний относительно порядков ведения прих[одо] – расх[одных] книг в приказах, об особенностях напечатанных книг о приемах передачи текста и дам описание внешности этих книг. Вам легко будет выкинуть лишнее, а я не буду на это жаловаться и охотно подчинюсь Вашему уставу.

Надеюсь, что Вы, будучи в Москве, не забудете меня.

Преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 30–31. Автограф.

№ 16

29 апреля 1912 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Теперь остались неутвержденным только титульные страницы и обложка. Их я пришлю Вам завтра или послезавтра. На этой неделе том будет сброшюрован, как Вы просили распорядиться. Буду ждать от Вас дальнейших указаний. Определена ли цена тома? Сколько экземпляров велеть оставить в Москву и как велите выслать остальные в Петербург? Сейчас еду в типографию подбирать шрифт для обложки и титулов, т.к. поставленные типографией не вполне подходят к предыдущим томам Р[русской] И[сторической] Б[иблиотеки]³⁷.

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 28–29. Автограф.

³⁶ Том был подготовлен к печати И.Я. Гурляндом: РИБ. СПб., 1908. Т. XXII. Дела Тайного приказа. Книга вторая.

³⁷ РИБ. М., 1912. Т. 28. Приходо-расходные книги.

№ 17

18 октября 1912 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Завтра я пошлю на Ваше имя оригиналы первых двух книг II тома. Против шрифта я, конечно, ничего не могу возразить. Мне не к лицу быть *plus royaliste que le roi*³⁸. От Сергея Федоровича я узнал, что смета типографии Александрова несколько дороже Синодальной. Не проще ли бы было тогда печать в какой-либо московской типографии. В прошлом году, когда я терял терпение от медлительности Синодальной типографии, то я запросил смету типографии Мамонтова³⁹. К сожалению, я не могу сейчас ее найти, но помнится мне, что она дороже Синодальной процентов на 5–8, не более. Впрочем, чтобы не задерживать дела, я во всем полагаюсь на Ваше решение. При оригинале я дам типографии краткие указания. Главное же все будет указано в самом оригинале. Если типография будет почаще заглядывать в I т[ом] и брать с него образец, то, думаю, изменить и поправить будет не [...] ⁴⁰. В первый половине ноября я непременно буду в Петербурге, и тогда дал типографии, если будет нужно, еще личные указания.

О соборных актах с Сергеем Федоровичем у нас разговора не было. Об этом мы побеседуем когда я буду в Петербурге.

До скорого свидания,
Остаюсь преданный Вам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 25–25об. Автограф.

³⁸ С фр. «больше роялистом, чем сам король».

³⁹ Типографию основал А.И. Мамонтов (1839–1905).

⁴⁰ Слово написано неразборчиво. Предположительно «легко».

№ 18

12 сентября 1913 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Обращаюсь к Вам с двумя просьбами. Первая – распорядиться, чтобы типография Александрова прислала мне по 2 экз[емпляра] чистых листов после отпечатания; они нужны мне для контроля, а позже для составления указателей⁴¹. I лист был подписан мною к печати еще весною. II и III у меня на руках. Больше пока не получал. Вторая просьба – сообщить, по возможности подробнее, относительно Вашего фотографического аппарата. Камера и размер (18×24) пластин? Тип, стоимость и фабрика объектива? Где был изготовлен штатив? За все это и подобные сведения буду Вам очень благодарен. Я заказал сейчас престарелый набор Цейса для размера 13×18 и обыкновенную штативную камеру⁴². Начну с этого, а если дело пойдет, то приобрету по Вашим советам другой аппарат на размер 18×24 и буду работать, при помощи какого-нибудь студента, в 2 аппарата. Строго на этот счет большие планы. В первую очередь займусь работой, о которой я давно думал и для которой собрал уже материал: снимками почерков и подписей думных дьяков, дьяков Челобитного приказа и важнейших [...] ⁴³. Будьте добры, отпишите! Или прикажите написать той фирме, которая Вам снаряжала аппарат.

Заранее благодарю Вас и остаюсь искренне преданный
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 34–35. Автограф.

⁴¹ В 1914 г. были опубликован небольшой сборник документов как дополнение «Памятникам первых лет русского старообрядчества». Подробнее об этом см. в I-й главе данного исследования.

⁴² О покупке фототехники для фотографирования рукописей см. воспоминания В.С. Веселовского: *Веселовский В.С. Проблемы нашей жизни*. Т. 1: 1900–1945. С. 36.

⁴³ Слово написано неразборчиво.

№ 19⁴⁴

17 ноября 1913 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Недоразумение объясняется, по-видимому, следующим. Я был в типографии и просил А. Орлова⁴⁵ послать Вам смету на П т[ом] расход[ных] книг⁴⁶. Относительно бумаги я просил его запросить Вас, сказав, что вероятно она заготовлена у Вас на весь том. Для образца я оставил им чистый (первый) лист, полученный мною от Вас. Вероятно, этот лист они послали Вам со сметой, и Вы приняли его за набранный вновь. Во всяком случае я не просил их ничего набирать, и мы не обязаны оплачивать их бестолковость, если они были так неосторожны, что набрали целый лист.

Завтра я поеду в типографию и выясню все это дело. Оригинала я им, конечно, еще не давал и думаю, что нам ничего не придется перепечатывать. Первый лист отпечатан, а второй и третий у меня на руках. На этих днях я подпишу их к печати и вышлю Сергею Федоровичу [Платонову]. Я так и думал, что первые три листа отпечатает типография Александрова. Сверх 3 листов тип[ография] Александрова набрала 3 гранки, т.е. не больше 2 – страниц. Этот набор действительно должен [...] ⁴⁷. Если сверх моего ожидания окажется, что я неправ, то я, конечно, не буду вводить Комиссию в убыток и искуплю свою вину.

Простите, что до сих пор не отписал Вам по поводу издания сказки Лазаря⁴⁸. До сих пор еще не выяснил дела с фотографом. Советовался с одним, но его проект изобразить на 1 лист отрывки сказки мне не нравится. Не разрешите ли сделать такой двойной лист снимка, как снимал в IV Чтений за текущий год (Грамота ополчения)? Это будет стоить, при 500 экз[емплярах], рублей 35–45,

⁴⁴ Ответное письмо Веселовского на написанное В.Г. Дружининым от 16 ноября 1913 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 54.

⁴⁵ Вероятно, Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – литературовед, специалист по средневековой русской литературе, академик (с 1931 г.).

⁴⁶ О подготовке II-го тома прихода-расходных книг см. параграф «1.4. Археография» данного издания.

⁴⁷ Слово написано неразборчиво. Предположительно «пропасть».

⁴⁸ *Веселовский С.Б.* Документы о постройке.

самое большое 50 р[ублей]. На таком листе можно будет дать хороший образец почерка Лазаря. Я думаю, что Барсков прав; его снимок очень сильно походит на руку Лазаря. Для предисловия я проанализирую начертание отдельных букв и постараюсь мотивировать мнение, к которому приду. В докладе, который войдет в мой выпуск, упоминается сочинение («книги»)⁴⁹ Лазаря, которое по государеву указу было передано при Новгородской чети⁵⁰ архимандриту Чудова м[о]н[а]ст[ы]ря Иоакиму⁵¹. Упоминается, что они написаны рукою самого Лазаря. Не есть ли это те самые книги, из которых снимок дал Барсков? Этими вопросами я займусь, когда устрою дело с фотографом. Завтра напишу Вам о том, что выясню в типографии.

Остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 58–59 об. Автограф.

№ 20

18 ноября 1913 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

По справке в типографии, так и оказалось, как я Вам писал. Синод[альная] типография ничего не набрала, а послали Вам тот чистый лист, который я дал им для образца. Т[аким] об[разом], печатание в Син[одальной] типографии начнется с 4-го листа⁵².

⁴⁹ Вставка от руки (чернила).

⁵⁰ Вставка от руки (чернила): при Новгородской чети.

⁵¹ Вероятно, речь идет об этом докладе (№ 7 в сборнике): *Веселовский С.Б.* Документы о постройке. С. 20.

⁵² По-видимому, речь о подготовке II тома актов писцового дела, публикация которых была отложена на несколько лет. Причины сложившейся ситуации Веселовский кратко изложил в кратком предисловии (сост. 16 декабря 1916 г.) ко II тому: «Быстро возрастающая дороговизна типографских работ и бумаги и переход типографии, в которой печатался II том Актов писцового дела, в другие руки, заставили редактора приостановить издание впредь до наступления более благоприятных для печатания научных трудов условий». – Акты писцового дела. Т. 2: Акты 1627–1649 гг. С. I.

Будьте добры распорядиться насчет бумаги, чтобы не было задержки.

Преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 60. Автограф.

№ 21⁵³

15 декабря 1913 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Простите, что поступил несколько самовольно, «как пригоже, смотря по тамошнему делу», и не совсем так, как Вы писали. Дело в том, что на одной таблице было неудобно поместить и начало сказки, и то место конца, где Лазарь говорит, что пишет своей рукой, и подпись на обороте. Получились бы жалкие обрывки. Очень жаль было кромсать автограф Лазаря⁵⁴! Когда я решил дать 2 таблицы, то фотограф Павлов заметил, что сделать 2 таб[лицы] формата летописей (500 экз[емпляров]) будет стоить 54 р[убля], т.е. по 27 р[ублей] за таблицу, а 2 таб[лицы] в натуральную величину в таком виде, как я Вам посылаю, 60 руб[лей], по 30 руб[лей] за таблицу. Эта ничтожная разница, а цена соблазнила меня, и я «дерзая дерзнул» заказать 2 большие таблицы. Бумага выбрана неломкая, несколько шире, чтобы можно было подогнуть и сброшюровать без клея. Никаких слов и цифр на таблицах я не поставил и не заказал, т.к. это очень значительно (раз в полтора) удорожило бы стоимость таблицы.

Мне самому отпечатки очень нравятся. Одобряют их и знатоки, которым я их показывал. Вышло несколько дороже, чем Вы писали, но зато целый автограф, а не обрывки. Буду ждать Вашего приговора, а тогда вышло на праздниках рукопись и таблицы, которые скоро будут готовы.

Как только Вы одобрите таблицы, то я попрошу Павлова послать Вам счет.

⁵³ Ответное письмо В.Г. Дружинина (от 18 декабря 1913 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 55–56.

⁵⁴ Источник был опубликован в небольшом сборнике 1914 г. в 26 выпуске ЛЗАК: *Веселовский С.Б. Документы о постройке*. С. 1–28.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что С.К. Богоявленский, разбирая неописанные дела Приказ[ных] лет, нашел 2 столбца актов⁵⁵ относительно осады Соловецкого монастыря⁵⁶. Большая часть их относится к первому периоду и даже к начальным моментам осады. По словам С.К. [Богоявленского], эти акты ничего чрезвычайно важного не дали, но ценны как дополнение к тому, что было известно, т.к. заполняют пробелы и объясняют такие факты, которые раньше были загадочны или непонятны. По словам С.К. [Богоявленского], этих актов будет листов на 10, а если допустить сокращения несущественного и повторения, то и меньше.

Не заинтересуетесь ли Вы этими актами? С.К. [Богоявленский], конечно, возьмет на себя труд проредактировать их, если Вы ему поручите. Он знает, что я готовлю сказку Лазаря и другие акты (их будет немного больше листа), и мы с ним говорили уже об этом.

Еще раз прошу извинения за самовольство и остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 32–33об. Автограф.

№ 22⁵⁷

14 января 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Посылаю Вам рукопись с некоторым промедлением, которое произошло частью не по моей вине. Еще раз очень прошу Вас не стесняться с предисловием⁵⁸; я чувствую себя слабым в этом деле.

⁵⁵ *Вставка от руки (чернила).*

⁵⁶ Подробнее о подготовке к публикации этих источников см. комментарий № 2 к письму В.Г. Дружинина от 18 декабря 1913 г. (№ 32): Переписка С.Б. Веселовского. С. 55.

⁵⁷ Вероятно, 15 января 1914 г. было написано ответное письмо В.Г. Дружинина: Переписка С.Б. Веселовского. С. 56–57.

⁵⁸ Речь о предисловии к сборнику материалов, изданного в 1914 г. в ЛЗАК: *Веселовский С.Б. Документы о постройке. Подробнее о подготовке сборника к публикации см. параграф «1.4. Археография» данного издания.*

Укажите, что прибавить или убавить, или сами расправьтесь. Быть может, найдете желательным показать ее Я.Л. Барскову? А я, право, ничего не мог лучше написать, хотя возился над предисловием больше недели.

Переиздание отписки воеводы (№ 1) мне казалось желательным: 1) потому что она очень тесно связана следующими документами, а 2) потому, что у Я.Л. Барскова она напечатана с неисправного списка. Начало еще ничего, а в середине много ошибок и пропусков.

Если найдете, что лучше переставить 5 и 6 акты, то есть поместить сначала 6[-й], а потом 5-й, то я сделаю это в корректуре.

В конце я приложил 2 документа о Гришке Яковлеве, но не знаю, следует ли их печатать. Кто это распоп Гришка?

Будьте добры, решите, относится ли это к делу и следует ли печатать. Заглавие я могу вставить в корректуре.

Не пеняйте, пожалуйста, за эти вопросы; в издании памятников старообрядчества я чувствую себя сапожником, взявшимся за печение пирогов.

Преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 36–37. Автограф.

№ 23⁵⁹

24 января 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Извините за промедление с ответом. Деньги, 61 рубль, я получил 17-го января и в тот же день уплатил их П. Павлову. Доверительную записку Павлова и счет с запиской артельщика прилагаю при сем письме.

Посылаю Вам также доверенность по форме, которую Вы мне указали в письме от 15 января⁶⁰. Сегодня я получил Вашу открытку, в которой Вы просите прислать доверенность на получение

⁵⁹ Вероятно, это было ответное письмо Веселовского на написанное В.Г. Дружининым от 17 января 1914 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 57–58. Ответное письмо В.Г. Дружинина написано 27 января 1914 г.: Там же. С. 59–60.

⁶⁰ Содержание письма: Переписка С.Б. Веселовского. С. 56–57.

ние моего гонорара⁶¹. Такую доверенность я послал Вам заказным письмом в конце декабря, когда Вы вернули мне мою первую доверенность, написанную не по форме. Получили ли Вы ее? Достаточно ли посылаемая мною теперь доверенность? Мне, право, известно, что я доставляю Вам такие хлопоты. Не разрешите ли прислать Вам форменную, сделанную у нотариуса доверенность?

Очень затрудняюсь указать Вам в Москве также букиниста, который мог бы быть Вам полезен. Все, кого я знаю, невежественны и очень избалованы легкой наживой на всякой книжной макулатуре. Из крупных букинистов, насколько я знаю, самый умеренный аппетит имеет Николаев (на Сретенке⁶²). Попробуйте еще обратиться к Шибанову⁶³ (на Никольской⁶⁴), хотя он из букинистов самый дорогой. Он знает дело и может, если захочет, дать справки и исполнить поручения. Я дал Ваш адрес И.М. Фадееву⁶⁵ (на Моховой⁶⁶), но должен Вас предостеречь относительно⁶⁷ него: это самый жадный и пронырливый среди своей братии-букинистов.

Быть может, я могу быть Вам в чем-либо полезен? Это будет проще, чем писать букинистам и ждать от них ответа. Пожалуйста, не стесняйтесь; я с удовольствием исполню Ваши поручения. У Леонова (на Арбате⁶⁸) я видел Поморские ответы⁶⁹, рукопись середины XIX в. из собрания известного о[тца]. Восторгова⁷⁰. Он отдаст ее недорого. Я не писал Вам раньше, т.к. сомневался в том

⁶¹ Открытка была подписана 23 января 1914 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 58.

⁶² Улица в Москве, ныне расположена в районах Красносельский и Мещанский на территории Центрального административного округа города.

⁶³ По-видимому, Шибанов Павел Петрович (1864–1935) – букинист.

⁶⁴ Улица в Москве, ныне расположена в Тверском районе на территории Центрального административного округа города.

⁶⁵ Фадеев Иван Михайлович (1869–1943) – букинист, издатель.

⁶⁶ Улица в Москве, ныне расположена в районах Арбат и Тверской на территории Центрального административного округа города.

⁶⁷ *Вставка от руки (чернила).*

⁶⁸ Улица в Москве, ныне расположена в районе Арбат на территории Центрального административного округа города.

⁶⁹ «Поморские ответы» – сочинение старообрядцев, составленное в 1723 г.

⁷⁰ Вероятно, Восторгов Иоанн Иоаннович (1864–1918) – русский церковный деятель, духовный писатель.

представляет ли она для Вас интерес. У Леонова же я видел Цветники⁷¹ Почаевской типографии⁷².

Несколько дней тому назад одни знакомые мне старообрядцы предложили мне осмотреть продающиеся у них книги. Я осмотрел и предложил им за 35 книг 300 р[ублей]. Они просят 600 р[ублей]. Книги эти следующие. Большая часть, около 20 шт[ук], хорошо сохранившиеся богослужебные книги Почаевской, Супрасльской⁷³ и Гродненской⁷⁴ печати. 1 книга – известное Сказание о муч[ениках] и страдальцах соловецких, изд[анное] в Почаеве. Книг 5 староверческих богослужебных, Синодальной печати. Эти книги большой цены не стоят. Ценнее несколько книг до-Никоновской московской печати и одно рукописное евангелие первой половины XVII в[ека] (хороший устав). Может быть представляет интерес 1 сборник Слов и поучений, рукопись XVIII в[ека]. Самая же ценная это – 2 лицевых рукописи, одна Апокалипис, а другая, кажется, толковое Евангелие. Обе хорошего устава, в лист, с множеством прекрасно и с большим художественным вкусом и исполнением акварелей. Я не решился предложить за все эти книги дороже, во-первых, потому что не занимаюсь собиранием их, а во-вторых – не понимаю их ценности и не знаю им цены. Интересуют ли Вас эти 2 лицевые рукописи? Очень возможно, что они одни стоят того, что я давал за все. Я получил доступ к этим книгам случайно, через крестную мать моей жены, г[оспо]жу Хлудову, которой они принадлежат вместе с сонаследницами Хлудова⁷⁵. Если я их не куплю, то они попадут вероятно в руки Рябушинского⁷⁶, который платит за подобные вещи бешенные деньги. В ожидании Вашего ответа остаюсь преданный и готовый к услугам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 38–40. Автограф.

⁷¹ «Цветник» – собрание сочинений староверов.

⁷² Речь о типографии Почаевского монастыря.

⁷³ Типография при Супрасльском монастыре.

⁷⁴ Вероятно, речь о Гродненской королевской типографии.

⁷⁵ Вероятно, Хлудов Алексей Иванович (1818–1882) – купец, собиратель древнерусских рукописей и книг.

⁷⁶ Рябушинские – семейство, члены которого известны как предприниматели, коллекционеры, меценаты и старообрядцы.

№ 24⁷⁷

14 февраля 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Я, конечно, не имею ничего против, чтобы озаглавить выпуск так, как Вы пишете. Меня смущало то, что выпуск очень невелик, и потому я озаглавил его Добавлением⁷⁸. Корректуру по подлинникам я уже провел. Сегодня займусь над ней дома и завтра вышлю ее Вам. Я добавил два, найденная после акта о Красулине – государев указ воеводы о казне и патриаршеская грамота к настоятелю Печенгского монастыря о снятии с Ив[ана] К[расули]на монашеского платья⁷⁹. Будьте добры приказать набрать их и прислать вторую корректуру – в листах.

В настоящее время я очень занят окончанием своей работы о Сошном письме, вторым томом Актов писцов[ого] дела и Арзамасскими актами⁸⁰. На будущий год, когда освобожусь, то пишу еще актов о старообрядчестве. Я уверен, что находки, и не малые, еще возможны. В Белозерских воеводских актах мне попадались интересные дела 80-х годов сыщика, посланного на Белоозеро нарочно, чтобы сыскивать про церковную противность. Помню, что был целый столбец сказок помещиков, старост и целовальников относительно того, кто у них впал в раскол, в чем он выражается и т.д.

Есть допросы раскольников сыщикам. К сожалению, тогда, года 4 тому назад, я не обратил внимания на эти акты и не копировал их. Можно еще поискать в Прих[одских] делах старых лет, в Сибирском приказе и в некоторых других отделах.

Как Вы находите мое предисловие? Нет ли в нем лишнего или следует прибавить? Не мог достать до сих пор Российского вино-

⁷⁷ Ответное письмо Веселовского на написанное В.Г. Дружининым от 10 февраля 1914 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 60.

⁷⁸ О подготовке небольшого сборника материалов «Документы о постройке Пустоозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве» см. письма № 19, 21, 22.

⁷⁹ Подробнее об этой грамоте (№ 10): Веселовский С.Б. Документы о постройке. С. 25.

⁸⁰ Подробнее об этих изданиях в главе 1 данного исследования.

града⁸¹. В понедельник мне обещали его доставить. Если понадобится, то я сделаю на него ссылку при исправлении второй корректуры.

Остаюсь преданный Вам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 41–42. Автограф.

№ 25

14 марта 1914 г.⁸²

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Я получил корректуру дня 3 тому назад и совсем уже собрался заняться ею и еще раз проверить по подлинникам⁸³, как у нас случилась беда. Захворал мой третий сын, мальчик 11 лет⁸⁴. Вчера был консилиум и решено сделать операцию – удалить червовидный отросток. Завтра мне самому придется взять его в лечебницу, а в пятницу будет операция. Постараюсь все-таки выслать корректуру на этой неделе. В тексте актов, наверное, будет очень мало поправок, так что их я подпишу к печати. Если же в предисловии будут такие поправки, что подписать его к печати будет рискованно, то не будете ли Вы добры просмотреть его, чтобы не посылать ко мне еще раз и не задерживать тем издания.

⁸¹ Вероятно, речь идет об издании с изображениями бумажных водяных знаков. См., например, изображения винограда в издании Н.П. Лихачева: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение.

⁸² В письме указаны две даты: «12 марта 1913 г.» и «14/III 1914». Судя по содержанию последующих писем от В.Г. Дружинина, корректной является вторая. См., например, письмо В.Г. Дружинина от 20 марта 1914 г., в котором отмечено пожелание «скорейшего и полного восстановления здоровья» сыну С.Б. Веселовского. По всей видимости, речь идет о сыне Борисе (третий сын С.Б. Веселовского, который упомянут в публикуемом письме). В комментариях к письму В.Г. Дружинина указано, что речь идет о сыне С.Б. Веселовского Всеволоде, что, вероятно, является ошибкой: Переписка С.Б. Веселовского. С. 61–62.

⁸³ Вероятно, речь о подготовке небольшого сборника материалов «Документы о постройке Пустоозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве». О подготовке сборника см. письма № 19, 21, 22, 24.

⁸⁴ Третий сын С.Б. Веселовского – Борис (1903–1985).

Преданный Вам С. Веселовский
P.S. Синодальная типография до сих пор не прислала мне ни одной гранки. Не знаю уже на каком языке с ними ругаться.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 43–44. Автограф. Подпись – С.Б. Веселовского.

№ 26

28 марта 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Спешу послать Вам корректуру, заказной бандеролью⁸⁵. Отлавление я составил так, что типография без труда его поправит и напечатает. Завтра я с семьей уезжаю в имение под Москву на праздники. Если Вам придется писать, то для простых писем такой адрес: Рязано-Уральская ж[елезная] д[орога], полустанок Вельяминово, С.Б. В[еселовско]му. Заказных писем лучше туда не посылать: очень хлопотно их получать. Еще раз извиняюсь за промедление в правке корректуры.

Преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 45. Автограф.

№ 27⁸⁶

2 мая 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Прежде всего – простите за неответ на Ваше праздничное поздравление: на Страстной неделе я с семьей уехал из Москвы и пробыл в имении 3 ½ недели.

Ваше последнее письмо заставило меня сильно задуматься. Первое-то, что я сам посоветовал Высоцкому⁸⁷, несколько меся-

⁸⁵ О подготовке сборника материалов см. письма № 19, 21, 22, 24, 25.

⁸⁶ Вероятно, ответное письмо В.Г. Дружинина было написано 5 мая 1914 г.: Переписка С.Б. Веселовского. С. 63.

⁸⁷ Высоцкий Николай Гаврилович (1876–?) – историк, архивист.

цев тому назад, послать письма Урусовой⁸⁸ Вам в К[омисс]ию. Второе – мои отношения с Лже-Дмитрием⁸⁹. Лестными обещаниями и перспективой закрыть мне доступ к неописанным отделам архива, он заманил меня на службу, чтобы использовать в своих личных целях мои познания. Вскоре он издал распоряжение – никому из чиновников ничего не печатать из материалов и по материалам архива без его разрешения. Я отказался подчиниться этому распоряжению; он стерпел. Через 2–3 месяца у нас ним произошло столкновение из-за печатания псковской писцовой книги XVI в[ека], которое было поручено мне. Одновременно он узнал, что я не только сам печатаю без его разрешения, но и дал другим (трем лицам) материалы, дал таким лицам (не чиновникам), которые стоят вне его власти. После нескольких крупных разговоров я вышел в отставку причем он обещал не делать мне никаких препятствий в архивной работе. Обещание это он дал, конечно, из боязни скандала, который я ему сделал бы противном случае. Теперь он очень любезен со мной, но его обещаниям и любезности верить нельзя. Мы оба понимаем прекрасно друг друга. Он боится лично меня, боится мнения московских ученых, знающих всю нашу историю, и наконец боится всяких скандалов. Мне, пока он не делал никаких препятствий, нет смысла объявлять ему открытую борьбу.

Вот, Василий Григорьевич, какие обстоятельства. Очень возможно, что, если я возьмусь издавать письма, то он обозлится, но промолчит. Менее возможно то, что он под предлогом, что эти акты из числа неописанных, не даст мне оригиналов. Но не страдает ли Высоцкий, как чиновник и необученный человек? Ведь, ЛжеДмитрий знает, что письма нашел он, а не я и подозревает, что я направил В[ысоцко]го в К[омисс]ию⁹⁰. Я не говорил с В[ысоц]ким; очень возможно, что [он] пошел бы на это, т.е. согласился бы передать письма мне, не обращая внимания на гнев ЛжеДмитрия, тем более, что у них и так отношения очень сквер-

⁸⁸ Урусова Евдокия Прокофьевна (XVII в.) – княгиня, раскольница.

⁸⁹ В переписке Веселовский так называл управляющего МАМЮ Д.В. Цветаева.

⁹⁰ *Вставка от руки (чернила)*: и подозревает, что я направил В[ысоцко]го в К[омисс]ию.

ные: на предложение подать прошение об отставке В[ысоц]кий отвечал: увольняйте, а сам не уйду. Весь расчет – на трусость и боязнь скандала Л[жедмитр]ия.

Однако, меня смущает не это – этим, при согласии В[ысоцко]го идти на новые столкновения, можно было бы пренебречь – меня смущает положение, в которое я становлюсь к Высоцкому. Ведь, я ему посоветовал отправить акты Вам. У меня с ним отношения вполне приличные и дружелюбные, но нет такой близости, которая устраняла бы всякую возможность некоторой неискренности. Мысль, что он может заподозрить меня в неискренности и изворотах, у меня сидит в голове. Теперь я на опыте знаю, что такое мир чиновников. В бытность мою в этой среде, всего несколько месяцев, я наслушался таких гадостей и испытал столько неприятностей, что раньше не испытывал за всю свою жизнь.

Все это, конечно, не значит, что следует, по моему мнению, отказаться от издания писем совсем. Мне кажется, что возможно избрать такой⁹¹ путь. Во-первых – немного повременить. Все равно, летом не придется приступить к делу; тем временем Лжедмитрий немного остынет. А дальше я могу предложить такой исход: В[ысоцк]ий откажется от редакторства и скажет ЛжеД[митр]ию, что печатать не будет. Тогда редакторство можно было бы поручить какому-нибудь нейтральному лицу, напр[имер] А.М. Гневушеву⁹². За него я могу поручиться, как за редактора, и присмотреть за ним. У нас с ним вполне искренние отношения. Если нужно, чтобы мое участие было засвидетельствовано официально, то я вполне согласен. Гневушев мог бы провести корректуру быстро, так что Л[же]Д[митр]ий узнал бы об этом тогда, когда не будет в состоянии повредить, т.е. отобрать оригиналы. При таких условиях В[ысоцк]ий остался бы вне всяких возможных неприятностей. Пришлось бы только не упоминать о том, что нашел письма он.

Может быть, мой план слишком сложен, но пока другого я не вижу. Впрочем, нужно еще поговорить и подумать, чтобы во вся-

⁹¹ Вставка от руки (чернила).

⁹² Гневушев Андрей Михайлович (1882–1920) – историк, специалист по истории социально-экономической истории Новгорода.

ком случае провести это дело. Вопрос несколько осложнен тем, что нет возможности предвидеть поступки⁹³ подлых трусов. Во всяком случае я постараюсь по отпишу Вам об этом вскоре.

Всего хорошего! Преданный Вам
С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 46–49. Автограф.

№ 28

14 мая 1914 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Спасибо за оттиск Вашего выпуска и за оттиски моего. Доверенность прилагаю при письме. Будьте добры, получить деньги, послать их не на мое имя, а по такому адресу: Москва, Арбат, Криво-Арбатский пер[еулок], Сергею Александровичу Журову⁹⁴, собств[еннику] дома. Я в Москве бываю теперь редко, по мере надобности, т.е. в различные дни, а почта в имении у нас очень неудобна. Если так послать не найдете возможным, то я буду просить Вас выслать позже, когда я, наверное, буду в Москве.

Н.Г. Высоцкий в мое отсутствие, после тогда, как Ц[ветаев] ему разрешил печатать акты у Вас, говорил с гр[афом] С.Д. Шереметевым⁹⁵ и предложил акты Общ[еству] люб[ителей] др[евней] письм[енностей]⁹⁶. Граф обещал дать ответ в ближайшее время. По словам Высоцкого, он, т.е. В[ысоцк]ий, поставил условие напечатать акты без замедления. Если граф ответит отказом, по недостатку места или по иной причине, то дело наверно устроится в Чтениях⁹⁷, и акты будут напечатаны немедленно. Что касается Вашей комбинации, т.е. издания актов под моей редакцией, то она, по-видимому, Вы[соц]кому кажется неудобной: он,

⁹³ Вставка от руки (чернила).

⁹⁴ Журов Сергей Александрович (1870–1943) – юрист.

⁹⁵ Шереметев Сергей Дмитриевич (1944–1918) – граф, историк

⁹⁶ Общества любителей древней письменности (ОЛДП) – российское научное общество, основанное в 1877 г. по инициативе князя П.П. Вяземского (1820–1888) и графа С.Д. Шереметьева.

⁹⁷ Речь о ЧОИДР.

во-первых, боится Ц[ветае]ва, а, во-вторых, этот отказ от редакторства, за гонорар, затрагивает его самолюбие. Я, по крайней мере, так его понял вчера, когда мы говорили с ним, хотя прямо он не высказался.

Он сделал ошибку тем, что спросил у Лжедмитрия разрешения. С этого начались все затруднения, а теперь – новый инцидент. Под угрозой наказания или даже увольнения находится другой чиновник, за то, что прочитал в одном Обществе реферат о землевладении Романовых и покушался напечатать его.

А.И. Яковлева сейчас нет в Москве – он в Симбирске; таким образом и этот ресурс не пришлось испробовать.

Может быть Вы найдете возможным замолвить слово за В[ысоц]кого графу. Тогда все уладилось бы быстро. Если не уладится, то Чтения напечатают. С.А. Белокуров не упустит этого материала и в таких случаях действует (т.е. печатает) быстро, – когда дело идет о ценном, но небольшом по объему материале.

Неприятно думать и видеть, что такие люди, как Лжедмитрий и К^о, делают у нас теперь историю и истории.

Всего Вам лучшего, хорошего летнего отдыха!

Преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 50–51 об. Автограф.

№ 29

25 марта 1915 г.

Простите великодушно, глубокоуважаемый Василий Григорьевич, мой неответ. Доверенности не послал, т.к. мне не предстояло ничего получать. Теперь А.С. Орлов устыдился и обещал, по своему почину, наблюдать лично за печатанием приходных книг. Сейчас 4–6 листа подписаны к печати, да листа 4 в наборе. Когда будут чистые листы, то вместе с ними пришлю доверенность.

Последние 3 месяца мне пришлось много работать и хлопотать. В декабре закончил печатание первого тома Сошного письма, а перед Пасхой сдал в печать первую половину второго тома. В промежутке между этими делами Бог послал мне шестого

сына⁹⁸, с которым, как полагается, было много хлопот. Теперь все налаживается, но конец зимы дает себя знать – хочется отдохнуть. Не знаю, из каких запасов напечатать без перерыва второй том.

Чтобы загладить свою вину, посылаю Вам бандеролью доклад Устюжской чети 188 г[ода] государю, патриарху и боярам о раскольниках на Чаронде. Может быть, он Вам пригодится.

Шлю Вам свое запоздалое поздравление с светлым праздником и остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 56–57. Автограф.

№ 30⁹⁹

12 октября 1915 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Посылаю Вам доверенность по форме, как Вы мне прислали. Я прибавил только «и 1916-го» года, в надежде, что доверенность может быть пригодной не только в нынешнем году, который на исходе. Не помню, за какие именно листы я получил уже гонорар. На всякий случай вышлю Вам на этих днях все, что есть, т. е. с 4 листа по 9-й включительно. В сверстке еще 6 листов, которые будут отпечатаны в октябре или ноябре. На днях выходят мои Арзамасские акты. Позвольте опять обратиться к Вашей любезности и выслать их в Комиссию для раздачи членам.

Получили ли Вы мою весеннюю посылку с несколькими актами о старообрядчестве и расколе?

Пожелав Вам всего хорошего,
остаюсь преданный Вам

С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 54–55. Автограф.

⁹⁸ Веселовский Глеб Степанович (1915–1941).

⁹⁹ Ответное письмо В.Г. Дружинина (от 15 октября 1915 г.): Переписка С.Б. Веселовского. С. 65.

№ 31

22 октября 1915 г.

Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Вопрос о продолжении печатания моего тома может быть разрешен очень просто. Дело в том, что типография еще до войны заготовила, по довоенным ценам, всю бумагу на мой том (рассчитывая его размеры до 40 лл) и на том А.И. Яковлева¹⁰⁰. Вчера я об этом говорил с типографией и еще раз получил подтверждение. Теперь вопрос о томе А.И. Яковлева, – издание переведено к Лисснеру, у которого нет бумаги. Согласится ли Орлов дать часть запаса, заготовленного Син[инодальной] типографией для обеих томов? Уход Яковлева от них к Лисснеру был им очень неприятен. Если Комиссия оплатила или дала задаток, то с неудовольствием Син[ональной] типографии, конечно, можно не считаться. Как быть в противном случае, об этом А.И. Яковлев хотел писать Вам и говорить с Орловым.

На этих днях вышлю Вам 6 чистых листов (с 4 по 9-й). В ближайший месяц будут отпечатаны еще 6 листов, корректуру которых вышлю завтра или послезавтра С[ергею] Ф[едоровичу].

Вы спрашиваете, как работается. Как можно теперь работать?! Скрепя сердце, изо всех сил допечатываю II т[ом] Сошного письма. В ноябре надеюсь его выпустить. По примеру прочих россиян занимаюсь не своим делом – работаю в объединенном комитете земского и городского союзов по оказанию помощи больницам¹⁰¹. Если осуществится предположение издавать периодический справочник–осведомитель по беженскому вопросу, то вероятно буду его редактировать¹⁰².

¹⁰⁰ Речь о книге А.И. Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке»: *Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства*. М., 1916.

¹⁰¹ Речь о земгоре, объединенном комитете земского и городского союзов, созданном летом 1915 г.

¹⁰² Говоря об общественной деятельности Веселовского в годы Первой мировой войны, следует также отметить составленные им библиографические заметки в Бюллетени общества политического просвещения армии и широких слоев населения (в котором освещалась литература на актуальные издания по

Это – пока, а в будущем возможно, что дойдет черед и до меня стать в ряды защитников России, – я белобилетник 1898 года. Когда начнется переосвидетельствование и скоро ли дойдет очередь до моего года, у нас в Москве неизвестно.

Всего Вам лучшего.

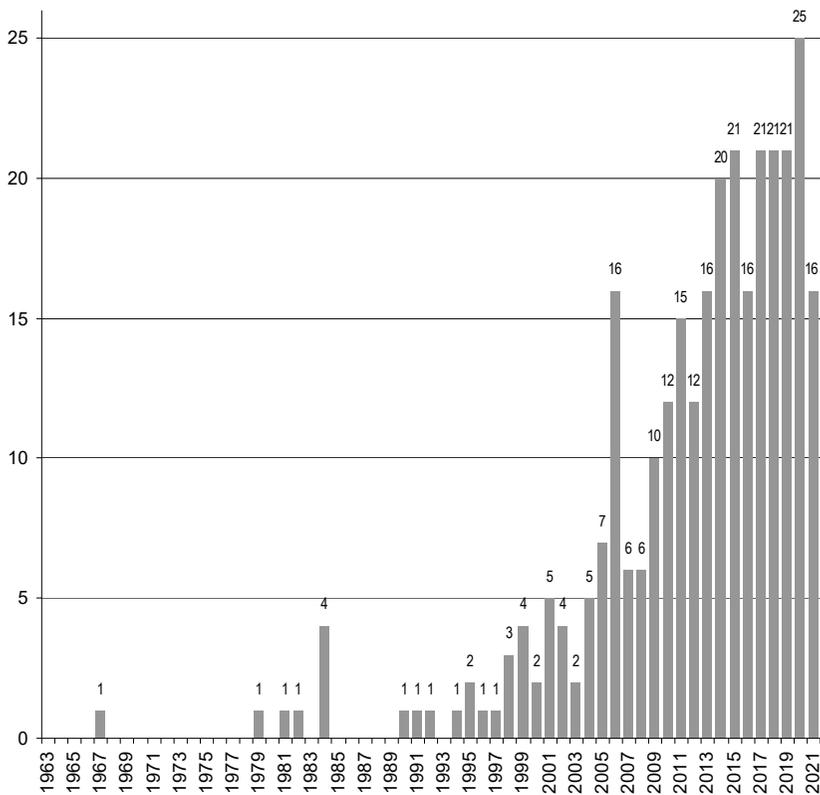
Искренне преданный Вам С. Веселовский

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 133. Л. 52–53об. Автограф.

общественно-политическим вопросам). См. № 1 (15 июля 1917 г.): Бюллетень общества политического просвещения армии и широких слоев населения. 1917. № 1. С. 6–9, 11, 29–31.

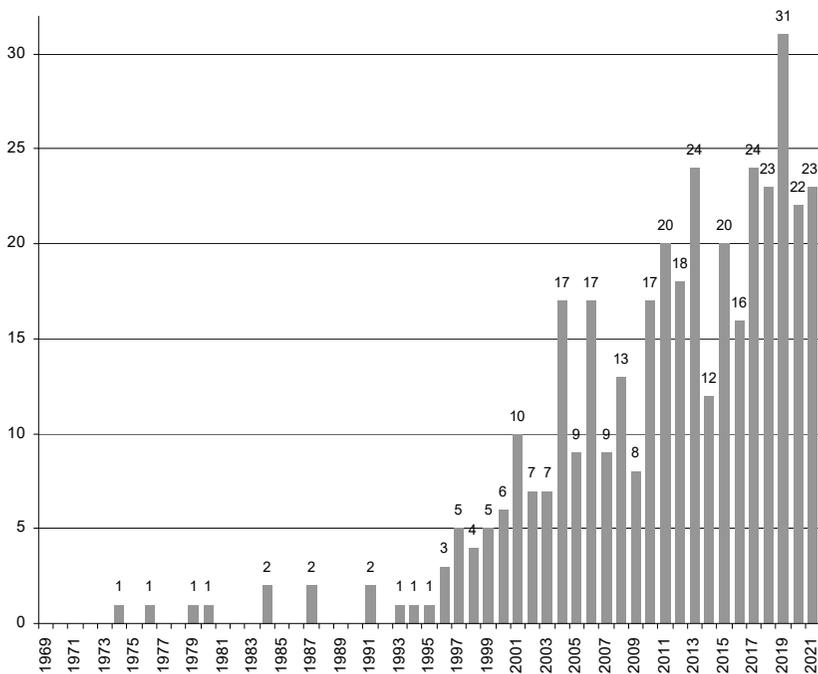
Приложение 2

Число ссылок (по годам) на «Исследования по истории опричнины»

Приложение 3

Число ссылок (по годам)
на «Исследования по истории класса служилых
землевладельцев» по данным
Google Scholar (1969–2021)¹⁰³

¹⁰³ Результаты поиска по запросу «Веселовский: Исследования по истории класса служилых землевладельцев. 1969–2021». Текст: электронный // Google Scholar. URL: https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=2005&scioldt=0%2C5&cites=1502634458737351911&scipsc=&as_ylo=1969&as_yhi=2021 (дата обращения: 03.04.2023).

Список источников и литературы

1. Неопубликованные источники

Архив Российской академии наук (РАН)

1. Ф. 2 (Секретариат Президиума Российской академии наук). Оп. 1 (1938). Делопроизводственная документация Общего отдела Секретариата Президиума АН СССР. Д. 321; Оп. 1 (1939). Д. 31; Оп. 1 (1952). Д. 293.
2. Ф. 7 (Учреждение Российской академии наук Архив РАН). Оп. 1 (1936–1963). Д. 266.
3. Ф. 394 (Отделение общественных наук Академии наук СССР). Оп. 10. Д. 10.
4. Ф. 457 (Отделение истории Российской академии наук). Оп. 1 1945–1956). Д. 335; Оп. 1 (1953–1959). Д. 24; Оп. 1 (1953–2002). Д. 418, 592.
5. Ф. 620 (Веселовский Степан Борисович, (1876–1952), историк, археограф, академик АН СССР (1946)). Оп. 1. Д. 4, 8, 12, 14, 15, 27–63, 66–73, 75а, 76–78, 80а, 84–85а, 97–100, 100а, 104–146, 184, 311, 313, 325а, 329–341; Оп. 2. Д. 118, 144, 193.
6. Ф. 636 (Богословский Михаил Михайлович, (1867–1929), историк, академик АН (1921)); Оп. 3. Д. 9; Оп. 5. Д. 1.
7. Ф. 639 (Дьяконов Михаил Александрович, (1855–1919), историк, ординарный академик АН (1912)). Оп. 1. Д. 110.
8. Ф. 693 (Тихомиров Михаил Николаевич, (1893–1965), историк, академик АН СССР (1953)). Оп. 3. Д. 156.
9. Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 2. Д. 25, 79, 192–193, 255; Оп. 5. Д. 162, 177, 191, 220; Оп. 6. Д. 398–406.
10. Ф. 1639 (Яцунский Виктор Корнелевич, (1893–1966), историк, доктор исторических наук (1950)). Оп. 1. Д. 165, 270.
11. Ф. 1714 (Новосельский Алексей Андреевич, (1891–1967), историк, доктор исторических наук (1946)). Оп. 1. Д. 210.
12. Ф. 1791 (Черепнин Лев Владимирович, (1905–1977), историк, академик АН СССР (1972)). Оп. 1. Д. 14.

13. Ф. 2030 (Станиславский Александр Лазаревич, (1939–1990), историк, доктор исторических наук (1985), профессор). Оп. 1. Д. 66.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

14. Ф. А4655 (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК) при Наркомате просвещения РСФСР). Оп. 1. Д. 153; Оп. 2. Д. 230.
15. Ф. Р4737 (Комиссия содействия ученым (КСУ) при Совете народных комиссаров СССР). Оп. 2. Д. 875.
16. Ф. Р5325 (Главное архивное управление при Совете министров СССР (ГЛАВАРХИВ СССР). Главное архивное управление при Кабинете министров СССР). Оп. 12. Д. 327; Оп. 16. Д. 12.

*Научный архив Института российской истории
Российской академии наук (НА ИРИ РАН)*

17. Ф. 1. (Институт истории АН СССР). Оп. 1. Д. 40, 42, 75, 84–86, 90, 93, 141, 266, 273, 317, 1045, 1149.

*Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института
истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН)*

18. Ф. 29 (Веселовский Степан Борисович (1876–1952), историк, археограф, академик АН СССР (1946)). Оп. 1. Д. 1, 3, 4.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

19. Ф. 337 (Канцелярия Московского архива Министерства юстиции, г. Москва.). Оп. 1. Д. 923, 6298.

*Российский государственный архив литературы и искусства
(РГАЛИ)*

20. Ф. 167 (Дружинины: Василий Григорьевич (1859–1937) археограф, этнограф, племянник А.В. Дружинина; Александр Васильевич (1824–1864) – писатель, критик). Оп. 1. Д. 133.
21. Ф. 3416 (Дорош (Гольберг) Ефим Яковлевич (1908–1972) – журналист). Оп. 1. Д. 40.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

22. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)). Оп. 100. Д. 91208.
23. Ф. 532 (Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1938); Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (НИИ НКП) (1936–1939)). Оп. 7. Д. 26; Оп. 12. Д. 809.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН)

24. Ф. 934 (Андреев Александр Игнатьевич, (1887–1959), историк, археограф и архивист, доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института истории, естествознания и техники АН СССР). Оп. 5. Д. 98.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ)

25. Ф. П-211 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 8, 9, 11.
26. Ф. П-2412. (Московский государственный историко-архивный институт). Оп. 1. Д. 23, 28.

2. Опубликованные источники

2.1. Историографические источники

27. Акты писцового дела (1644–1661) / сост. С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшин, подг. к печ. А.Л. Станиславский, Э.Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1977. – 288 с.
28. Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / сост. С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. – М. : Наука, 1990. – 475 с.
29. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. – М. : Синодальная тип., 1913. – Т. 1: Акты 1587–1627 гг. / собр. и ред. С.Б. Веселовский. – 666 с.
30. Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. – М. : Тип. Ф.Я. При-

- горина, 1917. – Т. 2: Акты 1627–1649 гг. / собр. и ред. С.Б. Веселовский. – 490 с.
31. Акты русского государства 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский; доп. и подгот. к печ. Р.В. Бахтурина, И.А. Булыгин, Л.И. Ивина, С.М. Каштанов, Л.З. Мильготина, В.Д. Назаров, Л.А. Никитина. – М. : Наука, 1975. – 435 с.
32. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. [в 3 т.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1 / сост. С.Б. Веселовский. – 804 с.
33. *Алеврас Н.Н.* Русская историография XIX – начала XX века: лекции по истории ист. науки: в 2 ч. / Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2013. – Ч. 2: Российская историческая наука периода буржуазных перемен. – 236 с.
34. *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд / Ю.Г. Алексеев. – Л. : Наука, 1966. – 264 с.
35. *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени / Д.Н. Альшиц // Исторические записки. – М. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 23 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 251–289.
36. *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного / Д.Н. Альшиц. – Л. : Наука, 1988. – 246 с.
37. *Афферика Дж.* Образ Ивана Грозного в интерпретации С.Б. Веселовского / Джоан Афферика // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Аквариус, 2015. – С. 388–396.
38. *Базилевич К.В.* Из истории феодальной Руси / К. Базилевич // Книга и пролетарская революция. – 1936. – № 12. – С. 108–111. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. / С.Б. Веселовский. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 166 с.
39. *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества / Я.Л. Барсков. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1912. – 426, XI с.
40. [Бастракова М.С.] Веселовский Степан Борисович // Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 4 / под ред. Г.А. Князева, Г.П. Блока и Т.И. Лысенко. – С. 194–195.
41. *Бирюков Я.* [Рецензия] / Я. Бирюков // Исторический вестник. – 1908. – Т. 113. – С. 311–312. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Несколько документов Московского главного архива Министерства

- иностранных дел / С.Б. Веселовский. – М. : тип. Штаба Московского военного округа, 1907. – 18 с.
42. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / Марк Блок; пер. с фр. И.И. Фроловой, ред. и предисл. А.Д. Люблинской. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 352 с.
43. Богословский М.М. [Рецензия] / М. Богословский // Исторические известия. – 1916. – Кн. 2. – С. 68–85. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посюжного обложения Московского государства [в 2 т.] / С. Веселовский. – Т. 1–2. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915–1916.
44. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. [в 2 т.] / М. Богословский. – М. : Синодальная тип., 1909. – Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. – 322, 105 с.
45. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. [в 2 т.] / М. Богословский. – М. : Синодальная тип., 1912. – Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. – 311, 45, 30 с.
46. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. / М. Богословский. – М. : Университетская тип., 1902. – 521, 44 с.
47. Богословский М.М. По поводу ответа С.Б. Веселовского / М. Богословский // Исторические известия. – 1916. – Кн. 3–4. – С. 175–181.
48. Богоявленский С.К. Местное самоуправление / С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова. – М. : АН СССР, 1955. – С. 384–394.
49. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века / С.К. Богоявленский. – М. : АН СССР, 1946. – 314 с.
50. Бочков В.Н. [Рецензия] / В.Н. Бочков // Вопросы истории. – 1975. – № 10. – С. 158–161. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Ономастикон / С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина; подг. Э.Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
51. Бочков В.Н. Личность в истории и личность историка / В. Бочков // Новый мир. – 1970. – № 7. – С. 271–274. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С.Б. Веселовский. – М. : Наука, 1969. – 584 с.

52. *Бурдей Г.Д.* Опричина в новой исторической литературе / Г.Д. Бурдей // Преподавание истории в школе. – 1964. – № 6. – С. 27–34.
53. *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник / М.Е. Бычкова. – М. : Наука, 1975. – 214 с.
54. *Веретенников В.И.* К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов / В.И. Веретенников. – Петроград: тип. М.М. Стасюлевича, 1916. – 12 с.
55. *Веселовский Степан Борисович* // Малая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. – 3-е изд. – 1958. – Т. 2. – С. 344.
56. *Веселовский Степан Борисович* // БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М. : Советская энциклопедия. – 1928. – Т. 10 (Венгрия–Вильно) / О.Ю. Шмидт. – С. 438.
57. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Голос минувшего. – 1914. – № 5. – С. 264–268. – Рец. на: Островская М.А. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII вв. / М.А. Островская. – СПб. : тип. Глав. упр. уделов, 1913. – IX, 370, 96 с.
58. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 85. – С. 482–487. – Рец. на кн. : *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / пер. с лат. М. Лопаткина. – Казань: тип-лит. имп. ун-та, 1906. – 440 с.
59. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1908. – № 2. – С. 413–431. – Рец. на кн. : Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. / Ю.В. Готье. – М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. – 595 с.
60. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. – 1913. – Ч. XLVII. – С. 358–380. – Рец. на кн. : *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича / Е.Д. Сташевский. – Киев: тип. 2-й Артели, 1913. – 387 с.
61. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Исторический журнал. – 1944. – Кн. 10–11. – С. 114–119. – Рец. на кн. : *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. / А.И. Яковлев. – М. : Изд-во АН СССР, 1943. – Т. 1. – 564 с.
62. *Веселовский С.Б.* [Рецензия] / С.Б. Веселовский // Критическое обозрение. – 1907. – Вып. 3. – С. 58–60. – Рец. на кн. : *Василевский И.Р.* Государственный контроль, как охранитель народных интересов, за границей и в России / И.Р. Василевский. – СПб. : тип. М. Михайловой, 1907. – 88 с.; *Евзлин З.* Бюджетный кон-

- троль и система государственной отчетности при конституционном образе правления / З. Евзлин. – СПб. : тип. В.Я. Мильштейна, 1907. – 160 с.
63. *Веселовский С.Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в. / С.Б. Веселовский // Сборник статей, посв. В.О. Ключевскому. – М. : т-во С.П. Яковлева, 1909. – С. 291–316.
64. *Веселовский С.Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты / С.Б. Веселовский // Архив русской истории. Сборник РГАДА. Вып. 7 / отв. ред. С.С. Ермолаев, сост. А.В. Антонов. – М. : Древлехранилище, 2002. – С. 276–296.
65. *Веселовский С.Б.* Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 г. / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М. : АН СССР, 1939. – Т. 5 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 31–47.
66. *Веселовский С.Б.* Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI – XVII вв. / С.Б. Веселовский // Архивное дело. – 1940. – № 57. – С. 20–35.
67. *Веселовский С.Б.* Две заметки о Боярской думе / С. Веселовский // Сборник статей, посв. С.Ф. Платонову. – СПб. : тип. гл. упр. уделов, 1911. – С. 299–310.
68. *Веселовский С.Б.* Документы о постройке Пустоозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве // Летопись занятий Археографической комиссии: за 1913 год. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1914. – Вып. 26. – С. 1–25.
69. *Веселовский С.Б.* Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник / С.Б. Веселовский // Известия АН СССР. Серия истории и философии. – М. : АН СССР, 1947. – Т. 4, № 6. – С. 505–520.
70. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. : [справочник] / С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. – М. : Наука, 1975. – 606 с.
71. *Веселовский С.Б.* Заметка по истории бюджета Московского государства XVII века / С.Б. Веселовский // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. – Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1917. – С. 181–190.
72. *Веселовский С.Б.* Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М. : АН СССР, 1946. – Т. 18 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 56–91.

73. *Веселовский С.Б.* Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) / С.Б. Веселовский // Ученые записки. – М. : РАНИОН, 1928. – Т. 5. – С. 204–217.
74. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Шункова и С.М. Каштанова. – М. : Наука, 1969. – 582 с.
75. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричины / С.Б. Веселовский; отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 539 с.
76. *Веселовский С.Б.* Исторические карты Подмосковья. Вып. 4: История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. / С.Б. Веселовский, В.Н. Перцов; подг. К.А. Аверьянов, Л.Е. Додэ. – М. : [Б.и.], 1993. – 58 с.
77. *Веселовский С.Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея / С. Веселовский. – М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 42 с.
78. *Веселовский С.Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620–30 г. в Сыскных приказах / С.Б. Веселовский. – М. : тип. Штаба Московского военного округа, 1907. – 33 с.
79. *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима / С.Б. Веселовский. – М. : РАНИОН, 1926. – 128 с.
80. *Веселовский С.Б.* Кабацкая реформа 1652 г. / С.Б. Веселовский // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. – 1914. – № 4. – С. 59–66.
81. *Веселовский С.Б.* Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. / С.Б. Веселовский // Исторический архив. – М. : АН СССР, 1951. – Т. VII / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 300–396.
82. *Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М. : АН СССР, 1941. – Т. 10 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 95–116.
83. *Веселовский С.Б.* Несколько документов Московского главного архива Министерства иностранных дел / С.Б. Веселовский. – М. : тип. Штаба Московского военного округа, 1907. – 18 с.
84. *Веселовский С.Б.* О драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого / С.Б. Веселовский; подг. к печ. К.А. Аверьянов // Археографический ежегодник за 1988 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1989. – С. 305–313.

85. *Веселовский С.Б.* О Земском соборе // Русь. – 3 марта 1905. – С. 2.
86. *Веселовский С.Б.* Ономастикон / С.Б. Веселовский; под. ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина, подг. к печ. Э.Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
87. *Веселовский С.Б.* Ответ профессору М.М. Богословскому / С. Веселовский // Исторические известия. – 1916. – Кн. 3–4. – С. 158–175.
88. *Веселовский С.Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М. : АН СССР, 1945. – Т. 15 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 57–69.
89. *Веселовский С.Б.* Переход митрополичьей кафедры из Киева в Москву / С.Б. Веселовский // Религия и церковь в истории России / общ. ред. и предисл. А.М. Сахарова; сост. и примеч. Е.Ф. Грекулова. – М. : Мысль, 1975. – С. 80–97.
90. *Веселовский С.Б.* По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей к ней полемики / С.Б. Веселовский; подг. к печ. А.А. Зимин // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 354–376.
91. *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. Три очерка / С.Б. Веселовский; сост. А.Г. Макаров. – М. : АИРО–XXI, 2002. – 128 с.
92. *Веселовский С.Б.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков / С.Б. Веселовский, В.Л. Снегирев, Б.С. Земенков. – 2-е доп. изд. – М. : Московский рабочий, 1962. – 584 с.
93. *Веселовский С.Б.* Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков / С.Б. Веселовский, Н.М. Коробков, В.Л. Снегирев. – М. : Московский рабочий, 1955. – 396 с.
94. *Веселовский С.Б.* Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском / Ст. Б. Веселовский. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. – 12 с.
95. *Веселовский С.Б.* Посадская соха в первой половине XVII в. / С.Б. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия – 1910. – Ч. XXVII. – С. 1–42; – Ч. XXVIII. – С. 1–48.
96. *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо–Восточной Руси / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М. : АН СССР, 1947. – Т. 22 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 101–131.

97. *Веселовский С.Б.* Приказной строй управления Московского государства / С.Б. Веселовский // Русская история в очерках и статьях. – Киев: кн. маг. Н.Я. Оглоблина, 1912. – Т. III / под ред. М.В. Довнар-Запольского. – С. 164–198.
98. *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории / С.Б. Веселовский; вступ. ст. Е. Дороша // Новый мир. – 1969. – № 1. – С. 170–203; – № 2. – С. 205–241.
99. *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории / С.Б. Веселовский; отв. ред. С.М. Каштанов, подг. к печ. К.А. Аверьянов. – М.: Наука, 1990. – 336 с.
100. *Веселовский С.Б.* Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. / С.Б. Веселовский. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 166 с.
101. *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича / С.Б. Веселовский. – М.: Имп. о-во ист. и древн. рос. при Моск. ун-те, 1908. – 233 с.
102. *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана как исторический источник / С.Б. Веселовский // Проблемы источниковедения. Сб. III / ред. Б.Д. Греков и С.Н. Валк. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – С. 245–366.
103. *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. / С.Б. Веселовский. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1911. – 59 с.
104. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства [в 2 т.] / С. Веселовский. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. – Т. 1. – 442 с.
105. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства [в 2 т.] / С. Веселовский. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – Т. 2. – 716 с.
106. *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе истории / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М.: АН СССР, 1945. – Т. 17 / отв. ред. Б.Д. Греков. – С. 24–52.
107. *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России в период феодализма / С.Б. Веселовский; под. ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина, сост. Л.Г. Дубинская, А.С. Ксенофонтова, А.К. Панфилова. – М.: Наука, 1978. – 342 с.

108. *Веселовский С.Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году / С. Веселовский // Вопросы истории. – 1946. – № 1. – С. 86–104.
109. *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский. – М. : АН СССР, 1947. – 496 с.
110. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Новые открытия по истории Уложения царя Алексея Михайловича / М. Владимирский-Буданов // Университетские известия. – 1880. – № 2. – С. 7–28.
111. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Судебник 1589 года: его значение и источники / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1902. – 65 с.
112. *Власов П.* [Рецензия] / П. Власов // Голос минувшего. – 1914. – № 11. – С. 283–285. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Документы о постройке Пустоозерной тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Крисулине и Григорье Яковлеве // Летопись занятий Археографической комиссии: за 1913 год. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1914. – Вып. 26. – С. 1–25; Дружинин В.Г. Пустозерский сборник // Летопись занятий Археографической комиссии: за 1913 год. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1914. – Вып. 26. – С. 1–25.
113. *Водарский Я.Е.* Первое Всероссийское научно-практическое совещание по изучению и изданию писцовых и переписных книг конца XV – начала XVIII века / Я.Е. Водарский, З.В. Дмитриева // История СССР. – 1989. – № 4. – С. 214–217.
114. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.) / В. Волков. – М. : Эксмо, 2004. – 572 с.
115. *Володихин Д.М.* Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV / Дмитрий Володихин. – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2011. – 296 с.
116. Вспомогательные исторические дисциплины: учебно-методический комплекс / сост. Н.Н. Родигина, М.А. Фатеенко; под науч. ред. В.А. Зверева. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – 147 с.
117. Генеалогические исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Муравьев. – М. : РГГУ, 1994. – 330 с.
118. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю.В. Готье. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. – 602 с.

119. *Готье Ю.В.* К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII столетии / Ю. Готье // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. – СПб. : тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. – С. 454–461.
120. *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б.Д. Греков. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 959 с.
121. *Гурлянд И.Я.* Приказ Великого Государя тайных дел / И.Я. Гурлянд. – Ярославль: тип. Губернского Правления, 1902. – 396 с.
122. *Данилевский И.Н.* Историческая текстология: учеб. пособие / И.Н. Данилевский. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2018. – 556 с.
123. *Данилова Л.В.* Теоретические проблемы феодализма в советской историографии / Л.В. Данилова; сост., ред., авт. вступ. ст. и коммент. С.С. Алымов, А.В. Журавель. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 512 с.
124. *Демидова Н.Ф.* [Рецензия] / Н.Ф. Демидова // Вопросы истории. – 1978. – № 7. – С. 166–168. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. : [справочник]. – М. : Наука, 1975. – 607 с.
125. *Документы Печатного приказа (1613–1615)* / сост. С.Б. Веселовский; отв. ред. Б.В. Левшин. – М. : Архив РАН, 1994. – 480 с.
126. *Дорош Е.Я.* Книга о грозном царе / Е. Дорош // Новый мир. – 1964. – № 4. – С. 260–263. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский; отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 539 с.
127. *Дружинин В.Г.* Пустозерский сборник // ЛЗАК: за 1913 год. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1914. – Вып. 26. – С. 1–25.
128. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин; отв. ред. Б.Д. Греков. – М. : Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 1. – 635 с.
129. *Дубровский С.М.* Еще раз о «великом государе» / С.М. Дубровский // Знамя. – 1965. – № 1. – С. 211–216.
130. *Дубровский С.М.* Против идеализации деятельности Ивана IV / С.М. Дубровский // Вопросы истории. – 1956. – № 8. – С. 121–129.
131. *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв. / М. Дьяконов. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1898. – IV, 344, II, IV с.
132. *Дьяконов М.А.* Посильность обложения / М. Дьяконов // Русский исторический журнал. – 1917. – № 1–2. – С. 46–60. – Рец. на кн. :

- Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства [в 2 т.] / С. Веселовский. – Т. 1–2. – М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915–1916.
133. *Ермолаев И.П.* [Рецензия] / И.П. Ермолаев // Вопросы истории. – 1987. – № 3. – С. 116–118. – Рец. на кн. : Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России / В.Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 279 с.
134. *Заблоцкий-Десятковский М.П.* О ценностях в Древней Руси: историческое исследование / [ист. исследование] Мих. Заблоцкого. – СПб. : тип. Королева и Ко, 1854. – 104 с.
135. *Зимин А.А.* [Рецензия] / А. Зимин // Вопросы истории. – 1950. – №. 12. – С. 144–148. – Рец. на кн. : Садилов П.А. Очерки по истории опричнины / П.А. Садилов. – М. : АН СССР, 1950. – 594 с.
136. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного / А.А. Зимин. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.
137. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А.А. Зимин; отв. ред. В.И. Буганов. – М. : Наука, 1988. – 348 с.
138. *Историография истории СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)* / под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 511 с.
139. *Историография истории СССР: эпоха социализма* / под. ред. И.И. Минца. – М. : Высшая школа, 1982. – 336 с.
140. *Историография истории России: учеб. пособие для вузов* / под. ред. А.А. Чернобаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 429 с.
141. *История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований* / отв. ред. Н.И. Павленко. – М. : Наука, 1977. – 287 с.
142. *Источниковедение истории СССР: учебник* / под ред. И.Д. Ковальченко. – 2 изд., доп. – М. : Высшая школа, 1981. – 496 с.
143. *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории* / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – 702 с.
144. *Источниковедение: учеб. пособие* / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – 2-е изд., испр. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. – 685 с.

145. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.В. Сиренова. – М. : Юрайт, 2015. – 396 с.
146. *Каннингем У.* Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века / У. Кённингэм; пер. с 3-го англ. издания Н.В. Теплова. – М. : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. – XVII, 592 с.
147. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания / Н.И. Кареев. – 2-е изд. – М. : КРАСАНД, 2010. – 328 с.
148. *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков / Л.П. Карсавин. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1912. – XX, 843, 21 с.
149. *Кауфман И.И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века / [опыт исследования] И.И. Кауфмана. – СПб. : тип. Б.М. Вольфа, 1910. – 268 с.
150. *Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник / Ал. Кизеветтер // Сборник статей, посв. В.О. Ключевскому. – М. : т-во С.П. Яковлева, 1909. – С. 76–102.
151. *Клейн В.К.* Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года [в 2 ч.] / Владимир Клейн. – М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – Ч. I. Дипломатическое исследование подлинника. – XLVI, 131 с.
152. *Ключевский В.О.* Курс русской истории [в 3 ч.] / [курс] В. Ключевского. – 3-е изд. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1908. – Ч. 1. – 464 с.
153. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси / [исслед.] В. Ключевского. – 3-е изд. – М. : Синодальная типография, 1902. – VI, 547 с.
154. *Кобрин В.Б.* [Рецензия] / В.Б. Кобрин // Вопросы истории. – 1991. – № 4–5. – С. 197–198. – Рец. на кн. : Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / сост. С.Б. Веселовский; под. ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. – М. : Наука, 1990. – 475 с.
155. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России / В.Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 279 с.
156. *Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов / В.Б. Кобрин, Г.А. Леонтьева, П.А. Шорин; под ред. В.Г. Тюкавкина. – М. : Просвещение, 1984. – 208 с.

157. *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика / В.Б. Кобрин; подг. к изд. Э.Г. Аствацатурян, А.Г. Макаров, Ю.М. Эскин. – М. : РГГУ, 2008. – 376 с.
158. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. / А.И. Копанев. – М. : АН СССР, 1951. – 255 с.
159. Крепостная мануфактура в России [в 5 т.]. – Л. : АН СССР, 1930. – Т. 1: Тульские и каширские железные заводы / ред. Б.Д. Греков. – XXXIV, 503 с., 1 карта.
160. *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / Михаил Кром. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 888 с.
161. [Кудряшов К.В.] [Рецензия] / К-шов // Исторический вестник. – 1915. – Т. 141. – С. 938–939. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства [в 2 т.] / С. Веселовский. – М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915. – Т. 1. – 442 с.
162. *Кулаковский Ю.* Из Берлина (Международный конгресс историков) / Юлиан Кулаковский // Министерства народного просвещения. Новая серия. – 1908. – Ч. XVII. – С. 37–55.
163. *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб / А.С. Кулешов. – М. : Территория, 2009. – 328 с.
164. *Курмачева М.Д.* Об оценке деятельности Ивана Грозного / М.Д. Курмачева // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 195–203.
165. *Кучкин В.* Так звали наших предков / В. Кучкин // Наука и жизнь. – 1975. – № 9. – С. 102–103. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Ономастикон / С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина, подг. Э.Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
166. *Ланглау Ш.-В.* Введение в изучение истории / Ш. – В. Ланглау, Ш. Сеньобос; пер. с фр. А. Серебряковой. – 2-е изд. / под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ), 2004. – 305 с.
167. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России / А. Лаппо-Данилевский. – СПб. : тип. тов. «Общественная польза», 1905. – 156 с.
168. *Левшин Б.В.* Библиография трудов С.Б. Веселовского / Б.В. Левшин // Археографический ежегодник за 1968 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1970. – С. 401–404.

169. *Левшин Б.В.* Издание трудов академика С.Б. Веселовского / Б.В. Левшин // История СССР. – 1958. – № 5. – С. 250.
170. *Левшин Б.В.* Обзор документальный материалов фонда академика С.Б. Веселовского / Б.В. Левшин // Археографический ежегодник за 1958 год / под ред. М.Н. Тихомирова. – М. : Наука, 1960. – С. 257–266.
171. *Литвина А.Ф.* Русская христианская двуименность в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева / Анна Литвина, Федор Успенский // Slavistica Revija. – 2018. – Т. 66, № 3. – С. 333–354.
172. *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть 3: Альбом снимков / Н.П. Лихачев. – СПб. : тип. В.С. Балашев и Ко, 1899. – XVI с. ил., XVII–XX л. ил., XXI–DCXXXVI с.
173. *Лихачев Н.П.* По поводу сборника А.И. Юшкова: «Акты XIII–XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества» / Н.П. Лихачев. – СПб. : Синодальная тип., 1898. – 15 с.
174. [*Львов Л.И.*] [Рецензия] // Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 1–2. – С. 8–9. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. – М. : тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. – Т. 2. – 716 с.
175. *Любавский М.К.* Посадные бояре в Жмудской земле в XVI веке / М. Любавский // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. – СПб. : тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. – С. 439–449.
176. *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства / В.В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленинград. Гос. ордена Ленина ун-та, 1945. – 431 с.
177. *Максимович Г.А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг / Г.А. Максимович. – Нежин: типо-лит. насл. В.К. Меленевского, 1914. – 19 с.
178. *Милов Л.В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С.Б. Веселовского) / Л.В. Милов // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 127–142.
179. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Милюков. – СПб. : тип. В.С. Балашева, 1892. – 736 с.

180. Монография // БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1938. – Т. 40 / О.Ю. Шмидт. – С. 116.
181. Монография // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. – СПб. : тип. тов. «Просвещение», 1903. – Т. XIII. – С. 359.
182. Монография // Настольный энциклопедический словарь. – М. : Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А.А. Левинсон, 1897. – Т. V. – С. 3258.
183. Монография // Энциклопедический словарь. – СПб. : типо-лит. И.А. Ефрона, 1896. – Т. XIXа. – С. 781.
184. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской Правде / [соч.] П. Мрочек-Дроздовского – М. : Унив. тип. (М. Катков), 1881. – Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. – XXII, 196 с.; 1885. – Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. – XLI, 289 с.
185. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской правде / [соч.] П. Мрочек-Дроздовского. – М. : Синод. тип., 1917. – 129 с.
186. [*Мякотин В.А.*] // Русское богатство. – 1910. – № 8. – С. 109–111. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича / С.Б. Веселовский. – М. : Имп. о-во ист. и древн. рос. при Моск. ун-те, 1908. – 233 с.
187. *Носов Н.Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. / Н.Е. Носов // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. – Л. : Наука, 1972. – С. 44–71.
188. *Островская М.А.* Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII вв. / М.А. Островская. – СПб. : тип. Глав. Упр. Уделов, 1913. – IX, 370, 96 с.
189. Очерки истории исторической науки в СССР [в 5 т.]. – М. : АН СССР, 1963. – Т. III / гл. ред. М.В. Нечкина. – 831 с.
190. Очерки истории исторической науки в СССР [в 5 т.]. – М. : Наука, 1966. – Т. IV / гл. ред. М.В. Нечкина. – 854 с.
191. Очерки истории исторической науки в СССР [в 5 т.]. – М. : Наука, 1985. – Т. V / гл. ред. М.В. Нечкина. – 605 с.
192. Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 1032 с.

193. *Павлов А.П.* История служилого сословия России XVI–XVII вв. в трудах А.Л. Станиславского // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. – М. : РГГУ, 1994. – С. 16–23.
194. Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова / А.И. Алексеев, В.Г. Вовина, Л.К. Ермолаева [и др.] // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 203–205.
195. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. – М. : Центрархив, 1929. – Т. I / под ред. С.Б. Веселовского и А.И. Яковлева. – VI, 396 с.
196. Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 / [отв. ред. С.М. Каштанов]. – М. : Наука, 2007. – 539 с.
197. *Платонов С.Ф.* Собрание сочинений: в 6 т. / С.Ф. Платонов; Ин-т славяноведения РАН; Археографическая комиссия РАН; Российская национальная библиотека. – Т. 5 / сост. А.В. Мельников, А.В. Сиренов. – М. : Наука, 2017. – 508 с.
198. *Платонов С.Ф.* К вопросу о Никоновском своде / С.Ф. Платонов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1902. – Т. VII. Кн. 3. – С. 24–33.
199. *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима») / А.Е. Пресняков // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии. За 1926 г. – 1927. – Вып. 1. – С. 174–192.
200. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий / А. Пресняков. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1909. – 316 с.
201. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский; подг. Л.Г. Дубинская и А.Л. Станиславский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. – М. : Наука, 1983. – 479 с.
202. *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в древней России до конца XVIII столетия / [соч.] Д.И. Прозоровского. – СПб. : тип. и лит. А. Траншеля. – 416 с.
203. *Пронштейн А.П.* Вопросы теории и методики исторического исследования: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / А.П. Пронштейн, И.Н. Данилевский. – М. : Высш. школа, 1986. – 208 с.
204. *Пронштейн А.П.* Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками: учебно-методическое

- пособие для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов / А.П. Пронштейн. – 2 изд., доп. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 117 с.
205. *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма / А.П. Пронштейн; отв. ред. И.Д. Ковальченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – 664 с.
206. *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования / А.П. Пронштейн; отв. ред. И.Д. Ковальченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1971. – 468 с.
207. *Райнов Т.И.* Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу / Т. Райнов. – М.; Л. : АН СССР, 1940. – 508 с.
208. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии / отв. ред. В.П. Волгин. – М.; Л. : АН СССР, 1947. – 166 с.
209. [Рецензия] // Исторический вестник. – 1909. – Т. 118. С. – 1137. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича / С.Б. Веселовский. – М. : Имп. о-во ист. и древн. рос. при Моск. ун-те, 1908. – 233 с.
210. *Рожкова М.К.* К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты / М.К. Рожкова. – Л., М. : Книга, 1927. – 36 с.
211. *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) / Б.А. Романов // Труды ЛОИИ. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 2. – С. 327–476.
212. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI–XIII вв.) / Б.А. Романов. – Л. : Изд-во Ленинград. Гос. ордена Ленина ун-та, 1947. – 343 с.
213. *Рубинштейн Н.Л.* Веселовский Степан Борисович / Н.Л. Рубинштейн // БСЭ. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1971. – Т. 4. – С. 569–570.
214. *Рубинштейн Н.Л.* Веселовский Степан Борисович / Н.Л. Рубинштейн // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. – 1963. – Т. 3. – С. 393–394.
215. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / Н.Л. Рубинштейн; под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во С. – Петербургского ун-та, 2008. – 938 с.

216. Рукопись С.Б. Веселовского о синодике Успенского собора / подг. С.Ю. Шокарев // Археографический ежегодник за 2014–2015 годы / отв. ред. С.М. Каштанов. – М. : Наука, 2023. – С. 328–349.
217. Русина Ю.А. Методология источниковедения: учеб. пособие / Ю.А. Русина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.
218. Русская историческая библиотека. – М. : Синодальная тип., 1912. – Т. 28. Приходо-расходные книги Московских приказов / подг. С.Б. Веселовский. – 1012 с.
219. Русская историческая библиотека. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1909. – Т. XXVI. Донские дела. Книга вторая / подг. В.Г. Дружинин. – IV, 1022, 9, 83 с.
220. Русская историческая библиотека. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1908. – Т. XXII. Дела Тайного приказа. Книга вторая / подг. И.Я. Гурлянд. – IV, 888, 54 с.
221. Русская история в очерках и статьях. – Киев: кн. маг. Н.Я. Оглоблина, 1912. – Т. III / под ред. М.В. Довнар-Запольского. – 754 с.
222. Русская история в очерках и статьях. – М. : типо-лит. И. Лյндорф, 1909. – Т. I / под ред. М.В. Довнар-Запольского. – 618 с.
223. Русская история в очерках и статьях. – М. : типо-лит. И. Лյндорф, 1910. – Т. II / под ред. М.В. Довнар-Запольского. – 439 с.;
224. Русская правда в четырех редакциях: по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского: с дополнениями и вариантами из других списков / изд. В. Сергеевич. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – 51 с.
225. Савва В.И. Заметки о Боярской думе в XVI веке / В. Савва // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского / при участии Д. Багалея, Е. Барсова, С. Бахрушина, М. Богословского и др. – Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1917. – С. 55–72.
226. Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского / при участии Д. Багалея, Е. Барсова, С. Бахрушина, М. Богословского и др. – Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1917. – VII, 803 с.
227. Семенченко Г.В. [Рецензия] / Г.В. Семенченко // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 191–194. – Рец. на кн.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России / В.Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 279 с.
228. Сергеевич В.И. Русская Правда и ее списки / В. Сергеевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – №. 1. – С. 1–41.

229. Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. – СПб. : тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. – VII, 568 с.
230. *Скрынников Р.Г.* Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году / Р.Г. Скрынников // Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. – Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1965. – С. 3–86.
231. *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины / Р.Г. Скрынников. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1966. – 417 с.
232. *Смирнов И.В.* Приобретение навеки / И. Смирнов // Знание – сила. – 1987. – № 9. – С. 50–57.
233. *Смирнов И.И.* Предисловие / И. Смирнов // Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. / А.И. Копанев. – М. : АН СССР, 1951. – С. 3–4.
234. *Смирнов И.И.* С позиций буржуазной историографии / И. Смирнов // Вопросы истории. – 1948. – № 10. – С. 113–124. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский. – М. : АН СССР, 1947. – 496 с.
235. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. – Вып. 5 : Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.) / собр. и ред. С.Б. Веселовский. – 1911. – XIV, 228 с.
236. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. – Вып. 4 : Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / собр. и ред. С.Б. Веселовский. – 1915. – XVI, 738 с.
237. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. – Вып. 7 : Нижегородские платежные 7116 и 7120 гг. / подг. С.Б. Веселовский. – 1910. – V, 284 с.
238. *Солнцева В.Г.* [Рецензия] / В.Г. Солнцева // Советское государство и право. – 1948. – № 10. – С. 73–78. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский. – М. : Изд-во АН СССР, 1947. – 496 с.
239. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / [соч.] Сергея Михайловича Соловьева. – Кн. 2. Т. 6–10. – СПб. : Изд. Выс. утвержд. Тов. «Общественная польза», 1896. – 1726 с.

240. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам / сост. Александр Барсуков. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 611 с.
241. *Сташевский Е.Д.* [Рецензия] / Е. Сташевский // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. – 1909. – Ч. XXIII. – С. 165–194. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича / С.Б. Веселовский. – М. : Имп. о-во ист. и древн. рос. при Моск. ун-те, 1908. – 233 с.
242. *Сташевский Е.Д.* Смета военных сил Московского государства на 1632 год / [сообщ.] Е. Сташевский // Военно-исторический вестник. – 1910. № 9–10. – С. 49–86.
243. *Сторожев В.Н.* К вопросу об источниках Уложения (по поводу статьи г. Верховского) / В.Н. Сторожев // Юридический вестник. – 1889. – Том III. Вып. 12. – С. 663–666.
244. *Тиктин Н.И.* Византийское право как источник Уложения 1648 года и новоуказных статей: опыт историко-сравнительного исследования / Н.И. Тиктин. – Одесса: тип. Штаба Округа, 1898. – 227 с.
245. *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР с древнейшего времени до конца XVIII века: учебное пособие / М.Н. Тихомиров. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 495 с.
246. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. / сост. Ю.Л. Мандрика. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004. – 200 с.
247. *Хохлов Р.Ф.* [Рецензия] / Р.Ф. Хохлов // История СССР. – 1980. – №. 1. – С. 215–216. – Рец. на кн. : История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / отв. ред. Н.И. Павленко. – М. : Наука, 1977. – 287 с.
248. *Хохлов Р.Ф.* Вклад в историческую науку / Р. Хохлов // Дружба народов. – 1970. – № 11. – С. 279–280. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С.Б. Веселовский. – М. : Наука, 1969. – 584 с.
249. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / Л.В. Черепнин. – М. : Наука, 1978. – 416 с.

250. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л.В. Черепнин. – М. : Соцэргиз, 1960. – 899 с.
251. [*Черепнин Л.В.*] Предисловие // Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский. – М. : АН СССР, 1947. – С. 1–4.
252. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков [в 2 ч.] / Л.В. Черепнин. – М. : АН СССР, 1948. – Ч. 1. – 472 с.
253. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков [в 2 ч.] / Л.В. Черепнин. – М. : АН СССР, 1951. – Ч. 2. – 428 с.
254. *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года: учебное пособие / А.Л. Шапиро. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во «Культура», 1993. – 761 с.
255. *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма / А.Л. Шапиро. – Л. : ЛГУ, 1962. – 235 с.
256. *Шиндель Л.И.* Ожившая история / Л. Лазарев // Вопросы литературы. – 1964. – № 4. – С. 11–31. – Рец. на кн. : Горький и советские писатели: Неизданная переписка / ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. – М. : АН СССР, 1963. – 736 с.
257. *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства / А. Яковлев. – М. : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – IX, 321 с.
258. *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам холопского и посольского приказов, оружейной палаты и разряда / А.И. Яковлев. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1943. – Т. 1. – 562 с.
259. *Яковлев А.И.* Служилое землевладение по данным Приказа сбора ратных людей (1638 г.) / Ал[ексей] Яковлев // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [сборник статей]. – СПб. : тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. – С. 450–453.
260. *Dewey H.W.* [Review] / Horace W. Dewey // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – Bd. 13. – H. 1 (April 1965). – P. 121–125. – Rev. : Veseloskij S.B. *Issledovanija po istorii opričniny* [Researches on the history of opričnina] / Stepan Borisovič Veseloskij. – М. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – 538 s.
261. *Matossian M.K.* [Review] / Mary Kilbourne Matossian // *The American Historical Review.* – 1971. – Vol. 76. – №. 2. – P. 525–

526. – Rev. : Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevadel'tseev / S.B. Veseloskii. – M. : Nauka, 1969. – 582 p.
262. *Miller D.B.* [Review] / David B. Miller // *The American Historical Review.* – 1977. – Vol. 82. – № 5. – P. 1293. – Rev. : Veseloskii S.B. D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv / S.B. Veseloskii. – M. : Nauka, 1975. – 606 p.
263. *Say L.* *Les Solutions Démocratiques de La Question Des Impôts: Conférences Faites A L'Ecole Des Sciences Politiques [en 2 t.] / M. Léon Say.* – Paris : Guillaumin et Cie, éditeurs, 1886. – T. 1. – 260 p.
264. *The Cambridge History of Russia.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – Vol. I: From Early Rus' to 1689 / ed. by M. Perrie. – XXII, 777 p.
265. *The Oxford History of Historical Writing / gen. ed. by D. Woolf.* – Oxford : Oxford University Press, 2011. – Vol. 4: 1800–1945 / ed. by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. – XX, 650 p.
266. *Uroff B.* [Review] / Benjamin Uroff // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – Bd. 20. – H. 1 (März 1972). – P. 115–116. – Rev. : Veseloskij S.B. Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevadel'cev [Studies in the History of the Class of Landowning Servitors] / Stepan Borisovič Veselovskij. – M. : Izdat. Nauka, 1969. – 582 s.
267. *Vernadsky G.* [Review] / George Vernadsky // *Speculum. A Journal of Mediaeval Studies.* – 1948. – Vol. XXIII. – P. 691–696. – Rev. : Veselovsky S.B. Feodalnoe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1947. – 496 s.

Программы учебных курсов и аттестаций

268. Источниковедение. Программы курсов и планы семинарских занятий: учеб.–метод. модуль / сост. Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, отв. ред. О.М. Медушевская. – М. : Изд-во Ипполитова, 2004. – 286 с.
269. Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018). Текст: электронный. – Режим доступа: архив автора.
270. Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018). Текст: электронный. – Режим доступа: архив автора.

271. Программа дисциплины «История» для направления 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» подготовки бакалавра (НИУ ВШЭ). Текст: электронный. – М. : [Б.и.], 2018. – 21 с. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2018/10/01/1150124510/program-2116957956-DatzoSV4Dc.pdf>.
272. Программа дисциплины «История» для направления 46.03.05 «Медиакоммуникации» подготовки бакалавра (НИУ ВШЭ). Текст: электронный. – М. : [Б.и.], 2017. – 20 с. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2018/01/26/1162938457/program-1720292215-Yf1EXckfAn.pdf>.
273. Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019). Текст: электронный. – Режим доступа: архив автора.

3. Источники личного происхождения

274. Академик М.Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками / сост. А.В. Мельников, Н.А. Комочев, В.В. Тихонов. – М.; СПб. : Нестор-История, 2022. – 784 с.
275. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2003. – Т. 1 : Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. – 388 с.
276. *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / М.М. Богословский; отв. ред. С.О. Шмидт; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. – М. : Время, 2011. – 800 с.
277. *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Воспоминания: В 2 т. / В.С. Веселовский; публ. В.В. Веселовского, науч. ред., коммент. и указ. имен В.А. Соломонова. – М. : Новый хронограф, 2018. – Т. 1: 1900–1945. – 983 с.
278. *Веселовский В.С.* Проблемы нашей жизни. Воспоминания: В 2 т. / В.С. Веселовский; публ. В.В. Веселовского, науч. ред., коммент. и указ. имен В.А. Соломонова. – М. : Новый хронограф, 2019. – Т. 2: 1946–1977. – 1098 с.
279. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 / С.Б. Веселовский; публ., введ. ст. А.Л. Юрганова, комм. А.Л. Юрганова и А.Г. Макарова // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 89–117; – № 3. – С. 84–110;

- № 6. – С. 93–111;
– № 8. – С. 86–109;
– № 9. – С. 114–133;
– № 10. – С. 113–140. – № 11–12. – С. 59–77. – 2001. – № 2. – С. 69–83.
280. *Веселовский С.Б.* Первые воспоминания детства / С.Б. Веселовский // Московский журнал. – 1997. – № 3. – С. 48–53;
– № 4. – С. 49–52;
– № 5. – С. 54–58.
281. *Веселовский С.Б.* Семейная хроника. Три поколения русской жизни / подг. и сост. А.Г. Макаров. – М. : АИРО–XXI, 2010. – 536 с.
282. *Греков Б.Д.* Письма (1905–1952) / Б.Д. Греков; сост. В.Г. Бухерт. – М. : Памятники исторической мысли, 2019. – 504 с.
283. *Готье Ю.В.* Мои заметки / Ю.В. Готье; подг. к изд. Т. Эммонс, С. Утехин. – М. : ТЕРРА, 1997. – 592 с.
284. *Гуревич А.Я.* История историка / Арон Гуревич. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 285 с.
285. *Гутнова Е.В.* Пережитое / Е.В. Гутнова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 464 с.
286. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 516 с.
287. *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка / Н.М. Дружинин; отв. ред. С.С. Дмитриев. – М. : Наука, 1990. – 512 с.
288. *Зимин А.А.* Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Аквариус, 2015. – С. 35–384.
289. [Из воспоминаний А.Л. Станиславского] // *Простоволосова Л.Н.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие / Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский. – М. : МГИАИ, 1990. – С. 54–62.
290. *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? / В. Кобрин. – М. : Московский рабочий, 1992. – 224 с.
291. Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1915–1925 / ред. А.Н. Громова. – М. : Эллис Лак, 2010. – 832 с.

292. Миллюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Миллюков; предисл. Н.Г. Дуговой, имен. указ. Р.С. Шакирова. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.
293. Минц И.И. «Из памяти выплыли воспоминания...»: дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца / И.И. Минц; сост. В.Л. Теплицын. – М. : Собрание, 2007. – 600 с.
294. «...мы с Вами прощаемся “навек”...»: переписка Н.М. Бубнова и С.Ф. Платонова (1901–1917) / подг. В.В. Митрофанов // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 69–89.
295. Павленко Н.И. Воспоминания историка / Н.И. Павленко; науч. ред. Ю.А. Борисенок. – М. : Памятники исторической мысли, 2016. – 160 с.
296. Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929 – декабрь 1930 г.) / подг. Д.Б. Споров // Археографический ежегодник за 2001 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2002. – С. 420–444.
297. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левшина; сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. – М. : Древлехранилище, 2001. – 528 с.
298. Письма С.Б. и О.А. Веселовских А.И. Андрееву (1938–1943 гг.) / подг. Т.К. Холматов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2024. – Т. 9. Вып. 4. – С. 112–123.
299. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Н.Н. Платонова; подг. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одинокова, И.П. Потехиной, Е.А. Ростовцева, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Музаева, П.А. Трибунского; вступ. ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. – Рязань : [Б.и.], 2020. – 881 с.
300. Романов Б.А. Письма к жене / Б.А. Романов; сост. подг., вступ. ст. и ст. к разд., комм. Б.С. Кагановича и Л.Б. Вольфцун. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2023. – 392 с.
301. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / А.Н. Савин / отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. и комм. А.В. Шаровой. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 524 с.
302. С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках / подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль

- XVIII–XX вв. : сборник статей и материалов / под ред. А.М. Дубровского. – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2004. – Вып. 3. – С. 215–241.
303. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Аквариус, 2015. – 440 с.
304. *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / Л.В. Черепнин; сост., общ. ред. В.Д. Назарова. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 400 с.
305. *Шапорина Л.В.* Дневник / Л.В. Шапорина; вступ. статья В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – Т. 1. – 592 с.

4 Делопроизводство

306. «В целях увековечения памяти...»: Постановления Совета министров СССР об увековечении памяти историков-архивоведов С.К. Богоявленского и В.И. Пичеты. 1947 г / подг. О.Н. Копылова // Отечественные архивы. – 2018. – № 4. – С. 110–117.
307. Выступление Б.Д. Грекова на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР 15 октября 1948 г. [«О недостатках и задачах научно-исследовательской работы Института истории АН СССР»] // Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / Б.Д. Греков; сост. В.Г. Бухерт. – М. : Памятники исторической мысли, 2019. – С. 385–398.
308. Записка А.И. Андреева о координации работы в области вспомогательных исторических дисциплин между Московским Историко-архивным институтом и Институтом истории АН СССР (1943 г.) / подг. В.В. Тихонов // Археографический ежегодник за 2014–2015 годы / отв. ред. С.М. Каштанов. – М. : Наука, 2023. – С. 349–354.
309. Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М. : ИРИ РАН, 2016. – Вып. 1. – 320 с.
310. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / подг. И.В. Ильин // Вопросы истории. – 1991. – №. 1. – С. 188–205.

311. Отчет С.Б. Веселовского о командировке в Кострому в 1930 г. / подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 4. – Брянск : «Курсив», 2013. – С. 150–157.
312. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / подг. Ю.Н. Амиантов, З.Н. Тихонова // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 47–86;
– № 3. – С. 82–112;
– № 4. – С. 65–93;
– № 5–6. – С. 77–106;
– № 7. – С. 70–87;
– № 9. – С. 47–77.

Протоколы заседаний Археографической комиссии

313. ЛЗАК : 1888–1894 годы / под ред. Н.П. Лихачева, П.А. Гильдебрандта. – СПб. : тип. В.С. Балашев и Ко, 1903. – Вып. 11. – 280, СІХ, 194, ІІ, 239, ХVІІ, 209, ХХХV с.
314. ЛЗАК: за 1905 год / под ред. [прав. дел] В.Г. Дружинина. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1907. – Вып. 18. – 41, 16, 177, 51 с.
315. ЛЗАК: за 1912 год / под ред. [прав. дел] В.Г. Дружинина. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1913. – Вып. 25. – 46, 12, 20, ХІV, 534 с.
316. ЛЗАК: за 1913 год / под ред. [прав. дел] В.Г. Дружинина. – СПб. : тип. М.А. Александрова, 1914. – Вып. 26. – 71, 134, V, 484, 28, 25 с.
317. ЛЗАК: за 1915 год / под ред. [прав. дел] В.Г. Дружинина. – Петроград: тип. М.А. Александрова, 1916. – Вып. 28. – 46, 237, 43, ХХХ, 395 с.

5. Прочее

318. Азартные игры в XVII веке // Русское слово. – 1908. 13 декабря (30 ноября) – № 278. – С. 6.
319. Бюллетень общества политического просвещения армии и широких слоев населения. – 1917. – № 1. – 40 с.
320. Гревс И.М. Новые научные периодические органы по истории России / Ив[ан] Гревс // Речь. – 1917. – № 6. – С. 3–4.
321. Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 ян-

- варя 1929 г. / ред. изд. А.Н. Самойлович. – Ленинград: АН СССР, 1930. – 56 с.
322. *Кротов А.* Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. – 1948. 9 сентября.
323. Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. – 1929. – № 63 (17 марта). С. 2.
324. Российская академия наук в 1920 году. Отделения физико-математических и исторических наук и филологии. Речь постоянного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга / С.Ф. Ольденбург. – СПб. : Рос. Гос. Акад. Тип., 1921. – 12 с.
325. Российская академия наук в 1921 году. Отделения физико-математических и исторических наук и филологии. Речь постоянного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга / С.Ф. Ольденбург. – СПб. : Рос. Гос. Акад. Тип., 1921. – 16 с.
326. Российская академия наук в 1922 году / С.Ф. Ольденбург. – СПб. : Рос. Гос. Акад. Тип., 1922. – 26 с.

6. Литература

327. *Аверьянов К.А.* Историко-географические карты С.Б. Веселовского // Веселовский С.Б. Исторические карты Подмосковья. Вып. 4: История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. / С.Б. Веселовский, В.Н. Перцов; подг. К.А. Аверьянов, Л.Е. Додэ. – М. : [Б.и.], 1993. – С. 3–7.
328. *Аверьянов К.А.* С.Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность / К.А. Аверьянов, В.Б. Кобрин. – М. : Наука, 1989. – 69 с.
329. Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. – СПб. : Интерсоцис, 2019. – 888 с.
330. *Алеврас Н.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в. / Н.Н. Алеврас // Диалог со временем. – 2014. – № 46. – С. 165–173.
331. *Алеврас Н.Н.* Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений / Н.Н. Алеврас // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 100–121.

332. *Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века / Н.Н. Алеврас // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / гл. ред. Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 117–126.
333. *Алексеева Г.Д.* Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века) / Г.Д. Алексеева. – М. : ИРИ РАН, 2003. – 246 с.
334. *Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии / П.А. Алипов // Будущее нашего прошлого: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 15–16 июня 2011 года / отв. ред. А.П. Логунов. – М. : РГГУ, 2011. – С. 7–20.
335. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Франклин Р. Анкерсмит; пер. с англ. М.А. Кукарцева, Е.Н. Коломоец, В.Е. Кашаев. – М.: Канон+, 2009. – 400 с.
336. *Антощенко А.В.* Исторический семинарий как место знания / А.В. Антощенко, А.В. Свешников // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. – М. : ИД ВШЭ, 2012. – С. 138–160.
337. *Базанов М.А.* Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии / М.А. Базанов // Диалог со временем. – 2016. – № 55. – С. 221–234.
338. *Боднарчук Д.В.* Коммеморации, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому / Дмитрий Владимирович Боднарчук // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22, № 5. – С. 194–212.
339. *Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа / Томас М. Бон; пер. с нем. Д. Торицина. – СПб. : Олеариус Пресс, 2005. – 272 с.
340. *Брачев В.С.* А.Е. Пресняков и Петербургская историческая школа / В.С. Брачев. – СПб. : Астерион, 2011. – 239 с.
341. *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.) / В.С. Брачев. – СПб. : Нестор, 1997. – 161 с.
342. *Брачев В.С.* Русская археография XIX – начала XX вв. / В.С. Брачев. – СПб. : Астерион, 2023. – 204 с.
343. *Брачев В.С.* Русский историк А.Е. Пресняков (1870–1929) / В.С. Брачев. – СПб. : Стомма, 2002. – 83 с.

344. *Брачев В.С.* Русский ученый С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек / В.С. Брачев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Нестор, 1997 – 262 с.
345. *Буганов В.И.* Предисловие / В.И. Буганов // Веселовский С.Б. Ономастикон / С.Б. Веселовский; под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина; подг. Э.Г. Чумаченко. – М. : Наука, 1974. – С. 3–8.
346. *Будницкий О.В.* Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов / О.В. Будницкий // Российская история. – 2012. – № 6. – С. 157–169.
347. *Булыгина Т.А.* Гуманитарий в эпоху потрясений (по дневникам С.Б. Веселовского) / Т.А. Булыгина // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10 / отв. ред И.В. Крючков. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та (ПГЛУ), 2008. – С. 177–185.
348. *Бухерт В.Г.* Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. / В.Г. Бухерт // Археографический ежегодник за 2002 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. Наука, 2004. – С. 149–165.
349. *Бычков С.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. : учебное пособие / С.П. Бычков, В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – 358 с.
350. *Бычкова М.Е.* Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика: сборник / сост.: О.И. Хоруженко, Р.Б. Казаков. – М. : Квадрига, 2012. – 368 с.
351. *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог / М.Е. Бычкова // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / отв. ред. Н.И. Павленко. – М. : Наука, 1977. – С. 42–56.
352. *Ващенко В.В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії / Володимир Ващенко // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4 / гол. ред. В. Смолій. – Киев: Інститут історії України НАН України, 2009. – С. 475–486.
353. *Востриков А.В.* Историк Мария Андреевна Островская / А.В. Востриков, Е.З. Панченко // Петербургский исторический журнал. – 2021. – № 3. – С. 191–209.
354. *Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / отв. ред. Ю.Ю. Кондуфор.* – Киев: Наукова думка, 1988. – 280 с.

355. Всё о генеалогии: «В семье Наук, своих сестер державных, Генеалогия не знает равных!»: коллективная монография / под общ. ред. О.Ю. Кулаковской. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2021. – 184 с.
356. *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада / Бернар Гене; пер. с фр. Е.В. Баевской и Э.М. Береговской; отв. ред. И.И. Соколова. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
357. *Гирц К.* Интерпретация культур / Клиффорд Гирц; пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова, Г.М. Дашевского, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
358. *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков / Н.А. Горская. – М. : ИРИ РАН, 1999. – 270 с.
359. *Гришина Н.В.* «Слово “плагиат” было сказано...»: научная экспертиза, общественные оценки и дань традиции (на примере диспута Е.Д. Сташевского) / Н.В. Гришина // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 455–462.
360. *Гришина Н.В.* Алексей Иванович Яковлев и его диссертационные диспуты / Гришина Наталья Владимировна, Алеврас Наталья Николаевна // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / гл. ред. О.Н. Широков. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 44–51.
361. *Гришина Н.В.* Историки «старой школы»: проблемы вживания в советскую действительность / Н.В. Гришина // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / гл. ред. Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 51–58.
362. *Гришина Н.В.* «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX вв. / Н.В. Гришина // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – С. 151–177.
363. *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н.В. Гришина. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
364. *Груздинская В.С.* «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века / В.С. Груз-

- динская // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162. Кн. 3. – С. 220–231.
365. *Груздинская В.С.* «Издание книги на немецком языке могло бы нанести за границей серьезный ущерб доброму имени советской науки»: советские и чехословацкие антиковеды в споре о плагиате (1950-е гг.) / Виктория Груздинская, Михаил Ковалев // Россия XXI. – 2021. – № 2. – С. 94–111.
366. *Груздинская В.С.* Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х – вторая половина 1930-х гг.) : учебное пособие / В.С. Груздинская, О.В. Метель. – Омск: Изд. центр КАН, 2018. – 104 с.
367. *Груздинская В.С.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. / В.С. Груздинская, А.И. Ключев, О.В. Метель. – Омск: Изд. центр КАН, 2018. – 171 с.
368. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. – М.; СПб. : Нестор-История, 2022. – 464 с.
369. *Дегтярев А.Я.* Академик М.К. Любавский и его наследие / А.Я. Дегтярев, Ю.Ф. Иванов, Д.В. Карев // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 8–72.
370. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование [в 3 т.] / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 1. – 592 с.
371. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование [в 3 т.] / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 2. – 704 с.
372. *Долгова Е.А.* Конспект слушателя Института Красной профессуры: источник и исследование / Евгения Долгова. – М. : РГГУ, 2022. – 469 с.
373. *Долгова Е.А.* Конспект слушателя Института Красной профессуры по истории, или о возможностях диалога в учебной аудитории в 1930-е гг. / Е.А. Долгова // Диалог со временем. – 2020. – № 70. – С. 157–170.
374. *Долгова Е.А.* Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы / Е.А. Долгова // Вестник РГГУ. Серия: Полито-

- логия. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1 (102). – С. 166–172.
375. Дубина В.С. Биография / Вера Дубина // Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / отв. ред. А. Завадского, В. Дубиной. – М. : Новое издательство, 2021. – С. 83–96.
376. Дубинская Л.Г. Издание научного наследия С.Б. Веселовского / Л.Г. Дубинская // Археографический ежегодник за 1976 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1977. – С. 315–316.
377. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.) / Александр Дубровский. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 622 с.
378. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А.М. Дубровский. – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. – 800 с.
379. Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни / А.М. Дубровский. – М. : ЦИОГНИС, 2018. – 280 с.
380. Дубровский А.М. Неформальные организации профессоров в 1917–1923 гг. / Дубровский А.М. // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2018. – № 4. – С. 21–28.
381. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время / А.М. Дубровский. – М. : Изд-во РУДН, 1992. – 167 с.
382. Дубровский А.М. Степан Борисович Веселовский. Интеллектуальная биография (1876–1952 гг.) : учебное пособие / А.М. Дубровский. – Брянск : «Курсив», 2018. – 104 с.
383. Ерусалимский К.Ю. У истоков российской политической культуры: С.О. Шмидт в осмыслении абсолютизма / К.Ю. Ерусалимский // Археографический ежегодник за 2013 / отв. ред. С.М. Каштанов. – М. : Наука, 2019. – С. 176–214.
384. Жэнгра И. Ошибки в оценке науки или как правильно использовать библиометрию / Ив Жэнгра; пер. с фр. А. Зайцевой. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 184 с.
385. Захарчук П.А. Документальная серия «Крепостная мануфактура в России» 1930–1934 гг. и ее влияние на развитие отечественных исследований по истории техники / П.А. Захарчук // Археографический ежегодник за 2016–2023 годы / отв. ред. отв. ред. С.М. Каштанов. – М. : Наука, 2024. – С. 165–173.

386. *Зверев С.В.* Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг. История атрибуции / С.В. Зверев // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 7(50). – С. 153–164.
387. *Зимин А.А.* Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе / А.А. Зимин // История и историки. Историографический ежегодник. 1971 / отв. ред. М.В. Нечкина. – М. : Наука, 1973. – С. 351–353.
388. *Зинич М.С.* Институт истории Академии наук СССР в 1941–1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях / М.С. Зинич // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 3 / отв. ред. С.А. Лиманова. – М. : Архив РАН, 2020. – С. 14–31.
389. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов. – М. : [Б.и.], 1991. – 392 с.
390. *Иванова Т.Н.* Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. – М. : ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.
391. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Аквилон, 2014. – 848 с.
392. *Ипполитов Г.М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г.М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 1. – С. 184–195.
393. *Исаев Д.П.* «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия / Д.П. Исаев // Новое прошлое. – 2019. – № 2. – С. 98–114.
394. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – 551 с.
395. История и память: историческая культура Европы до Начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.
396. Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования / сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков. – М.: Наука, 2008. – 676 с.

397. Казаков Р.Б. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов / Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцев // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. материалов Юбилейной междунар. науч. конф. Москва, 5–6 дек. 2013 г. – М. : ГПИБ России, 2014. – С. 421–430.
398. Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921–1929) / Т.И. Калистратова. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1992. – 216 с.
399. Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие / Е.И. Каменцева. – М. : МГИАИ, 1979. – 42 с.
400. Карев Д.В. Неопубликованные историко-географические труды М.К. Любавского / Д.В. Карев // Археографический ежегодник за 1987 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1988. – С. 278–284.
401. Карпюк С.Г. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели / С.Г. Карпюк, С.Б. Крих // Вестник древней истории. – 2018. – Т. 78, № 4. – С. 1011–1031.
402. Карпюк С.Г. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий / С.Г. Карпюк, С.Б. Крих // Вестник древней истории. – 2019. – Т. 79, № 1. – С. 136–151.
403. Кириллова М.Н. Древность в академическом проекте «Истории СССР» (1938–1941) / М.Н. Кириллова // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – 2021. – Т. 9. – С. 345–356.
404. Киселев М.А. Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х – начале 1940-х гг. / М.А. Киселев // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 3(68). – С. 124–133.
405. Киселев М.А. «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В.Я. Кривоногова и Н.М. Дружинина. Текст: электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4(114). URL: <https://history.jes.su/s207987840020704-3-1/> (дата обращения: 06.08.2024).
406. Киселев М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права контексте научных и идеологических баталий советского времени / М.А. Киселев. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 432 с.

407. *Кистерев С.Н.* Суждения С.Б. Веселовского о таможенных книгах как документе и историческом источнике. Текст: электронный / С.Н. Кистерев // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 2. – 2013. – С. 10–16. – Режим доступа: https://aarheo.ru/files/Vestnik_Alyans-Arkheo_Vyp_02.pdf.
408. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 536 с.
409. *Климов В.А.* Социальные аспекты генеалогического исследования: (по работам С.Б. Веселовского) / В.А. Климов // Известия Саратовского ун-та (СГУ). Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. Вып. 4. – С. 16–20.
410. *Колеватов Д.М.* А.С. Лаппо-Данилевский и каноны профессионализма советского историка (по материалам учебников по историографии) / Д.М. Колеватов, В.П. Корзун // Петербургский исторический журнал. – 2021. – № 4. – С. 239–253.
411. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд; пер. и коммент. Ю.А. Асеева, ст. М.А. Кисселя. – М. : Наука, 1980. – 485 с.
412. *Корзинин А.Л.* Материалы по истории феодального сословия России XIV–XVII вв. в архивных фондах С.Б. Веселовского / А.Л. Корзинин // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2: История. – 2014. – Вып. 4. – С. 133–142.
413. *Корзун В.П.* А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории / В.П. Корзун // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – С. 17–40.
414. *Корзун В.П.* Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. В.П. Корзун. – Омск: Полиграфист, 2003. – С. 3–36.
415. *Корзун В.П.* Межличностные коммуникации историков как отражение интеллектуальной напряженности (к характеристике познавательной ситуации на рубеже XIX–XX вв.) // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и Центр). XX век: мат. IV Всерос. науч. конф. [в 2 т.] – Омск: Курьер, 2000. – Т. II : Мир ученого в XX веке: корпора-

- тивные ценности и интеллектуальная среда / отв. ред. В.П. Корзун. – С. 12–17.
416. *Корзун В.П.* Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти / В.П. Корзун // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 4–2. – С. 459–470.
417. *Корзун В.П.* Назначение в кумиры: практики классикализации в научном сообществе историков (1920 – середина 1930-х годов) / В.П. Корзун // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под общ. ред. Л.П. Репиной и Н.И. Недашковской. – М. : Аквилон, 2022. – С. 337–364.
418. *Корзун В.П.* О бунтарстве в науке и особенностях коммуникативного поля советской историографии: отзыв официального оппонента о диссертации М.А. Базанова «Александр Александрович Зимин – биография историка в контексте развития отечественной науки», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования / В.П. Корзун // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 459–468.
419. *Корзун В.П.* Пантеон классиков в советской историографии: меняющийся этос науки (1920-е – начало 1930-х гг.) / В.П. Корзун // Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII – начала XXI вв. / отв. ред. М.К. Чуркин. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. – С. 55–78.
420. *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские / В.П. Корзун. – СПб.; Алетей, 2011. – 192 с.
421. *Кривошеев Ю.В.* Историк А.И. Яковлев и революционер В.И. Ульянов-Ленин (по материалам Архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) / Ю.В. Кривошеев // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 410–423.
422. *Крих С.Б.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности / Сергей Крих. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 320 с.
423. *Кром М.М.* Новая политическая история: темы, подходы, проблемы / М.М. Кром // Новая политическая история: Сборник научных работ / отв. ред. М.М. Кром. – СПб. : ЕУ СПб, 2004. – С. 7–17.

424. Кром М.М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания / М.М. Кром // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 4(43). – С. 5–14.
425. Кутыкова И.В. О соотношении понятий «историческая культура» и «историческое сознание» / И.В. Кутыкова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 2. – С. 64–69.
426. Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии / О.Б. Леонтьева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 3. – С. 68–75.
427. Леонтьева О.Б. Научная преемственность как историографическая проблема / О.Б. Леонтьева // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой. – М. : ИВИ РАН, 2022. – С. 149–184.
428. Лихацкий А.А. Редакционная политика и процесс рецензирования в журнале «Голос минувшего» (начало XX века) / Андрей Лихацкий // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 2(150). – С. 108–115.
429. Лихацкий А.А. Рецензия в академических исторических изданиях конца XIX – начала XX века / А.А. Лихацкий // Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: жанр, исследования, тексты / отв. ред. Н.М. Долгорукова, А.А. Плешков. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. – С. 90–110.
430. Локальные исторические культуры и традиции историописания / отв. ред. А.И. Сидоров. – М. : ИРИ РАН, 2011. – 273 с.
431. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Дэвид Лоуэнталь; пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 623 с.
432. Мазур Л.Н. Между ремеслом и профессией: предпосылки и особенности профессионализации научного труда историка в XX в. / Л.Н. Мазур // Стены и мосты – VIII : Исследователь в междисциплинарном коллективе: сб. трудов межд. науч. конф / отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. – М. : РГГУ, 2021. – С. 73–85.
433. Маловичко С.И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.

434. *Маловичко С.И.* Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // *Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной)* / отв. ред. О.В. Воробьева. – М. : Аквилон, 2017. – С. 337–354.
435. *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии / С.И. Маловичко // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2015. – № 2. – С. 36–44.
436. *Малюгин О.И.* Стратегии поведения «старой» интеллигенции в отношениях с советской властью: Н.М. Никольский и Д.П. Кончаловский / О.И. Малюгин // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* – 2022. – Т. 10. – С. 243–262.
437. *Мандрик М.В.* Библиотекарь Ю.В. Готье и проверка кадрового состава Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в 1928 и 1930 гг. / М.В. Мандрик // *Судьбы ученых в эпоху перемен: очерки и документы* / под ред. Е.Н. Груздевой. – СПб. : «Реноме», 2021. – С. 108–145.
438. *Мандрик М.В.* На службе Клио: академики М.К. Любавский и Ю.В. Готье / Мария Вячеславовна Мандрик // *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета.* – 2013. – № 12. – С. 46–65.
439. *Матвеев С.Р.* «Ученый-большевик призван оценивать объективно»: рецензии в советской исторической периодике 1930–1950-х годов // *Научное рецензирование в гуманитарных дисциплинах: жанр, исследования, тексты* / отв. ред. Н.М. Долгокурова, А.А. Плешков. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. – С. 113–124.
440. *Махнарёв А.Л.* 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы / А.Л. Махнарёв. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; СПб. : Нестор-История, 2023. – 352 с.
441. *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени / О.М. Медушевская // *Исторические записки.* – 1999. – № 2(120). – С. 100–136.
442. *Меньшикова А.А.* Русская саратовская «глубинка» в жизни советского историка С.Б. Веселовского // «Град Китеж» русской культуры: от забвения к возрождению: сборник статей по мат. Всерос. науч.-прак. конф. 16 апреля 2014 г. / отв. ред. З.В. Фо-

- мина. – Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2014. – С. 69–74.
443. *Метель О.В.* Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. / О.В. Метель // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 472. – С. 139–146.
444. *Метель О.В.* Как не стать советским «классиком»: случай Д.М. Петрушевского / Метель О.В. // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – С. 292–295.
445. *Метель О.В.* Конструирование памяти корпорации советских историков в 1960–1980-х гг.: Н.М. Лукин и возвращение имен «забытых» исследователей / О.В. Метель // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, Москва, 11–14 октября 2021 года / Ю.А. Петров, О.А. Плех. – М. : ИРИ РАН, 2021. С. 495–502.
446. *Метель О.В.* Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими исследователями конца 1940-х – начала 1960-х гг. / О.В. Метель // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 140–154.
447. *Метель О.В.* Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920–1960-е годы // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 271–289.
448. *Митрофанов В.В.* Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции: монография / В.В. Митрофанов. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – 501 с.
449. *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: монография / В.В. Митрофанов. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – 322 с.
450. *Михальченко С.И.* Дело профессора Е.Д. Сташевского / С.И. Михальченко // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 122–128.
451. *Морозов О.В.* Критерии оценивания научных текстов в рецензиях второй половины XIX века: «Журнал Министерства народ-

- ного просвещения» / Олег Морозов // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 2(150). – С. 129–138.
452. *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 298 с.
453. *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905–1977) / В.Д. Назаров // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / Л.В. Черепнин; сост., общ. ред. В.Д. Назарова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 357–384.
454. *Назаров В.Д.* Проблемы феодального землевладения в трудах акад. С.Б. Веселовского / В.Д. Назаров // Советская историография аграрной истории СССР / отв. ред. В.Л. Янин. – Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1978. – С. 212–230.
455. *Настусевич С.В.* Развитие «интеллектуальной биографии» в современной российской историографии / Настусевич С.В. // Гуманітарна-эканамічны вестнік. – 2019. – № 3–4. – С. 154–158.
456. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
457. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 637 с.
458. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круть, 2010. – 960 с.
459. *Орлова Г.А.* Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.) / Г.А. Орлова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – № 4. – С. 163–185.
460. *Осипова Н.М.* Мастера российской историографии: Степан Борисович Веселовский (1876–1952) / Н.М. Осипова, А.А. Чернобаев // Исторический архив. – 2019. – № 3. – С. 48–63.
461. Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.
462. Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936): материалы научных чтений 5 февраля 2010 г. / отв. ред. И.М. Беляева. – СПб.: БАН, 2010. – 184 с.
463. Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. – СПб.: Любавич, 2011. – 502 с.

464. *Панеях В.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В.Б. Кобрин (1930–1990 гг.) / В.М. Панеях // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24 / отв. ред. В.А. Шишкин. – СПб. : Наука, 1993. – С. 304–315.
465. *Петровская И.Ф.* Биографика. Введение в науку и обзорные источники биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И.Ф. Петровская. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Петрополис, 2010. – 384 с.
466. *Плешков А.А.* За границами Объективности: исследовательские практики, эпистемические добродетели и личность ученого (беседа с Л. Дастан и П. Галисоном) / Алексей Плешков, Ян Сурман // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 1. – С. 375–389.
467. *Плешков А.А.* Классикализация и рецензирование в современной аналитической теологии: случай неозтернализма / Алексей Плешков // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 150. – С. 148–163.
468. *Поляков И.А.* С.Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества / И.А. Поляков // Клио. – 2013. – № 12. – С. 153–157.
469. *Попова Т.Н.* Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели / Т.Н. Попова // Диалог со временем. – 2015. – № 53. – С. 30–53.
470. *Про А.* Двенадцать уроков по истории / Антуан Про; пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. – М. : РГГУ, 2000. – 336 с.
471. *Простоволосова Л.Н.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие / Л.Н. Простоволосова, А.Л. Станиславский. – М. : МГИАИ, 1990. – 71 с.
472. *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии XX века: в 2 ч. / С.П. Рамазанов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – Ч. 1. : Постановка и попытка решения проблемы. – 144 с.
473. *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии XX века: в 2 ч. / С.П. Рамазанов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – Ч. 2. : Методологические искания послеоктябрьской исторической науки. – 164 с.
474. *Ревель Ж.* Биография как историографическая проблема / Жак Ревель. – М. : РГГУ, 2002. – 57 с.
475. *Рейтблат А.И.* Писать попере́к: статьи по биографике, социологии и истории литературы / Абрам Ильич Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с.

476. *Репина Л.П.* Интеллектуальная культура и научные коммуникации / Л.П. Репина, Г.П. Мягков // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2014. – № 3. – С. 137–142.
477. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 559 с.
478. *Репина Л.П.* Контексты интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – № 25–1. – С. 5–11.
479. *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л.П. Репина // Сотворение истории. Человек. Память. Текст / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. – С. 344–360.
480. *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е.А. Ростовцев. – Рязань : [частн. изд.] П.А. Трибунский, 2004. – 352 с.
481. *Ростовцев Е.А.* В.О. Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) / Е.А. Ростовцев // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.). – М. : Наука, 2005. – Кн. I. – С. 340–370.
482. *Ростовцев Е.А.* С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в. / Евгений Анатольевич Ростовцев, Владимир Олегович Шишов // Клио. – 2013. – № 10. – С. 138–144.
483. *Ростовцев Е.А.* Юбилей и памятные даты А.С. Лаппо-Данилевского / Евгений Анатольевич Ростовцев // Социология науки и технологий. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 207–218.
484. *Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания / М.Ф. Румянцева // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 138–146.
485. *Румянцева М.Ф.* Интерпретация vs критика исторического источника в пропедевтиках рубежа XIX – XX вв. как маркер перехода от классической к неклассической модели науки / Румянцева М.Ф. // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи: сборник статей и сообщений Международной научно-образовательной конференции, Казань, 18–20 ноября 2021 года / сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. – Казань: КФУ, 2022. – С. 159–164.

486. Румянцева М.Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии / Марина Федоровна Румянцева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45, № 2. – С. 55–61.
487. Румянцева М.Ф. Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского / М.Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2014. – №. 46. – С. 7–16.
488. Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в историческом познании: И.И. Лапшин и А.С. Лаппо-Данилевский / М.Ф. Румянцева // История и историки. 2001. Историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М. : Наука, 2001. – С. 161–175.
489. Румянцева М.Ф. Этика и эпистемология: «четвертый постулат практического разума» А.И. Введенского / М.Ф. Румянцева // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії: досвід переживання : [міжвуз. зб. наук. праць] / редкол.: О.І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпро: Видавництво «Пороги», 2017. – С. 58–83.
490. Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история [в 2 т.] / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – СПб. : Наука, 2006. – Т. 2 : Образы прошлого. – 751 с.
491. Савельева И.М. Классическое наследие / Ирина Савельева, Андрей Полетаев. – М. : ГУ-ВШЭ, 2010. – 336 с.
492. Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти / И.М. Савельева // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / отв. ред. Е.А. Вишленкова и И.М. Савельева. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. – С. 285–300.
493. Савельева И.М. Классика в историографии: формы присутствия / Ирина Савельева // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 294–331.
494. Свак Д. Опыт микроисториографии / Дюла Свак. – М. : Аквилон, 2019. – 288 с.
495. Сवेशников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. / А.В. Сवेशников // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1 / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 228–259.
496. Сवेशников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества /

- А.В. Свешников. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 415 с.
497. *Свешников А.В.* История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии / Антон Свешников, Борис Степанов // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 332–360.
498. *Свешников А.В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) / А.В. Свешников // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 2 (96). – С. 42–72.
499. *Свешников А.В.* Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века / Антон Вадимович Свешников // Journal of Modern Russian History and Historiography. – 2012. – Т. 5, № 1. – С. 121–158.
500. *Селиванова О.В.* Эпистолярное наследие А.И. Яковлева: материалы к биографии (по документам личного фонда в Архиве РАН) : сборник трудов конференции / Селиванова Ольга Владимировна, Цыпкина Анна Георгиевна // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : мат-лы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / гл. ред. О.Н. Широков. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 38–43.
501. *Серых А.А.* «Связь/разрыв» поколений и межпоколенческие коммуникации в научном сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX веков / А.А. Серых // Диалог со временем. – 2011. – № 36. – С. 278–291.
502. *Сидоров А.И.* Историописание и историческая культура у франков при Каролингах / А.И. Сидоров // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / отв. ред. А.И. Сидоров. – СПб. : Евразия, 2019. – С. 22–35.
503. *Сидорова Л.А.* Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы / Л.А. Сидорова // История и историки: историографический вестник. 2003 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М. : Наука, 2003. – С. 168–191.
504. *Сидорова Л.А.* Историк, художественная литература и революция 1917 года (По материалам дневников С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, М.В. Нечкиной) / Л.А. Сидорова // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. – М. : ИМЛИ РАН, 2017. – С. 276–285.

505. *Сидорова Л.А.* Общественные идеалы историка: академик С.Б. Веселовский / Л.А. Сидорова // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. ст. в 2 т.* – М. : Изд-во РГГУ, 2013. – Т. 2 / отв. ред. Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. – С. 291–297.
506. *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – М. : Памятники исторической мысли, 1997. – 288 с.
507. *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков / Л.А. Сидорова. – М. : ИРИ РАН, 2008. – 294 с.
508. *Сидорова Л.А.* Советские историки. Духовный и научный облик / Л.А. Сидорова. – М. : ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 248 с.
509. *Смирнова Т.Г.* В.Г. Дружинин и Археографическая комиссия / Т.Г. Смирнова // *Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936) : материалы научных чтений 5 февраля 2010 г.* / отв. ред. И.М. Беляева. – СПб. : БАН, 2010. – С. 27–40.
510. *Соболева Н.А.* О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: историографический обзор за 1964–1978 гг. / Н.А. Соболева // *Источниковедение отечественной истории: сборник статей.* 1979 / гл. ред. В.И. Буганов. – М. : Наука, 1980. – С. 219–237.
511. *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века* / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Аквилон, 2018. – 512 с.
512. *Советская историография* / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М. : РГГУ, 1996. – 592 с.
513. *Споров Д.Б.* Историк Московского государства в Сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) / Дмитрий Споров, Сергей Шокарев // *Новое литературное обозрение.* – 2006. – № 78. – С. 125–146.
514. *Тихонов В.В.* Археография в научном наследии А.И. Яковлева / В.В. Тихонов // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: мат. XXII межд. науч. конф.* / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2010. – С. 370–373.
515. *Тихонов В.В.* Археография в научном наследии младшего поколения московской исторической школы: С.Б. Веселовский и А.И. Яковлев / В.В. Тихонов // *Южный Урал: история, историо-*

- графия, источники: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 10 / отв. ред. Р.Г. Буканова. – Уфа: Аэтерна, 2023. – С. 74–90.
516. Тихонов В.В. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» / В.В. Тихонов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. – № 2. – С. 104–113.
517. Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) / В.В. Тихонов // История и историки: Историографический вестник. 2008 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М. : ИРИ РАН, 2010. – С. 289–317.
518. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.) / В.В. Тихонов. – М. : Нестор-История, 2016. – 424 с.
519. Тихонов В.В. «Историки авангарда»: теоретико-методологические поиски советских историков в 1920-е гг. / Тихонов Виталий Витальевич // Человек на изломах истории: мат-лы Всерос. науч. конф. (Н. Новгород, 13–14 октября 2023 года / под ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. – Нижний Новгород: Изд-во ПИМУ, 2023. – С. 71–77.
520. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века / В.В. Тихонов. – М. : ИРИ РАН, 2014. – 224 с.
521. Тихонов В.В. «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны / Виталий Витальевич Тихонов // Былые годы. – 2012. – № 3(25). – С. 58–67.
522. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина / В.В. Тихонов. – М. : ИРИ РАН, 2012. – 390 с.
523. Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР / Виталий Тихонов // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 144–154.
524. Тихонов В.В. «Труды С.М. Соловьева... принадлежат к числу того наследия дореволюционной исторической науки, которым по праву гордятся советские историки»: К истории издания трудов С.М. Соловьева в СССР в 1950–60-е гг. / В.В. Тихонов //

- С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка: сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Петров. – М. : ИРИ РАН, 2020. – С. 274–280.
525. *Топычканов А.В.* Формирование историко-географических представлений М.К. Любавского в контексте развития исторической географии в России / А.В. Топычканов // Археографический ежегодник за 2011 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2014. – С. 291–302.
526. *Тоштендаль Р.* Профессионализм историка и историческое знание / Рольф Тоштендаль; пер. с англ. А.Ю. Серegiной. – М. : Новый хронограф, 2014. – 346 с.
527. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. – М. : РОССПЭН, 2011. – 471 с.
528. *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции / Н.А. Трапш. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 159 с.
529. *Федоров А.Н.* Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах на материалах Центрального Промышленного района / А.Н. Федоров // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 69–86.
530. *Федоров А.Н.* Россия в годы «Военного коммунизма» по дневниковым записям доктора истории русского права, профессора С.Б. Веселовского / А.Н. Федоров // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2006. – Вып. 3. – С. 299–303.
531. *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства. Текст: электронный / Алексей Фролов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2014. – Т. 5, № 8(31). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840000934-6-1/>
532. *Хаминов Д.В.* Историческое образование, наука и истории сибирской периферии в годы сталинизма / Дмитрий Хаминов. – М. : РОССПЭН, 2021. – 221 с.
533. *Хартанович М.Ф.* Археографическая комиссия в начале XX в. / М.Ф. Хартанович // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: исторические очерки / отв. ред. Ю.М. Батурич, ред.-сост.

- Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 309–322.
534. *Холматов Т.К.* «Дело пострадало из-за личных отношений»: конфликт между уральскими историками при подготовке «Очерков истории Урала» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) / Т.К. Холматов // Исторический курьер. – 2024. – № 5(37). – С. 217–226.
535. *Холматов Т.К.* «Если бы была более высокая степень, я был бы за то, чтобы дать ее ему, перешагнув через докторскую степень»: диссертационная история В.К. Яцунского / Темурмалик Комилджонович Холматов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2023. – № 2. – С. 171–180.
536. *Холматов Т.К.* Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевской / Т.К. Холматов // Стены и мосты – VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 24–25 мая 2018 г. / отв. ред. Е.А. Долгова. – М. : РГГУ, 2019. – С. 252–258.
537. *Холматов Т.К.* «На “Культуру” обращает самое серьезное внимание ЦК и Президиум»: работа советских исследователей над «Историей русской культуры» в конце 1930-х – 1940-х годов / Т.К. Холматов // Россия и современный мир. – 2024. – № 2. – С. 41–54.
538. *Холматов Т.К.* Плагиат в советской исторической науке второй половины 1940-х – 1950-х годов / Т.К. Холматов // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – № 1(56). – С. 134–143.
539. *Холматов Т.К.* Научно-организационная деятельность советских исследователей в подготовке исторического атласа СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. / Т.К. Холматов // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2024. – № 3. – С. 33–40.
540. *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 / Т.И. Хорхордина; под ред. А.Б. Безбородова. – 2-е изд. доп. – М. : РГГУ, 2020. – 449 с.
541. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики / Д.А. Цыганков. – М. : РОССПЭН, 2010. – 503 с.
542. *Чеканцева З.А.* Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке. Текст: электронный / Чеканцева З.А. //

- Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9, № 8(72). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002438-0-1/>
543. *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) / Л.В. Черепнин // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / отв. ред. Н.И. Павленко. – М. : Наука, 1977. – С. 9–41.
544. *Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века / Сергей Васильевич Чирков; отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Знак, 2005. – 320 с.
545. *Швейковская Е.Н.* М.М. Богословский – историк русского Севера / Е.Н. Швейковская // Археографический ежегодник за 2004 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2005. – С. 180–191.
546. *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции / С.О. Шмидт. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
547. *Шмидт С.О.* Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого «Иван Грозный» / С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1988 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 1989. – С. 296–304.
548. *Шокарев С.Ю.* Воспоминания С.Б. Веселовского о В.О. Ключевском и Д.Я. Самоквасове / С.Ю. Шокарев // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции Пенза, 25–26 июня 2001 года: в 2 кн. – М. : Наука, 2005. – Кн. 1 / отв. ред. С.О. Шмидт. – С. 441–445.
549. *Шокарев С.Ю.* Исследования С.Б. Веселовского по истории Подмосковья / С.Ю. Шокарев // Проблемы истории Московского края. Материалы пятой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московского государственного областного университета (Москва, 28 марта 2006 года) / отв. ред. В.Н. Захаров. – М. : МГОУ, 2006. – С. 237–240.
550. *Шокарев С.Ю.* Синодики в научном творчестве С.Б. Веселовского // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А.А. Зимина. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В.П. Козлов, сост. И.Н. Ильина. – М. : Архив РАН, 2020. – С. 187–195.

551. *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века / Л.И. Шохин. – М. : Памятники исторической мысли, 1999. – 528 с.
552. *Юрганов А.Л.* «Все это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского / А. Юрганов // Интеллектуальный форум. – 2001. – № 7. – С. 84–113.
553. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма / А.Л. Юрганов. – М. : Изд-во РГГУ, 2011. – 768 с.
554. *Юшков С.В.* [Рецензия] / С. Юшков // Историк-марксист. – 1938. – Кн. 1(65). – С. 134–137. – Рец. на кн. : Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. / С.Б. Веселовский. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 166 с.
555. *Яцунский В.К.* Исторический атлас СССР / В.К. Яцунский // История СССР. – 1967. – № 1. – С. 219–228.
556. *Akelev E.V.* L'historien entre aux archives: Comment l'historiographie russe d'avant 1917 a découvert l'État muscovite / Evgenii Akelev, Anna Joukovskaïa // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2019. – Vol. 74, No. 3–4. – P. 591–621.
557. *Aurell J.* What is Classic in History? The Making of a Historical Canon / Jaume Aurell. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – X, 342 p.
558. *Baehr P.* Founders, Classics, Canons: Modern Disputes over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage / Peter Baehr. – 2nd ed. – London, New Brunswick : Transaction Publishers, 2016. – XX, 290 p.
559. *Banner L.W.* Biography as History / Lois W. Banner // The American Historical Review. – 2009. – Vol. 114, No 3. – P. 579–586.
560. *Brandenberger D.* Terribly Pragmatic: Rewriting the History of Ivan IV's Reign, 1937–1956 / David Brandenberger, Kevin M.F. Platt // Epic Revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda. – Madison : The University of Wisconsin Press, 2006. – P. 157–178.
561. *Davis M.* Ethics and the University / Michael Davis. – New York; London : Routledge, 1999. – 280 p.
562. *Haidt J.* The Moral Emotions / Jonathan Haidt // Handbook of Affective Sciences. – New York : Oxford University Press, 2003. – P. 852–870.

563. *Halperin Ch. J. An Artifact of Soviet Historiography: Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR / Ch. J. Halperin // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2021. – № 1(29). – P. 205–218.*
564. *How A.R. Restoring the Classic in Sociology. Traditions, Texts and the Canon / Alan R. How. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 260 p.*
565. *Merton R.K. The Sociology of Science / Robert K. Merton. – Chicago : University of Chicago Press, 1973. – 636 p.*
566. *Merton R.K. On the Shoulders of Giants: A Shandean Postscript / Robert K. Merton. – New York : The Free Press, 1965. – 290 p.*
567. *Nasaw D. Historians and Biography / David Nasaw // The American Historical Review. – 2009. – Vol. 114, No 3. – P. 573–578.*
568. *Paul H. Historians' Virtues: From Antiquity to the Twenty-First Century / Herman Paul. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 67 p.*
569. *Paul H. What is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires / Herman Paul // History and Theory. – 2014. – No 53. – P. 348–371.*
570. *Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia / Maureen Perrie. – New York : Palgrave, 2001. – 255 p.*
571. *Possing B. Understanding Biographies. On Biographies in History and Stories in Biography / Birgitte Possing. – Odense : University Press of Southern Denmark, 2017. – 232 p.*
572. *Richards J.R. The Role of Biography in Intellectual History / Robert J. Richards // Know : A Journal on the Formation of Knowledge. – 2017. – V. 1, No 2. – P. 295–318.*
573. *Rotberg R.I. Biography and Historiography: Mutual Evidentiary and Interdisciplinary Considerations / Robert I. Rotberg // The Journal of Interdisciplinary History. – 2010. – Vol. 40, No 3. – P. 305–324.*
574. *Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken / Jörn Rüsen // Historische Faszination. Geschichtskultur heute / herausgegeben von Klaus Füßmann, Heinrich Theodor Grütter, Jörn Rüsen. – Köln; Wien : Böhlau Verlag, 1994. – S. 3–26.*
575. *The Biographical Turn: Lives in History / ed. by Hans Renders, Binne de Haan, Jonne Harmsma. – New York : Routledge, an imprint of the Taylor & Francis Group, 2017. – 222 p.*
576. *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing / ed. Hans Renders, Binne de Haan. – Lewiston; New York : Edwin Mellen, 2013. – 456 p.*

577. *Turner J.H.* Moral Emotions / Jonathan H. Turner, Jan E. Stets // *Handbooks of the Sociology of Emotions* / ed. by Jan E. Stets, Jonathan H. Turner. – New York : Springer, 2006. – P. 544–566.
578. *Woolf D.* The Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730 / Daniel Woolf. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 440 p.
579. *Wozniak R.H.* Classics in Psychology, 1855–1914: Historical Essays / *Robert H. Wozniak.* – Bristol : Thoemmes Press, 1999. – XIV, 192 p.

7. Рукописи диссертаций

580. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Базанов Михаил Александрович. – Челябинск : [Б.и.], 2014. – 284 с.
581. *Богомазова О.В.* В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историка в XX – начале XXI века: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Богомазова Ольга Викторовна. – Челябинск : [Б.и.], 2013. – 263 с.
582. *Вальц М.П.* Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Вальц Мария Павловна. – М. : [Б.и.], 2015. – 265 с.
583. *Груздинская В.С.* Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг. : дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Груздинская Виктория Сергеевна. – Омск : [Б.и.], 2020. – 281 с.
584. *Емельянов Е.П.* Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Емельянов Евгений Павлович. – Екатеринбург : [Б.и.], 2016. – 288 с.
585. *Ковеля В.В.* М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ковеля Валерий Валерьевич. – Брянск : [Б.и.], 2016. – 288 с.
586. *Колякова И.В.* Общественная и научная деятельность Б.Б. Веселовского: дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Колякова Ирина Владимировна. – Самара : [Б.и.], 2003. – 165 с.

587. *Корзун В.П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. : дис... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Корзун Валентина Павловна. – Омск : [Б.и.], 2002. – 364 с.
588. *Мамонтова М.А.* С.Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Мамонтова Марина Александровна. – Омск : [Б.и.], 2002. – 224 с.
589. *Мандрик М.В.* Юрий Владимирович Готье, 1873–1943 гг. : дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Мандрик Мария Вячеславовна. – СПб. : [Б.и.], 2000. – 302 с.
590. *Мельников А.В.* Архивное наследие академика М.М. Богословского (1867–1929): реконструкция и научное использование: дис... канд. ист. наук : 05.25.02 / Мельников Андрей Васильевич. – М. : [Б.и.], 2006. – 340 с.
591. *Настусевич С.В.* Дисциплинарное становление исторической биографики в российской исторической науке (конец 1980-х гг. – первая четверть XXI в.) : дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Настусевич Станислав Валерьевич. – Минск : [Б.и.], 2022. – 142 с.
592. *Павловская С.В.* Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Павловская Светлана Владимировна. – Нижний Новгород : [Б.и.], 2006. – 296 с.
593. *Пашков А.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX вв. : дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Пашков Александр Михайлович. – М. : [Б.и.], 1984. – 242 с.
594. *Пивоварова О.Г.* Русская история в трудах М.М. Богословского: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Пивоварова Ольга Геннадьевна. – М. : [Б.и.], 2006. – 231 с.
595. *Скворцов А.М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: дис... канд. ист. наук : 07.00.09 / Скворцов Артем Михайлович. – Ставрополь : [Б.и.], 2012. – 244 с.
596. *Фешкин В.Н.* Жизнь и научная деятельность М.К. Любавского в г. Уфе (1931–1936 гг.) : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Фешкин Вячеслав Николаевич. – Уфа : [Б.и.], 2009. – 207 с.

8. Справочные и информационные издания

597. Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. Очерк истории. Библиографический указатель / отв. ред. Ю.А. Петров, А.А. Чернобаев. – М. : ИРИ РАН, 2021. – 656 с.
598. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
599. Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Библиографический словарь. В 3 т. – М. : Собрание, 2016. – Т. 1 / авт.-сост. А.А. Чернобаев; ред. А.Ф. Бондаренко. – 512 с.
600. Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Библиографический словарь. В 3 т. – М. : Собрание, 2017. – Т. 2 / авт.-сост. А.А. Чернобаев; ред. А.Ф. Бондаренко. – 512 с.
601. Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Библиографический словарь. В 3 т. – М. : Собрание, 2017. – Т. 3 / авт.-сост. А.А. Чернобаев; ред. А.Ф. Бондаренко. – 520 с.

Список сокращений

- АН СССР – Академия наук СССР
АРАН – Архив Российской академии наук
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории
МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НИА СПб ИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально политической истории
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РИБ – Русская историческая библиотека
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы
ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей российских
ЮФУ – Южный федеральный университет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абрамович Г.В. – 260
Аввакум, протопоп – 249
Аверьянов К.А. – 15, 43, 175, 253, 262, 270, 330, 332, 352
Акимов П.В. – 289
Аксаковы – 270
Алеврас Н.Н. – 25, 26, 27, 32, 41, 271, 326, 352, 353, 355, 356
Александров, владелец типографии – 196, 302, 303, 304, 326, 329, 333, 334, 336, 340, 351
Александрова Т.Д. – 196, 358
Алексеев А.И. – 340
Алексеев Г.Д. – 259
Алексеев Ю.Г. – 35, 254, 255, 260, 326
Алексеева Г.Д. – 353
Алексей Михайлович, царь – 96, 323, 333
Алексей Михайлович, царь – 330
Алипов П.А. – 30, 353
Альшиц Д.Н. – 210, 247, 248, 326
Амиантов Ю.Н. – 351
Андреев А.И. – 36, 177, 179, 181, 183, 231, 325, 349, 350
Аникеевы – 180
Анкермит Ф.Р. – 225, 353
Аннинский С.А. – 200
Антонов А.В. – 329
Антощенко А.В. – 78, 353
Аракчеев В.А. – 256
Арсеньев Ю.В. – 222
Асеев Ю.А. – 360
Аствацатурян Э.Г. – 337
Афанасьев Ю.Н. – 370
Афферика Дж. – 238, 326
Ахматов М.Н. – 130

Б

- Бабурин Д.С. – 143
Багалец Д. – 342
Баевская Е.В. – 355
Базанов М.А. – 27, 30, 31, 128, 353, 361, 377
Базилевич К.В. – 155, 217, 218, 260, 326
Барсков Я.Л. – 122, 123, 305, 308, 326

- Барсов Е. – 342
Барсуков А.П. – 187, 344
Барсукова О.В. – 355
Бастракова М.С. – 262, 326
Батурин Ю.М. – 372
Бахрушин С.В. – 19, 26, 50, 138, 152, 182, 214, 222, 229, 231, 237, 260, 342, 357, 371
Бахтурина Р.В. – 326
Безбородов А.Б. – 373
Безсонов С.В. – 205
Белокуров С.А. – 49, 100, 317
Беляев И.Д. – 161
Беляева И.М. – 365, 370
Береговская Э.М. – 355
Бернгейм Э. – 97
Бессарабов Б. – 37, 202, 348
Бибиков Г.Н. – 201
Бибиковы – 180
Бигич, мурза – 202
Бирюков Я. – 103, 326
Блок Г.П. – 326
Блок М. – 154, 327
Богданов А.П. – 249
Богомазова О.В. – 261, 377
Богословский М.М. – 10, 11, 25, 26, 35, 37, 50, 83–89, 95, 96, 99, 138, 167, 293, 294, 323, 327, 331, 342, 347, 374, 378
Богоявленский С.К. – 138, 187, 198, 200, 220, 222, 228, 229, 298, 307, 327, 350
Боднарчук Д.В. – 261, 353
Бокарева О.Б. – 41
Бон Т.М. – 27, 353
Бондаренко А.Ф. – 379
Бордюгов Г.А. – 365
Борзунов А.А. – 355
Борис Годунов – 149
Борисенко Ю.А. – 349
Бочкарев В.Н. – 152
Бочков В.Н. – 11, 236, 240, 242, 327
Брачев В.С. – 24, 25, 26, 99, 353, 354
Бровченко И.Ю. – 41
Бродель Ф. – 225
Брусилов А.А. – 199
Бубнов Н.М. – 77, 349

Буганов В.И. – 186, 233, 234, 248, 250, 262, 325, 327, 329, 331, 332, 335–337, 340, 354, 370
 Будницкий О.В. – 162, 354
 Будовниц И.У. – 237, 264
 Бужара И.Б. – 191
 Бузескул В.П. – 167
 Булгаков М.Б. – 255, 268
 Булыгин И.А. – 326
 Булыгина Т.А. – 17, 354
 Бурдей Г.Д. – 235, 328
 Буркхардт Я. – 225
 Бухарин-Наумов И.И. – 274
 Бухвостовы – 180
 Бухерт В.Г. – 96, 150, 347, 348, 350, 354
 Бычков С.П. – 12, 32, 354
 Бычкова М.Е. – 12, 13, 18, 35, 175, 248–251, 275, 328, 354

В

Валк С.Н. – 12, 273, 332, 367
 Вальц М.П. – 25, 58, 273, 274, 377
 Васенко П.Г. – 99, 209, 289, 290, 295, 300
 Василевский И.Р. – 47, 328
 Василенко Н.П. – 72
 Василий III – 219
 Васильев А.А. – 200
 Ващенко В.В. – 30, 354
 Введенский А.И. – 75, 368
 Введенский Б.А. – 328
 Верегенников В.И. – 146, 328
 Веселовская (Бессарабова) О.А. – 36, 37, 44, 157, 162, 184, 202, 229, 231, 233, 234, 348, 349
 Веселовская А.С. – 232
 Веселовский А.Н. – 43
 Веселовский Б.Б. – 43, 90
 Веселовский Б.С. – 312
 Веселовский В.В. – 347
 Веселовский В.С. – 37, 38, 42, 135, 136, 137, 303
 Веселовский Г.С. – 289, 318
 Веселовский К.С. – 43
 Веселовский Н.И. – 43
 Веселовский С.Б. – 8–24, 27, 28, 30, 33–40, 42–47, 49–52, 54–77, 79–85, 87–97, 99–162, 164, 166–194, 198, 200–220, 222–225, 227–282, 284–314, 316–320, 322–345, 347–349, 351, 352, 354, 357, 358, 360, 363, 365, 366, 369, 370–372, 374, 375, 377

Виноградов В.В. – 157
 Вишпер Р.Ю. – 214, 237
 Вишленкова Е.А. – 41, 367, 368
 Владимирский-Буданов М.Ф. – 96, 333
 Власов П. – 123, 333
 Вовина В.Г. – 340
 Водарский Я.Е. – 255, 333
 Волгин В.П. – 341
 Волков В.А. – 274, 333
 Володихин Д.М. – 274, 333
 Воробьева О.В. – 362, 363
 Воронин Н.Н. – 10, 341
 Восторгов И.И. – 309
 Востриков А.В. – 80, 354
 Высоцкий Н.Г. – 313–316
 Вяземский П.П. – 316

Г

Гадзяцкий С.С. – 177
 Гакстгаузен А. фон – 160
 Галисон П. – 75, 366
 Гарскова И.М. – 255, 268
 Гене Б. – 34, 355
 Герье В.И. – 27, 373
 Гетман Ф.Д. – 229
 Гильдебрандт П.А. – 351
 Гириц К. – 7, 355
 Гладков А.К. – 349
 Гневушев А.М. – 315
 Говорунов А.В. – 362
 Головачев П.М. – 101, 102, 344
 Голубцов И.А. – 152, 177, 232, 233
 Гольцев В.А. – 101
 Горская Н.А. – 26, 355
 Готье Ю.В. – 18, 19, 25, 26, 35, 37, 48–51, 59, 64, 65, 99, 111, 138, 146, 152, 182, 200, 203, 292–294, 296, 328, 333, 334, 348, 363, 369, 371, 378
 Градовский А.Д. – 222
 Гревс И.М. – 27, 77, 78, 351, 368
 Греков Б.Д. – 26, 36, 39, 164, 165, 169, 173, 179, 193, 229, 260, 273, 326, 329, 330–332, 334, 337–350, 355
 Грекулов Е.Ф. – 331
 Грехов А.В. – 371
 Грибоедов А.С. – 43
 Гришина Н.В. – 26–28, 43, 75, 76, 281, 355, 356
 Громов А.Н. – 348
 Груздева Е.Н. – 363

Груздинская В.С. – 24, 28, 76, 144, 150,
171, 221, 261, 355, 356, 377

Гудков Л.Д. – 226

Гуревич А.Я. – 37, 206, 348

Гурлянд И.Я. – 72, 301, 334, 342

Гусев В. – 184, 329

Гутнова Е.В. – 37, 238, 348

Д

Данилевский И.Н. – 256, 272, 334, 335,
340

Данилова Л.В. – 259, 334

Дастон Л. – 75, 366

Дашевский Г.М. – 355

Дворниченко А.Ю. – 341, 365

Деборин А.М. – 197

Дегтярев А.Я. – 25, 94, 193, 260, 356

Демидова Н.Ф. – 11, 234, 334

Дмитриев А.Н. – 353, 358

Дмитриев С.С. – 255, 348

Дмитриева З.В. – 255, 333

Дмитрий, царевич – 129, 156, 336, 349

Довнар-Запольский М.В. – 70, 217, 332,
342

Додэ Л.Е. – 330, 352

Долгова Е.А. – 137, 210, 356, 362, 373

Долгорукова Н.М. – 362, 363

Донской Д. – 202, 244

Дорош Е.Я. – 239, 240, 242, 324, 332, 334

Дроздов К.С. – 41

Дружинин А.В. – 324

Дружинин В.Г. – 24, 25, 67–69, 99, 110,
111, 120, 122–124, 186, 288, 290, 298–
300, 304, 306–308, 311–313, 318, 324,
333, 334, 342, 351, 365, 370

Дружинин Н.М. – 28, 162, 163, 273, 334,
348, 359

Дружинин П.А. – 167, 356

Дубин Б.В. – 226

Дубина В.С. – 31, 357

Дубинская Л.Г. – 69, 232, 234, 332, 340,
349, 357

Дубровский А.М. – 16, 20–23, 26, 43, 55,
69, 81, 134, 135, 138, 144, 153, 158, 167,
174, 207, 214, 259, 349, 350, 351, 357

Дубровский С.М. – 237, 239, 242, 334

Думова Н.Г. – 349

Дьяконов М.А. – 10, 53, 54, 56, 64, 65, 69,
74, 76, 94–97, 99, 100, 117–119, 124,
148, 171, 209, 289, 323, 334

Дюкло П.Э. – 45

Е

Евзлин З. – 47, 328, 329

Екатерина II – 84

Емельянов Е.П. – 26, 231, 377

Ермолаев И.П. – 335

Ермолаев Л.К. – 340

Ермолаев С.С. – 243, 329

Ерусалимский К.Ю. – 247, 357

Ершова Г.Г. – 362

Ефименко А.Я. – 257

Ж

Журов С.А. – 316

Жэнгра И. – 273, 357

З

Заблокский-Десятковский М.П. – 58, 335

Завадский А. – 357

Зайцева А. – 357

Заозерский А.И. – 76

Захарчук П.А. – 173, 357

Зверев В.А. – 271, 333

Зверев Н.А. – 44

Зверев С.В. – 63, 358

Земенков Б.С. – 204, 331

Зернов Д.А. – 156, 329

Зимин А.А. – 14, 19, 26, 27, 35, 37, 85,
128, 158, 177, 205, 220, 229–231, 237–
239, 243–245, 249, 251, 252, 258–261,
265, 270, 331, 335, 348, 358, 361, 374,
377

Зинич М.С. – 162, 358

И

Иван III – 219

Иван IV (Грозный) – 11, 14, 16, 19, 40,
149, 176, 181, 182, 184, 185, 206–208,
210, 213–217, 219, 220, 227, 231, 232,
236–240, 242, 244–248, 260, 264, 268,
274, 279, 280, 326, 329–335, 337, 358,
374

Иванов А.Е. – 24, 358

Иванова Л.В. – 258

Иванов Ю.Ф. – 25, 94, 193, 356

Иванова Т.Н. – 31, 358

Ивина Л.И. – 261, 326

Иконников В.С. – 77

Иллерцкий В.Е. – 335

Ильин И.В. – 350

Ильин И.Н. – 374

Иоаким, архимандрит – 305
 Ипполитов Г.М. – 32, 346, 358
 Исаев Д.П. – 32, 358

К

Кабанов В.В. – 335
 Кавелин К.Д. – 214
 Казаков Р.Б. – 12, 33, 41, 346, 354, 359, 370
 Казаковы – 180
 Казарин А.И. – 237
 Калачев Н.В. – 175
 Калистратова Т.И. – 24, 359
 Каменцева Е.И. – 98, 99, 248, 267, 359
 Каннингем У. – 60, 336
 Карамзин Н.М. – 29, 207, 214, 225, 239, 361
 Карев Д.В. – 25, 94, 192, 193, 356, 359
 Кареев Н.И. – 97, 98, 281, 336, 364
 Карпов Г.Ф. – 128
 Карпюк С.Г. – 194, 195, 359
 Карсавин Л.П. – 54, 225, 226, 336, 369
 Катаев И.М. – 298
 Катаев Н.М. – 45
 Кауфман И.И. – 62, 63, 119, 336
 Кафенгауз Б.Б. – 199, 221
 Кашаев В.Е. – 353
 Каштанов С.М. – 257, 258, 260, 261, 326, 330, 332, 340, 342, 350, 357
 Кизеветтер А.А. – 146, 336
 Кикины – 180
 Кириллова М.Н. – 194, 359
 Киселев М.А. – 23, 28, 41, 157, 167, 359
 Киселев П.Д. – 162, 334
 Киссель М.А. – 360
 Кистерев С.Н. – 18, 360
 Клейн В.К. – 127, 128, 129, 130, 336
 Климов В.А. – 12, 360
 Клюев А.И. – 24, 356
 Ключевский В.О. – 19, 24, 25, 27, 35, 48, 51, 59, 61, 68, 74, 95, 99–101, 146, 169, 209, 214, 220, 227, 261, 292, 329, 336, 355, 365, 367, 374, 377
 Князев Г.А. – 326
 Кобрин В.Б. – 15, 35, 37, 43, 237, 238, 243–246, 249, 251–253, 259–262, 264, 267, 270, 335–337, 342, 348, 352, 366
 Ковалев М.В. – 28, 356
 Ковальченко И.Д. – 267, 335, 341
 Ковеля В.В. – 26, 377
 Козлов В.П. – 374

Козляков В.Н. – 249
 Колеватов Д.М. – 267, 269, 360
 Коллингвуд Р.Дж. – 51, 75, 360
 Коломоец Е.Н. – 353
 Колтовские – 209
 Колякова И.В. – 43, 377
 Кондуфор Ю.Ю. – 354
 Кончаловский Д.П. – 133, 363
 Копанев А.И. – 35, 252, 253, 261, 337, 343
 Копылов О.Н. – 350
 Корецкий В.И. – 237, 243
 Корзинин А.Л. – 18, 181, 192, 360
 Корзун В.П. – 8, 24, 25, 27, 29, 32, 36, 41, 79, 84, 85, 128, 225, 261, 267, 269, 352, 354, 355, 360–362, 365, 368, 372, 378
 Коробков Н.М. – 204–206, 331
 Королюк В.Д. – 237
 Коротков И.А. – 237
 Костомаров Н.И. – 207
 Костылев В.И. – 14, 331
 Котляков В.М. – 196, 358
 Красулин И. – 122, 123, 311, 312, 329
 Крачковский И.Ю. – 229
 Кривоногов В.Я. – 28, 359
 Кривошеев Ю.В. – 26, 341, 361
 Крих С.Б. – 23, 167, 194, 195, 359, 361
 Кром М.М. – 181, 245, 274, 337, 361, 362
 Кротов А. – 169, 352
 Крузе Э. – 209
 Крючков И.В. – 354
 Ксенофонтова А.С. – 234, 332
 Кудрявцев И.А. – 335
 Кудряшов К.В. – 10, 192, 337
 Кузнецов С.К. – 193
 Кузьмина В.Д. – 247
 Кукарцева М.А. – 353
 Кулаковская О.Ю. – 355
 Кулаковский Ю. – 98, 337
 Кулешов А.С. – 270, 337
 Курбский А.М. – 249
 Курмачева М.Д. – 237, 337
 Кутузовы – 244
 Кутыкова И.В. – 9, 362
 Кучкин В.А. – 238, 337

Л

Лавеле Э.Л.В. де – 161
 Лазарева Е.М. – 355
 Лазарь, поп – 122, 123, 304–307, 311, 312, 329, 333
 Ланглюа Ш.-В. – 97, 208, 211, 337

- Лаппо И.И. – 76
 Лаппо-Данилевский А.С. – 25, 26, 27, 53, 84, 90, 91, 97, 99, 100, 117, 257, 261, 267, 269, 273, 290, 295, 337, 352, 353, 360, 361, 363, 367, 368, 372, 377
 Лаппо-Данилевский И.А. – 25, 361
 Лапшин И.И. – 25, 368
 Лебедев В.И. – 203
 Левина С.А. – 349
 Левшин Б.В. – 230–232, 234, 262, 325, 327, 329, 331, 332, 334, 336–338, 340, 349, 354
 Ленин-Ульянов В.И. – 26, 202, 279, 338, 341, 361, 363
 Леонов, букиннист – 309, 310
 Леонтьева Г.А. – 267, 336
 Леонтьева О.Б. – 8, 27, 362
 Лермонтов М.Ю. – 43
 Лже-Дмитрий – см. Цветаев Д.В.
 Лиманова С.А. – 358
 Линдеман И.К. – 152
 Линков Я.И. – 237
 Литвина А.Ф. – 270, 338, 348
 Лихацкий А.А. – 79, 362
 Лихачев Н.П. – 35, 100, 102, 106, 167, 250, 312, 338, 351
 Логунов А.П. – 353
 Лопаткин М.М. – 46, 328
 Лоуэнталь Д. – 143, 362
 Лукин Н.М. – 261, 364
 Лукомский В.К. – 179
 Лысенко Т.И. – 326
 Львов Л.И. – 10, 121, 338
 Любавский М.К. – 25, 68, 90, 94, 138, 152, 192, 193, 296, 329, 338, 342, 356, 359, 363, 372, 378
 Люблинская А.Д. – 327
- М**
 Мавродин В.В. – 164, 338
 Мазур Л.Н. – 77, 362
 Макарий, митрополит – 247
 Макаров А.Г. – 42, 331, 337, 347, 348
 Максимович Г.А. – 146, 338
 Маловичко С.И. – 29, 32, 33, 52, 165, 359, 362, 363
 Малюгин О.И. – 133, 363
 Мамай, хан – 202
 Маматова Е.П. – 249
 Мамонтов А.И. – 302
 Мамонтова М.А. – 25, 36, 360, 378
 Мандрик М.В. – 26, 341, 363, 378
 Мандрика Ю.Л. – 344
 Марасинова Л.М. – 248
 Матвеев С.Р. – 9, 157, 363
 Махнарёв А.Л. – 221, 363
 Медушевская О.М. – 25, 193, 335, 346, 363, 373
 Мейнеке Ф. – 225
 Мейтленд Ф.У. – 159
 Мельгунов С.П. – 79, 134
 Мельников А.В. – 26, 340, 347, 378
 Меньшикова А.А. – 17, 363
 Метель О.В. – 24, 76, 144, 150, 162, 171, 177, 221, 261, 281, 356, 364
 Мешалин И.В. – 200
 Милов Л.В. – 35, 81, 255, 268, 338
 Мильготина Л.З. – 326
 Милоков П.Н. – 27, 36, 37, 48, 58, 59, 90, 91, 148, 257, 338, 349, 353, 360
 Минц И.И. – 231, 268, 335, 349
 Митрофанов В.В. – 25, 349, 364
 Михаил Федорович, царь – 25, 51, 55, 56, 62, 67, 69, 74, 108, 276, 328, 332, 339, 341, 344, 365
 Михальченко С.И. – 76, 364
 Мишулин А.В. – 195
 Мордовина С.П. – 249
 Морозов Б.Н. – 249
 Морозов О.В. – 79, 364, 365
 Морозовы – 244
 Мрочек-Дроздовский П.Н. – 44, 96, 339
 Муравьев В.А. – 17, 333, 370
 Муравьевы – 180
 Муса М. – 191
 Мягков Г.П. – 24, 27, 29, 31, 358, 361, 364, 365, 367
 Мякотин В.А. – 57, 339
- Н**
 Назаров В.Д. – 13, 14, 26, 163, 251, 260, 275, 326, 350, 365
 Наполеон – 162, 354
 Насонов А.Н. – 200
 Настусевич С.В. – 30, 365, 378
 Неберекутина Е.В. – 347
 Неволлин К.А. – 148
 Недашковская Н.И. – 361
 Несмеянов А.Н. – 229
 Несторовы – 180
 Нечкина М.В. – 18, 24, 339, 358, 365, 369

Никитина Л.А. – 326
 Николаев В.Г. – 355
 Николаев, букинист – 309
 Никольский Н.К. – 74
 Никольский Н.М. – 133, 363
 Новосельский А.А. – 177, 222, 229, 230,
 233, 323, 327, 339
 Новосильцевы – 244
 Носов Н.Е. – 237, 253, 339

О

Образцов Гр. – 104
 Оглоблин Н.Н. – 49
 Оглоблин Н.Я. – 332, 342
 Одинокоев А.Н. – 349
 Озеров И.Х. – 44
 Олег Рязанский – 202
 Ольденбург С.Ф. – 128, 171, 352
 Опшерман К.И. – 202
 Орель Ж. – см. Aurel J.
 Орлов А.С. – 304, 317, 319
 Орлова Г.А. – 195, 196, 365
 Осипова Н.М. – 12, 365
 Островская М.А. – 66, 79, 80, 81, 257, 328,
 339, 354

П

Павленко Н.И. – 37, 221, 231, 250, 263,
 264, 335, 344, 349, 354, 374
 Павлов А.П. – 251, 252, 340
 Павлов, фотограф – 306, 308
 Павлов-Сильванский Н.П. – 148, 243
 Павловская С.В. – 36, 378
 Панеях В.М. – 244, 366
 Панов В.А. – 200
 Панфилова А.К. – 332
 Панченко Е.З. – 80, 354
 Пашков А.М. – 98, 378
 Пашуто В.Т. – 237
 Перцов В.Н. – 175, 204, 330, 352
 Петр I – 23, 58, 85, 86, 157, 167, 214, 327,
 338, 359
 Петров Ю.А. – 364, 372, 379
 Петрова В.Ф. – 350
 Петровская И.Ф. – 31, 366
 Петрушевский Д.М. – 76, 138, 281, 364
 Петрушевский И.П. – 198, 199
 Пивоварова О.Г. – 26, 378
 Пионтковский С.А. – 37, 138, 348
 Пичета В.И. – 201, 228, 229, 350

Платонов С.Ф. – 24, 25, 35, 36, 67, 69, 74,
 77, 79, 88, 89, 99–101, 145, 146, 167,
 209, 214, 217, 243, 268, 289, 290, 291,
 293, 294, 296, 300, 304, 329, 334, 338,
 340, 343, 345, 347, 349, 354, 360, 364,
 365, 367, 378
 Платонова Н.Н. – 289, 349
 Плех О.А. – 364
 Плешков А.А. – 75, 263, 272, 362, 363, 366
 Плигузов А.И. – 249
 Погодин М.П. – 214
 Подушка И.В. – 191
 Пожарский Д. – 104
 Покровский М.Н. – 168, 261, 281, 352, 355
 Покровский Н.Н. – 248, 249
 Покровский С.А. – 157, 237
 Полетаев А.В. – 41, 140, 226, 273, 360,
 368, 369
 Полонский В.В. – 369
 Поляков И.А. – 20, 228, 261, 270, 366
 Попова О.Н. – 90
 Попова Т.Н. – 30, 366
 Поршнев Б.Ф. – 237
 Потехина И.П. – 349
 Преображенский А.А. – 258
 Пресняков А.Е. – 10, 25, 26, 52, 53, 83, 99,
 144, 145, 147, 148, 295, 300, 340, 353,
 367
 Пригорин Ф.Я. – 326
 Про А. – 42, 366
 Прозоровский Д.И. – 59, 340
 Пронштейн А.П. – 256, 257, 267, 268, 340,
 341
 Простоволосова Л.Н. – 24, 170, 264, 348,
 366
 Пушешников Н.А. – 89
 Пушкин А.С. – 180, 190, 191, 231, 232,
 332
 Пушкин М.Р. – 191
 Пчелов Е.В. – 12

Р

Радлов Э.Л. – 64, 79
 Райнов Т.И. – 165, 166, 341
 Рамазанов С.П. – 8, 366
 Ранке Л. фон – 225
 Ревель Ж. – 36, 366
 Редега, князь – 245
 Рейтблат А.И. – 225, 366
 Репина Л.П. – 9, 24, 29–31, 33, 34, 52, 358,
 361, 363, 365, 367, 370, 379

- Рогов А.И. – 248
Рогожин Н.М. – 249
Родигина Н.Н. – 271, 333
Рождественский С.В. – 300
Рожков М.К. – 147
Рожков Н.А. – 65, 147
Рожкова М.К. – 341
Романов Б.А. – 10, 153, 162, 164–166, 260, 341, 349
Ростовцев Е.А. – 25, 27, 261, 273, 349, 367
Рубинштейн Н.Л. – 168, 169, 263, 341
Румянцева М.Ф. – 25, 29, 32–34, 41, 52, 75, 165, 208, 249, 287, 335, 346, 359, 362, 363, 367, 368, 370
Русина Ю.А. – 272, 342
Рыбаков Б.А. – 230, 231
Рыков Ю.Д. – 249
Рябушинские – 310
Рябушинский – 310
- С**
- Савва В.И. – 67, 68, 76, 342
Савельева И.М. – 33, 41, 140, 226, 266, 270, 273, 358, 360, 368, 369
Савин А.Н. – 37, 89, 349
Савич А. – 256
Садиков П.А. – 220, 243, 335
Сажин В.Н. – 350
Саларев Д. – 191
Сальников Ю.Ф. – 237
Самнер Мэн Г. Дж. – 159
Самойлович А.Н. – 352
Самоқвасов Д.Я. – 44, 51, 374
Сафронова Т.В. – 347
Сахаров А.М. – 237, 331
Сахаров А.Н. – 350, 368, 369, 371
Свак Д. – 243, 368
Свешников А.В. – 27, 36, 78, 225, 226, 353, 360, 368, 369
Седашев В.Н. – 74
Селиванова О.В. – 26, 369
Семенов Ю.И. – 337
Семенченко Г.В. – 243, 342
Сеньобос Ш. – 97, 208, 211, 337
Сербина К.Н. – 199, 200
Сергеевич В.И. – 35, 96, 148, 342
Серебрякова А. – 337
Середонин С.М. – 193
Серых А.А. – 27, 369
Сибом Ф.А. – 159
Сидоров А.И. – 18, 33, 34, 362, 369
Сидорова Л.А. – 17, 18, 20, 23, 133, 134, 192, 369, 370
Сиренов А.В. – 336, 340
Сифферлен Е.Е. – 37
Скворцов А.М. – 27, 378
Скрынников Р.Г. – 35, 243, 246, 247, 259, 260, 270, 340, 343
Смагина Г.И. – 373
Смирнов И.В. – 241, 343
Смирнов И.И. – 169, 214, 237, 252, 253, 260, 343
Смирнов П.П. – 76
Смирнова Т.Г. – 99, 370
Снегирев В.Л. – 204, 205, 206, 331
Соболева Н.А. – 248, 370
Соколова И.И. – 355
Соколовский П.Е. – 44
Соллогуб В.А. – 43, 44
Солнцева В.Г. – 10, 169, 343
Соловьев С.М. – 58, 59, 214, 261, 343, 371, 372
Соломонов В.А. – 347
Спиноза Б. – 46, 47, 328
Споров Д.Б. – 16, 21, 349, 370
Сталин И.В. – 135
Станиславский А.Л. – 24, 170, 234, 249, 251, 252, 255, 264, 324, 325, 340, 348, 366
Сташевский Е.Д. – 28, 56, 74–77, 81, 103, 110, 328, 344, 355, 364
Степанов Б.Е. – 41, 225, 226, 369
Сторожев В.Н. – 95, 344
Страда В. – 238
Строгановы – 193
Сурман Я.Я. – 75, 366
Сухтелен П.К. – 202
Сыроечковский В.Е. – 177
Сыромятников Б.И. – 182
Сэй Ж.-Б.Л. – 60
- Т**
- Тарле Е.В. – 229
Татищев В.Н. – 149
Таубе И. – 209
Твардовский А.Т. – 240
Теплицын В.Л. – 349
Тиктин Н.И. – 96, 97, 344
Тимофеев И. – 270, 338
Тихомиров М.Н. – 26, 37, 197, 198, 200, 201, 203, 229–231, 234, 247, 260, 264, 267, 323, 330, 334, 338, 344, 347, 374, 377

Тихонов В.В. – 19, 20, 22, 23, 26, 27, 41, 55, 65, 76, 81, 83, 84, 90, 99, 114, 115, 137, 143, 144, 153, 158, 162, 167, 180, 194, 195, 261, 347, 350, 370, 371

Тихонов Ю.А. – 256

Тихонова З.Н. – 351

Ткаченко Ю.В. – 366

Товарка Ф. – 191

Токвиль А. де – 225

Толстой А.Н. – 14, 330, 374

Топычканов А.В. – 25, 193, 372

Тошгендалъ Р. – 97, 98, 372

Трапш Н.А. – 25, 372

Третьяков П. – 112

Трибунский П.А. – 349, 367

Тропп Э.А. – 373

Трубецкой Д. – 104

Тюкавкин В.Г. – 336

У

Уваров С.С. – 128

Уваровы – 180

Удальцов А.Д. – 197

Урусова Е.П. – 314

Успенский Ф.Б. – 270, 338

Устрялов Н.Г. – 207

Устюгов Н.В. – 26, 142, 198, 200, 209, 222, 230, 231, 232, 260, 327, 339, 377

Утехин С. – 348

Ф

Фадеев И.М. – 309

Фатеев М.А. – 271, 333

Фатенков А.Н. – 371

Фёдор Иоаннович, царь – 149

Фёдоров А.Н. – 270, 372

Федоров, боярин – 17, 253

Фешкин В.Н. – 25, 378

Фомина З.В. – 364

Фролов А.А. – 65, 81, 255, 256, 372

Фролова И.И. – 327

Фюстель де Куланж Н.Д. – 159, 212

Х

Хаминов Д.В. – 167, 372

Хартанович М.Ф. – 24, 99, 372

Хейзинга Й. – 225

Хлудов А.И. – 310

Хлудова – 310

Ховра Г. – 191

Хорошкевич А.Л. – 326, 348, 350

Хоруженко О.И. – 12, 354

Хорхордина Т.И. – 24, 373

Хохлов Р.Ф. – 238, 240, 344

Хрущевы – 209

Ц

Цамутали А.Н. – 349

Цветаев Д.В. – 185, 314–317

Цветаева М. – 37, 348

Цыганков Д.А. – 27, 373

Цыпкина А.Г. – 26, 369

Ч

Чаговец В.А. – 75

Чеканцева З.А. – 7, 373

Ченслер Р. – 147

Чепчугов Ст. – 104

Черепнин Л.В. – 11, 13, 14, 21, 26, 35, 37, 45, 50, 83, 84, 92, 93, 145, 158, 163, 172, 177, 229, 231, 237, 253, 254, 257–261, 263, 264, 269, 275, 323, 344, 345, 350, 365, 374

Чернобаев А.А. – 12, 272, 335, 365, 379

Чет, мурза – 156

Чечулин Н.Д. – 84, 290

Чижев С.И. – 63, 258

Чирков С.В. – 98, 99, 100, 374

Числов П.И. – 44

Чичерин Б.Н. – 161

Чубарьян А.О. – 379

Чумаченко Э.Г. – 234, 325, 327, 331, 337, 354

Чуркин М.К. – 361

Ш

Шакиров Р.С. – 349

Шапиро А.Л. – 256, 257, 267, 268, 345

Шапорина Л.В. – 133, 350

Шарова А.В. – 349

Швейковская Е.Н. – 26, 374

Шевяков В.Н. – 237

Шереметев С.Д. – 316

Шибанов П.П. – 309

Шиндель (Лазарев) Л.И. – 241, 345

Широков О.Н. – 355, 369

Шишкин В.А. – 366

Шишов В.О. – 273, 367

Шлихтинг А. – 209

Шмидт С.О. – 26, 237, 246, 247, 328, 330, 337, 339, 347, 349, 354, 357, 359, 365, 372, 374

Шокарев С.Ю. – 16, 18, 19, 21, 51, 61, 208, 342, 370, 374

Шорин П.А. – 267, 336

Шохин Л.И. – 24, 49, 375

Штаден Г. – 209
Шуйский В. – 62, 63, 258, 331
Шунков В.И. – 198, 230, 231, 232, 330

Э

Эммонс Т. – 348
Эскин Ю.М. – 337

Ю

Юрганов А.Л. – 16, 23, 347, 375
Юшков А.И. – 102, 338
Юшков С.В. – 9, 155, 168, 375

Я

Ягайло – 202
Яковлев А.И. – 19, 26, 50, 74, 99, 100, 138,
157, 163, 172, 186, 258, 265, 292–294,
296, 317, 319, 328, 336, 340, 345, 355,
361, 369, 370, 371
Яковлев Г. – 122, 123, 308, 311, 312, 329, 333
Яковлев С.П. – 329
Янин В.Л. – 257, 365
Яцунский В.К. – 190, 192, 193, 199, 230,
323, 373, 375

А

Akelev E.V. – 48, 270, 375
Aurell J. – 226, 238, 375

В

Baehr P. – 226, 242, 375
Banner L.W. – 31, 375
Brandenberger D. – 216, 375

Д

Davis M. – 27, 375
Dewey H.W. – 11, 235, 345

Н

Haidt J. – 77, 375
Halperin Ch.J. – 221, 376
How A.R. – 226, 376

Ж

Joukovskaia A.V. – 48, 270, 375

М

Matossian M.K. – 11, 345
Merton R.K. – 115, 158, 226, 376
Miller D.B. – 11, 235, 346

Н

Nasaw D. – 32, 376

Р

Paul H. – 75, 376
Perrie M. – 216, 346, 376
Platt M.F.K. – 216, 375

Р

Richards J.R. – 31, 376
Rotberg R.I. – 31, 376
Rüsen J. – 9, 376

С

Say L. – 60, 346
Stets J.E. – 77, 377

Т

Turner J.H. – 77, 377

У

Uroff B. – 11, 235, 346

В

Vernadsky G. – 10, 346

W

Woolf D. – 34, 346, 377
Wozniak R.H. – 226, 377

Издания АИРО-XXI в 2023–2025 гг.

2023

- Афанасьева М.Б.* История Николаевского кавалерийского училища (1823–1917 гг.) – М.: Пробел 2000, 2023. – 272 с. – (Серия «АИРО – первая монография»)
- Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историй. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Пробел 2000, 2023. – 412 с.
- Козн Стивен.* Война с Россией? – М.: «Пробел 2000», 2023. – 268 с.
- Лаврентьева М.Ю.* Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Петришина И.Д.* Крестьянское хозяйство Черноземного центра в годы новой экономической политики: 1921–1929 гг. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- РУССКАЯ СУДЬБА : Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Козна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023. – 388 с. : ил. – (Серия «АИРО-XXI – Первая публикация»).
- СССР-100: реконструкция истории и юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 544 с. : ил.
- Тартаковский А.Б.* Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Шербина С.П.* Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.

2024

- Ажгихина Надежда.* Детский сад. – М. : АИРО-XXI ; Пробел-2000, 2024. – 200 с.
- Алмазов М.Г.* Московская власть в борьбе с революцией накануне и во время Декабрьского вооруженного восстания (октябрь–декабрь 1905 г.) / После­словие Дмитрия Андреева. – М. : Пробел-2000, 2024. – 624 с.
- Барбаши В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю.* Гибридные и информационные войны. Учебное пособие. – М.: Пробел-2000, 2024. – 312 с.
- Бордюгов Г.А.* История как конъюнктура. – М.: Пробел-2000, 2024. – 268 с.
- Бордюгов, Геннадий Аркадьевич.* Биобиблиография-70 / Сост. О. Пруцкова, С. Щербина ; Предисл. Дм. Андреева. — Изд. 2-е, расшир. и доп. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 232 с. : ил.
- Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ. Учитель. Ученый. Человек. Сост.: Г.А. Бордюгов, И. Ли. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 300 с. : ил.
- Вадим Сидур: «Мир без человека мне не интересен». В 2-х частях. Часть I. Эдуард Гладков «В памяти и на фотопленке». Альбом фотографий. – М.: АИРО-XXI, 2024.
- Вадим Сидур: «Мир без человека мне не интересен». В 2-х частях. Часть II. «Однажды они спустились в подвал». Друзья, почитатели вспоминают... – М.: АИРО-XXI, 2024.

- Выжурович В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашили.-2-е издание. – Москва : Пробел-2000, 2024. – 144 с.
- Захарова Э.О.* Чиновник особых поручений Андрей Заблоцкий-Десятовский. – М. : Пробел 2000, 2024. – 296 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Нельская-Сидур Юлия.* «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. Изд. 3-е, исправленное. – М.: АИРО-XXI, 2024. – 1080 с.
- Носков В.Ю.* Великая Отечественная: военное детство в советской пропаганде и памяти поколения (на материалах Донбасса). – М.: Пробел 2000, 2024. – 240 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Опережающий время: Вячеслав КОНОВАЛОВ. – М.: Пробел-2000, 2024. – 200 с.
- Четырина Н.А.* Реестр записей частных условий и контрактов ратуши Сергиевского посада (1790–1864 гг.). – М.: Пробел-2000, 2024. – 340 с.

2025

- Нина Гросул-Войцеховская. ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА. – М. : Пробел-2000, 2025. – 148 с. : ил.
- Норенкова И.Д.* Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX–XX веков / Послесловие А.П. Шевырева. – М. : Пробел 2000, 2025. – 248 с. – (Серия «АИРО – первая монография»)
- Феномен Нагавкина / Сост. Г.А. Бордогов, Е.Е. Голубева. Электронная версия. – М.–СПб., 2025. – 152 с. : ил.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

В Бесплатной библиотеке АИРО вы можете взять
более 150 электронных книг, изданных АИРО-XXI

Темурмалик Комилджонович ХОЛМАТОВ
Степан Борисович Веселовский:
опыт интеллектуальной биографии

ISBN 978-5-98604-993-9

www.airo-xxi.ru
E-mail: sp@scherbina.net

Подписано в печать с оригинал-макета 17.02.2025

Формат – 60×90/16. Усл. печ. Л. 24.5

Тираж – 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 111033, г. Москва, Золоторожский Вал, Д. 11, стр. 26
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru